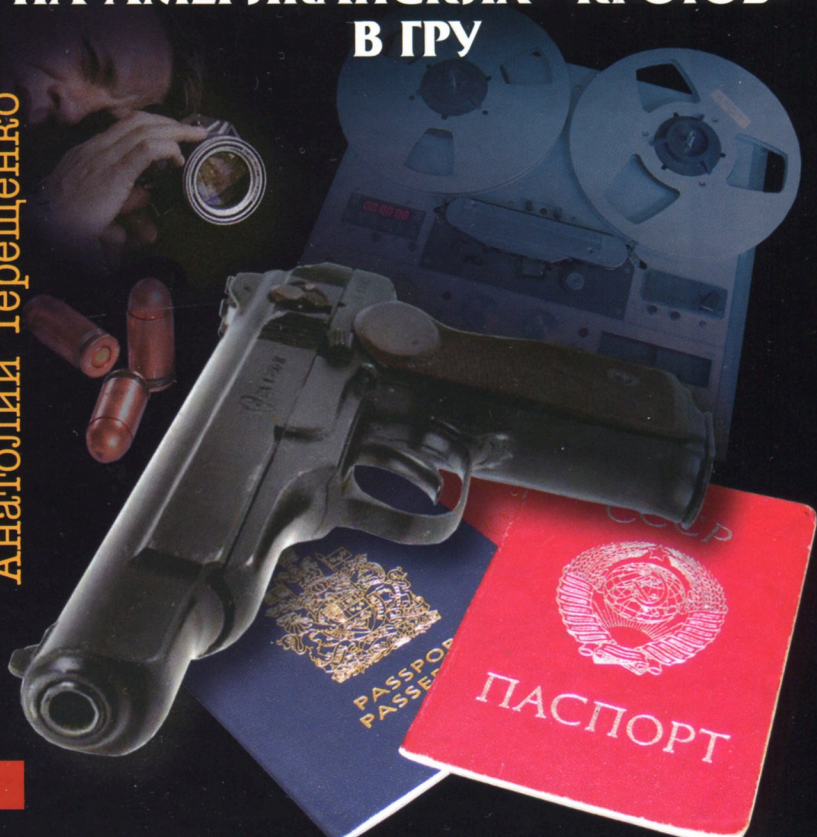

«С М Е Р Т Ь   Ш П И О Н А М !»

НАСЛЕДНИКИ СМЕРША

ОХОТА
НА АМЕРИКАНСКИХ «КРОТОВ»
В ГРУ

Анатолий Терещенко

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

СМЕРШ

Анатолий Терещенко

**Наследники
СМЕРША**

Охота на американских «кротов» в ГРУ

Москва
«ЯУЗА»
«ЭКМО»
2010

Оформление художника *П. Волкова*

Терещенко А. С.

Т 35 Наследники СМЕРШа. Охота на американских «кротов» в ГРУ / Анатолий Терещенко. — М. : Яуза : Эксмо, 2010. — 512 с.

ISBN 978-5-699-35551-8

История легендарного СМЕРШа, по праву считающегося лучшей военной контрразведкой в мире, не закончилась в 1946 году, когда ГУКР «Смерть шпионам!» было официально расформировано, — ветераны этого грозного ведомства и их молодые коллеги, сотрудники Третьего управления и Особых отделов КГБ, продолжили тайную войну против нового противника — спецслужб США. В последующие годы нашим военным чекистам удалось нейтрализовать и обезвредить фактически всех американских «кротов» в ГРУ.

Автор этой книги, ветеран военной контрразведки, лично участвовал в операциях по разоблачению кадровых сотрудников ГРУ, вставших на путь предательства, и в своем уникальном исследовании подробно и точно, в мельчайших деталях, рассказал об этой сложнейшей работе, многие нюансы которой рассекречены лишь теперь. Здесь впервые раскрыты подробности охоты на главного американского «крота» — агента «Бурбона», генерал-майора ГРУ Д. М. Полякова, который сотрудничал с ЦРУ более четверти века, но в конце концов был разоблачен нашей контрразведкой, задержан, осужден и расстрелян.

УДК 93/94
ББК 63.3(2Рос)8

ISBN 978-5-699-35551-8

© Терещенко А. С., 2010
© ООО «Издательство «Яуза», 2010
© ООО «Издательство «Эксмо», 2010

Часть первая

ОХОТЯСЬ НА ШПИОНОВ

Есть преступления, которые не искупаются, —
это измена Родине.

П. Буаст

Предисловие

Родину, как и мать, не выбирают. Она дается с рождения. Большая Родина, что бы кто ни говорил, начинается с Малой. С той, где родился, где прошло твоё детство, где живут или жили твои родители и дальние предки, где впервые почувствовал себя сильным, способным защитить родное и близкое — родню, друга, отчий дом, родную землю.

Нам дороги родители, милы дети и внуки, близки родственники и друзья. Но все представления о любви к ним соединены в одном слове — Отчизна!

«Какой честный человек, — говорил Цицерон, — станет колебаться умереть за нее, если он может принести этим пользу». К сожалению, новые времена внесли немало коррективов в этот афоризм.

Не приемлю политиков-временщиков, заботящихся только о своем благополучии, путающих власть с бизнесом. А ведь сила патриотизма напрямую зависит от веры людей в добропорядочность и честность, смелость и спокойствие своих венценосцев, слова которых должны органически вплестаться в дела, направленные на процветание державы.

Для военных людей, соединяющих слово и дело в единый узел, патриотизмом является защита государства от внешних посягательств. Для военных же контрразведчиков — это прежде всего обеспечение безопасности частей и подразделений, их мозговых центров — штабов всех степеней и борьба с вражески-

ми акциями иностранных разведок по внедрению своей агентуры в войска.

Автору этих строк в течение более четверти века довелось заниматься оперативной деятельностью в системе военной контрразведки. Большая часть службы была отдана контрразведывательному обеспечению ГРУ ГШ ВС СССР — одному из основных объектов первоочередных устремлений ЦРУ США. За период с 70-х по 90-е годы военным чекистам удалось выявить и обезвредить ряд агентов вражеских спецслужб из числа советских военнослужащих. Все, без исключения, это были люди, пошедшие на предательство из корыстных соображений.

События, излагаемые в книге, основаны на документальных материалах. Однако по оперативным и этическим соображениям фамилии некоторых героев и антигероев, а также названия мест событий изменены. Они обозначены звездочками.

Цель написанного — не только популяризация высокого профессионального уровня коллег, оболганных сегодня «четвертой властью». Главное — это предупреждение о том, пока существуют государства, независимо от «теплоты» отношений их руководителей между собой, будут активно функционировать разведки, использующие на полях невидимых сражений самые передовые технологии и достижения человеческого разума. Автор этих строк сделал все что мог, чтобы воскресить в памяти поединки военной контрразведки со спецслужбами США в удаляющиеся 1980-е годы. Кто может, пусть сделает лучше.

Тешить себя иллюзиями о паритетном сокращении усилий «больше знать о партнере» — величайшее заблуждение. Помешать же иностранным разведкам в поисках государственных секретов — важнейшая задача контрразведывательных органов любого государства.

В книге показана конкретная работа военных контрразведчиков последних лет существования нашей общей Родины — СССР. Автор размышляет о политике, роли личности в истории, показывает фрагменты событий 1991 и 1993 годов, похоронивших веру в чистоту власти.

К сожалению, за годы «реформаторства» много шансов наладить нормальную жизнь было упущено. Своего пути в лечении

социальных болячек мы не искали, а все надеялись на забугорного терапевта. Но такие эскулапы помогали только в разоружении армии и откачке природных ресурсов.

Добить бывшее величие сверхдержавы, с которой считался весь мир, — вот главная задача радетелей российского благополучия в области «свобод и демократии». Эти кукловоды через своих послушных марионеток уже натворили много такого, что народам России придется разгребать десятилетиями для восстановления прежнего уровня человеческого бытия.

Трижды прав великий философ современности Александр Зиновьев, сказавший, что «перестройщики» и «реформаторы» причинили зла простым людям во сто крат больше, чем сталинисты.

История России — это история почти что постоянно осажденной крепости. Войны изматывали и закаляли ее одновременно. Подумайте только: с 1365 по 1893 год, то есть за 500 с лишним лет, Россия, по подсчетам историков, 305 лет провела в войнах. Победить врагов помогали дух, вера и государственная организованность. Сегодня Россия только собирается с мыслями и готовится к делам, которых невпроворот от недавнего «демократического» безумия.

Часто люди задают вопрос: чем же отличается шпион от разведчика? На этот вопрос когда-то точно ответил американский исследователь «полей сражений на невидимых фронтах» Курт Зингер. В частности, он сказал: «Все вражеские агенты — это шпионы, все наши — разведчики». Так же часто рассуждаем и мы, только с обратным знаком.

Не столько от власти, сколько от самого народа зависит качество нашей жизни сегодня и в будущем. Именно народ должен нанимать власть и не просить, а жестко требовать от нее положительной отдачи. Работать на это должны мы все, чтобы могли честно сказать словами А. Твардовского:

Готовы были мы к походу.
Что проще может быть:
Не лгать, не трусить,
Верным быть Народу,
Любить родную землю — мать,
Чтоб за нее в огонь и в воду,
А если, то и жизнь отдать.

Только так мы можем выстоять в годину тяжелейших испытаний, выпавших на плечи униженной Отчизны, разрубленной недалекими политиканами-нехристями на кровоточащие куски.

Выстоять во имя Будущего Великой Родины — добрая и значимая цель!

Глава 1

Учебные будни

Жарким июньским днем 1963 года, отслужив три года срочной службы и оставив ставший родным полк во Львове, Николай Стороженко прибыл в Москву для сдачи вступительных экзаменов в Высшую школу КГБ при СМ СССР. До службы бредил небом — хотелось стать летчиком. Непременно истребителем. Зачитывался книгами о героях-летчиках, строил и поднимал в небо модели самолетов. Все ученические тетради и учебники у него были изрисованы винтокрылыми машинами. Пришло время — подал документы в училище ВВС, но заболел. Пока находился в больнице, завершились вступительные экзамены. Пришлось поступить в педучилище физического воспитания, благо с детства серьезно увлекался спортивной гимнастикой — готовил себя к профессии летчика: свободно крутил «солнышко» на перекладине, почти держал «крест» на кольцах, освоил связку — «рондат, фляк, сальто» в акробатике.

А ведь в провинциальном городке Сарны, затерявшемся в болотистом Полесье, где он рос, не было ни тренеров, ни хороших снарядов, ни спортивных залов. Ребята — любители этого вида спорта сами добывали программы, переписывали их в блокноты и самостоятельно разучивали гимнастические элементы и связки.

С этим багажом на уровне второго спортивного разряда он поступил в училище. Кумирами той поры для него были Виктор Чукарин, Валентин Муратов, Альберт Азарян, Борис Шахлин и другие прославленные мастера гимнастического многоборья. Фотографии этих спортсменов красовались на стенах комнаты в общежитии, на крышках картонных чемоданчиков, заполняли

листы фотоальбомов. Гимнастике он даже посвятил несколько юношеских стихотворений.

В армии продолжал заниматься этим видом спорта. Здесь же познакомился со старшим лейтенантом Ищенко, офицером — перворядником по акробатике. Он оказался «особистом» — сотрудником Особого отдела КГБ по Прикарпатскому военному округу (ПриКВО), к тому же земляком. Молодежь завидовала его мастерству в прыжках. Познакомились поближе. На одной из тренировок офицер спросил неожиданно:

— Коля, когда у тебя заканчивается служба? Какие планы?

— В этом году. Собираюсь поступать на журфак Львовского университета, — искренне ответил Николай.

— А что дальше? В лучшем случае ты станешь собкором районной газетенки или преподавателем в школе. Тебе нужно повидать мир, небось, кроме Украины, нигде не был. А ведь есть возможность посмотреть Россию, а там, если повезет, то и за границу, — загадочно говорил офицер.

— Юрий Иванович, о чем речь?

— А не поступить ли тебе в Высшую школу КГБ? По моим наблюдениям, из тебя получится оперативник. Работа интересная, ответственность — государственная. Попробуй... Тут и материальная сторона: вечный студент для родителей, согласись, тяжелая ноша.

— Вообще-то верно. Если бы не родители, то на 14 рублей стипендии я бы не прожил. Да еще при таких физических нагрузках: тренировки пожирают уйму калорий.

— Ну вот, а ты хочешь вновь сесть на шею старикам. Подумаешь, но думай недолго. Жду ответа на следующей тренировке. Я тебе добра желаю...

Когда Николай принял окончательное решение, то написал родителям. Отец неожиданно приехал в часть, а когда узнал, где сын собирается учиться, то развел руками:

— Жаль, хотел тебя видеть машинистом локомотива... но неволить не буду. Нужно дело — защитник Родины. Твой дед был героем-казачком. Брат деда — офицером в армии Самсонова. Оба смело дрались в Первую мировую, защищая Отчизну, которой присягали на верность. Имей в виду — у чекистов меч

обоюдоострый, он сшибал головы врагам настоящим и мнимым. Сколько попадало под его острие невинных, только бог знает. Я пережил то страшное время. Будь справедлив и щедр на доброту. Не забывай в человеке людское, когда придется решать судьбы людей... Верь в людей, но вера без дел мертва...

Николай был поражен словами никогда не говорившего на серьезные темы отца, окончившего всего четыре класса сельской школы. Жизненный опыт — пережитые коллективизация и репрессии тридцатых годов, вся война от звонка до звонка в паровозной будке, не защищавшей от осколков и пуль, участие в Сталинградской эпопее, потери товарищей — воспитал в нем порядочность и смелость, терпимость и деловитость, умение сказать емко правду в глаза...

И вот она, желанная Москва, которой «в детстве кто не бредил». Сразу же с Киевского вокзала, закинув вещмешок на плечи, Николай отправился на Красную площадь, увидеть Кремль — живую историю и место, с которого начиналась и начинается столица.

Память в воспоминаниях почему-то переместила его в недавнее, но уже прошлое, когда он, сильный и стройный, по приглашению судьбы шел гордой походкой к спортивному снаряду. Вспомнились тренировки в армейском спортклубе (СКА) ПрикВО, где практически случайно решилась его судьба...

Сданы вступительные экзамены. На темно-зеленой гимнастерке появились курсантские погоны. Учеба шла по накатанной колее — лекции, семинары, практические занятия. Гимнастику не бросил. Сначала возглавил команду гимнастов на факультете, а затем и всего вуза. Это были упражнения для тела, но нужно было что-то и для души. Вскоре организовалась группа энтузиастов: вместе ходили по музеям, на выставки, в театры и кино. Особенно любили вечера поэзии.

На первом же курсе Николай записался в центральную библиотеку страны — «Ленинку», которую посещал каждую субботу. Копался в редких книгах, открывал забытые имена поэтов, искал ответы на философские вопросы. Это был ренессанс души.

Когда он прочитал только что вышедшую поэму Егора Исаева «Суд памяти», то, не имея возможности приобрести книгу, сидел целую ночь, переписывая произведение в тетрадь, — так тронули и понравились звонкие по звучанию и глубокие по смыслу строки мастера стихотворного слова.

Учеба в Москве обогащает любого, пытливые умы с периферии — вдвойне. Шестидесятые годы были годами расцвета поэзии, диспутов-дуэлей между «физиками и лириками». Часто проходили поэтические вечера, собиравшие в основном студенческие массы. Молодежь увлекалась творчеством Е. Евтушенко, Р. Рождественского, Ю. Друниной, Б. Ахмадулиной, А. Вознесенского и других.

В его памяти до сих пор четко запечатлелся большой вечер во дворце культуры «Крылья Советов», где в течение двух часов стихи читал фронтовик Эдуард Асадов. Он был любимцем студенчества. Подобные вечера являли собой настоящие праздники души с радостью живого общения с кумирами. Любители стихов тех лет охотились за сборниками «День поэзии». Читались эти альманахи с превеликим удовольствием...

И в то же время шла серьезная подготовка к будущей работе. Знакомясь со специальной литературой об операциях, проведенных чекистами в разное время, особенно в военное, он восторгался умом и хладнокровием оперативников, вязавших тончайшие сети разработок, в которые попадали опытные агенты противостоящих спецслужб, создававших осиные гнезда в стране.

По мере знакомства с материалами о действиях ЦРУ и ФБР США приходилось все глубже понимать сущность глобальных планов наших противников и политику двойных стандартов Запада.

Во все времена разведки и контрразведки оберегали государственную власть, стояли на страже незыблемости державных устоев, закреплённых конституциями. Что же касается КГБ, то это была единственная организация, которую боялись и которая сохранила в себе бескорыстное служение тому государственно-му строю, который ее создал. Она защищала идеи социализма, единство многонационального государства и существующие за-

коны. И в этой организации была особая система подбора кадров — отбирались в трудовых и армейских коллективах лучшие.

В противовес КГБ СССР существовало ЦРУ США.

«Если мы хотим понять природу ЦРУ, — говорил ветеран американского рабочего движения, отнюдь не коммунист, но человек, верящий в демократию без кавычек, бывший постоянный представитель Всемирной федерации профсоюзов при ООН Э. Демайо, — мы должны прежде всего понять социально-экономическую систему, породившую это ведомство. Наше общество покоится на эксплуатации многих теми немногими, кто владеет и управляет средствами производства, создающими богатство нации, и финансовыми институтами — источниками ее жизненной силы.

Эти всемогущие немногие, располагающие громадными экономическими ресурсами, управляют политической жизнью страны. Они представляют теневое правительство страны, принимающее основные решения, которые передаются для реализации официальным исполнительным и законодательным органам через своих пособников, занимающих ключевые посты во всем федеральном аппарате...

Выступающий против ЦРУ бросает вызов самому могущественному ведомству государственной власти».

Еще одно толкование о роли ЦРУ в системе государственной власти Николай нашел в книге «Невидимое правительство», написанной журналистами США Д. Уайзом и Т. Россом. Они отмечали, что сейчас в Соединенных Штатах два правительства. Одно из них — видимое, другое — невидимое. Первое — это правительство, о котором американские граждане читают в газетах, а дети узнают из учебников. Второе — сложный скрытый механизм, проводящий политику США в «холодной войне».

Отход Н. Хрущева от власти «по состоянию здоровья» породил среди слушателей множество слухов. Особенно поражало стремление новых властителей кремлевского трона затоптать в грязь вчерашнего вождя, которому чиновничья челядь, окружавшая его, еще недавно готова была лизать башмаки.

— Неужели мы такая дикая нация, что не можем спокойно принимать кабинеты, кресла, папки с делами, столы без показа грязного белья? — разоткровенничался как-то с Николаем его друг Виктор Тимофеев. — Так гадко от этого на душе. Как не вспомнить тут Талейрана! Предательство — это верх злодейства.

— Ты прав, Виктор, — поддержал Стороженко коллегу, — только неблагородный человек способен в глаза хвалить, а за глаза хулить. Но с другой стороны — злословил Хрущев в адрес Сталина, в чьей команде был «верным сталинцем» до последнего. Так что «по делам вашим вам и воздастся». Как говорится, злые люди ходят на мух, которые ползают по человеческому телу и останавливаются только на его язвах. А вообще-то ни один человек, охаивающий покойника, не бывает счастливым. По существу, Хрущев — политический труп. Со временем судьба посмеется и над новоиспеченным генсеком. Да, у справедливости в России медленная скорость, а к законности длинная и ухабистая дорога.

Слушателей часто привлекали для несения нарядов на Красной площади в дни государственных праздников. На ленинском пантеоне, в мраморной коробке которого покоилась мумия — тело вождя, топтались и толпились государственные мужи и дамы, бегали с цветами и подарками дети. И никому не приходило в голову, что это шаманство оскорбительно традициям православия. Революционный обычай отменил и христианскую мораль, и традиции славянства, давно порвавшего с язычеством.

С годами при Брежневе постепенно утихала критика в адрес Сталина, но Николай искал и искал — в спецлитературе, в беседах с живыми участниками событий тех лет — ответ на вопрос: Сталин ли только открыл счет репрессиям? Кто и что его спровоцировало на это? Было ли что-то подобное до него?

Открывались пласты трагедий ленинского периода: от бандинского уничтожения царской семьи, подавления Кронштадтского восстания и до расстрелов восставшего тамбовского крестьянства и храброго поэта Н. Гумилева, не уронившего офицерской чести. Все четче просматривались шаги второго после

Ленина чиновника в большевистском ареопаге Л.Троцкого по травле С. Есенина, а затем его физического устранения.

Геноцид против российской интеллигенции с отправляемыми «пароходами умников» за границу, террор против многовековой культуры православия и насаждение безверия просматривались во многих документах. Эти материалы проливали свет на острые вопросы, волновавшие пытливые умы. Приходило осознание того, что марксистско-ленинские молитвы придуманы для таких людей, которые не могут мыслить самостоятельно и никогда не ведают возвышенного состояния души.

Чем дальше и глубже шло постижение контрразведывательного ремесла на лекциях и практических занятиях, тем больше оно убеждало Николая в правильности выбранной профессии с юридическим уклоном.

Органы не случайно называются во многих странах органами государственной безопасности, потому что они, так должно быть, защищают интересы страны и народа.

«Закончу учебу, — думалось ему, — уеду в какой-нибудь глухой гарнизон и стану настоящим грозой шпионов».

То были наивные мечты человека с курсантскими погонами. Разве мог он предвидеть, что через какой-то десяток лет придется действительно встретиться лицом к лицу с первым живым «кротом» — агентом иностранной разведки с погонами советского офицера.

Три года учебы пробежали быстро. Остался год до выпуска. Весной на предпоследнем курсе пришла любовь. Первое свидание с Людмилой Николай назначил у памятника Маяковскому. Шли по улице Горького по направлению к Белорусскому вокзалу. Легко и вдохновенно он читал своей спутнице стихи Есенина, Бунина, Фета, Языкова — пахучие, звонкие, нежные. Потом Коля осмелел и стал декламировать свое стихотворение, посвященное милой даме. Когда закончил и посмотрел на подругу, то увидел в ее голубых-голубых глазах жемчужины душевной росы...

В августе они расписались. Потом была свадьба, даже две: одна в Москве, другая в Полесье. На московских посиделках собралось человек десять самых близких друзей в малюсенькой комнате громадной «коммуналки». Молодоженам вручали скром-

ные подарки. При передаче настенных часов сослуживец А. Александрин щекотливо заметил:

— Примите, дорогие Николай и Людмила, наш подарок. Пусть эти часы идут и идут. Они остановятся только в двух случаях: кончится завод у них или у кого-то из хозяев. Так пожелаем, чтобы они долго-долго не останавливались!

Кто думал тогда, за свадебным столом, что слова окажутся пророческими! Ровно через двадцать лет часы и сердце Людмилы остановились одновременно. Но это было все потом, а пока — последние каникулы, выпускные экзамены...

Глава 2

Лейтенантские погоны

Тихо в комнате. Звонко тикают подаренные на свадьбе часы с золочеными стрелками. По телевизору передают в записи фрагменты концерта Муслима Магомаева. Лейтенант Стороженко пришивает на мундир первые офицерские погоны. Завтра получение диплома и вручение «поплавка».

«Кто думал, что из глубинки, — рассуждал Николай, — я приеду в далекую и высокую Москву и закончу чекистскую академию?»

Пела душа, горели радостью глаза. Он стал примерять форму, заглядывая в зеркало — нравился строгий офицерский покрой...

Спортивный зал Школы на Ленинградском проспекте. В строю — общевоинские, авиаторы, моряки, пограничники, связисты. Командование вручает дипломы с высшим юридическим образованием и дорогие каждому военному белые академические «ромбики» с красной звездочкой и золотистым гербом Великой Страны...

По традиции выпуск обмыли в ресторане. Вернулся Коля домой рано — ждали жена и дочурка. Жена взяла в руки диплом, внимательно прочла его и тихо промолвила:

— Поздравляю... диплом жизненный, даже гражданская специальность есть — юрист-правовед! Закончишь службу, пойдешь на наше закрытое предприятие юрисконсултом.

— О чем ты, Люсьен, служба ведь только начинается. Может, и диплом не пригодится — времени ох как много.

— Пролетит оно быстро. То, что впереди, кажется бесконечно далеким, а оглянешься — пролетело, как одно мгновение. Мама моя так часто говорит. Старики это хорошо знают. А что касается значка, то он по-мужски скромный и в то же время по-военному красив...

Вскоре лейтенант Стороженко получил предписание убыть в распоряжение начальника военной контрразведки ПрикВО. Людмила с дочерью еще некоторое время должна была оставаться в Москве, предварительно дав согласие, что поедет туда, куда пошлют мужа. За столицу она не держалась.

Перрон Киевского вокзала. Поезд Москва — Трускавец тронулся. Николай прижал нос к холодному стеклу окна вагона — надо хоть как-то рассмешить прослезившуюся супругу с крохотной дочуркой на руках. Вокзал уплывал медленно, смещая влево провожающих. И вот уже исчезла из поля зрения Люда. Поезд стремительно набирал скорость...

Встретили молодого специалиста на месте тепло. Однако начальник отдела генерал-майор Н. Мозгов, узнав, что прибывший офицер пишет стихи, совсем не зло, а с улыбкой заметил:

— Нашей службе стихоплеты не нужны. Не та работа. Я ишу ра-бо-тяг, — последнее слово он умышленно разбил по слогам, — думающих только об оперативной работе — трудной и неблагодарной. Так что пока забудь о стихах. Не забудешь — тебя забудет служба. Мы тебя взяли в очень ответственный первый сектор — штабной. Не каждый и с опытом попадает в такое подразделение. Мы же тебе верим, что справишься с работой.

Тут же расспросил о семье и по-отечески распорядился устроить лейтенанта как положено. Такой прием поначалу обескуражил Николая. Но начальник отдела кадров полковник Забродин, как бы оправдываясь за недипломатичность начальника, признался, что тоже балуется стихами, а в отношении генерала заметил: не переживай, это очень справедливый человек, чекист-трудоголик. Николаю он порекомендовал не афишировать

хобби и начал подробно рассказывать об особенностях работы и поведения офицера-контрразведчика в частях.

Слушал лейтенант полковника Забродина внимательно. Николаю сразу же понравился этот мягкий и рассудительный человек, подавший руку на крутом пути к неизвестной практике.

— У вас будет хороший наставник — майор Деев Дмитрий Николаевич, — сказал он, прощаясь с Николаем.

Молодой лейтенант получил в оперативное обслуживание гарнизон с радиотехническим полком ПВО сухопутных войск, отдельную роту сопровождения воинских грузов, штабную роту и гараж командующего войсками округа, а также окружные медицинских склады в городе Буске.

Рабочее место действительно определили в кабинете с майором Деевым. Он являлся фронтовиком, участвовал в разоблачении агентуры абвера, был награжден орденами и медалями за ликвидацию шпионов в действующих частях на фронте и в тылу. Майор был человеком, преданным своему делу, откровенным и прямым. Начальство его побаивалось за крутой нрав, готовность пойти в атаку на любого обидчика, с какими бы погонами тот ни ходил. Говорили, что на партийных собраниях от него доставалось даже прежнему начальнику с лампасами.

И все же Деев не спешил откровенничать с молодым оперативным работником. Недели три он приглядывался к нему, а потом разговорился, да так, что его монолог показался слушающему спрессованной лекцией. Затронув проблемы контрразведки, он настолько приземлил лейтенанта, что тому на некоторое время показалась бессмысленной его текущая работа в гарнизоне по поимке шпиона.

— Пойми вот что: в наше время американцам не хватит ни денег, ни сил, чтобы нанять много агентуры в частях. Во время войны, правда, немецкая военная разведка — абвер пыталась пролезть в некоторые штабы наших частей. Но тогда до Генштаба немцам было трудно добраться. Понимаешь, существует так называемая «мишенная» система. Это принцип работы разведки — бить прицельно в «десятку», получая стратегиче-

скую информацию. А твой полк — где-то на краю мишени. Твои солдаты и офицеры их не интересуют, хотя те могут и клюнуть, но встанет вопрос связи. Это самое слабое звено в цепи разведчик — агент и наоборот. Генштаб в масштабе всей армии — это и есть «десятка».

В стране несколько таких объектов: ЦК КПСС, депутатский корпус, сотрудники МИДа, Совмина, Госплана, офицеры разведки и прочее. Мы же с тобой занимаемся вопросами помощи командованию в защите секретов, пресечении возможностей хищения оружия и боеприпасов. Армия — гарант стабильности государства. Почему с нами считаются другие страны? Потому, что мы сильны. Потеряем силу — уроним уважение в мире. Я уже заканчиваю службу, но хочу, чтобы ты понял: военная контрразведка была, есть и будет, пока существуют государство и его армия...

Зазвонил телефон. Деев стремительно протянул руку, и в его огромной ладони застыла черная эбонитовая «гантель» старомодного телефонного аппарата, стоявшего здесь, наверное, с первых послевоенных лет.

— Здравствуйте... буду рад встретиться... согласен. Да в 18.30 у памятника Мицкевичу... прекрасно. До встречи.

Николаю было понятно, что выходил на срочную связь кто-то из негласных помощников, но Дмитрий Николаевич, будто это было обычное дело, продолжил:

— Благополучие армии у нас зависит не от общества, а исключительно от вождей. Те, кто поймет важность нашей службы, будут защищены от неприятных неожиданностей. Вот послушай, — с этими словами он полез в карман, достал записную книжечку в потертой кожаной обложке и стал медленно читать: — «Верьте мне: анализируя исходы военных баталий, невольно пришел к выводу, что не столько храбрость пехоты или отвага кавалерии и артиллерии решали судьбы многих сражений, сколько это проклятое и невидимое оружие, называемое шпионами». Эти слова произнес не философ, раздумывающий в тиши кабинета о роли личности в истории, не правительственный чиновник, считающий армию нахлебницей народа, не писатель — рафинированный миротворец-пацифист, не знающий,

для чего в государстве живет особой жизнью армия, а великий полководец. Кто бы ты думал?

— Наполеон, — последовал ответ.

— Верно. Француз прекрасно понимал, что без пронырливости и ловкости Шульмейстера он не одержал бы блестящих побед в 1805 году. Ульма и Аустерлиц были в такой же степени результатами стратегического гения, как и негласной деятельности имперского шпиона Карла Шульмейстера. Кстати, ты знаешь, куда он был внедрен? — задал вопрос Деев и тут же сам на него ответил: — Советником руководства генштаба и шефа австрийской разведки...

Сегодня противник интересуется секретами в верхах. Разоблачение «крота» — бывшего полковника ГРУ Пеньковского тому пример. Ты думаешь, сейчас нет Пеньковских в нашем Генштабе?.. (Как в воду смотрел — уже тогда «рылся» в секретах ГРУ Генштаба майор Поляков, о котором пойдет речь ниже.)

После этих слов Дмитрий Николаевич как-то горько поморщился, словно его одолел кратковременный озноб, и вновь продолжил:

— А мы ищем агентов там, где их в мирное время никогда не будет: в отделении, взводе, роте... А надо искать прежде всего в Москве. Туда в первую очередь направлены следы разведок Запада. Там больше всего кандидатов для вербовки. Они ведут борьбу тайно, такой же тайный заслон противнику и мы должны поставить. А на деле что получается? Хрущев сначала осельмовал институт негласных помощников, а отсюда до сих пор нет глубоко продуманной правовой основы подобных отношений. Мы чего-то стесняемся, стыдимся того, что открыто делают наши друзья и враги. Шпионаж в пользу своей страны считается у них высшей формой проявления патриотизма.

Говорят, было перепроизводство «сексотов» и «стукачей» в период сталинского правления, и они, дескать, являлись основным генератором репрессий. Нет, их не было вообще как таковых, а использовались шкурники, завистники, обиженные, а не патриоты державы. Шла борьба за власть двух политических линий — Троцкого и Сталина. А чубы трещали у простого народа. То же самое происходит и сегодня. Есть среди нашей агентуры

честные люди, их большинство, но с другой стороны, если приглядишься — найдешь ищущих выгоды. Ничего, опыт — дело наживное. Только недостаток его вызывает уверенность в себе. Опыт — самый лучший учитель, только плата за обучение слишком велика...

Помолчав немного и бросив рассеянный взгляд на кусты, осыпанные пушистым снегом, Дмитрий Николаевич достал из трофейного портсигара сигарету «Памир» и стал ее разминать, видно по старой привычке, как папиросу. Прикурил от зажигалки, затянулся глубоко, с явным удовольствием, и, выпустив сизое колечко дыма, опять потянулся к своей записной книжке. Взял ее, полистал, почмокал губами и промолвил:

— Послушай еще одну быль. Фуше, министр полиции при Бонапарте, в своих мемуарах так писал о важности шпионажа в подготовке императора к сражениям: «Лошади, которые везли золото французского банка к будущим полям сражений в Австрии для оплаты секретных агентов, имели большее значение, чем стремительная и отважная конница Мюрата». Вот так, дорогой мой, Наполеон думал о победах своей армии... Он понимал толк в силе невидимого оружия...

Долго еще сидели в кабинете два оперативника — молодой лейтенант и старый майор. Последнему хотелось выговориться, а первый с удовольствием слушал его рассуждения и особенно короткие истории фронтового периода о захвате «языков», оперативных «играх», фильтрационной работе, борьбе с лесными бандами бандеровцев в послевоенный период.

Николаю хотелось слушать и слушать ветерана, потому что это был не отредактированный спич на партсобрании, а какая-то живая правда, правда о невыдуманной жизни. И каждый раз, когда он возвращался из гарнизона, молил бога, чтобы застать Деева в кабинете.

Оформляя информацию от негласного источника, Деев каждый раз комментировал:

— Сынок, не разменивайся на мелочи. Если взял документ, то он должен продвинуть решение какого-то оперативного вопроса, а бумажка ради бумажки — это глупость, которая может кончиться даже преступлением. Есть у нас еще специалисты по

отбору «мелочовки». Грош цена таким чекистам. Ты думай, как не навредить конкретному человеку. И тому, кто сигнализирует, и тому, о ком этот сигнал. При таком мелочном подходе можно пропустить главное.

Руководство 1-го сектора Особого отдела КГБ округа требовало конкретных результатов. В отчетных «простынях» у многих офицеров зияли пустотами графы о проведении «профилактик». Оперативники понимали всю абсурдность втягивания их в круг такого рода «воспитательных бесед». Удовлетворение приходило на учениях, где проигрывались боевые условия работы. Но полигонные занятия скоро заканчивались.

Приходя домой, Николай делился с женой неудовлетворенностью по службе. Домой — понятие условное: своей квартиры не было, жена не работала, так как нянчилась с маленькой дочуркой. Цены в городе «кусались». Спасали харчи с родного Полесья от родителей.

Прошло полтора года. Чем дальше приходилось вникать в службу, тем все чаще появлялось желание покинуть оперативную работу, за которую Николая даже хвалили на совещаниях. Однако обязанности перед семьей, гордость за принадлежность к офицерскому корпусу и стремление дойти до цели, охотничий инстинкт — заарканить все же шпиона — сдерживали запальчивость молодого оперативного работника.

Беда была одна — быт заедал. Квартиру надо было освободить — приезжал хозяин. Но, к счастью, вскоре нашелся выход — открылась вакансия с поездкой за границу. Стороженко направили в Южную группу войск (ЮГВ).

Перед отправкой в Венгрию Николая пригласил к себе в кабинет начальник военной контрразведки округа генерал-майор Мозгов. Он почти в извинительном тоне заметил, что не смог добыть жилье, а потому решил направить его как хорошо зарекомендовавшего себя офицера за границу. Расчет один — набравшись опыта, вернуться снова во Львов. А в конце добавил:

— Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!

30 декабря 1969 года Николай с семьей поездом Москва — Будапешт выехал к новому месту службы. На львовском перроне лейтенанту вспомнились слова отца, сказанные им накануне отъезда за границу: «Сынок, береги свой авторитет, офицерскую честь — ты теперь защитник Родины за ее пределами».

С одной стороны, эти слова казались на первый взгляд каким-то штампом. Но Николай знал, что они могли родиться только в искренней душе работника. Работяги — машиниста паровоза с посиневшей от осколков антрацита кожей на руках. Он был верен Отчизне не столько словом, сколько делом.

Сидя в купе, чета Стороженко обсуждала туманные перспективы неизвестной службы.

— Коля, прости за глупый вопрос: тебя оставят в Будапеште или направят на периферию? — поинтересовалась супруга.

— Какой Будапешт? Далеко не все лейтенанты начинают службу с европейских столиц. Таких офицеров, как я, «без роду и племени», посылают в глухие гарнизоны. Так что готовься, дорогая, жить почти что в зоне — за колючей проволокой или бетонным забором.

Поезд остановился на станции Чоп. Тут меняли вагонные тележки, переводя их на узкую западную колею. В Чопе, последнем населенном пункте СССР на этой границе, можно было потратить оставшиеся рубли. Николай обежал близлежащие магазины и на резервные 110 рублей набил доверху полиэтиленовый пакет...

Свисток — и поезд тронулся, медленно приближаясь к мосту через реку Тиса. В коридоре стали скапливаться пассажиры.

— Чего это люди всполошились? — испуганно заметила Людмила.

— Сейчас поймешь. Возьми копейки, бросим на счастье в реку. — Николай приспустил раму, и в образовавшуюся щель полетели три семейные монетки.

— Ну, Коля, теперь нам повезет.

— Должно, Люсьен...

А поезд продолжал лететь навстречу ветру, поднимая за собой пелену сухой, снежной пыли, нередко горлопаня пронзительным свистком перед станциями и переездами.

Проезжая крупные железнодорожные узлы, Николай, как потомственный железнодорожник, обратил внимание на обилие паровозов. В отличие от советских пассажирских, зеленых и синих, здесь все были черные. Он узнавал знакомые марки — узкие «германки» и широкие «венгерки», проходившие на наших железных дорогах в послевоенное время сериями «52» и «ТМ».

На первых отец бил рекорды по вождению тяжеловесных товарных составов, на вторых — водил пассажирские поезда.

Ход раздумий прервало экстренное торможение. Послышался грохот, а потом поднялся крик и беготня по вагону. Как выяснилось, на неохраняемом переезде застрял советский танк, возвращающийся с учений, — заглох двигатель. Минут через десять его тросом стянула другая машина.

Это была первая встреча военного контрразведчика с проблемами пребывания «ограниченного контингента советских войск» на территории Венгрии.

Поезд медленно подплывал к восточному вокзалу венгерской столицы. На перроне, к огромному ликованию жены, семейство Стороженко встретил знакомый по львовскому периоду службы комендант отдела майор Усанов.

Глава 3

На рубеже двух систем

— Здравствуй, Венгрия! — прошептал Николай.

Гордостью переполнялось сознание молодого оперативника от слов, сказанных полковником Забродиним перед поездкой в Южную группу войск:

«Николай Семенович, ты едешь на защиту наших рубежей — в передовой эшелон обороны стран Варшавского Договора. Твоя часть, в случае чего, первая примет на себя возможный удар противника и будет сковывать его до подхода основных сил. Ты получил во Львове небольшой опыт — используй и развивай его за границей. Верю, что удача и успех подружатся с тобой. Пусть чекистское счастье повернется к тебе лицом. Это тоже важно в нашем деле!»

А еще Николаю вспомнились слова генерала Мозгова, как

всегда коротко оценившего работу перед отъездом: «Спасибо за службу. Я в тебе не ошибся. Значит, и поэты могут хорошо работать!»

31 декабря 1969 года Стороженко прибыл в отдел военной контрразведки — Особый отдел КГБ по ЮГВ и сразу же получил предписание принять артиллерийский полк, расположенный в поселке Фертед, недалеко от австрийской границы.

Полк был укомплектован пушками и тяжелыми гаубицами, поэтому пришлось осваивать новую материальную часть. Командир полка полковник Н. Солёный принял нового особиста несколько настороженно. От предшественника Николаю стало известно, что командир любит чарку, поэтому комполка посчитал, что вслед за «комиссарским» глазом прибыл дополнительный контроль — чекистский.

Время показало, что командир — порядочный человек, профессионал высокого класса. В нем была, что называется, «военная косточка» — любил солдата. Офицеры говорили, что он снарядами может рисовать: цель накрывал с первого же выстрела безо всяких «вилок». Прошел всю войну в расчете знаменитых «сорокапятков», а закончил военное лихолетье командиром отдельного дивизиона 152-мм гаубиц. Победу встретил в майорских погонах с пятью орденами и десятком медалей на груди. Имел несколько ранений. Служба его помотала по Союзу.

— Что я тебе скажу, — как-то в одной из первых бесед заметил командир, — занимайся своим делом. Иностранцев здесь, желающих знать, что делается у нас за забором, полно. Из достопримечательностей — музей графа Эстерхази, у которого служил когда-то давно сам композитор Гайдн. Есть в селе две корчмы, которые посещают почти все офицеры гарнизона с семьями. Я иногда, когда на душе тяжело, тоже захожу. Сразу тебе признаюсь.

Воцарилась гнетущая тишина с молчанием двух офицеров — полковника и лейтенанта.

«Зачем откровенничает командир? Не собирается ли в чем-то упредить меня?» — подумал Николай.

— Ты у замполита был? — спросил он неожиданно.

— Нет, товарищ полковник.

— Ну, ты зайди, зайди к нему...

Стороженко представился замполиту подполковнику Ю. Гусеву. Встретил он с порога словами:

— Товарищ лейтенант, вы солдат партии, боец ее вооруженного отряда, это обязывает нас работать в связке. Прошу меня первого информировать обо всех событиях негативного плана в гарнизоне.

— Товарищ подполковник, — прикинулся непонимающим оперработник, — когда я ехал сюда, меня инструктировали, что все информационные материалы мне необходимо докладывать своему непосредственному начальнику в соединении — подполковнику Левшину.

— Не горячитесь... К словам замполита и начальника политотдела прислушиваются все офицеры, в том числе и ваш начальник, входящий в состав парткомиссии дивизии. Я вижу, вы не понимаете роль политработников в армии. Не забывайте, что Леонид Ильич Брежнев — выходец из когорты партийных бойцов. Комиссаров он поддерживает.

— Такого правового института уже давно в Советской Армии нет.

— Замполиты — это их последователи!

— Комиссары приставлялись к спецам-командирам, офицерам царской армии. Сейчас же командный состав все коммунисты, — усердствовал в отстаивании своей точки зрения Стороженко.

— О, у вас, как я вижу, замашки энкавдиста... Вы полагаете, что чекисты вновь встанут над партией Ленина?

— А они никогда не стояли... Много честных сотрудников госбезопасности тоже заплатили жизнями за доверчивость или неприятие «законов джунглей», которые навязывались сверху. Партийные органы руководили ЧК...

Неприятный осадок оставила первая встреча с замполитом, пытавшимся, по всей видимости, расправиться руками военного контрразведчика с командиром полка. Первое время «комиссар» приглашал Николая на «чашечку кофе» — помириться и заодно

выяснить обстановку в полку. Он любил ковыряться в «грязном белье» офицерских семей, и оперативник однажды не выдержал:

— То, что вы предлагаете мне делать, выходит за рамки моей компетенции. Сейчас другие люди в органах, иные задачи нарезаны нам руководством КГБ. Условия за границы требуют от нашей службы заниматься контрразведкой. Не ждите, что я буду собирать для вас информацию о том, кто, когда и с кем ночевал, посетил корчму и прочее.

Замполит выслушал оперработника, краснея и ерзя в кресле, но попытался возразить.

— Пойми же ты, мы с тобой бойцы партии, роль которой изо дня в день повышается, — продолжал настаивать подполковник. Он готов был разглагольствовать еще, но Николай уважительно остановил его, сославшись на срочную работу.

Чекист действительно назначил встречу на 18.30 с начальником штаба 3-го дивизиона, который на полигоне несколько раз фиксировал автомашину с западногерманскими номерами. Водитель производил фотографирование. Майор П. Сидоров передал контрразведчику номер автомобиля и описал внешность иностранца и его действия. Эти материалы срочно были переданы венгерским сотрудникам госбезопасности. Через неделю коллега Николая с венгерской стороны майор Иштван Ковач сообщил, что установленный по номеру машины немецкий турист Густав Шрам задержан в районе режимного объекта Венгерской народной армии (ВНА) под Будапештом при попытке скрытого фотографирования.

Это был первый успех молодого контрразведчика. Помогли друзья — так тогда назывались венгерские коллеги. Взаимодействие по линии госбезопасности обеспечивало лучшее понимание друг друга в решении общих задач.

Тем временем события в полку разворачивались стремительно. Нарастал «кризис власти». Не без помощи замполита командир полка Николаю Соленому предложили уволиться...

Вскоре он сдал дела молодому, энергичному подполковнику В. Ванюшкину, быстро сколотившему вокруг себя здоровый коллектив. Он был одинаково требователен к себе и подчиненным. Большим подспорьем новому командиру в деле приведения гар-

низона в божеский вид стал приезд в полк выпускника Академии тыла и транспорта майора В. Литвинова — трудолюбивого и энергичного офицера. Впоследствии он дорос до первого заместителя начальника Тыла ВС СССР в звании генерал-полковника...

Командир полка стоял возле курилки, окруженный офицерами штаба части. Начальник тыла оживленно размахивал руками. Как показалось Стороженко, подходившему к собравшимся офицерам, речь могла идти о каком-то ЧП.

— Надежда вот на кого, — вдруг кивнул головой Ванюшкин в сторону оперативника.

— Здравия желаю, доброе утро, — взяв под козырек, поприветствовал старший лейтенант собравшихся офицеров.

— Утро в небе доброе, а вот на душе оно хмурое, — обронил комполка.

Выяснилось, что ограблен гарнизонный магазин.

— Я информировал комдива и военного прокурора, — сообщил Ванюшкин, — но ты знаешь, что силенок у следователей маловато. Когда «пинкертоны» прибудут — неизвестно. Надо действовать по горячим следам. Да, чуть было не забыл, попроси помощи у своих коллег.

Вечером Николай срочно встретился с двумя своими помощниками и получил первичную информацию. А через два часа он уже беседовал с рядовым Николаенко, у которого обнаружилось некоторые предметы пропажи из военторговского магазина. Солдат признался, что ему их подарил рядовой Куциев. Дальше уже никаких версий ни выдвигать, ни проверять не надо было...

Стороженко находился в кабинете, когда ему позвонил венгерский коллега — начальник контрразведки Шопронского погранотряда майор Ласло Хегедюш и сообщил, что из-за снежных заносов три заставы остались без хлеба, а на станции Петехазы вторые сутки стоит занесенный снегом поезд с пассажирами. Пограничники пытались пробиться к составу на своем грузовике — безуспешно...

Зайдя в кабинет к командиру полка, Стороженко коротко изложил суть проблемы.

— Надо направить гусеничную технику. Как не помочь друзьям в беде? Евгений Петрович, — обратился он к начальнику штаба полка, — дайте команду зампотеху и начальнику автослужбы...

Советский гарнизон поделился запасами хлеба и сухарей с терпящими бедствие местными пограничниками. В сторону же застрявшего поезда дополнительно направилось несколько гусеничных тягачей и мощных «Уралов» с солдатами. Кроме того, бойцы прихватили с собой термосы с горячим чаем.

По возвращении раскрасневшиеся армейцы оживленно делились впечатлениями с товарищами. Оказалось, в поезде, кроме венгров, в двух вагонах ехали австрийские и немецкие туристы. Командир дивизиона доложил Ванюшкину о выполненном задании, и тот, расчувствовавшись, патетически произнес:

— Люди живут поступками, а не идеями. Ваш поступок лучше всяких слов спецпропаганды. Спасибо за службу.

— Служу Советскому Союзу! — отчеканил подчиненный.

Прошел месяц, и на стол оперработнику легла информация о недостатке нескольких секретных документов в штабе полка. Заместитель начальника штаба майор Сергей Петренко в течение недели ищет шесть документов.

Версий было много. Дивизионное начальство требовало от Николая чуть ли не ежечасно докладывать о ходе и результатах поиска.

— Задействуйте все силы и средства. Очертите круг лиц, соприкасавшихся с документами. Я должен получить ответы на вопросы: когда это произошло, кто и как мог похитить или утерять? Вы поняли меня, товарищ старший лейтенант? — раздраженно требовал всегда спокойный начальник особого отдела дивизии подполковник Николай Васильевич Левшин, обращаясь к Стороженко.

К поисковым мероприятиям были подключены почти все негласные источники, сосредоточенные в штабе полка. На очередной встрече агент «Овод» сообщил, что один из ящиков «секрет-

ки» из-за ветхости Петренко распорядился оставить в штабной машине, находившейся в автомастерской для покраски.

Петренко еще раз заверил начштаба полка, что тщательно проверил второй раз все ящики. Документов нигде не было. Как же он был удивлен, когда документы все же были обнаружены в одном из «проверенных» им ящиков...

Дислокация гарнизона в нескольких километрах от австрийской границы требовала дополнительных усилий от оперативников. Самовольщики, дезертиры, особенно беглецы с оружием и боекомплектом, доставляли немало хлопот контрразведчикам в любое время суток. Главное, нельзя было допустить прорыва участка венгеро-австрийской границы.

Это случилось в марте. Дули холодные ветры с Австрийских Альп. В 3.15 ночи внезапно зазвонил телефон: дежурный по Особому отделу КГБ ЮГВ передал указание руководства принять срочные меры в связи с уходом с поста рядового М. с автоматом и 60 патронами.

Стороженко о случившемся ЧП поставил в известность дежурного по венгерскому погранотряду. Вообще беглецы вели себя по-разному, но спокойно, а этот, прорываясь к границе и встретив венгерских пограничников, открыл по ним огонь из автомата. Убив одного из преследовавших и ранив сторожевого пса, преступник оторвался на некоторое время от пограничного наряда и почти достиг контрольно-следовой полосы (КСП).

Взбравшись на стог сена, он видел, как цепью шли его соотечественники — такие же, как и он, солдаты. Шли вместе с венгерскими пограничниками и полицейскими. Выждав удобный момент, беглец нажал на спусковой крючок. После первой же очереди упали замертво наш солдат и мадьярский полицейский. Цепь залегла. Преступник прекратил стрельбу. Но стоило кому-нибудь приподняться, как град пуль вспарывал землю. Операция длилась около полутора часов. Последнюю точку в этой трагедии поставил снайпер из армейского БТРа...

Не прошло и года командования полком В. Ванюшкиным, как в гарнизоне вспыхнула очередная свара. Замполит стал собирать очередную «компру», теперь уже против нового командира. Вмешался командующий войсками ЮГВ генерал-полковник Борис Петрович Иванов. Прибыв в гарнизон, он выслушал сначала одну сторону, а затем другую. Переговорил с офицерами штаба полка, а после обеда пригласил к себе старшего лейтенанта Стороженко.

Войдя в кабинет и представившись, Николай не мог оторвать взгляда от орденских планок. На груди генерала горела Золотая Звезда Героя Советского Союза.

— Товарищ Стороженко, я не случайно приехал в гарнизон. Наверное, уже обо всем знаешь. От вашей службы разве что скроешь, — заулыбался он. — Хочу выяснить природу конфликта между замполитом и новым командиром полка...

Оперативник был объективен. Через неделю зарвавшегося «комиссара» перевели в гарнизон с меньшим объемом служебных обязанностей.

В этот же период Николай пытался «вычислить» военнослужащего, который, по данным венгерских пограничников, приезжая на карьер за песком, каждый раз интересовался участком границы, проходившим вдоль озера Ферте. Солдата интересовало, судя по сигналу, инженерное оборудование на КСП в районе застав Мексикопусто. Он якобы рисовал схему подходов к вероятному месту прорыва. Рисовал на отдельном листе, который спрятал в записную книжку. Приметы солдата давались размытые...

День за днем собирались данные. Дело в том, что в связи со строительством жилого дома гарнизонные машины часто ходили за песком. В числе рабочих команд надо было искать объекта оперативной заинтересованности. Не исключалось, что неизвестный планировал прорваться через КСП с автоматом в руках, что привело бы к тяжелым последствиям. Оперативные мероприятия шли активно, но результатов, к сожалению, не давали.

Начальник военной контрразведки дивизии Н.В. Левшин взял под личный контроль работу по этому сигналу. Приезжал неоднократно, помогал словом и делом. Успех пришел симво-

лично в День Победы — 9 Мая. В одной из бесед с агентом «Громом» Стороженко получил данные на неприметного солдата — гарнизонного фотографа. Раскрыть его планы не представляло больших сложностей. Обнаружился и листок со схемой вероятного прорыва границы. Однако планам потенциального беглеца не суждено было сбыться. Его задержали и отправили в Будапешт для дальнейшего разбирательства.

Надо отметить, что новый замполит подполковник З. Мурзин тоже помог оперативнику в вычислении потенциального преступника. Об этом человеке у Николая остались самые добрые воспоминания.

Накануне очередных учений с выездом на Хаймашкерский военный полигон Стороженко решил провести операцию по дезинформации. Доложил начальству, но оно почему-то молчало, по-видимому, не желая брать на себя ответственность в даче санкции. Тогда все свои действия Николай согласовал с командиром полка. В ствол 152-мм гаубицы умельцы вбили бревно, сварили металлический каркас, сшили брезентовый чехол — получилось орудие непонятного калибра. Цель — приманка для чересчур «любопытных». Протянули эту «каракатицу» до полигона и обратно. Получен был неплохой результат. По данным венгерских контрразведчиков, на приманку попало несколько иностранцев, которых друзья серьезно подозревали в причастности к агентуре противника.

Через год Стороженко перевели в соседний гарнизон на капитанскую должность. В обслуживание он получил мотострелковый полк, но тоже на границе с Австрией в городе Сомбатхее. Начальник так и сказал:

— Ты у меня специалист по приграничью. Сам бог велел принять такое хозяйство...

В новом полку теперь у него был напарник — старший лейтенант А. Танцура. Вдвоем работать было легче. Здесь тоже установились теплые деловые и личностные отношения с местными пограничниками и командованием полка.

Во время изучения оперативной обстановки внимание Николая привлекли бывшие советские гражданки, вышедшие замуж за иностранцев. Одни из них были разведены, другие зарегистрировали новые браки и мотались по заморским городам и весям. Естественно, ими не могли не заинтересоваться западные разведслужбы.

Одна особа привлекла внимание капитана А. Бодрова, который познакомился с ней случайно. Стали встречаться, дело дошло до постели. Она жила в роскошном особняке, купленном новым мужем — американцем. Зная, что Бодров москвич и может уехать в столицу, она, по всей видимости, не без подсказа мужа или его «друзей», крепко «ухватилась» за офицера.

«Неожиданный» приезд супруга, встреча с ним и особенно беседа так напугали донжуана, что тот прибежал к контрразведчику. Он долго умолял оперативника не докладывать об амурных похождениях командованию. Решили поиграть с американцами. Для этого подключались специалисты из Будапешта и Москвы...

В Сомбатхее Николай получил самое звездное звание, восемь звезд, — капитана, которое обмыли с друзьями-коллегами россиянами и венграми.

Глава 4

Место службы — Лубянка

Время летело быстро. Хотя философы и говорят, что оно имеет только направление, не имея ни начала, ни конца. Время произошло от времени.

Весной 1974 года в гарнизоне работала инспекторская проверка, учиненная Центром. Представители 3-го Главного управления КГБ остались довольны работой капитана Стороженко и предложили должность в столице. Николай дал согласие.

Военно-транспортным самолетом его доставили на военный аэродром «Чкаловский». Речь шла о «сватанье» — беседе с недавно назначенным начальником военной контрразведки генерал-лейтенантом Николаем Алексеевичем Душиным.

«Так вот она какая, Лубянка, внутри! — удивился Николай,

поднимаясь на седьмой этаж дома № 2. — Сколько интересных событий здесь происходило — и героических, и кровавых!»

Сначала с ним переговорил начальник отдела, затем его заместитель. После этого его направили в приемную, где пришлось ожидать свидания с шефом около часа. И вот порученец предложил зайти в кабинет.

Встретил капитана Стороженко высокий горбоносый генерал с «гакающим», как ему показалось, южным говорком. Сначала подумалось, — не земляк ли? Николая поразили размеры кабинета.

«И зачем ему такое футбольное поле?» — невольно промелькнуло у Николая. Беседа началась с дежурных вопросов: какие дела и сигналы вел, имелись ли негласные помощники из числа старшего офицерского состава, в чем заключались особенности оперативной обстановки в гарнизонах, что закончил? В конце спросил об увлечениях...

Отвечал Стороженко достойно, хотя несколько и волновался — с начальством такого уровня, тем более, как говорили, проработавшего в аппарате ЦК КПСС, не встречался. Коварно-неожиданный вопрос последовал в завершающий момент разговора:

— А вы справитесь, если дадим вам в обслуживание Главное управление кадров Минобороны СССР?

Офицер по-армейски коротко отчеканил:

— Должен. Справлюсь, товарищ генерал!

Это была его ошибка. Но он, пришедший из войск, не понимал никаких подтекстов, не владел эзоповщиной, не знал «бархатного» языка — говорил прямо, как думал. А как думал, так бы и делал. Ответ по форме не понравился вчерашнему замзавсектором ЦК КПСС. Беседа закончилась. Генерал скривился, потом чмокнул губами и отправил капитана к кадровикам. Куратор отдела по кадрам подполковник К. Федин принял его через несколько часов:

— Что же ты, пацан, подвел меня? Как ты ответил Душину на предложение принять ГУК?

Непонятно, чего было больше в этом наскоке кадровика — страха за свою репутацию или сопереживания за фиаско опера-

тивника на голом месте. Однако, к его чести, он тут же стал инструктировать «провинившегося», что надо было сказать дипломатично: постараюсь оправдать ваше высокое доверие ко мне, а поэтому приложу все свои силы, чтобы с помощью старших товарищей побыстрее освоить вверенный мне объект.

— Ну что же, поеду снова в ПрикВО, — ответил Стороженко.

— Не горячись. В тебе что-то генералу понравилось.

— Я не девица, чтобы нравиться мужику, — выпалил с досадой Николай.

— У-у, хохол упрямый. Спрячь горячность. Все будет нормально...

Через двое суток после «сватанья» на Лубянке Стороженко вернулся в полк, который ему стал еще дороже. Однако скоро пришлось расстаться с гарнизоном, так как шифротелеграммой он откомандировывался в распоряжение начальника военной контрразведки Союза. На сдачу дел начальник дал неделю...

В Москву семья Стороженко прибыла поездом. Вещи шли контейнером. Поселились у родственников. Законную площадь пообещали дать через пару месяцев. Но прошло почти два года, прежде чем Николай получил ордер на первую в жизни свою квартиру.

В оперативное обслуживание дали один из институтов МО СССР. Объект был «голый» — помощников почти не было. Задачу поставили жесткую: в течение нескольких месяцев наладить четкий контрразведывательный процесс. Основание — проявление интереса ЦРУ к новому институту. Эти данные были получены советской разведкой.

«Вот она, «десятка» деевской «мишенной системы». Не было бы счастья, да несчастье помогло, что судьба меня определила на такой объект», — искренне говорил сам себе Николай.

Пугало только одно: если до этого он соприкасался с обветренными лицами пушкарей, танкистов, мотострелков, то здесь ему пришлось общаться с военно-технической интеллигенцией, обладавшей высоким культурным уровнем. «Белые воротнички» Советской Армии — так их называл начальник института гене-

рал-майор авиации Олег Рукоусев. На объекте проходили службу бывшие «засвеченные» военные разведчики, специалисты главных штабов, полиглоты, доктора наук, генералы и адмиралы.

Первоначальную робость Николай заглушил своим кратким обетом: «Справлюсь! Я обязан справиться!»

Среди сотрудников института были лица, попавшие в разное время в поле зрения западных спецслужб. Одних противник тщательно изучал, к другим же осуществлял вербовочные подходы, но они отвергли западных радетелей благополучия, третьи скрывали подобные случаи и по возможности «прятались от света», а четвертые могли и попасться на крючок.

В середине 70-х годов в очередной раз была запущена «утка» о том, что американские спецслужбы якобы 80% конфиденциальной информации «вытягивают» из открытых источников — газет, журналов, брошюр и книг. Мода есть мода. Увлеклись этой идеей и в СССР. Росли объемы наработок в информации, шедшей на самый «верх». У специалистов возникал вопрос: если в ведущих странах Запада существует жесткая цензура на публикацию режимной информации, а оно так и было, то все, что поглощает институт, может оказаться для советского руководства дезинформацией, отредактированной западными спецслужбами.

Стороженко и его коллеги на совещаниях били тревогу. Их поддерживал начальник подразделения подполковник Николай Петрович Петриченко — высокообразованный офицер с энциклопедическими знаниями. До работы в органах КГБ служил в морской пехоте на Черноморском флоте. Он мог постоять за подчиненного, в борьбе за правду шел тараном на ложь. Терпеть не мог лодырей и блюдолизов, зато к трудягам относился предельно внимательно, активно продвигал их по службе. Стороженко считал за счастье, когда тот вызывал его к себе. Минуты общения с человеком большой души и интеллекта вдохновляли его. Для Николая это был второй Деев.

На всю жизнь запомнился случай, ставший и укором, и уроком. Дело в том, что вышестоящее начальство в угоду партийным директивам перед очередным партсъездом потребовало от оперсостава усиления профилактической работы с лицами, высказывавшими так называемые «нездоровые политические суж-

дения». Петриченко критически относился к таким нововведениям, усматривая в них элементы перерождения военной контрразведки в охранку.

Как-то Стороженко попутал бес. Получив материал о том, что одна из машинисток в кругу сослуживцев в резкой форме критиковала социальную политику Брежнева и его «серого кардинала» Суслова, он доложил об этом начальнику.

Петриченко внимательно, как это делал обычно, выслушал (слушать он умел и научил Николая), а потом тихо сказал:

— Товарищ капитан, представьте на мгновение, что этой женщиной была бы ваша мать или жена. Как бы вы поступили? Разве не правда, что зарплаты в семьдесят рэ хватает только на худой прокорм. А как быть со всем остальным? Я думаю, машинистка имела право, моральное право, высказать свое мнение по поводу условий жизни. Давайте договоримся: больше подобных материалов не докладывайте. Не мелочитесь, не надо, вы же рождены для честной и чистой работы, — у вас это получается. Занимайтесь своим де-е-лом, — последнее слово он умышленно растянул для акцента и, улыбнувшись, крепко пожал руку: — И, пожалуйста, не обижайся.

Офицеры С. Безрученков, А. Вдовин, А. Золотухин, В. Кондратов, Н. Кожуханцев, В. Перец, В. Филиппов, С. Цветков и другие, окружавшие Стороженко в период становления его на новом месте, были исключительно порядочными людьми. Эти мужчины отличались высоким порогом долга, профессионализма и искренне верили в победу добра над злом. Они свято любили Родину.

Но были и такие, кто рос по службе с помощью «телефонного права» и «отцовских лифтов». Росли неприятные блюдолизы и активные тихони. Во втором отделении 1-го отдела Главка, возглавляемом Петриченко, таких не было. Там трудились «шахтеры» военной контрразведки.

У мусорных урн, превращенных в своеобразные «курилки», офицеры часто спорили по такому вопросу: органы госбезопасности — это вооруженный отряд партии или нет?

— Какой мы боевой отряд, — в сердцах брякнул один из сослуживцев. — Мы должны быть ответственными не перед партийным чиновничеством, а перед народными депутатами, перед Верховным Советом, перед советской, а не партийной властью.

О роли засилья партаппаратчиков в органах безопасности, порой мешающих объективности и росту профессионализма, честно сказал в своей небольшой, но яркой книге «Записки контрразведчика» фронтовик, генерал-майор Вадим Удилов, бывший заместитель начальника управления КГБ СССР по линии контрразведки, с которым Стороженко пришлось общаться по службе. Вот его слова:

«Обстановка в госбезопасности не изменилась даже во времена «хрущевской оттепели». Наоборот! Партийная элита решила покрепче привязать к себе этот грозный орган. На руководящие посты, теперь уже КГБ, назначались партийные и комсомольские деятели... за ними тянулись десятки партийных и комсомольских работников рангом пониже на должности заместителей или начальников управлений. Они создавали угодный верхушке режим и, в конце концов, добились того, что в Положении об органах госбезопасности говорилось: «КГБ — это инструмент КПСС».

Во времена Брежнева вместо поиска кадров по деловым качествам возобладал принцип подбора по родственным связям и личной преданности. Видимо, так было надежнее!»

И дальше он утверждал в книге, что в органах КГБ, особенно во внешней разведке, собралось сынков именитых отцов видимо-невидимо!.. Что же делали в это время руководители и сотрудники КГБ — чистые профессионалы? Тех, кто критически оценивал обстановку и имел собственное мнение, под различными предлогами, подчас надуманными, увольняли с работы. Другая часть сотрудников, видя все эти перекосы, как только могла, потихоньку противилась им, потому что для многих таких «и шапка не по Сеньке» была. Это отражалось на качестве работы...

Выходя как-то от секретаря-машинистки, Стороженко в коридоре случайно столкнулся с начальником отделения. Петриченко пригласил в кабинет.

— Садись. В ногах правды нет. Ну как, институт не надоел?

— Нет, что вы! Коллектив нравится, отношение с командованием — норма. Работается легко. Аппарат свой сколотил. Идет отдача — может, и шпиона найду, — короткими фразами «отстреливался» подчиненный.

— Тебе надо расти. Принимай у майора Молякова информационные подразделения ГРУ. Ты уже пообтерся среди информатики. Эта же работа связана с большими секретами, а значит, велика вероятность выхода на шпиона.

— Я даже не знаю, как быть. Так неожиданно...

— Все перемещения в нашей службе неожиданные.

— Справлюсь ли? Там полно генералов, а я привык...

Договорить начальник не дал:

— Адаптировался ведь к ученым, привыкнешь и к лампасам. Главное — не робей перед их важным видом. Они такие же, как и все. Это вчерашние твои артиллеристы и мотострелки, которые преуспели в армейской карьере — стали военными дипломатами. Языковая подготовка, правда, у них высокая. Некоторые владеют в совершенстве несколькими иностранными языками.

Объект оказался намного сложнее, чем полагал капитан. Тесного делового взаимодействия между руководителями военной разведки и контрразведки в то время не было из-за капризности начальства. Руководители ГРУ нередко скрывали факты вербовочных подходов спецслужб противника к отдельным своим офицерам за рубежом, вынуждая военных контрразведчиков тратить оперативное время на установление этих фактов и фактически действуя параллельно. На это уходило много времени, сил и средств. Руководство военной контрразведки КГБ смотрело на ГРУ свысока. Мешал человеческий фактор — амбиции. А вот оперативные офицеры с той и другой стороны понимали, что гордыня мешает общему государственному делу.

Чекисты получали все новые и новые данные об активизации работы ЦРУ и других разведок стран НАТО по отношению к личному составу ГРУ за рубежом. Дела оперативного учета рос-

ли, как грибы. Почти у каждого работника второго отделения в производстве были сигналы, дела оперативных проверок (ДОП), а у некоторых дела оперативных разработок (ДОР), у каждого более двух десятков негласных помощников и такое же примерно количество доверенных лиц, работа с которыми требовала полной самоотдачи.

В своей основе сотрудники второго отделения 1-го отдела 3-го Главного управления представляли собой золотой фонд военной контрразведки. Это была кузница профессионалов — охотников за шпионами («кротами», «оборотнями» и пр.), а ГРУ для них представляло ту «десятку», куда целился и всегда будет целиться противник. Оперативники, работавшие в ГРУ, активно взаимодействовали и с подразделениями внешней контрразведки ПГУ КГБ, которым в то время руководил разрекламированный и обласканный «демократами» первой волны конфликтный генерал Олег Калугин. Кстати, сегодня Калугин проживает в США — сбежал и приторговывает там, как коробейник-офеня, секретами. Есть все основания считать, что он был завербован американцами.

Как-то Стороженко зашел на доклад к Петриченко и неожиданно стал свидетелем его резкого разговора по телефону с каким-то генералом. Как потом выяснилось, это был Калугин. Разговор шел о проколах его подразделения в обеспечении безопасности военных разведчиков за рубежом.

— Вы почему поганите людей? Кто вам дал право нарушать принципы конспирации? С вашими капризными неучами наши люди не хотят работать... Я хочу, чтобы вы наконец поняли, что мы вместе делаем одно общее дело. Все, не надо мне никаких оправданий...

Положив трубку, он с досадой произнес:

— Ну совсем зажрались блатные... Откуда у них будет ответственность? Их же все боятся потревожить. Грязная все же эта личность — Калугин, — в сердцах проговорил начальник отделения...

Время неумолимо отсчитывало генсеку последние дни. Сообщение о кончине Л. Брежнева пришло неожиданно, ноябрьским утром. Состоялся скоротечный траурный митинг, а через

несколько дней главой страны стал Юрий Владимирович Андропов, деятельность которого в народе в целом оценивалась положительно. Сотрудники воодушевились. Стрелка внутривнутриполитического барометра поползла в сторону наведения порядка с перспективой реального реформирования в области экономики, активизации борьбы с преступностью, чего и требовали простые граждане. Арест нескольких милицейских генералов-взяточников (сегодня бы их назвали «оборотнями»), снятие с должности шефа МВД говорили о том, что новый генсек на правильном пути.

Перегибы по вине местных властей, а может, и с целью компротации политики Андропова, — незаконные задержания праздношатающихся в рабочее время, — к сожалению, были. И все же люди вдохнули свежесть перемен к лучшему после брежневского благополучия, названного застоєм. Страна заметно стала подниматься.

Андроповская попытка государственной стабилизации, к сожалению, не увенчалась успехом — слишком короткий срок был определен судьбой этому честному политику. После его ухода из жизни начался трагикомический спектакль, в котором роли играли люди, далекие от высокого профессионализма в деле государственного строительства.

Личный состав отделения жил напряженной жизнью — ему не до политики. Это были люди, увлеченные сложной работой контршпионажа и действительно «живота не жалеющие ради безопасности страны». Головы пухли от планов контрразведывательных операций. Именно в это время Стороженко назначили сначала заместителем, а потом и начальником легендарного второго отделения, которым недавно руководил Петриченко. Это радовало. Продолжение традиций старших поколений воодушевляло в работе.

Оперативники трудились в напряженной обстановке. Но уже тогда появились нездоровые тенденции — уравниловка делала свое черное дело. Лодыри, трусы, блатники, окунувшись в «преlestи» работы агентуристов, старались лечь «на крыло», чтоб улететь в другие, вспомогательные подразделения. Они не желали работать там, где был постоянный риск от зари до зари. Пла-

тили ведь всем одинаково, только работалось по-разному. Дело доходило до того, что на совещаниях оперативники прямо ставили вопрос: когда им поднимут оклады? Однако никто не реагировал на требования чекистских «шахтеров». Чиновничий же аппарат КГБ жил бесппроблемно: высокие оклады, спецталоны, спецпайки, персональные машины, по рангам дармовые дачи. Для оперативников давалась одна привилегия: более половины из них получали компенсацию за единые проездные билеты, остальные ждали очереди. О дачах и личных машинах никто не ду- мал — не было ни денег, ни времени.

Поздним вечером в тиши кабинета Стороженко работал над планом очередной операции по ДОП. Неожиданно открылась дверь, и в проеме появилась седая голова начальника соседнего отделения подполковника Анатолия Зыкова.

— Николай, ты знаешь, я сидел сейчас над бумагами и раз-мышлял: как же мы разрослись. Пятое управление занимает уже целое здание, а толку от него никакого. Только вырос его на-чальник Бобков. Охранка есть охранка, но обеспечит ли она безопасность страны в лихолетье? Не думаю. А дежурных служб сколько развелось с полковничьими должностями?! Нас, агенту-ристов, в этом здании 10—15%, остальное — «интеллигенция», мягко говоря.

— Ну, допустим, не все. Есть нужные подразделения, без ко-торых мы не обойдемся. А ты что, раньше об этом не знал?..

— Нет, просто никогда не задумывался. Ходил на службу и считал, что я самый обеспеченный человек. Печально, что про-зрел только теперь. У меня ведь была прекрасная специаль-ность — краснодеревщик, — разоткровенничался Зыков.

— Я тоже обожаю дерево, определяю породы по запаху. Люблю читать текстуру отшлифованных досок, кольца на попе-речных срезах. В свое время даже написал такие строки:

Люблю рубанок и пилу
И запах свежей стружки,
Гору опилок на полу,
Глоток воды из кружки.
Я в срезе веток узнаю
Историю их роста...

Приход Горбачева к власти встретили с надеждой на перемены к лучшему. Единственное, что настораживало, так это перемывание косточек мертвых генсеков — недавних друзей — и откровенное заигрывание перед Западом.

Однако перестройка не только не облегчила жизнь миллионам тружеников, а, наоборот, ухудшила и без того трудную жизнь. Только на четвертом году своего позорного правления Горбачев, наконец, остановил шнек чудовищной жертвенной машины в Афганистане. По его указанию были выведены советские войска из этой горной страны с гордым народом, где в огне непонятной войны гибли наши парни.

Экономика все больше скатывалась к обрыву. Распоясались западные разведки в вербовочной работе. Всплеск особой враждебности испытывали на себе сотрудники военной разведки. Разгорались угли межнациональных конфликтов. Сокращение ракетного вооружения больше походило на одностороннее разоружение в угоду заокеанским покровителям. Нарастало шельмование армии и органов КГБ. Топорное использование войск в Тбилиси и Вильнюсе, Риге и Баку для решения политических задач, а затем бессовестное отрешивание от дачи санкций Горбачева и Шеварднадзе породили в обществе недоверие к власти, больно ударили по авторитету силовых ведомств. Генсек партией практически не руководил. Создавалось впечатление, что кто-то руководит этим разрушительным процессом.

Специалисты КГБ, готовя аналитические сообщения «наверх», не скрывали правду о состоянии страны, но информация игнорировалась. Руководство военной разведки и контрразведки приглашало Горбачева на крупные оперативные совещания — он не приходил. Создавалось впечатление, что председатель КГБ Чебриков поддерживает Горбачева, а личный состав стоит от этого где-то в стороне. На одном совещании в КГБ Горбачев все же поприсутствовал, — прослушал доклад и удалился. Вот тогда многие из сотрудников госбезопасности поняли, что судьба страны его не интересует, он к ней безразличен...

В кабинете зазвонил телефон. Стороженко снял трубку.

— Моляков. Зайдите ко мне.

Начальник отдела сообщил Стороженко о присвоении ему звания полковника. Но на душе Николая радости особой не было. Чем дальше вводила перестройка страну от реальностей, тем чаще начальник отделения размышлял: «Кто виноват в бедлам? Почему он произошел? К чему мы придем?»

В Оперативной библиотеке Николай взял книгу с выдержками из «Послевоенной доктрины Америки» в изложении Алена Даллеса. Открыл сборник и сразу же нашел то, что искал. Прочитал раз, второй — и стало страшно неуютно на душе: все идет по сценарию Запада. Даллес писал:

«Посеяв в СССР хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности поверить... Мы найдем единомышленников, своих союзников и помощников в самой России. Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своим масштабам трагедия гибели самого непокорного на земле народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания...

Из литературы, искусства мы вытравим их социальную сущность, отчуждим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением тех процессов, которые происходили в глубинах народных масс.

Литература, театры, кино, пресса — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства, мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, предательства, всякой безнравственности.

В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху, незаметно, но активно и постоянно будем способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности; бюрократизм и волокиту возведем в добродетель. Честность и порядочность будем осмеивать, они никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, пьянство и наркомания, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде

всего вражду и ненависть к русскому народу, — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом. И лишь немногие, очень немногие, будут догадываться или даже понимать, что происходит».

«Неужели этого хотят и наши вожди? Значит, они перерожденцы?! — подумал Стороженко. — Разве в идеях социализма только ошибки прошлого? Не могли же люди без объединяющей духовной силы создать столько материальных ценностей, превратить недавнюю страну с сохой в сверхдержаву? Да и дружба народов, пусть порой и наивная, все же была не пустым звуком. Перестройку (свою ли?) Горбачев назвал «революцией в революции». Такого термина в истории нет, ибо в революции ее антиподом может быть только контрреволюция...»

Надо отметить, что перестройка с ее дешевым лозунгом построения «социализма с человеческим лицом» самым отрицательным образом повлияла на контрразведывательную деятельность. Во-первых, был огульно ошельмован в очередной раз институт негласных помощников — основа в работе любой спецслужбы. Вчера еще честно помогавшие люди избегали встреч с оперативным составом, что сразу же было уловлено иностранными разведками. Они стали работать напористее и наглее. Во-вторых, и до этого скудное финансирование оперативных подразделений упало до такого уровня, что делились даже проездные билеты, сократился парк оперативных машин, урезались деньги на финансирование отдельных оперативных операций. В-третьих, военные контрразведчики почувствовали, что генсек лукавит, уходя от решений сложных государственных вопросов, проявляет неискренность, подставляя военных. В-четвертых, утечка режимных данных нередко шла на таком высоком уровне, что оперативникам нечего было и думать о перекрытии ее каналов. И, наконец, службу начали покидать разочарованные опытные работники, профессионалы высокого класса, сменяя скромные кабинеты Лубянки на роскошные апартаменты в офисах зарождающегося олигархического бизнеса и банков.

Это потом, когда стали открываться материалы «перестроечного времени», стало совсем ясно, что с Горбачевым играл Запад по своим правилам.

В газете «День» № 22 1993 года были опубликованы четыре снимка и текст: «Эти снимки принадлежат парижскому агентству «Гамма». Они сделаны фотографом Ефимом Абрамовичем, как утверждают, агентом КГБ. Время снимков — начало 1970-х гг., место — Сицилия, о чем свидетельствует знаменитый фонтан с колесницей в Палермо. На снимках Раиса Горбачева. В то же время в Сицилии на встрече «молодых политиков» присутствовал и ее супруг — М.С. Горбачев, недавний комсомольский работник, а потом партийный лидер Ставрополя. Именно в это время завязались связи будущего «перестройщика № 1» с политической элитой Запада, намечались контуры особых отношений «Горбачев — Тэтчер».

Мало что известно об этой сицилийской встрече и о другой, подобной же. Но, по-видимому, эти контакты послужили стартом политики «нового мышления», которая кончилась исчезновением СССР».

Надо отметить, что Горбачев в бытность секретарем по сельскому хозяйству мог открыто контактировать с американцами. Так, 4 сентября 1981 года он принимал Дж. Кристала, как указывалось в официальном сообщении, специалиста по сельскому хозяйству и общественного деятеля. В середине ноября 1983 года такого рода контакт повторился.

Как писал А.П. Шевякин в книге «Загадка гибели СССР. История заговоров и предательства»: «Особое внимание в нашей литературе обращают на знаковую попытку выйти на связь с М.С. Горбачевым со стороны американцев незадолго до старта «перестройки».

Весной 1984 г. — примерно за год до захвата Горбачевым власти — в Женеве в ходе Конференции по разоружению руководитель советской стороны Чрезвычайный и Полномочный посол СССР В. Исразлян получил приглашение со стороны американского коллеги Льюиса Филдса, только что вернувшегося из Вашингтона, встретиться «на нейтральной почве». По словам Исразляна, встреча состоялась «...в одном из загородных ресторанов». В конце встречи Филдс предложил советскому дипломату пройтись после обеда.

— В Вашингтоне хотели бы установить серьезный, деловой

контакт с кремлевским руководством, — начал Филдс. — И вице-президент Буш готов встретиться с одним из новых советских лидеров во время своего визита в Женеву. Встреча должна носить строго конфиденциальный характер.

На мой вопрос, имеют ли американцы конкретно кого-нибудь из советских лидеров в виду, Филдс однозначно ответил, что вице-президент хотел бы встретиться с Михаилом Горбачевым как наиболее вероятным будущим лидером Советского Союза.

У меня сразу же возник вопрос, почему это важное предложение делается через меня, а не по нормальным дипломатическим каналам — через наше посольство в Вашингтоне или американское в Москве. Филдс вразумительного ответа дать не смог, сказав, что лишь выполняет полученное поручение...

Тем временем в середине апреля в Женеву прибыл Буш. Его выступление на Конференции по разоружению было намечено на 18 апреля, а накануне мне на квартиру позвонил Садрудин Ага Хан (советник Генерального секретаря ООН, директор ряда «международных» центров, член масонского клуба «Магистериум». Москва, 1993 г. — *Прим. авт.*) и таинственно сообщил, что 17-го вечером со мной хотел бы встретиться «наш общий друг»...

Беседу мы начали втроем. Буш кратко коснулся главной цели своего визита в Женеву... Когда Ага Хан покинул нас и мы с Бушем остались вдвоем, он сразу же перевел разговор на возможность проведения неофициальной советско-американской встречи... В качестве своего собеседника как будущего советского лидера он назвал только одну фамилию. «Вашим следующим лидером будет Горбачев», — уверенно заявил он. Эти слова врезались мне в память... Через неделю в Москве при первой же встрече с министром доложил ему о предложении Буша. Громыко внимательно выслушал, не прерывал и не задал ни одного вопроса. Когда я закончил доклад, наступило тягостное молчание. Министр смотрел куда-то в сторону от меня и о чем-то напряженно думал. Затем, обернувшись ко мне, он сказал: «Ну, как там у вас дела на Конференции по разоружению?» Я понял, что разговор закончен» (*Исразлян В.* «Несостоявшаяся встреча». — «Аргументы и факты», 1991, № 25).

Горбачев часто беседовал с видными деятелями Запада с глазу на глаз, стремился уединяться, разговаривать на улице и без своих переводчиков. Такие беседы были у него с римским папой, Бушем, Колем и их представителями. 24 января 1991 года к Горбачеву напросился на встречу посол США Мэтлок. Разговор состоялся без переводчика. Таким образом, несанкционированные контакты или беседы без свидетелей со стороны главного «перестройщика» стали чуть ли не нормой.

По этому поводу генерал-лейтенант госбезопасности Н.С. Леонов, депутат 4-го созыва Госдумы, говорил: «Во всем мире принято составлять подробную запись беседы, если вел ты ее в качестве официального лица или госчиновника. Какие аргументы приводили обе стороны, какие обязательства мы на себя взяли — это ведь не частности. Первыми, кто нарушил эту практику, были Горбачев и Шеварднадзе. Они начали вести переговоры, содержание которых не фиксировалось в записях. Они часто прибегали к услугам не своих, а чужих переводчиков. О чем шла речь на подобных переговорах, у нас в стране никто не знал. В ходе таких переговоров они свободно могли брать со стороны нашего государства обязательства, никого не ставя об этом в известность» (*Морозов М.* «Кремлевские секреты хорошо идут под водочку» — «Комсомольская правда» № 20, 4 февраля 1997).

Но вернемся к чекистскому ремеслу.

Работа любой контрразведки — это прежде всего коллективный труд, хотя он конспиративно детализован и индивидуален. Это мозаика, где каждый фрагмент укладывается в определенное место, совокупность которых и создает законченный узор — результат творческого труда коллектива и личности. А еще деятельность контрразведки сравнима со звучанием оркестра, в котором трудно выделить отдельный инструмент. В коллективе второго отделения каждый играл, причем профессионально, на своем инструменте в общем слаженном оркестре.

Поэтому эта книга не о Стороженко, а о процессе становления большинства честных и чистых чекистов — военных контрразведчиков, прошедших через горнило испытаний своего вре-

мени. Оно кануло в Лету, оставив заметный след в патриотическом деле защиты Родины — борьбе не с мнимыми врагами страны, а глубоко законспирированными агентами иностранных разведок, вставшими, как правило, на путь предательства из-за корыстных, а не идейных соображений.

О том, какие наработки по вскрытию «оборотней» в погонах были в багаже второго отделения 1-го отдела военной контрразведки КГБ СССР, и пойдет дальше речь.

Глава 5

«Иуда» разоблачен

Первым учебным материалом при работе Стороженко в центральном аппарате военной контрразведки, поднимающем желание «трудиться по-серьезному» в поиске «крота», была аналитическая справка по делу оперативной разработки (ДОР) «Бумеранг», по которому проходил фигурант под псевдонимом «Иуда», разоблаченный американский шпион, сотрудник Главного разведывательного управления (ГРУ) Генштаба ВС СССР подполковник Попов П.С.

Дело в том, что на занятиях по чекистской подготовке молодым оперативникам, прибывшим недавно в отдел, его руководитель полковник Ермолаев Иван Авраамович настоятельно рекомендовал глубоко «проутюжить» эти материалы.

— Нужно много учиться, чтобы немного знать, но знать глубоко, — часто говорил начальник подразделения. — Не ленись читать с лупой то, о чем потом будете писать.

Он, конечно же, имел в виду планирование операций по вычислению предателей в погонах.

Но начнем все по порядку.

Попов Петр Семенович родился в крестьянской семье на Тверской земле. Являлся участником Великой Отечественной войны, которую закончил в должности порученца при энкавдэшном генерале Серове И.Н. Именно по рекомендации этой одиозной личности он и попал на службу в ГРУ.

В 1951 году Попова направляют на работу в Центральную Группу войск (ЦГВ), находившуюся в Австрии, и назначают старшим в легальную резидентуру ГРУ с задачей подбора кандидатов на вербовку среди иностранцев.

Через год в стране пребывания у него завязывается любовный узел с австрийкой Эмилией Коханек, по всей видимости, подставой ЦРУ. Жена Попова с двумя детьми в это время проживала у своих родителей в городе Калинин (Тверь).

Австрийская пассия требовала к себе не только внимания, но и приличных денежных затрат. Зарплаты не хватало на утеху, а поэтому шел поиск дополнительного финансового источника. Проблема, где достать деньги для расходов на любовницу, как тень преследовала офицера. И однажды он решился...

Сразу же после бурно проведенного новогоднего праздника в обществе любимой дамы — 1 января 1953 года он выходит на вице-консула США в Вене с настоятельной просьбой познакомиться с кем-либо из сотрудников американской разведки. Такая просьба советского офицера, естественно, не могла «заржаветь» у американцев.

Вскоре на Попова вышел кадровый сотрудник ЦРУ США Джорж Кайзвальтер. Выслушав россиянина, янки сразу же «взял быка за рога». А бык оказался молочной коровой, которую можно и нужно было доить. Предателю дали кличку «Грэлспайс». «Оборотень» сразу начал активно действовать.

За период своей работы на американцев в Австрии Попов выдал сначала четырех офицеров советской военной разведки. Потом у новоиспеченного «крота» пошло-поехало, как по накатанной дорожке. На тайных встречах он сдает адреса конспиративных и явочных квартир, на которых принимает свою агентуру. Вычислить ее теперь никакого труда для американцев не составляет. Но он продолжает усердствовать, сообщая фамилии своих помощников из числа иностранцев.

Перед самым отъездом в СССР его «послужной список» предательства существенно пополнился. Американцы уже располагали сведениями, полученными от своего агента, на более чем

80 офицеров советских спецслужб. Кроме того, «оборотень» передал цэзрушникам данные о структурных изменениях в центральном аппарате ГРУ, о системе обучения офицеров военной разведки, а также — обобщенные данные секретного характера по другим военно-политическим вопросам...

В 1954 году его отзывают в Москву, чтобы направить в другое место службы — в ГДР, где он пробыл до 1958 года.

За годы службы в Германии у Попова появилась шпионская матерость. Он считал себя агентом со стажем, который знал, где, что и как искать и как уйти из-под чекистского «колпака». Основными технологическими приемами по добыванию секретной информации в Группе Советских войск в Германии были опросы военнослужащих, ознакомление с режимными материалами и присутствие на крупных совещаниях с участием командования группы войск и представителей Генерального штаба Вооруженных Сил СССР.

На таких совещаниях он максимально сосредотачивался, включаясь в процесс запоминания. Слуховой памятью бог его не обидел, как не обделил и зрительной. Дома он воспроизводил все то, что слышал и видел и что нужно было американцам, тщательно фиксируя на бумаге выуженные сведения.

Следует заметить, что Попов в совершенстве владел навыками стенографии. Их он активно использовал в преступных целях, на чем и попался. Дело в том, что советская разведка получила копию одного шпионского донесения, в котором «оборотень» сообщал в ЦРУ о содержании оперативного совещания.

Естественно, военные контрразведчики стали искать «крота» в первую очередь среди присутствовавших на этом совещании офицеров и генералов. Всего сквозь сито оперативного разбирательства надо было просеять более тысячи человек, участников совещания. Но, как говорится, в постоянном и кропотливом труде — надежда! А потом, за что возьмешься с трудолюбием, все заблестит. И заблестело...

Анализ шпионской «шпаргалки» показал, что, по всей вероятности, она писалась не с магнитофонной ленты, а со стенографического текста. Специалисты-эксперты тоже склонялись к этой версии. Теперь возникла задача найти лиц, присутствовав-

ших на совещании и знающих стенографию. Через неделю военные контрразведчики обладали списком на дюжину таких офицеров. Потом уже методом исключения вышли на Попова, продавшего товар американцам...

В качестве агента под псевдонимом Грэлспайс Попов шел, не боясь быть изобличенным, на личные встречи с представителями американских спецслужб, в данном случае ЦРУ. Именно на таких встречах он передавал собранную секретную информацию, получая за нее предательские сребреники. Все это продолжалось вплоть до его откомандирования в Москву в 1958 году.

Интересно заметить, что в это же время в советскую столицу прибывает в качестве атташе административно-хозяйственного отдела посольства США Рассел Аугуст Лэнжелли. В аэропорту его встречал вместе с «чистыми» дипломатами установленный разведчик ЦРУ господин Римстэд, работавший под крышей первого секретаря посольства. Насторожило оперативников то, что он первым подошел и поприветствовал прибывшего соотечественника. Этот, казалось бы, маловажный на первый взгляд штрих о возможной принадлежности нового сотрудника посольства к спецслужбам США был взят оперативниками на заметку.

Стали внимательно присматриваться к образу жизни и деятельности американца. Но он своим поведением не выдавал связи с разведкой. Вечерами после работы новый сотрудник совершал безобидные прогулки по городу, изучая достопримечательности столицы. Посещал театры, музеи, выставки. Нередко с семьей выезжал в Подмоскowie, внешне любуясь его красотами.

Создавалось впечатление, что другие проблемы, выходящие за рамки его компетенции как хозяйственника, не интересуют, что он «чистый» дипломат, заботящийся только о работе, семье, своем здоровье и культурном отдыхе.

Однако через некоторое время Лэнжелли ломает рамки дипломатической благопристойности и вместе с посольским коллегой — атташе по экономическим вопросам Уинтерсом стал бродить по местам, далеким от культурных очагов и других достопримечательностей столицы.

Служба наружного наблюдения не раз фиксировала их вместе в глухих уголках парков и скверов, на стройках, у детских площадок и в проходных дворах. Подозрительно крутились они у ресторанов и баров, не заходя туда, где можно было бы перекусить или выпить по чарочке столичной водки.

Как баеся в нашей пословице, их сам черт лычком связал — с кем поведешься, от того и наберешься. Все это, пока что косвенно, говорило о том, что Лэнжелли не тот, за кого себя выдает, что, по всей вероятности, он связан со спецслужбой и приехал в Москву для проведения агентурной работы. Подозрения усилились, когда чекисты получили объективные данные на партнера Лэнжелли по совместным прогулкам Уинтерса.

Он оказался кадровым разведчиком, с узкой специализацией — работа против граждан Советского Союза. В послужном списке у него были интересные этапы: служил в военно-морской разведке США, изучал русский язык в разведцентре в Колорадо, а затем прошел курс обучения в Русском институте Колумбийского университета. Сразу же после окончания учебы его взяли на службу в ЦРУ.

Дальнейшее наблюдение за Лэнжелли показало, что он тоже «рыцарь плаща и кинжала». Его связь с разведкой доказывалась конкретными действиями. Он стал активно проверяться, пытаясь вскрыть за собою «хвост» наружного наблюдения и при необходимости благополучно оторваться от него.

Так, 21 января 1959 года он с утра покинул посольство на автомашине. Покатался по Москве, заехал в магазин и купил модную тогда среди москвичей цигейковую шапку. А вечером вместе с женой, которая села за «баранку», направился из посольства домой в сторону проспекта Мира, где они проживали.

На маршруте он снова тщательно проверялся: голова крутилась, как волчок. Цель — вскрыть за собой возможную слежку. Для этого он использовал разные ухищрения: приказывал жене резко менять скоростной режим на шоссе, начинать движение в последний момент при переключении светофора на красный свет, перестраиваться и т.д. Когда машина оказалась в правом

крайнем ряду на проспекте Мира и попала в пробку, он вышел из автомобиля в московской шапке и, смешавшись в толпе с возвращающимися с работы москвичами, направился в сторону метро. Жена одна повела машину дальше.

Лэнжелли вошел в метро и доехал до станции «Проспект Мира». Создавалось впечатление, что он не собирается выходить. Но когда двери вагона стали закрываться, он придержал правой ногой одну из створок и выскочил на платформу. Походил по станции, все время озираясь и поглядывая на часы. Где-то в районе 19.45 американец покинул метро и внешне спокойно направился к автобусной остановке, при этом тоже старательно проверяясь.

Ровно в 20.00 возле остановки появился офицер в звании подполковника. Лэнжелли и незнакомец как бы пошли в одном направлении, затем поравнялись и сразу же разошлись. На первый взгляд могло показаться, что это совершенно случайная встреча, но на то и щука, чтобы карась не дремал, — бдительность и профессионализм сотрудников наружного наблюдения позволили зафиксировать кратковременный контакт. Американец и офицер обменялись какими-то небольшими предметами.

Перед чекистами встала в данной ситуации главная проблема — надо все сделать, даже ценой потери из-под контроля американца, чтобы установить советского офицера. А подполковник, пройдя еще десятка два метров, вдруг развернулся и подошел опять к остановке и на автобусе доехал до гостиницы «Останкино».

Теперь для оперативников уже не существовало особых трудностей выяснить личность офицера. Незнакомец оказался подполковником Советской Армии Поповым Петром Семеновичем, прибывшим в Москву из Калининна.

Вскоре контрразведчики уже располагали первичными установочными данными о том, что офицер недавно прибыл из Группы Советских войск в Германии (ГСВГ), где служил по линии ГРУ. В 1958 году он был откомандирован в СССР за «неслужебную связь с австрийской гражданкой» и отчислен из военной разведки.

Попова направили в распоряжение отдела кадров штаба Ты-

ла ВС СССР. Семья его проживала, как уже говорилось, в городе Калинине, а он в дни приездов в столицу коротал время в облюбованной им гостинице.

Сразу стало ясно, что стандартно подходить к изучению этого опытного в делах разведки офицера через агентуру или доверенных лиц оперативники не могли. Он бы быстро обнаружил проявленный к нему интерес. Поэтому решено было с учетом зафиксированного подозрительного контакта Попова с установленным американским разведчиком-агентуристом круглосуточно контролировать его поведение силами наружной разведки, особенно при поездках в Москву. Упор делался на выявлении возможного им использования для связи с американцами почтового канала как в столице, так и в Калинине.

Подключили и силы радиоконтрразведки, что сразу принесло некоторую подвижку в изучении объекта оперативной заинтересованности. Анализ передаваемых шифровальных сообщений радиоразведывательным центром ЦРУ США из Франкфурта-на-Майне показал, что начиная с января 1959 года эти сообщения постоянно шли для неизвестного агента, вероятнее всего осевшего в пределах Москвы или Московской области. Передачи велись в 22.00 по субботам и в 6.30 по воскресеньям.

Но все же главной удачей контрразведчиков был перехват письма, отправленного из Москвы в Калинин на имя Попова от имени некоего Смирнова. обстоятельное исследование почтового вложения специалистами показало, что в письме имеется тайнописный текст. В нем Попова благодарили за высокое качество собранных и переданных им (в ЦРУ. — *Прим. авт.*) материалов и ставились очередные задачи по сбору секретной информации. Интересовались янки и новым местом службы офицера. Тексты и конверт сфотографировали. Тайнопись чекисты прочитали и «спрятали» снова под открытое письмо, которое тут же отправили адресату.

Живя в Калинине в ожидании назначения на новый участок службы, Попов часто общался с офицерами-секретносителями местного гарнизона, что свидетельствовало о вероятном сборе

им очередной порции товара — шпионской информации — для продажи своим заморским хозяевам.

В феврале 1959 года он в очередной раз приехал в Москву. Вновь остановился в прежней гостинице. Сначала Попов пообщался с офицерами отдела кадров штаба Тыла, а потом заехал в ГРУ. Чувствовалось, что эти контакты не случайны, что таким образом он «ошкуривает» своих будущих и старых коллег, выуживая секреты у болтливых говорунов.

Учитывая тот факт, что чекисты уже располагали прямыми уликовыми доказательствами его не только причастности, но активизации в работе на ЦРУ, и в целях минимизации ущерба стране и ее вооруженным силам решено было в очередной приезд в Москву задержать офицера-«оборотня».

19 февраля 1959 года он был арестован. В ходе личного обыска у подполковника Попова контрразведчики обнаружили: в записной книжке домашний телефон Лэнжелли, пароли для вызова на личные встречи, шесть листов специальной копировальной бумаги, блокнот, в котором при помощи тайнописи был записан текст очередного агентурного донесения американцам.

Одновременно провели обыск и на квартире Попова в городе Калинин, в ходе которого нашли и другие предметы шпионской экипировки.

В частности, в укромном месте хранилась: инструкция по способам связи агента с разведывательным центром на территории США как в условиях Москвы, так и за границы. Нашли план односторонних радиопередач Центр — агент, шифровальный и дешифровальный блокноты, проявитель тайнописных текстов на бумаге и другие предметы, свидетельствующие о связи советского офицера с американской разведкой.

Он был обескуражен внезапным задержанием. И, понимая, что чекисты его выследили, как зверя, и теперь многое знают о его преступной деятельности, на первом же допросе предатель сознался.

«Колоть» шпиона на противоречиях в дальнейших показаниях не пришлось. Он заявил, что начал работать на американцев в качестве агента ЦРУ с начала 1953 года. Пошел на связь из корыстных соображений. Рассказывал все подробно, как собирал

секретную информацию, где и кому ее передавал. Сомнений в его откровенности у чекистов за время первых допросов не возникло. Именно это обстоятельство позволило подвести контрразведчиков к мысли о возможности проведения оперативной игры с американской спецслужбой, которая, естественно, не должна была знать о факте задержания своего агента.

Нужно было сделать все, чтобы янки поверили: агент работает активно и ему можно доверять. Такая игра позволяла бы не столько дурачить противника, сколько, а это самое главное в таких ситуациях, — перехватывать разведывательные устремления ЦРУ к военно-политической проблематике.

Попов признался, что в 1958 году, накануне отпускной поездки на родину, он встречался с Лэнжелли на территории Восточной Германии. Американский разведчик проинструктировал его тогда о способах двухсторонней связи. Упор делался на проведение личных контактов, особенно в первые месяцы их работы в Союзе, а потом — постепенный переход к использованию тайников.

Со слов Лэнжелли он подобрал ему ряд безопасных мест для личных встреч — это детская площадка в Сокольниках, музыкальный магазин на Петровке, общественный туалет на Пушкинской площади, в ресторанах «Астория» и «Арагви», в Центральном детском театре и у входа на станции метро «Проспект Мира».

По телефону Попов мог связаться с американцем в Москве в любое время, а лучше после 19.00, звоня ему на квартиру. На этой же встрече разведчик ЦРУ передал своему агенту адреса заграничных «почтовых ящиков», по которым он всегда мог отправить собранные материалы, зашифровав их или спрятав в письме с использованием тайнописи через письма-прикрытия.

Планом операции при проведении оперативной игры с цезрушниками предусматривалось такое объяснение длительного отсутствия агента в Москве: он теперь, дескать, служит в одной из режимных частей Алапаевского гарнизона, что на Урале. На операцию по игре чекисты отводили срок не более года.

За этот период нужно было помочь руководству ГРУ вывести из-под удара раскрытых Поповым нелегалов и отправить их в

страны, где они могли бы чувствовать себя на первых порах в относительной безопасности. Нужно было также быстро среагировать и на выданных агентом противнику советских офицеров военной разведки, отправив их в Союз по экстренной замене.

Но все же самым главным моментом в оперативной игре являлось то, чтобы американец не разочаровался в агенте, заброшенном на периферию. Необходимы были такие дезинформационные материалы, которые бы заставили Лэнжелли держаться за своего источника и верить в его возвращение на службу в Москву.

Накануне встречи, согласно плану по связи, Попов позвонил на квартиру Лэнжелли и спросил паролем: «Боря дома?» Последовал ответ: «Вы ошиблись, это американский дом». Эти пароль и отзыв означали, что они встречаются в 20.00 в первую среду у означенного ресторана.

18 марта 1959 года Попова вывезли из следственного изолятора и конспиративно доставили на квартиру вблизи ресторана «Астория» под эскортом опытных оперативников.

А в это время сотрудник наружного наблюдения сообщил в штаб операции, что Лэнжелли в 19.30 вместе с женой выехал на автомашине из дома. К 20 часам они оказались уже у вышеупомянутого ресторана.

Надо заметить, что подъезд ресторана чекисты заранее оборудовали скрытой камерой визуального наблюдения, которая четко зафиксировала, как американцы вышли из автомобиля, как муж подал руку жене. Не осталась незамеченной и одна существенная деталь: нежно обнимая супругу, он быстрым движением левой руки вынул из жакета супруги небольшой предмет.

Попов по условиям встречи стоял уже у телефона-автомата в небольшом коридорчике. Когда американец закрыл за собой входную дверь, в руку советского гражданина перекечевала небольшая коробочка, а Лэнжелли получил от Попова другую. Произошел мгновенный обмен «сувенирами». Такое конспиративное действие могли зафиксировать только высокие профессионалы своего дела.

В переданной информации Попов сообщал в ЦРУ, что получил должность командира батальона отдельной части в городе

Алапаевске. К сожалению, выезжает к месту службы один — семья остается в Калининe. Этот элемент легенды должен был оправдывать периодичность его приездов из далекого Урала в Калинин и Москву.

Лэнжелли передал Попову блокнот с заданием по сбору сведений о планах подготовки советских вооруженных сил к возможным боевым действиям в связи с обострением «Берлинского вопроса». Также американец просил собрать информацию по межконтинентальным баллистическим ракетам (МБР) и местам базирования стартовых площадок для их запуска.

В пакете, помимо заданий, находились: новый адрес «почтового ящика» американской разведки в Западной Германии и «гонорар» — 20 000 рублей.

Вторая встреча прошла 23 июля 1959 года опять же в «Астории». Попов передал «собранный» информацию, которую с нетерпением ждали американцы с учетом остроты предыдущего задания, а Лэнжелли вручил офицеру пакет с новым заданием и 15 000 рублей.

В этом задании, в частности, говорилось:

«Можно отвечать на вопросы по номерам, т.е. в ответе ссылаться на номер вопроса и давать информацию минимальным количеством слов. Нам полезно знать, от кого или как Вы получили сведения, например, от человека определенной специальности, из проходивших через Ваши руки документов и т.п.»

Следующая встреча прошла 18 сентября 1959 года в ресторане «Арагви». Опять же, согласно плану по связи, Попов позвонил после 19.00 на квартиру Лэнжелли и спросил: «Федор дома?» Отзыв был, как и прежде: «Вы ошиблись, это американский дом», что означало, что встреча произойдет в 20.00 в первое воскресенье.

На этом свидании разведчика с агентом Лэнжелли вручил Попову пакет с 20 000 рублей и измененные данные по условиям связи. Дело в том, что к этому времени семья американского «дипломата» переехала на другую квартиру, и у него теперь был новый номер домашнего телефона.

Шпион же в своем донесении информировал, что в настоящее время находится в отпуске в Калининe, и запланировал

встретиться с коллегами из военной разведки и крупным специалистом в области ракетостроения. Называлась фамилия ученого, которого знали и американцы.

С учетом того, что за время оперативной игры были выведены из-под удара все нелегалы, которых выдал Попов, и заменены засвеченные им офицеры ГРУ в зарубежных резидентурах, у чекистов не было больше смысла дурачить янки. А вот задержать американца с поличным представлялось с оперативной точки зрения реальным и целесообразным.

15 октября 1959 года Попов вызвал Лэнжелли на очередную встречу на 9.00 утра следующего дня в автобусе маршрута № 107.

16 октября шпион приехал в район встречи на «такси». Лэнжелли в 8.45 вышел из новой квартиры на Кутузовском проспекте. Встретившись на остановке и обменявшись взглядами, они сели в отъезжающий автобус, плотно заполненный пассажирами, среди которых были и оперативники. Попов сразу же прошел вперед, за ним устремился американец, сопровождаемый «бдительными гражданами». Как только разведчик поравнялся со своим агентом, он тут же передал ему пакет. Шпион, в свою очередь, сунул американцу небольшой конверт с «собранный информацией». По договоренности Попов дал оперативникам сигнал об окончании операции по связи и обмену материалами.

При выходе из автобуса, на одной из остановок они были задержаны сотрудниками оперативной группы КГБ СССР.

— На каком основании?.. Я гражданин Соединенных Штатов Америки... Я — дипломат, вы ответите за этот беспредел, — бормотал трясущимися губами побледневший американец.

Но когда ему предъявили некоторые фото- и кинодокументы, где он был запечатлен в «боевой» работе со своим агентом, Лэнжелли сразу же понял, что пойман с поличным. В висках застучало, он то краснел, то бледнел, мысль волчком крутилась в воспаленном мозгу: как лучше выйти из этого дурацкого положения... И он сам себе посоветовал сдаться и попросил связаться со своим консулом.

Уже через трое суток с клеймом «персона нон грата» по протесту МИДа СССР Лэнжелли с семьей покинул пределы нашей

страны, в которую приехал как враг. Карьера американского разведчика была серьезно подмочена.

Попова же ждал суд, потому что без правовой оценки преступной деятельности его нельзя было как бы то ни было наказывать.

Как и во все времена, нравственные уроды, которые из корыстных побуждений перебежали на сторону противника или шли в тайное услужение ему, чтобы предавать своих коллег по тяжелому и опасному цеху, каким являлась разведка, заслуживали одного позорного слова — предатели. Степень осуждения таких оборотней всегда во все времена и во всех странах была по справедливости жесткой...

Глава 6

«Янг» под колпаком контрразведки

О предательстве полковника Олега Пеньковского Стороженко впервые узнал на лекции по оперативной подготовке в Высшей школе КГБ. Но разве мог предполагать, что пройдет некоторое время и он окажется в том подразделении, офицеры которого принимали активное участие в разоблачении матерого шпиона в недрах ГРУ под кличкой «Янг».

В литературных (аналитических) делах того времени еще было много материалов о предателе, поэтому Николай внимательно знакомился с ними, понимая, что опыт, наработанный старшими товарищами, пригодится в дальнейшем. Он не ошибся, считая, что опыт учит понимать, что невероятное не всегда ложно и что опыт хорош, если за него не заплачено слишком дорого. Именно для того, чтобы в дальнейшем не платить дорого за возможные ошибки в деле поиска «кратов», он и корпел над интересными делами.

Военная карьера Пеньковского даже на первый взгляд была довольно необычной. После окончания в 1939 году Киевского военного училища его направляют в войска. Он участвовал в советско-финляндской войне. С июня 1941 года начал контактировать с военной разведкой РККА. Некоторое время, с 1944 по 1945 год, являлся офицером связи — порученцем будущего

Главного маршала артиллерии С. Варенцова. В 1945 году Олег Пеньковский, двадцатишестилетний подполковник, по рекомендации Варенцова и маршала Конева был принят в Военную академию имени Фрунзе. В наградном листе Пеньковского значились пять боевых орденов, включая редкий «штабной» орден Александра Невского. В этом же, 1945 году подполковник женился на 17-летней дочери генерала Д.А. Гапановича, начальника Политуправления и члена Военного совета МВО. После появления первого ребенка — дочери он получил, по всей видимости, не без помощи тестя, шикарную квартиру в элитном по тем временам доме. В карьерном росте племянника, очевидно, принимал участие и его дядя, в будущем генерал армии В.А. Пеньковский.

В 1948 году он оканчивает Военную академию имени М.В. Фрунзе. Там овладел азами английского языка и намеревался поступить в престижную Высшую военно-дипломатическую школу (ВВДШ). Но получился облом — его не приняли, не помогло и вмешательство тестя. Служба в Москве после «фрунзенки» началась в Центральном военкомате МВО. В начале 1949 года не без помощи маршала Конева и его зама генерала Маландина он зачисляется слушателем ВВДШ. В первых числах февраля 1950 года он получил звание полковника.

На банкете почетный гость Иван Конев, бросив три полковничьи звезды в бокал с водкой, поднял тост «за одну большую генеральскую звезду» одного из самых молодых полковников в стране.

В 1953 году Пеньковский завершил учебу в ВВДШ, которая позже будет называться Военно-дипломатической академией, и был направлен в Главное разведывательное управление Генштаба ВС СССР, но там с самого начала службы Пеньковский не сумел найти ключи к новым сослуживцам. Репутация «высочки» быстро утвердилась за молодым полковником. От него начальство старалось избавиться.

В 1955 году его назначают на должность исполняющего обязанности военного атташе СССР в Турции. Вместе с женой он вылетел в Анкару. Деловых и товарищеских отношений с коллегами и посольскими работниками у него не сложилось. Пеньков-

ских считали высокомерными людьми, в свою очередь, чета и.о. ВАТ пренебрежительно называла своих коллег «колхозниками».

В январе 1956 года в Анкару из Кабула перевели генерал-майора Н.П. Савченко (Рубенко) и назначили его ВАТ СССР и руководителем резидентуры ГРУ в Турции. С новым руководством у Пеньковского тоже не сложились деловые отношения, и он, пытаясь отомстить своему начальнику за «глупость и грубость» в своей работе, донес на него в Москву через каналы КГБ. В ноябре 1956 года все руководство ВАТ было отозвано в СССР. Пеньковский понял, что такой его поступок не прибавит «пера в его шляпу» в системе ГРУ.

Тогдашний начальник управления кадров ГРУ генерал Смоликов обрисовал положение Пеньковского так: «Дорогой мой Олег Владимирович, не так важно, кто прав, а кто виноват. Важно, что уважаемый Николай Петрович Савченко уже был генералом, а вы, простите меня, только полковник. И вряд ли кто-либо из наших с вами начальников-генералов захочет после этого инцидента пригласить вас к себе в отдел. А неволить кого-либо не в наших правилах».

Итак, Пеньковский не сумел перерасти генеральского порученца, который поселился в нем навсегда.

В 1958 году он не без помощи Варенцова направляется на ракетные курсы при Военно-инженерной академии имени Дзержинского. 23 апреля 1959 года Пеньковскому исполнилось 40 лет. Его служебные амбиции не были полностью удовлетворены, хотя в мае 1959 года Пеньковский получил диплом с высшими оценками по всем дисциплинам и был отмечен как лучший выпускник курса. После окончания курсов его опять направляют в ГРУ. Офицера определили на работу в управление внешних сношений Госкомитета по координации научно-исследовательских работ (УВС ГКНИР) при Совете Министров СССР. По его мнению, это было прикрытое добродетелью выдавливание его из центрального аппарата ГРУ и конец карьерного роста.

Что же касается УВС ГКНИРа, то оно напоминало в это время старорежимную «богачельню», куда прибывался весь хлам секретных служб, имитирующий важную государственную работу. Это было время армейского скепсиса в результате существ-

венного сокращения Вооруженных Сил СССР как результат хрущевской «политической пластики» в духе «веселого душегуба». Юмором с кастетом в руках называли его импровизированные шаги во внутренней и внешней политике некоторые острословы.

Появился скепсис и у разведчиков, одобренный профессиональной «деформацией» в связи с постоянной «облученностью» спецслужбистов, их сталкиванием с изнанкой жизни.

В ноябре 1960-го полковник Пеньковский предложил свои услуги ЦРУ. Американцы отнеслись к поступку советского офицера недоверчиво, боясь подставы, никак не прореагировав на его письмо. Тогда в апреле 1961 года он повторил свои намерения английской разведке МИ-6. Несмотря на британский снобизм, разведка Ее Величества отреагировала достойно...

Документы свидетельствовали, что, будучи по натуре авантюристом, Пеньковский вел двойную жизнь. Одна была фальшивая, показная, другая — реальная, подлинная. Из этих двух ипостасей он хотел иметь выгоду в виде зарплат, подарков, перспектив роста. Он был бонвиваном, гулякой, лебезил перед начальством, умел показать мокрую спину при минимальных затратах собственных сил. Некоторые сослуживцы принимали его угодничество как человеческую доброту, а карьеризм — как служебное рвение. Нередко успехи сослуживцев он выдавал за свои...

Несмотря на суетливость и нетерпеливость, как отзывался о нем англичанин Эндрю Мортон, он почти всегда жил так, как будто бы в его распоряжении находился геологический запас времени или песочные часы, которые можно опять перевернуть после того, как прошел еще один год, — запас песка казался постоянным. Пеньковский был склонен переоценивать свой реализм. Кроме того, он усвоил привычку многих чиновников его уровня сардонически реагировать на абсурдный характер и сюрреалистический стиль советских бюрократических лабиринтов.

На одном из занятий по чекистской подготовке, которое вел полковник И.А. Ермолаев — начальник 1-го отдела 3-го Главка КГБ, участник операции по разоблачению шпиона — был поднят вопрос о личностных качествах «крота».

— И все же, какие главные черты, по вашему мнению, выделяли Пеньковского среди офицеров? — спросил у начальника на этом занятии капитан Стороженко.

— Качество личности, — повествовал чекист, — ее совокупный психологический портрет, к сожалению, у нас мало изучается, и не им измеряется роль человека в коллективе. Порой руководство оценивает работника, создавшего себе репутацию удобными словами, а не реальными делами. Не случайно в личных делах многих офицеров, в том числе и офицеров разведки, лежали характеристики-близнецы с одной стандартной концовкой: «...предан социалистической Родине, Коммунистической партии... хранить секреты умеет» и прочее. Так было и с Пеньковским.

Даже у оперативника, обслуживавшего подразделение, в котором трудился будущий шпион, были на него разрозненные данные, но он не смог свести их в единый психологический портрет.

Объективно же этот портрет сложился только в ходе следствия. В нем есть такие мазки: человек умный, обладает организаторскими способностями, одновременно тщеславен и честолюбив, обожал, когда его замечали, постоянно искал высокопоставленных покровителей и через них всякий раз пробивал карьеру. Даже женитьбу на дочери известного генерала подчинил своему пути к успеху по службе. Крепкой семьи не создал и действовал, сообразуясь с собственной логикой авантюриста. Была у него еще одна характерная черта — постоянно подчеркивал свою близость к высокопоставленному начальству...

— А как и когда вышли на него? — поинтересовался кто-то из офицеров.

— Первые подозрительные признаки косвенного характера появились у оперативника тогда, когда стали поступать данные о проявлении им повышенного интереса к секретам, выходящим за пределы его должностных обязанностей. Таких сигналов было несколько, — их посчитали тогда чисто субъективными данными. Но когда поступило сообщение, что при работе с секретными документами он закрывает на замок дверь кабинета, чекисты стали пристальнее присматриваться к полковнику.

30 декабря 1961 года сотрудники наружного наблюдения засекли подозрительную встречу жены английского дипломата Анны Чизхолм с неизвестным мужчиной в подъезде дома № 4 по Арбатскому переулку.

При выяснении личности это оказался советский гражданин, офицер ГРУ Генштаба ВС СССР Олег Пеньковский. С этого времени и началась активная работа по сбору улик на предателя. Было установлено, что Пеньковский вне службы вел разгульный образ жизни, а для этого требовались деньги, и деньги немалые. О его времяпрепровождении ходили легенды. Он любил расслабиться в ресторанах и кафе с нужными ему людьми, то ли для «ошкуривания» объекта беседы в плане получения от захмелевшего болтуна секретных сведений, то ли рыцарского ухарства в щебетании с дамой сердца. Однажды он так «назююкался», что, сидя за столиком в ресторане с очередной жрицей любви, в знак подчеркнутого уважения к даме снял с ее ножки туфлю, налил туда шампанское и, подняв тост за здоровье присутствующей, выпил из этого «бокала».

— Bravo, bravo! — закричала публика, редко видевшая такое проявление чувства кавалера не первой свежести к молодой особе.

При таком прожигательстве жизни полковничьей зарплаты, естественно, не хватало, поэтому еще в конце 1960 года он пытался установить преступную связь с иностранной разведкой. Для этой цели он подготовил письмо с предложением своих услуг. Легальных контактов для встречи с иностранцами у него было достаточно, так как он работал от ГРУ в Госкомитете по координации научно-исследовательских работ. Это письмо он передал одному иностранцу в американском клубе в Москве. Однако янки отнеслись настороженно к намерениям советского офицера.

Надо заметить, что в то время начальник контрразведки ЦРУ США Д. Энглтон не очень доверял инициативникам из социалистического лагеря, предлагавшим добровольно свои услуги американской разведке, боясь подстав со стороны «коварного и всемогущего» КГБ.

Тогда Пеньковский решил пойти другим путем — связать

свою судьбу с англичанами. Скоро удобный случай представился. В декабре 1960 года в Москву вместе с делегацией английских специалистов прибыл под личиной бизнесмена разведчик Грэвилл Винн. Из разговора с ним полковник понял, что это тот тип, перед которым можно открыться и попытаться выйти на разведчиков Великобритании. Они быстро подружились.

Когда в апреле 1961 года, в последний день пребывания Винна в Москве, друзья прогуливались по Красной площади, Пеньковский неожиданно заявил, что он располагает рядом сведений, которые любой ценой должны быть переправлены на Запад.

А находясь на представительском ужине в ресторане гостиницы «Националь», Пеньковский более подробно рассказал Винну о себе, о службе в ГРУ и своем желании сотрудничать с английской разведкой. Там же он передал тщательно запечатанный конверт, содержащий полный отчет о всей своей предыдущей деятельности и ряд секретных документов, для того чтобы убедить СИС в искренности намерений предателя.

А 20 апреля того же года Пеньковский в составе советской торговой делегации отправлялся на 16 суток в Лондон. Теперь он вез с собой во внутреннем кармане пиджака шестнадцать страниц убористо написанного текста с ТТД трех новейших ракет...

Вместе со специалистами начальник ГРУ отправил в страну туманного Альбиона и свой родственный довесок. В аэропорту Шереметьево генерал Серов, одетый в модный по тем временам светло-серый габардиновый плащ и такого же цвета шляпу, поздравил руководителя делегации Пеньковского и предупредил: «С вашей «командой» поедут в Англию моя жена и дочь Светлана. Хотелось бы, чтобы их присутствие в делегации прошло «под сурдинку» не только для англичан, но и для ваших командированных... Олег Владимирович, будь добр, присмотри за женщинами. Заграница — не дома, чего не бывает, сам понимаешь. И ты поспокойнее, суетиться не надо и побольше достоинства...»

Потом он поздравил стоявших в стороне дам и отрекомендовал им благодетеля: «А это Олег Владимирович, вот познакомьтесь, будет вашим начальником. Слушайте его во всем! Он вам

все покажет в Лондоне и вокруг. И купить все поможет, сами понимаете».

И действительно, в Лондоне ему удалось «уговорить» жену генерала взять у него деньги на траты. Мадам согласилась взять деньги, пообещав: «Мой муж неукоснительно вернет вам все, что вы решитесь на нас потратить».

У Пеньковского голова шла кругом от дел: служебных, туристических, магазинных и шпионских.

То было время хрущевского балагана. Как писал в документальном романе «Они умирают в начищенных ботинках» англичанин Эндрю Мортон — знаток Пеньковского с позиций Лондона, — это был период пышного расцвета подношений. В центральных аппаратах министерств и ведомств, в том числе и ГРУ, ожили старинные манеры начинать любое дело «по-восточному», с одаривания начальства. «Машинистке секретного отдела причитался английский шоколадный набор, секретарше босса — «Шанель № 5», охране — нож «Золинген», зажигалка «Ронсон», темные очки «Пайлот». Столоначальникам — авторучка «Паркер», галстук с имперским единорогом или коронами, теннисный инвентарь «Макинтайр» или словари «Вебстер». Командному составу полагалось (уже без ограничений в цене) немецкие ружья, фотоаппараты или сервиз «Цвигельмюстер», швейцарские часы «Лонжин», японские транзисторы или шведский хрусталь.

Детям и внукам лидеров привозились автомобильные аксессуары, пластинки, книги Бердяева, Сергея Булгакова и Розанова. Все категории одариваемых интересовались порнографией...»

Кроме того, проявляли живой интерес партчиновники и военные к «тлетворному искусству»: пластинкам Лещенко, Вертинского, Реброва и др. Для этого были нужны деньги, и бо-льши-е деньги. Где он их брал, остается нам только догадываться. Явно, не свои тратил!

И еще он усвоил одну истину: хочешь ездить за границу — вози подарки, иначе пошлют другого.

Каждый вечер, завершив свои официальные дела, Пеньковский выскакивал из гостиницы «Маунт ройял» и направлялся на конспиративную квартиру, где встречался с высокопоставленны-

ми чинами английской и американской разведок СИС и ЦРУ. Беседы продолжались до глубокой ночи. Их особенно интересовали те девять месяцев, которые он провел в Военной академии имени Ф.Э. Дзержинского, изучая ракетную технику.

Там он и был завербован, получив кличку «Янг». Вербовку закрепили письменным обязательством — подпиской о тайном сотрудничестве.

Тут же в номере ему была поставлена задача по сбору политической, военной и экономической информации. Заморские хозяева передали ему чувствительный транзисторный приемник для прослушивания зашифрованных радиопередач, блокнот с шифрами и кодами, средства для нанесения и проявления тайнописи, миниатюрный приемник «Минокс», фотопленки и другие предметы шпионской экипировки. Все это он, вернувшись в Москву, спрятал дома в оборудованном тайнике письменного стола. С этого рубежа «оборотень» начал активно «работать» в ГРУ против ГРУ и всей страны.

Для легализации контактов с советскими гражданами англичане приглашали в свое посольство специалистов. Часто на таких приемах бывали и сотрудники Госкомитета по науке и технике. Получал подобные приглашения и Пеньковский, но не для развития внешнеторговых контактов, а совсем для других целей — шпионских. Там тоже присутствовал англичанин Г. Винн.

Во время вояжей по роду службы в европейские столицы Пеньковского «натаскивали» — тренировали, как собаку для охоты. На конспиративных квартирах его обучали (занятия шли по несколько часов), как советскому военному разведчику стать первоклассным шпионом. В то же время «доили» — устно выпытывали все то, что хранилось им в памяти. А хранил он много, так как собирал товар для продажи. Выслуживаясь перед «хозяевами», Пеньковский однажды в порыве явного бахвальства заявил: «Взорву в Москве все что угодно — выполню любое задание».

В частности, как писали газеты, он сделал предложение, которое и сегодня потрясает нормально мыслящих людей. Показав на карте Москвы 29 мест, где располагались главные военные, политические и государственные учреждения страны, он вы-

звался в день «Х» по сигналу ЦРУ и МИ-6 заложить в близлежащих магазинах, на почтах, в подъездах жилых домов атомные «бомбы-малютки» с часовым механизмом. По его предложению, они должны быть установлены на одно и то же время с таким расчетом, чтобы до срабатывания он сам успел уехать.

Обосновав эту сумасбродную идею своими глубокими познаниями в военном деле, он всячески старался убедить американских разведчиков в необходимости этого теракта.

Даже известный противник инициативников — предателей из Советского Союза начальник контрразведки ЦРУ Энглтон, оценивая в те дни надежность шпиона, назвал его «анархистом и человеком с причудами, который по какой-то причине пытается втянуть нас в войну с Россией».

Неуравновешенный и амбициозный Пеньковский был готов лично уничтожить миллионы своих соотечественников.

Для снятия стресса ему предлагали секс с разного рода проститутками, работавшими на английскую разведку. От такого отдыха он, естественно, не отказывался. Шпион понимал, что это тоже своеобразная плата за его нервное перенапряжение, за невозстановленные, погибшие нервные клетки в ходе переживаний на опасной тропе предательства. О низости и скотстве своих поступков он не задумывался, мечтал только о деньгах, больших и скорых деньгах, чтобы быстрее их потратить.

О фактах обширных связей «рыжего», своего дружка Пеньковского с женщинами легкого поведения подробно расскажут на процессе свидетели — его собутыльники по пьяным оргиям Рудовский и Финкельштейн.

В один из визитов в Лондон неожиданно Винн пригласил Пеньковского в гости в свой дом. Советский офицер впервые видел быт британского дома снаружи и внутри. Стены дома были увиты багряным плющом, ярко зеленел, как мох, дерн на лужайках. Во дворике стоял стойкий аромат чайных роз. Горел камин, потрескивая дровами с запахом смолки. За раскрытыми окнами

жужжали пчелы. Стройная жена Винна Шейла для приличия поинтересовалась родителями гостя.

— Отец погиб на фронте, а мать жива, — ответил полковник.

Вино в графинах скоро испарилось за частыми тостами, но гостю, сидевшему в шотландском клетчатом кресле, не хотелось уходить. Камин манил и притягивал к себе, успокаивая его возбужденную натуру...

За время заграничных поездок «крот» передал противнику 106 экспонированных фотопленок, в которых было более пяти тысяч кадров. Это были материалы секретного характера, полученные разными путями на шпионской стезе.

А теперь к вопросу его «засветки». Из материалов судебного разбирательства установлено: как уже говорилось, впервые Пеньковский попал в поле зрения органов советской контрразведки в конце 1962 года. Согласно плану по связи, шпион должен был передать часть собранных им секретных материалов при личной встрече с женой английского дипломата Анной Чизхолм на Цветном бульваре, где она часто гуляла с детьми. Коробка конфет, в которой находились четыре фотопленки, была передана в качестве «угощения» детям англичанки на лавочке одной из детских площадок, куда якобы «случайно» забрел Пеньковский.

Этот подозрительный факт и был зафиксирован сотрудниками наружного наблюдения. Затем уже все действия подозреваемого в шпионаже и его встречи с иностранцами контролировались чекистами, что позволило не только разоблачить матерого шпиона, но и вскрыть его связи с разведчиками США и Великобритании, работавшими легально под «крышами» соответствующих посольств в Москве.

А их, этих преступных связей, прямо или косвенно обеспечивающих безопасность работы Пеньковского и Винна в столице было много. Это прежде всего сотрудники посольства Англии А. Рауссел, Г. Кауэлл, его жена П. Кауэлл, Р. Чизхолм и его жена А. Чизхолм, Д. Варлей, Ф. Стюарт и сотрудники посольства США А. Дэвисон, Х. Монгомери, Р. Карлсон, Р. Джэкоб и В. Джонс.

В 1962 году в ходе агентурно-оперативных мероприятий был получен визуально еще один серьезный уликовый факт. Оперативники зафиксировали момент фотографирования Пеньковским в квартире на подоконнике окна каких-то документов, что дало еще одно основание подозревать его в причастности к разведке противника. Надо отметить, что такую «процедуру с бумагами» он проделывал несколько дней подряд.

Участник тех событий И.А. Ермолаев пояснил, что наблюдение за шпионом велось из окна противоположного дома. Уже тогда, как видите, уровень спецтехники позволял не только фиксировать манипуляции подозреваемого в шпионаже с листами машинописного текста, но и четко определить содержание его работы с неизвестным фотоаппаратом. Как потом выяснилось, это была шпионская мини-фотокамера «Минокс». Сомнения после этого рассеялись — перед нами был явный шпион.

22 октября 1962 года после получения санкции от Генерального прокурора Пеньковский был арестован при выходе из здания Госкомитета по координации научно-исследовательских работ. В ходе обыска в его квартире чекисты обнаружили тайник с арсеналом шпионского снаряжения: шифры, коды, средства тайнописи, два фотоаппарата «Минокс», микрофотопленки, машинописные листы секретных документов. На столе стояла пишущая машинка, на которой он перепечатывал некоторые записи для того, чтобы легче читались тексты — шпионские донесения — хозяевами в разведцентрах США и Великобритании, и радиоприемник, на котором прослушивались радиопередачи по линии Центр — агент.

Тогда же была изъята и инструкция, по которой он обучался и действовал в личине «оборотня». В частности, в ней давались такие рекомендации по радиосвязи:

«Мы считаем, что этот способ имеет большие преимущества с точки зрения безопасности... Вам очень важно натренироваться, чтобы вы могли узнать и записать цифры при передаче... для этого нужно просто регулярно практиковаться».

Более детально говорилось о тайниках:

«Они будут оставаться основным способом для отправки сообщений и материалов Вами. Для оперативности этого способа

нам необходимы описания тайников, обещанные Вами. Вам придется в будущем находить и другие. При выборе тайников имейте в виду, что они должны находиться в местах, нормально доступных иностранцам. Мы считаем, что будет лучше, если мы будем заранее согласовывать день и час, в который Вы будете заряжать условленный тайник, чтобы мы могли его сразу же опустошить, не дожидаясь сигнала...»

Дальше в шести пунктах шло подробное разжевывание технологии работы с тайниками.

Спустя некоторое время полковник юстиции в отставке В. Смольников в статье «Неотвратимое возмездие» напишет, что во исполнение этих инструкций «Пеньковский с рвением приступил к выполнению заданий иностранных разведок. Он фотографировал технические отчеты и другие секретные материалы, выживая данные военного характера у своих знакомых военнослужащих, фиксировал те сведения о советском вооружении, которое он получил во время службы в армии».

На следствии, а затем на суде Пеньковский признался, что преступную связь с английской и американской разведками он установил исключительно из корыстных соображений — не хватало денег на развлечения с собутыльниками и женщинами легкого поведения.

Наглядней всего характеризует авантюризм шпиона его письмо руководству КГБ при СМ СССР, написанное на третий день после ареста:

«Прошу вас оказать мне доверие и помочь реабилитироваться и вернуться в наше Общество и в свою семью ценой огромнейшей пользы, которую я сейчас еще имею возможность принести. Я смогу вырвать у врага гораздо больше сведений и материалов, нежели предал.

Это реально с точки зрения сложившихся в настоящее время условий, что является моей жизненной целью. Не превращайте меня в труп — это будет подарком врагу. Забросьте меня туда, где меня ждут. Большого вреда я уже не принесу, и вы ничем не рискуете.

Беру на себя следующие условия: если изменю своему обещанию и буду присылать некачественные материалы или «дезу» — уничтожьте семью, да и со мной вы можете всегда расправиться. Но этого не будет. В горячем стремлении принести сейчас реальную пользу Родине — моя сила.

Помогите искупить преступление.

О. Пеньковский 25.X.1962».

Он был предателем — и страхи его были страхами предателя. Подонок отдавал на заклятие даже семью ради сохранения своей подлой жизни.

Как уже ранее упоминалось, Пеньковский вышел на англичан через Г. Винна. Так кто же этот господин? Грэвилл Винн родился в Англии в 1919 году в семье инженера, работавшего на шахтах Среднего Уэльса. После окончания школы получил высшее образование. В начале войны был призван в армию по всеобщей мобилизации и служил в одном из подразделений военной разведки. По завершении военного лихолетья решил заняться бизнесом. Вначале коммерческая деятельность не заладилась — не хватало средств и опыта. В это время, по всей вероятности, ему подставила плечо английская разведка. Не без помощи «Интеллидженс сервис» он основал две компании — «Грэвилл Винн лимитед» и «Мобайл Экземишенз лимитед».

Именно будучи представителем этих и ряда других фирм, Винн мотался по странам Европы. Бывал он и на территории Советского Союза. Английская разведка стала активно с ним работать начиная с 1955 года, понимая, что его деятельность — это прекрасная «крыша» для операций по связи.

Он проходил шпионскую подготовку на специальных курсах. Обучался вскрытию «хвостов» — наружного наблюдения противной стороны за собой, работе с тайнописными текстами, подбору тайников, кодированию, запоминанию фотографий советских граждан, интересующих английскую разведку.

Таким образом, он становится профессиональным разведчиком, использующим легальные возможности для проведения

подрывных акций на территории СССР как главного противника в ходе «холодной войны».

На суде было установлено, что Винн, выполняя задание спецслужбы, намеревался направить в Москву несколько фургонов, согласовав это мероприятие с Госкомитетом по координации научно-исследовательских работ, для демонстрации фильмов, показа диапозитивов и чтения лекций на техническую тематику. В одном из фургонов был устроен тайник, в котором Пеньковскому планировали вывезти на Запад в случае непредвиденной ситуации, как это сделали потом с другим предателем-разведчиком ПГУ КГБ, другим Олегом — Олегом Гордиевским.

На том же процессе разоблаченный шпион показал, что он, боясь за свою шкуру, неоднократно ставил вопрос гарантий своей безопасности в случае осложнения обстановки. Американцы и англичане «обещали» разные варианты оставления СССР, вплоть до побега на подводной лодке, рыболовецкой шхуне или на самолете. Рисовать подобные варианты спасения спецслужбы великие мастера, но им нужнее действующий агент, а о провалившемся нет никакой заботы. Это закон джунглей: слабый пусть погибает — найдем нового дурака таскать «каштаны из ковра».

Специалисты из английской разведки в Лондоне изготовили для своего агента фальшивый паспорт с тем расчетом, что в случае опасности он должен был перейти на нелегальное положение и находиться в определенное время в условленном месте. Эта забота иностранных разведчиков так растрогала шпиона, что он отправил в центр письмо такого содержания:

«Мои друзья!

Получил ваше письмо с паспортом и описанием к нему... Крепко жму ваши руки, большое спасибо за заботу обо мне, я всегда чувствую вас рядом с собою.

Ваш друг. 5 сентября 1962 года».

Пеньковскому же обещали звание полковника английской и американской армий, ответственную должность в разведке этих стран, оклад в несколько тысяч долларов. По тем временам это

была внушительная сумма. Кстати, находясь в одной из командировок в Лондоне, он на конспиративной квартире даже примерял полковничью форму американской армии. Это были только обещания.

Пеньковского спецслужбы лицемерно хвалили, но вывозить за границу не спешили. Им казалось, что он еще мало поработал на них.

На вопрос председательствующего суда о том, как оценивали его работу иностранные разведчики, работавшие с ним, Пеньковский ответил:

— Мне говорили, что я провожу большую работу, и высоко оценивали ее как с точки зрения объема, так и с точки зрения важности полученных материалов. По их оценке можно сказать, что я работал не зря.

Стороженко не раз обращался как к оперативным, так и следственным материалам по делу о Пеньковском не только для расширения собственного чекистского кругозора, но и для проведения занятий с личным составом подразделения в дальнейшем. Это был уникальный опыт разоблачения матерого шпиона, и этот опыт ветеранов нельзя было потерять.

О том, как работали оперативники на последней фазе дела по Пеньковскому, видно из содержания протокола следственного эксперимента для подтверждения правильности показаний шпиона о способе использования тайника № 1.

«В ночь на 2 ноября 1962 года на столбе № 35 на Кутузовском проспекте в Москве была сделана ранее описанная Пеньковским метка. В это же время в подъезде дома № 5/6 по Пушкинской улице был заложен тайник в виде спичечной коробки, обмотанной медной проволокой, при помощи которой она крепилась к костылю, поддерживающему отопительную батарею.

В коробку было вложено донесение, изъятые у Пеньковского при аресте. Подъезд был оборудован специальной аппаратурой, позволяющей видеть и фотографировать действия человека, изымающего содержание тайника.

В 8 часов 50 минут были набраны номера телефонов, на-

званных Пеньковским, а в 9 часов 20 минут у столба с меткой появился помощник военно-воздушного атташе посольства США в Москве А. Дэвисон. Он дважды прошел мимо столба, внимательно осматривая его. В 15 часов 15 минут в подъезд дома № 5/6 по Пушкинской улице зашел человек, который в момент изъятия содержимого тайника был задержан сотрудниками органов безопасности.

При проверке документов этот человек оказался сотрудником американского посольства в Москве Р. Джекбом».

Эксперимент лишний раз подтвердил, что Пеньковский — реальный, действующий агент иностранной разведки, что с ним противник сотрудничает четко и профессионально.

А теперь об ущербе, нанесенном стране шпионом. Он был огромен по своим политическим, военным и экономическим масштабам. Надо отметить, что это был период становления наших Ракетных войск стратегического назначения (РВСН). Разворачивались на несение боевых дежурств межконтинентальные баллистические ракеты (МБР). Режим секретности в то время по этому роду войск был жесткий, потому что это были особо охраняемые секреты нашего нового поколения оружия, обеспечивающего гарантированную безопасность страны, надо сказать, и до сих пор.

Пеньковский через свои связи в центральном аппарате Министерства обороны СССР по крупницам собрал и выдал данные о некоторых местах расположения этого грозного оружия с привязкой к конкретной местности, а также отдельные планы по строительству новых шахтных колодцев для МБР.

Военному ведомству пришлось не только срочно менять планы оснащения РВСН ракетной техникой, но и «уходить» с отдельных, уже готовых боевых позиций. Стоили эти мероприятия государству, понятно, не один миллион рублей.

Огромный вред «Янг» нанес Противовоздушной обороне (ПВО) страны, выдав святая святых — отдельные элементы системы опознавания, так называемой «свой — чужой». Пришлось и тут казне Советского государства тратить колоссальные сред-

ства на латание появившихся брешей при восстановлении режимных мер.

Кроме того, Пеньковский «проинформировал новое свое руководство» о структуре центрального аппарата военной разведки по состоянию на 1960 — 1961 годы, руководителях ГРУ и отдельных офицерах, работающих в резидентурах за рубежом, местах дислокации некоторых НИИ, доктринальных сведениях о стратегическом и тактическом использовании нелегальной разведки. Этим самым он не только сковал и дезорганизовал деятельность разведаппаратов военной разведки за границей, но и практически бросил отдельных вчерашних коллег под жернова контрразведки противника.

Вместе с тем он передал секретные сведения о военной политике страны — стратегических планах СССР, о направлениях в развитии новейших видов оружия, в частности, лазерного...

Всего за полтора года работы он передал 5000 кадров фото-пленки с различными данными шпионского характера.

Ущерб стране, нанесенный предательством «оборотня» в погонах военного разведчика, действительно был огромен, и в то же время следует заметить, что если бы чекисты не обезвредили его, то негативные последствия были бы во много крат больше и опаснее для боеготовности Советской Армии. Не случайно последовали суровые санкции против военных руководителей, которые пусть косвенно, но были виновны в том, что Пеньковский как шпион состоялся и что ему в ряде случаев удавалось через болтунов выкачивать секретнейшую информацию о наших вооруженных силах.

Были сняты с должностей и разжалованы до звания генерал-майоров: начальник ГРУ генерал армии И. Серов, Главный маршал артиллерии С. Варенцов. Seriously наказали ряд других генералов и офицеров.

11 мая 1963 года Военная коллегия Верховного суда СССР огласила приговор изменнику Родины О. Пеньковскому и Г. Винну. Суд приговорил Пеньковского к ВМН — расстрелу, а Винна — к 8 годам лишения свободы. Суд также вынес частное оп-

ределение о незаконной деятельности ряда сотрудников посольства США и Великобритании в Москве.

А 17 мая того же года центральные газеты опубликовали сообщение:

«Президиум Верховного Совета СССР отклонил ходатайство о помиловании Пеньковского О.В., приговоренного Военной коллегией Верховного Суда СССР за измену Родине к смертной казни — расстрелу.

Приговор приведен в исполнение».

Так закончилась операция контрразведчиков по разоблачению шпиона, нацеленного спецслужбами противника на длительную работу. Сколько предатель принес бы еще вреда стране, самому богу только известно. Ясно, что много! Но «крот», или, если называть современным сленгом, «оборотень», был обезврежен.

Необходимо отметить гуманную сторону КГБ в работе по предателю. Семью попытались оградить от негативного воздействия общественного мнения. Им помогли сменить фамилию, место жительства и прочее. Старшая дочь продолжала работать в одном из аналитических подразделений КГБ. Из всех членов семьи в предательство Пеньковского не могла поверить только его мать, добрая русская женщина, посещавшая его в тюрьме в простой повязанной вокруг лица косынке.

Разоблачением шпиона был нанесен ощутимый удар по ЦРУ и МИ-6. За относительно быстрый провал шпиона после его вербовки, слетели со своих должностей и непосредственные руководители агента в американской и английской разведках. А чтобы хоть как-то реабилитироваться перед своим правительством, разжечь антисоветские настроения и опорочить Советский Союз, ЦРУ неуклюже состряпало фальшивку под названием «Записки Пеньковского», изданную в ноябре 1965 года отдельной книгой. Их написали по указанию ЦРУ бывший сотрудник журнала «Лайф» Фрэнк Гибни и перебежчик из СССР Петр Дерябин. В ней от начала и до конца сплошная блефонада. Даже буржуазная печать поставила под сомнение наличие рукописи шпиона, считая, что только человек с отключенным сознанием, а проще, круглый дурак, может поверить в существование подобного виртуального

дневника с рассуждениями о советской политике на уровне 1965 года, то есть спустя два с половиной года после судебного процесса.

По этому поводу бывший сотрудник ЦРУ Пол Плэкстон в одной из статей журнала «Уикни ревью» писал:

«Утверждение издателей «Записок...» о том, что Пеньковский передал рукопись на Запад еще осенью 1962 года, звучит нелепо, так как он, зная, что за ним внимательно следят, не стал бы подвергать себя опасности разоблачения».

А еще один осиновый кол забил издателям «Записок...» известный «специалист по русскому вопросу» Зорза из английской газеты «Гардиан». Он тоже воспринял эту книгу как фальшивку и обратился в ЦРУ за ее русским текстом. Однако, как пишет Зорза, «штаб американской разведки не смог предьявить оригинала».

Вот и вся «правда» о Пеньковском и его несуществующих «Записках».

Глава 7

«Тигр» ломает когти

1974 год. Это был первый год службы Стороженко в центральном аппарате военной контрразведки, в знаменитой Лубянке, с которой связаны и подвиги в работе честных, порядочных чекистов, и преступления злодеев, выполнявших злую волю тиранов и партийных царедворцев.

В этих стенах, с одной стороны, разрабатывались планы по локализации заговора иноземного врага молодой России Б. Локкарда, нейтрализации британского шпиона С. Рейли и террориста Б. Савинкова, расследовалось дело об убийстве английскими оккупационными властями 26 бакинских комиссаров. Отсюда отправлялся на задание командир отряда особого назначения «Победители» Д. Медведев и его легендарный разведчик Н. Кузнецов. А с другой стороны — готовились материалы для сомнительных, с правовой точки зрения, процессов над так называемыми «врагами народа» и прочее. Эту тему достаточно глубоко разработал

А. Солженицын. И все же светлых дел с позиций организации борьбы со шпионажем было больше.

Именно здесь Николай надеялся встретиться с конкретным делом на живого шпиона в «десятке» деевской «мишенной системы». Скоро этот случай, хотя и косвенно, для чекиста с периферии представился.

Суть вопроса в том, что коллеги из соседнего подразделения совместно с территориальными органами госбезопасности вели ДОР на подозреваемого в проведении шпионской деятельности военнослужащего. Так как сил и опыта по таким делам у них было недостаточно, их руководство обратилось за помощью к тогдашнему начальнику второго отделения подполковнику В.С. Филиппову, который подключил к этому делу профессионалов-разработчиков.

После реализации дела они рассказывали личному составу отделения некоторые особенности поиска агента ЦРУ США, — так сказать, для науки, расширения оперативного кругозора, что стало большим подспорьем для дальнейших удачных стартов военных контрразведчиков на тропе поиска отщепенцев — предателей в армейских погонах.

Но все по порядку...

Под чекистским колпаком оказался молодой человек, на которого сделала ставку американская разведка. Речь шла о старшем инженере лаборатории физики плазмы одного из московских вузов — некоем Александре Нилове, который с 1972 года находился в длительной заграничной командировке в Алжире. Там он по контракту работал в Национальном институте нефти, газа и химии в небольшом городке Бумердесе.

За границей Нилов быстро завязал знакомства с иностранцами. Близких друзей среди соотечественников у него не было. Для Александра они — «совки», «рабочие лошадки», а он, как сам себя считал, — голубых кровей и белой кости. Они скучны, со стандартным мышлением, заботятся даже «за бугром» о какой-то советской нравственности. Совсем иное он наблюдал в

поведении иностранцев — раскованны в беседах и поступках, коммуникабельны, без комплексов.

«Иностранцы, — рассуждал на досуге молодой человек, — почему-то мне ближе становятся с каждым разом после общения с ними».

Но тут надо пояснить, откуда взялась такая переоценка отношения к людям. Дело в том, что у Нилова возникло чувство — его сердце воспылало страстной любовью к очаровательной перуанке с американским паспортом по имени Глория. Они стали встречаться все чаще и чаще. Девушка так пленила его, так вскружила голову, что у любовного счастливца зародились планы жениться на иностранке, а затем выехать для постоянного проживания в США...

Ах, если бы знал Александр, что его давно опекали сначала англичане, а затем американцы, а Глория не кто иная, как «медовая ловушка» — элементарная подстава ЦРУ. Но, к сожалению, он, ослепленный высоким и святым с его стороны чувством, не догадывался о возможности такого разворота событий, хотя мог и должен был предвидеть, что в ходе знакомств и «зачисток» дружественных контактов с ним затевается коварная игра. Идет его приручение через стандартное и старое как мир профессиональное изучение, а если образно сказать, то началась охота: развешиваются красные флажки и ленточки из фольги, ставятся капканы, копаются ямы-ловушки. С позиции охотников жертва была обречена.

Почти все его «импортные друзья» — инженеры, дипломаты, преподаватели, бизнесмены — прямо или косвенно были связаны со своими спецслужбами. Каждый помогал им в условиях заграницы как и чем мог. Одни — как разведчики, прикрытые всевозможными «крышами», рыскали по стране в поисках информации и ее поставщиков, другие — в качестве платных негласных помощников, третьи — безвозмездно сторожили случай принести пользу стране, пославшей их в Алжир.

Западный мир привлекал и зазывал Александра красочными журналами, со страниц которых смотрели «расшнурованные» красотики на фоне дорогих лимузинов и яхт, внутренних интерьеров квартир и вилл. В одной из бесед с «отцом» Глории в ее

квартире (как потом выяснилось, это была «липовая» семья, сколоченная специально под кандидата на вербовку), когда Нилов рассматривал пачку цветастой периодики, хозяин заметил:

— Придет время — и в России будут публиковать подобное. Это время вам, россиянам, надо приблизить — оно не за горами. Все будет зависеть от вашего руководства в Кремле. Народ таких вопросов не решает.

В квартире «гостеприимного» американца Сашу тянуло прежде всего из-за стройной смуглянки Глории, которую хотелось видеть рядом всегда. Она, подобно журналам, зазывала в красивую, беззаботную жизнь. Будучи человеком поступка и находясь в плену чар молодой американки, Нилов при очередном визите поинтересовался у «родителей» Глории путями получения гражданства США.

Последовал ответ, что этими вопросами занимаются американские дипломаты в ранге консульских работников.

— Как на них выйти? — торопливо спросил Александр.

— Постараюсь вас познакомить со специалистом по этим проблемам, — ответил «отец».

Вскоре знакомство состоялось с вице-консулом миссии США при посольстве Швейцарии в Алжире Вильямом Гэлбрайтом (у США в то время своего посольства в Алжире не было, и все дипломатические сношения решались через швейцарцев). Кадровый сотрудник американской разведки, каким являлся Вильям, с пониманием отнесся к просьбе советского инженера. Он готов помочь Нилову, но все это не так просто, как думает россиянин. Гражданство любой страны надо заслужить, тем более такой богатой, как Соединенные Штаты Америки.

В конце концов «дипломат» хлопает «настоящего русского парня» по плечу и раскрывает карты, ставя одно простое условие — он должен поработать на Америку. Только при таком варианте он сможет ему пособить, подействовать в выезде в США.

— А в чем будет заключаться моя помощь Вашингтону? — наивно спросил Александр.

— Вы можете помочь нам только одним — негласным сотрудничеством с американской разведкой, — прямо в лоб, безо всяких обиняков, ответил вербовщик Вильям.

Когда Нилов услышал такой ответ, настроение сразу же упало, за грудиной враз похолодело, гулко застучало охолонувшее от испуга сердце. Он заметался с решением поставленной американцем непростой задачи.

— Не могу я пойти на такое дело, — с дрожью в горле, не узнавая свой голос, ответил кандидат на вербовку.

— В таком случае я не смогу вам ничем помочь. Вы потеряете шанс стать гражданином великой страны и быть рядом с Глорией. Вы же ее любите? Так?

— Да!!!

— Так в чем же дело?

— Дайте мне подумать.

— Думайте, только недолго...

«Родители» Глории вскоре отправили «дочь» в Штаты, мотивируя ее неожиданный отъезд необходимостью доучиться на каких-то курсах при университете. Таким образом, Глория вышла из игры. На последней встрече она заверила Александра, что после сдачи зачетов и двух экзаменов постарается развернуть свое дело — прибыльный бизнес ей обеспечивают родственники, — что будет ждать его и надеется встретиться на американской земле.

— Саша, будь благоразумен, и бог будет с тобой, он поможет тебе в начинаниях. — Глория словно намекнула на желательность положительного ответа на предложение вице-консула.

— Буду!..

Когда Глория улетела в США, Гэлбрайт стал чаще «окучивать» колеблющегося россиянина, в сознании которого шла яростная борьба мотивов. Обработка со стороны цэзрушника происходила с продуманной настойчивостью и психологически выверенно. Акценты ставились на подчеркивании его исключительности, наличие якобы широкого общекультурного кругозора и возможностей с таким личностным потенциалом безболезнен-

но встроиться в американский быт. От похвал у Нилова «в зобу дыханье сперло». Он плавился, как воск на солнце, и постепенно склонял себя к ответу: «Да!»

31 мая 1974 года на очередной встрече в ресторане алжирской столицы «Звезды Магриба» Нилов наконец дал согласие на работу в качестве платного агента ЦРУ.

На второй конспиративной встрече с Вильямом (это было в начале июня) Александр заполнил небольшую анкету, якобы нужную в дальнейшем при решении вопроса об американском гражданстве, что было элементарной тупфтой, ответил на несколько десятков вопросов, написал пространную автобиографию и передал янки две фотокарточки.

— Все это нужно будет при заведении дела на кандидата в граждане США, — слукавил разведчик.

— Что я должен делать?

— Дела у нас с тобой впереди...

В тот вечер Гэлбрайт праздновал победу и решил дальше не напрягать мозги — дать им отдохнуть и загрузиться спиртным. Через несколько часов он «назююкался», как поросенок...

«Внутренне я уже видел себя агентом ЦРУ, — вспоминал Нилов на следствии. — А в этом качестве мне лучше было жить без Глории. Почему я решился пойти на вербовку? Во-первых, мне очень импонировало то обстоятельство, что выбор пал именно на меня. Значит, я — исключительная личность. Во-вторых, привлекала сама необычность ситуации. Я всегда мечтал о приключениях, путешествиях, о таком, чего не было в моей жизни. В-третьих, было совершенно очевидно, что многочисленные контакты с иностранцами могут стать известными, и тогда — прощай, карьера. И, конечно же, не последнюю роль сыграла корысть. Мерещился солидный счет в иностранном банке, фешенебельная вилла на курорте, гоночная машина последних марок, яхта и... шикарные женщины...»

Надо отметить, что Гэлбрайт при встречах, в процессе изучения Александра постоянно подчеркивал, что он будет богат, что в швейцарском банке сразу же после того, как он начнет поставлять информацию, откроется долларовый счет. Американец, слов-

но вдалбливал в сознание молодого человека принцип русской поговорки «О чем тому тужить, кому есть чем жить».

Александр вначале поверил в легкость пути достижения заветной цели, потому что серьезной работой новый хозяин его не нагружал.

В дальнейшем процесс обучения новоиспеченного шпиона, которому был присвоен псевдоним, а вернее кличка, «Тигр», проходил на вилле разведчика, «крышующего» должность вице-консула. На этой, по существу, конспиративной квартире шло натаскивание «молодого специалиста ордена плаща и кинжала», как подыскивать тайники, как их закладывать и изымать, как работать с тайнописными текстами, как принимать и расшифровывать односторонние агентурные радиопередачи, как работать с шифроблокнотами, как пересылать и читать «микроточки».

Особое внимание уделялось инструктажам о поведении агента и конкретных способах выполнения заданий на территории СССР. На одной из встреч Вильям порекомендовал Александру по прибытии в Москву попытаться устроиться в какое-нибудь подразделение ГРУ, а лучше — в его центральный аппарат на любую должность. Это звучало как святая наивность, но факт есть факт: американец нацеливал своего агента на один из объектов первоочередных устремлений ЦРУ в СССР.

Как только Вильям почувствовал, что Нилов полностью привязан к нему, в поведении американского разведчика появились элементы чванства и надменности. Александр, человек, не поднаторевший в шпионских делах, и то заметил, что в вопросах конспирации у Гэлбрайта не все в порядке.

Были случаи, когда он подхватывал «Тигра» в людных местах города, что могло привести к «засветке» агента. Вильям не столько баловался спиртным, сколько злоупотреблял градусным пойлом. Пил помногу и разные напитки.

Летом 1974 года они сидели в известном ресторане «Звезды Магриба». Янки в тот вечер сильно перепил. Он просто, выражаясь заслуженным для этого состояния сленгом, ужрался...

В пьяной горячности разведчик стал кричать на своего аген-

та, угрожать ему, что если тот будет отлынивать от работы, то сдаст его чекистам. Нес еще какую-то ахинею, набрасывался на Александра чуть ли не с кулаками. Побил ресторанный посуду на столике, что чуть ли не закончилось его приводом в полицейский участок.

Эта выходка не столько напугала, как оскорбила россиянина. Он готов был отказаться от дальнейшего сотрудничества с хамоватым психопатом, посчитавшим, что может Юпитер то, что не позволено Быку.

А наутро следующего дня протрезвевший с опухшим лицом и дрожащими руками Вильям чуть ли не на коленях ползал у ног «Тигра», прося прощения за свое недостойное поведение. Примирение наступило так же быстро, как и возникла ссора.

Американец прекрасно понимал, что сейчас от агента ждать солидного трофея не стоит. У него его просто нет, но, как охотник, натаскивающий собаку, готовился к предстоящей большой охоте за важными секретами. Он почему-то видел его в сердце советской военной разведки. Но судьба к птенцу гнезда Гэлбрайта повернулась с другой стороны...

Трехлетняя командировка Нилова в Алжир закончилась быстро. Вот и последняя встреча. Она состоялась у Александра со своим «наставником» 8 июля 1974 года в машине американца. В салоне автомобиля «Тигр» получает от разведчика еще один, теперь уже детальный инструктаж о поведении в Советском Союзе. Гэлбрайт ему вручил радиоприемник фирмы «Сони» для прослушивания зашифрованных радиопередач и подарок — дорогие наручные часы швейцарской сборки «Ролекс», оказавшиеся элементарной «штамповкой». В конце встречи сообщил приятную новость — Александру по линии ЦРУ присвоено первичное офицерское звание «лейтенант».

Но это была явная ложь, так как ЦРУ не имеет права присваивать воинские звания. Они остаются только у тех, кто приходит в разведку из армии, флота и других военизированных подразделений США.

На этой встрече россиянину Вильям передал материальное вознаграждение в сумме 4000 алжирских динаров.

— Это тебе на покупку подарков, карманные расходы и прочее. Потом мы подбросим еще, но это будет уже в Москве. Что же касается валюты в швейцарском банке — она «закапала» в долларах, как и договаривались. Счетчик включен, — еще раз о приятном напомнил янки.

Такая забота патрона польстила самолюбию Александра. Он даже готов был поблагодарить американца, но почему-то сдержался, а только с улыбкой кивнул головой.

В августе 1974 года Нилов возвращается в Москву уже полнокровным агентом американской разведки под псевдонимом «Тигр», где ему предстояло охотиться за секретами. Если говорить откровенно и образно, «когти» у него чесались. Он желает побыстрее включить авантюрную натуру в «негласную» работу, подгоняемый одновременно долгом перед новыми хозяевами и болезненным романтизмом не без меркантильных соображений.

Согласно плану связи, он должен был обработать тайник, заложенный персонально для него американцами в Москве. В один из хмурых вечеров догорающего лета, а точнее, 30 августа 1974 года, Нилов с соблюдением мер конспирации прибыл к месту нахождения тайниковой закладки по адресу: Палиха, дом № 13. Он знал заранее, что за металлическим шкафом с автоматом для перевода трамвайных стрелок будет находиться камуфляж — доска в виде неотесанного топорщица с вбитым с торца ржавым гвоздем. Он по всем правилам шпионского ремесла, но не без чувства боязни и страха несколько раз проверился. Никого вблизи не было видно. Александр протянул руку за ящик и извлек именно то, за чем пришел...

Домой летел, как на крыльях, — хотелось побыстрее ознакомиться с содержимым вложения. Это же была первая иностранная «посылка». Дощечка оказалась с двумя полостями внутри. В первом выдолбленном гнезде находились деньги в размере 500 рублей, копирка для нанесения тайнописи, свернутая в рулончик инструкция, план операций по связи, два шиф-

роблокнота. Во втором гнезде лежала линза пулевидной формы для чтения микротекстов и микроточек. Стоило, допустим, нацелить острие линзы на микроточку — экспонированную пленку величиной в маковое зернышко, — детали увеличивались в 65 раз, превращаясь в строки текста указаний по линии Центр — агент.

Из устного инструктажа он знал, что микроточка поступит с письмом «от Игоря». Искать ее надо будет в «кармане» под первой и последней буквами своей фамилии на конверте в волокнах бумаги. Содержимое шпионской передачи взволновало агента — конечно же, он ожидал более крупной суммы!

Затем, примостившись удобно в кресле у торшера, он стал внимательно рассматривать шпионскую экипировку. Сердце от волнения работало на «повышенных оборотах», руки неестественно тряслись. Он взял линзу и принялся читать инструкцию, текст которой гласил:

«Милый друг!

Мы искренне надеемся, что ваше воссоединение с семьей и друзьями доставило вам радость и облегчило тяготы приспособления к контролю государства. Вы должны гордиться тем, что сотрудничеством с нами вы делаете большое дело для себя и Америки. Вы должны верить, что мы относимся к вам с величайшим уважением и восхищением.

Мы надеемся, что однажды сможем снова встретиться на Западе и поговорить свободно. А пока это время не наступило, план, который мы предлагаем, и та подготовка, которую вы получили, помогут нам поддерживать связь друг с другом.

Наш язык может показаться сухим, но лишь потому, что нам приходится быть краткими из-за размеров этой пленки. Вам не следует уничтожать ни миллиметра этой инструкции...

Спрячьте эту пленку, шифровальный и дешифровальный блокноты, линзу и вашу тайнописную копиру в такое место, которое вам будет удобным и к которому вы лишь будете иметь доступ. Мы полагаем, что первые два-три месяца по возвращении в страну ваши планы, место жительства и военной службы будут неопределенные.

Как только определитесь, сообщите информацию письмом с

использованием тайнописи. Мы хотим вам дать несколько советов, как избежать опасности быть раскрытым...»

Далее предлагалось, устроившись на режимный объект, добиваться расположения к себе сослуживцев, быть активным в партийно-политическом процессе, не перечить начальству и т.д. Кроме того, тут же давались подробные указания о приеме односторонних радиопередач из Франкфурта-на-Майне. Женский голос дважды в неделю будет выходить в эфир. Указывались параметры частот и московское время. Агенту будут диктовать разбитый по группам шифровальный ряд. Если он начинается четным числом, то можно пропустить такую шифровку.

Заканчивалась инструкция мягко:

«Помните, что для нас важнее всего ваша безопасность. Мы всегда с вами. Не стесняйтесь. Пишите о своих нуждах. Мы всегда пойдем вам навстречу».

Согласно плану связи, через месяц после выемки контейнера «Тигр» должен был отправить в Париж на подставной адрес ЦРУ первое донесение в виде «письма-прикрытия», исполненного тайнописью.

Время пронеслось быстро. Тридцать суток в бытовых и служебных заботах пролетели мгновенно, и за границу понеслась весточка:

«Жан Шенье. Франция. Париж-60, улица Ваграм, 75017. Привет, старина! Вот, наконец, у меня есть время, чтобы послать тебе маленький привет из Москвы, которая, как всегда, прекрасна...»

Эти невинные слова на самом деле говорили о том, что тайник обработан — контейнер изъят. Подробности излагались в другом письме:

«Теодору Ф. Лоллару. США. Штат Нью-Мехико, 8711, город Альбукерке, улица Парижский Путь, 3625.

Дорогой Тедди! Наконец у меня есть возможность написать о своих делах в России и, в частности, в Москве. Здесь работается тяжело. Дело продвигается медленно, так как русские очень придирчивые покупатели. Они крайне серьезные люди и редко улыбаются. Это крайне замкнутая нация...»

Дальше шел довольно-таки нудный текст без ссылки на по-

году, время, маршруты движения. Все округло, подстрижено, не привязано к временным и погодным реалиям — письмо же готовилось заранее. А между этими словами был вмонтирован невидимый текст — тайнописный — такого содержания:

«Послание 1. ...получил вашу «деревяшку»... адрес все тот же. Живу с родителями. Скоро уйду в армию. Буду служить в Ракетных войсках стратегического назначения... Надеюсь подготовить тайнописное послание в декабре. К вашим услугам. «Тигр».

Но прежде чем активно включиться в работу на американцев, агент, чтобы не оставлять без присмотра всех важных и явных улики дома (готовился в армию), спрятал их в тайник в районе Измайловского лесопарка. Он вложил все «ценные» материалы в металлическую капсулу от кубинской сигареты «Белинда», обмотал содержимое целлофаном и зарыл в землю в условленном месте. В московской квартире оставил лишь листы тайнописной копирки и транзисторный приемник «Сони».

Служба началась с принятия присяги на плацу воинской части. Сначала армейскую службу он постигал в Ракетных войсках, а потом продолжил в частях военно-воздушных сил.

О своих изменениях в жизни, в частности, о том, что его призвали в армию, он сообщил американцам очередным «письмом-прикрытием». В конце тайнописного текста обратился с просьбой: «Прошу регулярного денежного содержания и жду приказов».

Шпион начал служить в войсках, но к настоящей работе по сбору секретных данных для ЦРУ не приступил и приказа от своих заокеанских «доброхотов» не дождался, так как вскоре был арестован сотрудниками органов госбезопасности.

После непродолжительного следствия в 1975 году состоялся суд над шпионом-неудачником. На суде в последнем слове Ниллов заявил: «Я понимаю всю тяжесть содеянного, глубину совершенного преступления. Я раскаиваюсь, что стал на путь измены, на путь предательства интересов моего народа. Мне стыдно перед вами, сидящими здесь, перед родными, перед друзьями, перед самим собой».

Получилось так, что «Тигр» не запустил своих когтей в государственные и военные секреты, обломал их на пути к ним. А вернее, ему обломали когти оперативники КГБ.

Военный трибунал Московского военного округа, принимая во внимание смягчающие обстоятельства, — шпион не успел собрать хоть малозначимую информацию секретного характера, — счел необходимым применить к нему минимальную меру наказания.

Глава 8

Провал агента «Алекса»

Это был первый «живой» шпион, в разоблачении которого принимал участие Стороженко. Агент ЦРУ оказался в том институте, в котором еще недавно работал офицер...

Помощник военного атташе майор Филатов проснулся рано. Вчера он получил срочное задание найти в книжном магазине красочную литературу по истории страны пребывания. Особого недоумения прихоть начальника не вызвала. Он догадывался, что книги по этнографии предназначались для подарка проверяющему из Центра — одному из руководителей ГРУ, впервые собирающемуся посетить Алжир, где намеревался провести инспекцию военного аппарата посольства СССР.

На машине не хотелось ехать из-за боязни вновь, как это было уже дважды за последний месяц, попасть в аварийную ситуацию. Только поэтому Филатов и принял окончательное решение пройтись пешком по городу и выполнить задание шефа. Он быстро оделся и вышел из дома.

Несмотря на раннее утро, улицы города были запружены людьми, машинами и велосипедами. Все это гремело, скрипело, сигналило, создавая какую-то необыкновенную мешанину звуков разной тональности. Автомобильные пробки быстро растаскивали полицейские.

Филатов радовался, что отказался от автомашины. Столько бы времени потерял! Его двигала вперед, просто-таки увлекала мысль во что бы то ни стало найти начальнику необходимые книги — еще со времен пылкой курсантской юности любил уго-

ждать отцам-командирам. Таким он остался и в майорских погонах. Натуру не обманешь, ее трудно переделать! Как говорится, слабость натуры — это единственный недостаток, который невозможно исправить.

Безуспешно обойдя несколько кварталов с книжными магазинами, он, расстроенный, с тяжелым чувством направился в посольство...

Неожиданно за спиной скрипнули тормоза автомашины. За рулем сидела миловидная девушка. Она приоткрыла дверцу и пригласила его в машину. Вообще в Алжире принято подвозить пешеходов, поэтому Филатов не придавал особого значения этому доброму жесту.

— Вам куда? — на французском языке спросила незнакомка.

— В советское посольство, — ответил мужчина.

— О, вы знаете французский... Вы дипломат?

— Да!..

В процессе разговора познакомились. Его звали Анатолий, а ее — Нади. Через несколько минут американка знала, что советский дипломат озабочен поиском литературы по этнографической тематике.

— Вы ищете довольно редкие книги, — с едва заметным акцентом, теперь уже по-русски промолвила Нади. — Не тратьте себя в поисках таких книг, тем более в этом районе. Надо знать город, чтобы иметь представление, где искать подобную литературу.

От неожиданной участливости молодой и симпатичной женщины офицер опешил. Пусть небольшой, но профессиональный опыт подсказывал ему держаться настороже: соблазнительно красивое, как в рекламных клипах, лицо, пухлые губы, гордо посаженная голова с рыжим хвостом на затылке, большие голубые глаза, легкое платьице, плотно облегающее точеную фигуру с высокой грудью, и длинные-длинные, словно растущие от шеи ноги с округлыми коленками и налитыми икрами...

Прошло еще некоторое время — и пассажир уже знал, что американка занимается российской филологией, а ее родители, временно проживающие в Алжире, — специалисты по этнографии. В родительской библиотеке должны быть книги по этой те-

матике. В худшем случае она их сможет достать у коллег или получить ответ на вопрос, где их можно купить.

— Ну, дипломат, давайте встретимся через некоторое время, я попытаюсь вам помочь, — предложила Нади.

— Честно, не откажусь от помощи, — последовал ответ Ана-толия.

Договорились встретиться через неделю на этом же месте...

Филатов дипломатом в прямом смысле не был. Служил в аппарате военного атташе и по технической должности, какую он занимал, дипломатическим иммунитетом не пользовался. Это ущемляло его болезненное самолюбие. Ему казалось, что он достоин большего, поскольку достаточно образован, общителен, деловит, да и внешностью бог не обидел. Вот уж истинно: самолюбие — это наполненный ветром воздушный шар, из которого вырывается буря, лишь только уколешь его; это любовный роман, продолжающийся у таких людей всю жизнь.

Восклицание «о, дипломат!», несомненно, польстило ему, и он почувствовал пусть мнимую, минутную, но неотразимую силу своей значимости. Однако его не покидала настороженность, но она размывалась искренностью Нади. Девушка волновала сердце опытного, несмотря на сравнительную молодость, ловеласа. Она уже частично овладела им...

Неделя в ожидании встречи тянулась резиной. Филатов же торопился. И вот он уже за пределами посольства. Благо время свободное и неподотчетное — он ищет подарок. Машина стояла на обусловленном месте. Нади приоткрыла дверцу, и он плюхнулся на переднее сиденье. Договорились съездить домой к девушке. Автомобиль быстро преодолел пробки в центре алжирской столицы, свернул в узкую улочку и вскоре остановился.

— Вот и мой дом, — весело щебетала голубоглазая спутница.

Хлопнули дверцы автомашины, и они оказались у подъезда высокого дома. В лифте поднялись на шестой этаж — Филатов успел заметить ярко-зеленую цифру на табло. Нади достала из сумки ключи и стала долго возиться у двери. Наконец замок под-

дался. У гостя сложилось впечатление, что она или нечасто бывает здесь, или недавно поменяла замок.

Пока ехали в машине, Анатолий узнал, что родители Нади выходцы из России, живут в Алжире и работают на одной из фирм. Правда, в настоящее время отдыхают — отправились с друзьями в недельную одиссею на яхте, а затем на месяц выедут в США.

Квартира, в которую они вошли, поначалу офицеру показалась какой-то казенной, нежилой, неуютной, лишенной той теплоты, какую обычно создают женские руки.

И, словно разгадав мысли гостя, Нади мило прозвенела своим тоненьким голоском:

— Анатолий, не скучай, я мигом. А хочешь, помоги своим присутствием — мне будет приятно.

Филатов прошел на кухню. Холодильная камера была набита всевозможной снедью. Когда же Нади достала сыр, помидоры, колбасу и ловкими движениями стала готовить бутерброды, офицер пришел в норму — подозрения стали постепенно улетучиваться...

Затем прошли в большую комнату, заставленную старинной мебелью. Удивительная безвкусица снова поразила гостя: рядом с современной стенкой стояли старомодные горки и старинный сервант, вышедшие давно из моды этажерки и комоды — шедевры послевоенного дизайна. Такое нагромождение «эпох» действовало угнетающе, но, когда вишневый цвет абажура успокоительно разлился по комнате, скрывая мебельный винегрет, и на экране телевизора показалась картина прерий, комната наполнилась тем домашним покоем, который располагает к бездумному отдыху тела и души.

Включенный кондиционер освежил прохладным и слегка ароматным воздухом. За знакомство выпили по рюмке виски. Бутерброды Анатолию показались вкусными — голод пришел через волнение. Затем американка стала перебирать книги, но «нужных» почему-то не находилось.

— Как же так, я их видела раньше, до отъезда родителей! Может, они перепрятали или отдали кому-то, — ворчала себе под нос Нади.

Договорились, что она созвонится с родителями сегодня же по радиотелефону. Взглянув на часы, Филатов заторопился. Условились через неделю вновь встретиться.

Военный атташе генерал-майор Думов Николай Ильич был доволен — приезд инспектора из Москвы задерживался на месяц. За это время он сможет подготовиться к встрече не очень желанного гостя: подогнать дела, достать сувениры, спланировать не спеша маршруты интересных поездок. Успокаивали и хлопоты подчиненного Филатова: тот договорился якобы в одной из книжных лавок дней через десять непременно достать набор требуемых книг.

А мысли майора, живущего без жены вот уже второй месяц, занимала одна Надюша — таким ласковым русским именем нарек он американку. Дни тянулись медленно. Хотя монотонность службы с закрепленными за ним функциями нисколько не отягощала его лакейского самолюбия. Ему даже как-то импонировало, что шеф именно ему поручает решение личных вопросов.

Подавленная профессиональная гордость иногда, правда, просыпалась, напоминая о том, что он приехал за рубеж не для того, чтобы ходить по рынку с авоськой и покупать продукты для семьи своего начальника, а совсем для других целей. Но чем дальше разматывался командировочный клубок, тем отчетливее становилась его роль эдакого «мальчика на побегушках».

Думов — старый ловкач, интриган и вельможа — сразу же определился в выборе лакея. Именно таким он и представлял нештатного денщика: трусоватого, недалекого и с хитрецей приспособленца. Приспосабливаясь, как говорил Михаил Пришвин, люди хотят сохранить себя и в то же время теряют себя. Тут этот процесс был налицо.

Прошла назначенная неделя. Поставив в известность Думова, Филатов отправился в город. словно невидимые крылья несли его к условленному месту, где должна будет подобрать его Нади. Машина, естественно и к радости, ждала «кавалера». Он сел снова на переднее сиденье — улыбчив, галантен и словоохотлив.

— Здравствуйте, Надюша!

— Добрый день, Анатолий! Я, по-моему, нашла то, что вам надо, — улыбнулась американка.

— Спасибо за услугу, а я-то совсем расстроился, — без лукавства признался он и бросил вожделенный взгляд на загоревшие ноги с округлыми коленками дышащей французскими духами дамы, сидевшей за рулем. Доехали до дома Нади быстрее, чем в прошлый раз...

Предложив кресло у журнального столика гостю, хозяйка подошла к книжной полке и взяла в руки несколько увесистых фолиантов в пестрых суперобложках.

— Вот смотрите, что мне удалось достать. — Изгибаясь под тяжестью книг, она быстрыми и короткими шажками оказалась у гостя и с шумом опустила их на полированный столик.

Филатов, просмотрев названия, бегло ознакомился с иллюстрациями и оглавлениями в книгах и сконфуженно спросил:

— Сколько я вам должен? Это ведь целый клад! Какая техника печати, качество рисунков и фотографий!!!

Нади лукаво улыбнулась и сказала, что крайне удивлена постановкой, как она выразилась, «бестактного вопроса».

— Надо же, книги именно те, что мне нужны. Словно по мановению волшебной палочки, — произнес офицер.

Нади в это время проскользнула на кухню, обдав опять незадачливого ухажера приятными французскими духами. Из кухни до него донесся ее певучий голос, показавшийся таким искренним, что невольно поверилось словам:

— Считайте, что это вам от меня подарок. Немного подождите, я кое-что приготовлю. Будет все очень вкусно. Вы еще оцените мои кулинарные способности, — пропела Нади.

Не прошло и десяти минут, как Нади вкатила десертный столик с бутербродами, фруктами, конфетами и двумя бутылками. В узкогорлой посудине играло золотом сухое светлое вино. А в другой — пузатой, бутылке покоился коньяк. Поставив столик перед гостем, она неожиданно метнулась в ванную и через несколько минут вышла в голубом халатике.

— Немного освежилась, одомашнилась, жарницу не перено-

шу, — заметила американка. — Рекомендую помыть и вам руки. В этой стране все так грязно, так грязно...

Они сидели захмелевшие, живо обсуждая проблемы широчайшего диапазона — от философских тем до уфологии с НЛО и гуманоидами.

Лицо Нади, подрумяненное выпитым, казалось, гипнотизировало его, притягивая к себе. Розовые шары коленок, небрежно и слегка обнаженные тугие груди, частое и близкое дыхание женщины влекли к себе. И, словно уловив его плотское желание, Нади резко поднялась и включила магнитофон, наполнивший комнату неповторимой, таинственной и задумчивой мелодией, которой он никогда не слышал. В этот миг он ее буквально глотал ушами. Осмелевший и захмелевший Анатолий пригласил даму на танец. Обняв партнершу за талию, он прошел с нею несколько кругов в темпе танго вокруг столика и не заметил, как оказался в постели...

В кабинете резидента ЦРУ США в Алжире царил полумрак. Сквозь наклоненные книзу жалюзи едва просачивалось яркое африканское солнце. По радио приглушенно звучал голос Эллы Фицджеральд. Он любил джаз, а поэтому возил с собой кассеты с километрами пленок.

Подчиненный резидента полковник Кэйн докладывал шефу вот уже в течение получаса план операции по вербовке советского офицера. В конце он подытожил:

— Тщательно изучив Филатова в период предыдущей командировки в Лаосе, да и здесь, в Алжире, я убедился, что использование «медовой ловушки» — это наиболее вероятный путь сделать его нашим источником в системе резидентуры ГРУ, а дальше — да поможет бог!

Сэр, я уже докладывал вам о вспомогательных психологических рычагах воздействия: шантаж — в силу его трусливого характера, деньги — поскольку он патологически жаден, и лесть — ему свойственно дьявольское тщеславие. Операцию планирую начать с конспиративной квартиры. Как вам известно, она оборудована средствами слухового и визуального контроля.

Агент Нади быстро вошла в роль и довольно-таки успешно играет в оперативном спектакле.

Резидент неожиданно поднялся с кресла и с хитрым прищуром глаз пробасил:

— Господин Кэйн, вы хорошо докладываете, — все расписано, как говорится, по нотам. Прошу, однако, усилить наружную разведку за объектом накануне и после вербовки. Особенно следите за радиообстановкой. С учетом недавнего отказа спецтехники настоятельно требую персонально проверить ее нынешнее состояние. Кстати, вашу даму, как только она отработает, следует сразу же отправить домой во избежание неожиданных осложнений для нее, да и по медицинским соображениям...

Дальнейший разговор прервал телефонный звонок. Звонили из Центра и интересовались наряду с другими вопросами ходом подготовки запланированной вербовочной акции.

— Да, сэр, все это предусмотрено планом... Ей уже оформлен билет, и она улетит вовремя.

— Ну что ж, тогда прекрасно, да поможет вам бог. До свидания...

Разговор в кабинете продолжился.

— Я думаю, нет оснований беспокоиться. Он клюнет на нашу приманку. Этот изголодавшийся сердцеед легко войдет в уготовленный нами лабиринт с тупиковой концовкой, — ощерился Кэйн.

— Ох, Эдвард, не обольщайтесь возможностью легкой победы. Поверьте мне, сломавшему не один зуб профессионального самолюбия на советском орешке. Я глубоко понимаю непредсказуемость русских. Мне вспоминается такой случай в Японии. Один субъект — советский военный дипломат, доведенный, как мне тогда казалось, до кондиции, вдруг сообразил, куда клоню, вlepил такую пощечину, что до сих пор горит щека. Затем он еще добавил: «Ты думаешь, я стану подонком?» Больше я с ним не встречался. Вот так-то, Эдвард. Будь осторожен со славянами: они просты только с виду.

— С учетом того, что вы, сэр, рассказали, я сделаю все, чтобы не получить пощечины — в прямом и переносном смысле...

В приподнятом настроении шагал Филатов в посольство. Плоть была удовлетворена, душа пела, а вот сознание и профессиональное чутье, пусть не высокого уровня, нет-нет да и давали о себе знать. Что это — любовь, влечение или?..

Он возвращался к событиям последнего месяца. Вспоминал свои встречи с Нади, находил и опровергал в них подозрительные подробности. Однако всякий раз черные мысли изгонялись чувством исполненного долга в приобретении для шефа нужных книг, а договоренность с Надюшей о встрече несла новые надежды приятного времяпрепровождения. Как-никак они условились через неделю встретиться снова!

Передавая книги Думову, Филатов обратил внимание на то, что тот даже не поинтересовался стоимостью, обстоятельствами покупки, их содержанием. Он взял их, как берут охапку дров, и небрежно бросил на выступ кабинетной стойки. Зазвонил телефон.

— Хорошо, я зайду... да-да, сейчас зайду, — ответил военный аташе.

Филатов понял, что шефа приглашает посол по какому-то неотложному делу. Мысль о том, что его вместе с американкой мог кто-то видеть, обожгла сознание.

«Неужели об этом стало известно послу? Кто мог нас видеть? — задавал себе вопросы офицер. — Посол, очевидно, получил информацию от «ближних соседей».

В голове стремительно возникали варианты объяснений, формировались невинные ответы. А в это самое время Думов поднялся из-за стола и, хлопнув подчиненного по плечу, скороговоркой невнятно буркнул:

— Молодец, меня просит посол. Занимайся своими делами.

Филатов облегченно вздохнул и выскочил из кабинета. Он посмотрел по сторонам, раскрасневшийся и возбужденный, двинулся в сторону референтуры.

С той памятной встречи с Нади прошло всего трое суток, но его опять страстно потянуло к ней, в ту, ставшую теперь для него уютной квартиру, где так быстро пролетело время бурного сладострастия.

Работая над обзором местных информационных источни-

ков, майор не заметил, как вошел в комнату Думов и приказал зайти к нему через десять минут.

«Вот и мой конец», — вновь обожгла тревожная мысль растерзанное стрессами сознание. Руки покрылись испариной. Десять минут, наполненные тягостным ожиданием, наконец-то истекли. Он торопил события, поэтому вошел в кабинет несколько раньше и стал, затаив дыхание, ждать удара. Однако Николай Ильич был в настроении, находясь подшофе. Генерал барски растянулся в кресле, зевнул и проговорил:

— Милый, смотайся на рынок. Надо запастись продуктами для узкого представительского мероприятия. Возьми... — Он стал перечислять список желаемого.

Анатолий быстро записывал в блокнот. Настроение снова забило голубым фонтаном. «Значит, посол говорил не обо мне, если Ильич продолжает доверять выполнение личных заданий», — обрадовался Анатолий.

Судьба поворачивалась к нему лицом. Он был вне подозрений!.. Значит, возможна встреча с Нади.

Наконец день назначенной встречи настал. Он вышел из посольства, направился к оговоренному месту и думал только о предстоящем времяпрепровождении с женщиной, вскружившей ему голову. Снова городская суета сует — машины, людские потоки, какофония звуков, торговые ряды базара...

На месте встречи Нади не было. Он прождал минут сорок — никого. Прочесал несколько раз квартал, но любимой дамы не обнаружил. Пришлось несолоно хлебавши отправиться в посольство. Сладкие раздумья сменились унылым оцепенением, из которого его вывел скрип тормозов неожиданно поравнявшейся с ним знакомой автомашины. За рулем сидел мужчина лет сорока, одетый в светлую сорочку с воротником «стойкой», входившей тогда в моду.

— Садитесь, молодой человек, подвезу, — предложил услужливо незнакомец и открыл дверцу.

Анатолию показалось лицо водителя знакомым. Усталость

от пешей прогулки и невыносимый зной сделали свое дело — он нырнул в авто.

— Здравствуйте, товарищ Филатов. Привет вам от Нади, — мило улыбнулся незнакомец и внимательно посмотрел в глаза пассажиру. — Я знакомый Нади. Меня зовут Эдвард Кэйн. Вас зовут Анатолий?

— Да...

После этого водитель раскрыл папку и вытащил оттуда толстый конверт из желтой плотной бумаги с блестящими зажимами на верхнем клапане. Он положил его на колени офицеру.

— Нади просила просмотреть содержимое конверта прямо в машине и вернуть ей те фотографии, которые вам не понравятся.

Анатолия взволновала и заинтересовала передача — вроде нигде не фотографировались. Он быстро разогнул металлические дужки конверта и обнаружил в нем пачку цветных фотографий высокого качества. Вот они с Нади в городе: у книжного магазина, в машине, у дома. А затем... Затем... Кровь ударила в голову, застучало в висках, лоб мгновенно покрылся испариной, к горлу подкатывался тошнотворный, откуда-то взявшийся комок, а сердце готово было выпрыгнуть из грудной клетки.

На фотографиях — два обнаженных знакомых тела в разных позах и под причудливо порнографическими ракурсами. Розоватый оттенок кожи на снимках придавал более высокий уровень сексуальности. Вот его пьяная физиономия лежит на бедрах женщины, а вот он щекой коснулся груди, а вот...

«Она раздевалась неторопливо, — вспоминал Анатолий, — как профессионалка из стриптиза, со знанием дела... стерва, стерва. Как же я не догадался? Она ведь позировала, точно зная места расположения фотообъективов».

Потом он резко повернулся к Эдварду и с деланой суровостью спросил:

— Это что, шантаж компроматериалами?

— Нет, просто зафиксированные на века приятные мгновения, обретшие, как говорят философы, материальную форму, — ядовито заметил водитель и тут же добавил: — Нади не ищите, она срочно вылетела в Штаты, однако просила не волноваться, так как эти свидетельства взаимной близости останутся

приятными воспоминаниями не только для вас, но и для нее. Возможно, она скоро вернется, — все будет зависеть от вас и от тех обстоятельств, которые сложатся вокруг вас обоих...

Монолог продолжался, но Филатов его уже не слушал, окончательно убедившись, кто такая Нади и ее знакомый. Он брезгливо взглянул на конверт, а затем на Кэйна. Мысли барахтались в поиске достойного ответа. Анатолий даже не заметил, как машина остановилась в глухом переулке позади посольства. Эдвард открыл дверцу и тихо промолвил:

— Друг, мы скоро встретимся. Удачи тебе. Не обижайся, мы сделали то, за что ты нас будешь благодарить. У тебя появятся деньги — большие деньги. А конверт правильно, что не взял.

Затем он высадил пассажира, и машина стремительно рванула с места. Бледным, усталым и опустошенным выглядел Филатов. Когда вошел на территорию посольства, показалось, что его состояние видят многие. От случившегося делалось страшно, но инстинкт самосохранения подсказывал: возьми себя в руки, успокойся, надо выглядеть и действовать, как обычно — раскованно с товарищами и предельно собранно с начальством.

Начались кошмарные дни тягостных раздумий. У труса страх гипертрофируется — нет ничего страшнее страха. Когда человек поддается страху перед ужасом, он начинает ощущать ужас страха. Ему то хотелось во всем признаться, то наложить на себя руки, то пойти на развитие отношений с американцами.

Все решил праздник 23 февраля 1974 года, организованный в посольстве СССР. На банкет были приглашены иностранные гости. От американской стороны присутствовал первый секретарь посольства США в Алжире господин Эдвард Кэйн. Он держался в стороне от Филатова, узнавшего янки сразу же и с трепетом ожидавшего контакта с ним. Все, однако, произошло, как в кино, — незаметно и естественно. Улучив момент, Кэйн передал советскому офицеру визитную карточку с адресом виллы хозяина.

— Приходите в субботу. Я буду ждать на вилле. По адресу найдете. Желательно вечером, после восемнадцати, — быстро проговорил американец.

— Хорошо, — был краткий ответ Филатова, понимавшего,

что он остановился на третьем варианте развития событий. Он решил пойти на переговоры с американцем...

Вечером назначенного дня Анатолий подошел к вилле Эдварда. Озираясь по сторонам, он ужом прополз, нет, скорее прошмыгнул, в калитку и вскоре оказался в относительно просторной комнате с улыбающимся хозяином.

— Добрый вечер, господин Кэйн.

— Здравствуйте, господин Филатов. Я думаю, вы не будете обижаться на нас, на меня. Поймите, я не враг ваш, а друг, желающий только добра.

Выпили по чашечке кофе. Майор немного успокоился и расслабился. Беседа начала завязываться, появилась даже неприужденность. Политических вопросов не касались. Антисоветского прессинга не ощущалось. Доброжелательный тон Кэйна действовал на гостя успокаивающе.

— Я предлагаю профессиональную дружбу, выражаясь коммерческим языком, — деловое сотрудничество, от которого выиграют обе стороны, потому что прекрасно знаю, кто вы и чем занимаетесь. Вы же догадываетесь, кто я. Вам для служебного роста нужна информация, мне она тоже необходима, — вкрадчивым голосом, словно боясь кого-то спугнуть, продолжал американец.

Вопросы сыпались четкие, продуманные, требующие безобидных на первый взгляд ответов. И еще Анатолию показалось, что Эдвард достаточно широко и глубоко информирован по личному составу резидентур КГБ и ГРУ в Алжире, обстановке в советской колонии, закупкам товаров ее обитателями и даже по местным сплетням. Вся эта информационная мощь, словно обильным водопадом, обрушилась на гостя, не давая опомниться и сосредоточиться на разумных логических ответах.

Майор уступал молча. Загнанный, как ему казалось, в тупик, он видел перед собой только стену. И вот, наконец, он сдался...

Перед уходом Кэйн подарил «русскому другу» дорогую зажигалку, заметив не без лирического оттенка:

— Пусть она не только поджигает сигареты, но и согревает озябшие ладони, делающие полезные друг другу дела.

Договорились встретиться здесь же через десять дней. Кэйн пообещал кое-что раскрыть в их взаимоотношениях.

Срок до очередного свидания пролетел быстро. Это были кошмарные дни и ночи раздумий. Однако ровно в 20.00, как и договорились, россиянин пришел к американцу. По дороге на конспиративную встречу с американцем офицер успокаивал себя:

«Будем обмениваться информацией, это делают на грани фола многие разведчики мира. Важного ничего давать не буду, а от американца даже незначительные материалы всегда будут оценены руководством достойно. Главное, их легализовать — Эдвард подскажет».

В то же время он понимал, что дорога, на которую его вывела Нади, не вымощена благими пожеланиями. Она скорее всего может привести к чему-то страшному и непоправимому.

Филатов нажал на звонок, и гостеприимный хозяин тут же открыл дверь.

— Проходите. На этот раз мы поговорим в кабинете. Никого из знакомых не встретили по дороге? — поинтересовался Кэйн.

— Нет...

— Ну и хорошо. Прошу в комнату, а здесь можете повесить плащ. — Движением руки Эдвард показал на вешалку из красного дерева.

В комнате царил полумрак. В углу под фиолетовым колпаком тускло горел торшер. На круглом журнальном столике из толстого тонированного стекла стояла плоская бутылка виски и лежали почти такие же бутерброды, какими не так давно угощала его коварная красавица.

— Предлагаю для аппетита и снятия стресса виски со льдом, — хлебосольно предложил американский разведчик.

Выпили за встречу. Разговор начался с погоды, экологии — загрязненности города, урбанизации, проблем нарастания пан-исламистских настроений в отдельных регионах страны.

— Ничего страшного не произошло, Анатолий, — начал Кэйн. — Давай на брудершафт. Он придаст еще больше откровенности.

— Давайте, — стеснительно выдавил из себя Анатолий.

— Конечно, ты вправе считать, что мы поступили не по-

джентльменски. Но что делать? Нередко обстоятельства диктуют форму акции. — Он улыбнулся, прищурился хитро бегающие глаза. — Я думаю, твоя служба поступила бы аналогичным образом. Советские партийные органы строго следят за нравственностью в армейских рядах. Я буду откровенным: мы внимательно наблюдали за твоими действиями и поведением. Они вписывались в нормы морали янки.

— Чем же? Какие это нормы?

— Прежде всего отсутствие закомплексованности на приемах, свобода личных поступков, коммуникабельность, прагматизм с высоким чувством реальности, увлеченность и тяга к знаниям, приобретение модных и дорогих вещей и другое. В последнем вы, — Кэйн снова почему-то перешел на «вы», — как и я, очевидно, руководствуетесь поговоркой «Мы не такие богатые, чтобы покупать дешевые вещи». Но, увы, на многие желаемые товары денег у вас не хватало. Или я ошибаюсь?

— Нет, все правильно, — подтвердил офицер.

— Таким образом, как сказал один мудрый человек, настоящий мужчина характеризуется тремя страстями: к красивым женщинам, терпким винам и большим деньгам. Если с первыми двумя показателями у вас все нормально, то с деньгами никак не клеится. Мы готовы помочь, будем хорошо платить. Работа совершенно безопасная, причем обоюдовыгодная. Мы заинтересованы в вашей конспирации не меньше, чем вы сами.

— Я должен все взвесить, — промямлил вербуемый. — Я прекрасно понимаю, в какую сторону вы меня ведете.

— Ответ в данном случае может быть только один — положительный. Думать некогда — вместе с тем думать всегда надо. Или вы даете подписку о сотрудничестве сейчас, или ваше руководство завтра же будет знать все подробности недостойного поведения помощника военного атташе майора Филатова. — Американец умышленно назвал должность и воинское звание жертвы. — Стоит ли объяснять, что произойдет с вами потом.

Офицер и на этот раз сломался...

Договорились, что Кэйн тоже будет «подпитывать» Филатова необходимой информацией.

Кабинет резидента ЦРУ США в Алжире погрузился в табачный смог. Хозяин апартаментов сидел, развалившись в кресле, время от времени затягиваясь сладковато-пахучим дымом трубки. Он курил только табак «Черный капитан», что не мешало ему внимательно слушать прибывшего на доклад полковника Кэйна.

— Вербовка Филатова проведена согласно плану. Он окончательно стал на позиции сотрудничества с нами. Я думаю, компромат и деньги сыграли не последнюю роль. То, что русский рассказал о себе и своей службе, само по себе закрепляет вербовку, не говоря уже о письменном согласии.

— Сейчас главное в работе с агентом, — заметил резидент, — деликатная напористость и напористая деликатность. Используйте метод постепенного втягивания для получения серьезной информации — вспомните, как удав медленно проталкивает в себя жертву. Но не пытайтесь форсировать события — можете подавиться. Не загружайте агента с первых шагов сложными заданиями. Вместе с тем чаще встречайтесь, но не переусердствуйте. Надо создать такие условия, чтобы он был сам заинтересован в добывании сейфовых материалов. Помните о материальном интересе. Агент должен чувствовать нашу заботу. Подчеркивайте его весомость, больше хвалите, но только не переборщите. Вы опытный человек, пусть мой общий инструктаж вас не коробит. Я вынужден по службе говорить эти прописные истины и говорю каждому сотруднику, заимевшему конкретный оперативный результат в форме агента.

Кэйн праздновал победу. В штаб-квартиру ЦРУ полетела шифровка за подписью резидента о вербовке советского офицера Филатова под кличкой «Алекс». Он прекрасно понимал значение удачного финала: была выполнена главная задача командировки — приобретение агента. Резидент не раз его критиковал за бездеятельность и отсутствие конечного результата. Если бы не эта победа, уехал бы он из Алжира «холостым» — без вербовки агента, а Центр за такую пассивность по головке не гладит. Могли и уволить. А сейчас оценят и дадут еще послужить за границей. Эти мажорные размышления прервал шеф, как будто уловивший нить рассуждения подчиненного.

— Эдвард, — обратился по имени резидент к полковнику, — придется продлить срок вашей командировки здесь, но одновременно считаю полезным с материалами дела на «Алекса» ознакомиться вашего сменщика. Пять-шесть встреч с агентом проведите сами, исподволь готовя его к продолжению работы с коллегой. Это закрепит вербовку и создаст дополнительные гарантии его работы после возвращения в СССР. Сменщик должен будет подготовить агента к «выводу его в Россию» уже обученным и с необходимою экипировкой.

— Я вас понял, сэр, — отчеканил Кэйн и с разрешения шефа покинул кабинет.

Так в посольстве СССР в Алжире заработал «крот» — агент ЦРУ «Алекс». Конспиративные встречи с ним проходили только на вилле Кэйна. Агент, как заправский офеня, носил товар, за который купец платил ему щедрые деньги — правда, не из своего кармана. Подкармливался средствами из оперативной кассы и сам Эдвард, завывая расходы на «подарки и представительские мероприятия» с обилием спиртного и продуктов питания. Подозрения возникли у самого агента, о чем он скажет на следствии.

Параллельно с этим шло постижение шпионского ремесла: давались подробные инструктажи о линии поведения, разъяснялись способы выполнения заданий, оговаривались сроки встреч и формы конспирации. Гонорары за «творчество» выплачивались регулярно — в долларах, рублях, динарах, а также дорогостоящими сувенирами.

На очередной встрече Кэйн начал интересоваться конкретными советскими гражданами, находящимися в Алжире по линии КГБ и ГРУ. Затем проявил интерес к сведениям по алжирской армии. После того как американец приручил Филатова, дальнейшая работа с агентом была перенесена с виллы на конспиративную квартиру, где впервые Кэйн почти в категоричной форме потребовал принести какой-нибудь документ о работе советского посольства. Задание «Алекс» выполнил, как говорится, качественно и в срок. Он сделал ксерокопию «Политического отчета Посольства СССР в Алжире».

На одной из встреч Филатов закапризничал — сказалося пе-

ренапряжение. От двойной нагрузки стали сдавать нервы. Угрозы прекращения сотрудничества с янки чередовались с нытьем оставить его в покое — таков был диапазон его «бунта». Он умолял сократить время и число встреч, мотивируя тем, что частые отлучки не смогут долго оставаться не замеченными для окружающих.

— Вашу машину знает каждая собака в городе! А мое появление рядом с ней в определенном месте в городе чего стоит? Никакой конспирации. Так и до прокола недалеко, — раздраженно кидался колючими фразами Филатов.

Кэйн с пониманием отнесся к тревогам агента. Очередная встреча была назначена в городе у фонарного столба, заранее известного по условиям связи, где Эдвард должен был «подхватить» агента и вывезти на новую конспиративную квартиру.

Филатов после работы вышел из посольства и, тщательно проверившись, направился к месту встречи. Ждать долго не пришлось. Через минуту он услышал шум мотора. Оглянулся и... замер от неожиданности. Под фонарным столбом остановился не автомобиль вербовщика, а старенький «жучок»-«Фольксваген». За рулем сидел бородач. И вдруг через опущенное окошко дверцы донесся знакомый голос Кэйна.

«Загримировался, хорек. Видать, подействовали мои замечания — испугался потерять место», — самодовольно отметил про себя Анатолий.

«Алекс» нырнул, надвинул на лоб клетчатую кепку, извлеченную из целлофанового пакета, и откинулся на спинку заднего сиденья. Вскоре приехали на незнакомую виллу, затененную зеленой стеной декоративного кустарника. Прошли в комнату на втором этаже. Агент принес очередной товар по алжирской армии, а Кэйн — гонорар. На этой встрече он намекнул «Алексу», что скоро его командировка заканчивается и он должен покинуть Алжир.

— Я надеюсь, что наши отношения на этом прекратятся? — спросил Филатов.

— Дорогой Анатолий! Мои отношения с вами перестали быть только нашими. О вас знает Центр — знает, замечу, с лучшей стороны. В швейцарском банке на ваше имя открыт счет.

Туда перечисляются немалые деньги. О вас уже осведомлен мой сменщик. Он хочет с вами познакомиться на следующей встрече.

— Никакой встречи не будет. Хватит, наелся... мы же договаривались, — взорвался агент.

— Успокойтесь, прошу. Успокойтесь.

— Я говорю вам вполне серьезно.

— Не горячитесь, господин Филатов. Вы слишком много секретной информации передали нам, чтобы по живому рвать наши отношения.

— В Союзе я для вас ничего делать не буду, — в сердцах выпалил офицер.

— Будете, иного выхода у вас нет, — с уверенной наглостью рявкнул Кэйн. — Не в ваших интересах ссориться с нами.

Завербованный не узнавал вербовщика, сделавшегося внешне одержимым, нахрапистым и грубым. Таким он его никогда не видел и не на шутку перепугался.

— Я бы не хотел, чтобы вы разговаривали со мной таким тоном, — заметил сконфуженный агент.

— Прости, Анатолий, погорячился, но ради твоего же благополучия. Я думаю, мы с вами найдем общий язык? — Кэйн тоже от волнения то «выкал», то «тыкал».

Общий язык они в конце концов нашли. Договорились, что на очередную встречу он прибудет с коллегой полковником Майклом Джеферсоном...

Встреча с Майклом состоялась на вилле Эдварда. Анатолий успокоился и окончательно принял решение продолжать сотрудничество с американской разведкой, боясь наказания уже не только за моральное разложение.

— Мой коллега полковник Майкл Джеферсон, — отрекомендовал хозяин.

— Майор Филатов... Анатолий, — словно своему начальнику, представился советский офицер, внимательно наблюдая за действиями и манерой разговора нового патрона.

— Майкл, — встав с кресла, назвал себя полковник. — Будем знакомы, — и первым протянул руку. Обменялись рукопо-

жаниями, и вскоре тройца уже мирно беседовала за журнальным столиком с бутылкой виски и чашками кофе.

Через какое-то время Кэйн улетел в Штаты. Он выполнил задание по вербовке. Основная нагрузка — вышколить агента перед возвращением его в Союз — теперь лежала на новом «воспитателе», который весьма успешно справился с поставленной задачей. «Алекс» дал согласие выполнять задания ЦРУ на территории СССР...

На последней встрече Майкл передал агенту шпионскую экипировку, состоящую из традиционных средств. В частности, в ее набор входили: два листа копировальной бумаги для тайнописи, шесть заранее подготовленных так называемых «писем-прикрытий», две инструкции по сбору и условиям передачи интересующих разведку США сведений, специальная авторучка для тайнописи, шифро-блокнот, мини-фотоаппарат, закамуфлированный под газовую зажигалку, стереофонические головные телефоны-наушники с укрытыми в них кассетами для мини-фотоаппарата, электрический фонарь с оборудованной в его батарейке приставкой для настройки радиоприемников на заданные частоты.

Агенту за проданный товар в феврале 1976 года было вручено 10 000 алжирских динаров, которые он обменял на инвалютные рубли. На этой же встрече от Джеферсона он получил 40 000 рублей и 24 золотые монеты царской чеканки, достоинством в 5 рублей каждая. Шпионскую экипировку, деньги и ценности Филатов сумел провезти в обход таможенного контроля по фиктивной справке о своей принадлежности к дипломатическому персоналу. Фальшивка была получена от друга, работавшего в консульском отделе посольства.

В начале августа 1976 года в городе Алжире в условленном месте по заданию он поставил сигнальную метку, уведомляющую Майкла о его отъезде в Советский Союз...

Начальник 1-го отдела 3-го управления КГБ полковник И.А. Ермолаев вызвал руководителей отделений и сообщил информацию о том, что в конце января 1976 года радиоконтр-

разведывательная служба госбезопасности зафиксировала новый канал односторонних радиопередач одного из американских разведцентров на территории ФРГ. Лепесток устойчивого приема накрывал районы Тульской, Калужской и Курской областей.

— Итак, товарищи, есть две версии: агент уже начал действовать или он еще находится за рубежом, — рассуждал начальник отдела, — а сигнал идет для отвода глаз. Противник пытается ввести нас в заблуждение. Вместе с тем не думаю, чтобы он сидел в границах треугольника вышеупомянутых областей. По всей вероятности, он москвич. Сигнал через приставку к радиоприемнику «вытянуть» в столице технически возможно. Необходимо принять меры по выявлению офицеров, прибывших и прибывающих в этом году из загранкомандировок. Искать будем в первую очередь среди этой категории военнослужащих. Меня волнует ваш объект, Николай Петрович, — с этими словами он обратился к подполковнику Петриченко, отделение которого, как уже известно читателю, вело контрразведывательную деятельность в ГРУ. — Еще раз пересмотрите материалы сигналов и дел оперативного учета.

...Прошел почти год поиска полумифического агента «втемную». Многие оперативники видели шпиона чуть ли не в каждом военнослужащем, проходившем по делам и сигналам. Но то, что случилось в феврале 1977 года, еще больше накалило обстановку поиска.

Дело в том, что в ходе работы по выявлению возможных шпионских отправлений на канале почтовой переписки был отобран подозрительный конверт. Содержание вложения вынудило специалистов проверить лист на тайнопись. После необходимой обработки на бумаге отчетливо проявился зашифрованный цифровой текст с коротким словом на русском языке «Конец». Шпионское послание сфотографировали, а тайнопись снова «спрятали» — она исчезла. Письмо без задержки отправили по указанному на конверте адресу, который подсказал «флаг» спецслужбы. Контрразведчикам стало ясно, что они имеют дело с агентом ЦРУ США...

Начался многомесячный марафон разыскных мероприятий, который завершился успехом — исполнитель был вычислен. А до этого контрразведчики перелопатили горы дел, анкет, автобиографий и других материалов. Подозрение пало на майора Филатова Анатолия Николаевича — сотрудника института, который еще недавно обслуживал Стороженко.

Майор сразу же был взят в активное оперативное изучение. То, что перед чекистами был шпион, не вызывало сомнений. Но для суда нужны доказательства.

Начальник отделения Петриченко вызвал в кабинет Стороженко.

— Николай Семенович, вы институт еще не забыли? — неожиданно спросил он.

— Как же забыть «первую любовь»!

— Ну, тогда и карты в руки. Я включаю вас с майором Пашкиным в оперативную группу. Будете работать по вероятному шпиону. Одно прошу: об этом никто не должен знать, даже в отделении. Конспирация превыше всего! Ясно?

— Понятно...

Он обрисовал некоторые детали обстановки, поставил конкретные задачи и потребовал ежедневных докладов. Стороженко гордился высоким доверием, оказанным ему руководством отделения и отдела.

С этого периода проверка «оборотня» началась по «двухпутке»: территориальные органы госбезопасности изучали его по месту жительства, органы военной контрразведки — по месту службы. Обмен информацией проходил ежедневно.

А тем временем события стали развиваться стремительно, с элементами непредсказуемости. Требовался жесткий и постоянный контроль за действиями изучаемого офицера. Полученная информация о сооружении агентом тайника в квартире, в верхнем торце санитарного шкафа туалета, говорила, что агент прячет улики. Но для чего? Чтоб временно прекратить работу или возобновить ее?

На службе Филатов демонстрировал штабную пунктуальность в работе с секретными документами, даже нарочитую «бо-

язнь» несанкционированного доступа к ним. В то же время явно фиксировалась внутренняя напряженность.

Месяц за месяцем упорной работы позволили создать психологический портрет этого человека: одного на службе, другого дома. На работе он показывал сплошную идеологическую выдержанность. Никогда и нигде не позволял резкостей по адресу политорганов, существующей системы и ее вождей. На партсобраниях выступал горячо, убедительно демонстрируя руководству свою «политическую зрелость», клеймил позором американский империализм. Не случайно его заметил начальник политотдела института. Скоро Филатова избрали секретарем партийной организации отдела.

Шаг за шагом оперативники вели документирование преступной деятельности предателя. Агент действовал крайне осторожно: инстинкт самосохранения работал четко! Однако, попав под чекистский невидимый «колпак», он уже был не в силах, даже если бы и захотел, выскочить из-под него. Бездействовать он не хотел и в какой-то мере боялся угроз американцев. А его действия оставляли следы.

Вернувшись из Алжира, «Алекс» по заданию ЦРУ успел передать ряд секретных сведений в Ленгли. Но вскоре этому был положен конец. Закономерным финалом предателя Родины, изменившего словам присяги и долгу разведчика, был его негласный арест, в котором принимал участие и Стороженко.

С этих пор и до суда контрразведчики стали кормить американцев в ходе оперативной игры тупиковой дезинформацией...

Разбирательство показало, что агент и его заокеанские подручные готовились к «большим делам». «Алекс» стал бы супер-агентом, если бы ему удалось пробраться в центральный аппарат ГРУ. По прибытии в СССР Филатов должен был поставить условный знак о готовности приема односторонних радиопередач, однако побоялся это сделать и сообщил в ЦРУ «письмом-прикрытием». Кстати, односторонняя передача, как учил его Майкл, могла передаваться в течение месяца до 8—10 раз. Согласно инструкции для «Алекса»:

«Ровно в 21 час на условной волне женский голос в течение десяти минут с небольшим интервалом будет вести счет до десяти. После этого последует 10 коротких тональных сигналов, и вслед за ними начнется шифрованная передача.»

Перед кодированным текстом будут указаны номер — трехзначное число — и количество групп пятизначных чисел. Телеграммы с нечетным номером являются учебными».

Выполняя задание, «Алекс» в декабре 1976 и в январе 1977 годов с помощью полученного от американцев специального электронного устройства и имеющегося у него транзисторного приемника «Националь-Панасоник» принял две радиограммы с целью проверки возможностей поддержания связи. В ночь с 29 на 30 января 1977 года, во время дежурства в институте, он с помощью находившейся при нем шифротаблицы и специальной копировальной бумаги подготовил для ЦРУ первое шифрованное тайнописное донесение, в котором уведомил американцев о своем назначении в институт ГРУ, его структуре и задачах. Это «письмо-прикрытие» он отправил 8 февраля 1977 года через почтовый ящик у станции метро «Проспект Мира».

В последних числах февраля он принял очередную кодированную радиограмму, в которой из-за океана подтвердили получение первого донесения и предписывали направить очередное 1 марта.

Придя однажды поздно после службы и очередной гулянки, когда семья уже спала, он на кухне подготовил текст второго шпионского сообщения и опять «письмом-прикрытием» 19 марта 1977 года отправил его через прежний почтовый ящик.

В конце марта он принял и расшифровал очередную радиограмму разведцентра США, в которой сообщалось, что вместо тайника под условным наименованием «Дружба» для связи с ним предусмотрен тайник «Река». Далее разъяснялся порядок пользования тайником и указывалось место его расположения — на Костомаровской набережной в Москве. В июне Филатов получил новую квартиру и хотел принять очередную радиограмму, но из-за сильных радиопомех попытка оказалась безуспешной. Потому он решил воспользоваться тайником.

Готовясь к этой операции, «Алекс» выехал на Костомаров-

скую набережную на рекогносцировку будущей акции. Согласно инструкции от 24 июня на стене дома № 15 по улице Вавилова поставил метку. Она говорила о готовности агента на следующий день изъятия содержимого тайника.

Под покровом темноты он пришел к тайнику «Река», но контейнера на месте не обнаружил. На следующий день шпион повторил действие — и снова безрезультатно...

«Что за черт, может, кто подобрал? Или я успел наследить? Скорее надо драпать отсюда, иначе можно вляпаться и привести «хвост», — подумал он и осмотрелся. По телу пробежал противный озноб. На лбу показались градинки пота.

Вечером дома «Алекс» подготовил третье донесение, в котором информировал хозяев о безуспешной попытке обнаружить и изъять тайниковую закладку. В нем же он сообщал, что из-за плохой слышимости не может принимать радиogramмы, и предложил использовать запасной канал связи под условным названием «Стадион». Просил о личной встрече с представителем ЦРУ в Москве. Письмо опустил на следующий день в почтовый ящик у метро «Площадь Революции».

Вот как объяснял Филатов на следствии работу с первой американской радиogramмой:

«...Согласно инструкции американской разведки, 21 января 1977 года мною был осуществлен прием первой «боевой» кодированной радиogramмы. Записав текст радиосообщения, я в тот же вечер начал его расшифровку. Не уложившись в первый вечер, я продолжил эту работу 22 и 23 января. Обычно для того, чтобы жена не смогла меня в чем-то заподозрить, я садился на кухне якобы с целью конспектирования, а на самом деле занимался расшифровкой полученных от американцев кодированных радиogramм».

Несостоявшаяся тайниковая операция «Река» не на шутку напугала Филатова. Несколько дней он ходил замкнутым, в голову лезли всякие тревожные мысли, одна страшнее другой. Письмо из штаб-квартиры ЦРУ несколько успокоило его. В нем после проявления тайнописи появился текст:

«Дорогой Алекс! Нам не удалось заложить тайник 25 июня, так как за нашим человеком была слежка... Благодарим за «Лу-

пакова» письмо (утраченное письмо с тайнописью из ЦРУ. — Прим. авт.) Хотя мы и проверяли адрес несколько раз... письмо, вероятно, пропало на почте. К сожалению, иногда случается. Это не должно вас волновать, так ваши копирки очень надежны (??? — Прим. авт.) и ваша техника при тайнописи отличная.

Просим обязательно ставить марку в 16 копеек и отправлять письмо из районов, посещаемых туристами. Мини-аппарат и кассеты, которые мы дали вам, теперь нужно уничтожить... просим уничтожить эти материалы надежным способом, как, например, забросить их в глубокую часть реки, когда вы уверены, что на вас никто не смотрит... просим также уничтожить кристаллы и батарейки...

Новое расписание: по пятницам в 24.00 на 7320 (41 м) и 4990 (60 м), по воскресеньям в 22.00 на 7320 (41 м) и 5224 (57 м). Чтобы улучшить слышимость наших радиопередач, очень советуем использовать находившиеся в этом пакете 300 рублей на покупку радиоприемника «Рига-103-2», который мы тщательно проверяли и считаем, что он хороший.

В этот пакет мы также включили маленькую пластмассовую пластинку преобразователя, при помощи которой вы сможете расшифровать наши радиопередачи и зашифровать вашу тайнопись. Просим осторожно с ней обращаться и хранить. Мы согласны с вашим советом изменить день возобновления связи у стадиона «Динамо» с субботы на пятницу. Это письмо мы написали на бумаге, растворимой в воде.

Уничтожьте ее, положив в стакан воды. Ожидаем от вас скорого сообщения.

Сердечный привет.

ДЖ».

Читая эту инструкцию, Стороженко искренне удивлялся: «Как опекали агента! Как разжевывали ему порядок действий!»

Несмотря на опыт, полученный в Алжире, связь с американцами в Москве порождала страх в душе предателя — родная земля не принимала «оборотня». Ему казалось, что за ним устроена постоянная слежка, поэтому ставшие привычными проверки по выявлению «хвоста» при челночных перемещениях квартира — служба, служба — квартира настолько изматывали

тело и душу, что его шатало от физического и нервного истощения. Шпионскую экипировку в квартире он постоянно перепроверял и нередко перепрыгивал. Это несколько успокаивало его.

Разработка «Алекса» приближалась к логическому завершению. И, словно предчувствуя конец, шпион упивался жизнью: тратил большие деньги на встречи и времяпрепровождение с женщинами, памятуя слова Зоценко: «У кого нет денег, те не ходят с дамами». Так он расходовал «заначку» в 40 000 рублей, о которой жена не догадывалась. Ей не перепало ни рубля!.. Она содержала семью на остатки майорской зарплаты.

Последняя радиограмма от 22 июля 1977 года, принятая «агентом» в 21.00 и состоящая из 110 групп с позывными 258, была «боевой». Именно она помогла чекистам подготовиться к захвату с поличным американских разведчиков супругов Крокетт, с которыми еще читатель встретится в главе «Барон» на связь не вышел».

Резидент посольской резидентуры ЦРУ в Москве сидел в крутящемся кресле. Мысли янки были заняты предстоящей операцией по связи, в которой участвовал один из лучших офицеров его агентурного аппарата, готовящийся стать особо ценным источником, — агент «Алекс». Если бы знал резидент, что их «ценняк» уже в Лефортове, а чекисты дурачат его!.. Раздумья прервал стук в дверь.

— Войдите, — как-то вяло произнес он.

Вошел тот, кому предстояло идти на операцию. Крокетт еще раз выслушал подробный инструктаж шефа и пожелания успехов.

— Ну, с богом, Винсент! Операция, как вижу, подготовлена качественно, провала не будет, потому что ее готовили настоящие профессионалы. Результаты доложите лично. Я буду вас ждать в кабинете.

Ровно в 19.00 2 сентября 1977 года гражданский помощник по вопросам обороны (именно так называлась должность прикрытия разведчика) Винсент Крокетт надел под майку специальный бандаж с радиоаппаратурой. Она позволяла перехватывать

разговоры советских контрразведчиков в районе проведения операции. Еще раз проверил контейнер, присланный из-за океана и предназначенный для «Алекса». Он представлял собой пустотелый обрезок кабеля с вложением: 300 рублей, пять пустых почтовых конвертов с подставными адресами на иностранном языке, несколько шифроблокнотов, ручка для тайнописи и очередная инструкция. Контейнер находился в промасленной тряпке, чтобы не привлечь внимания случайных прохожих. «Валяться» камуфляж в таком виде должен был не более 15 минут.

В 20.00 Крокетт после получения подтверждающего звонка «Алекса» вместе с женой Бекки выехал на операцию. Вскоре они оказались в районе Салтыковки за отдельным столиком в уютном ресторане «Русь», давно облюбованном иностранцами. Ужинали весьма скромно — бутылочка сухого вина и холодные закуски. Супруги мило беседовали, поглядывая на входные двери и следя за вошедшими, — искали «хвост». Бекки прижимала к животу дамскую сумочку, в которой в целлофановом пакете лежал шпионский контейнер. Через два часа они покинули ресторан.

Машина рванула с места. Винсент посмотрел по сторонам. Проехали одну улицу, другую и вот повернули на Костомаровскую набережную. Улица была пустынной: ни пешеходов, ни автомобилей, ни бродячих собак. Когда машина проезжала мимо осветительного столба, Бекки по указанию мужа выбросила из окна по направлению к забору контейнер. При этом, освобождаясь от целлофана, испачкала масляной обработкой ладони, юбку, сиденье. То ли руки дрожали, то ли слишком постарались промаслить тряпку «профессионалы».

Машина рванула, взвизгнув горящими протекторами, и понеслась по Костомаровской набережной до развилки, ведущей к улице Чкалова.

— Все!!! Дело сделано, Бекки!

— Жми в посольство, тебе ведь надо доложить, а мне отмыться. Я вся перепачкана.

— Скоро будем дома...

Не успел он договорить фразу, как дорогу перегородили не-

известно откуда взявшиеся сотрудники ГАИ. Сразу же подъехало несколько автомашин с включенными фарами.

— Конец, мы вляпались, — только и сумел проговорить Винсент супруге. Оставалось «забаррикадироваться» в машине и требовать вызова представителя посольства. Однако последовала не очень приятная процедура, какая случается со шпионами, пойманными с поличным. Группа захвата их «освободила» из автомобильного заточения и вежливо предложила пересесть в микроавтобус. Бекки пришлось даже кусаться — она укусила руку сотрудницы, участвовавшей при задержании и личном осмотре негостеприимной дамы.

В приемной КГБ, куда поздно ночью доставили провалившихся разведчиков, супругам Крокетт трудно было отрицать причастность к фактам и вещественным доказательствам. Сотрудницы приемной помогли Бекки помыть руки и почистить одежду. Консул посольства США также не мог опровергнуть улики, послужившие основанием для задержания граждан его страны.

— Мне все ясно, — ответил дипломат. — Мне надоело встречаться с вами по ночам.

Эти слова были адресованы сотрудникам контрразведки, принимавшим участие в операции по задержанию американских разведчиков. После подписания протокола об инциденте консул увез провалившихся дипломатов-разведчиков в посольство. Винсенту предстояло отчитываться перед резидентом и спешно собирать вещи уже в качестве персоны нон грата.

А Филатова ждал судебный процесс. Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила его к высшей мере наказания — расстрелу, замененному 15 годами заключения...

Отбыв срок, он обратился в посольство США в Москве с просьбой компенсировать ему моральный и материальный ущерб, переведя на его счет в один из московских банков хотя бы часть суммы, которая якобы лежала в Швейцарии. Американцы долго уклонялись от ответа, а потом заявили: право на компенсацию имеют только граждане США. Как говорится, от ворот поворот. Выжатый лимон выбрасывается!

Дальнейшая судьба предателя, как писали журналисты, тяжелая — он стал никому не нужен: ни американцам, ни семье, ни

Родине. После возвращения из тюрьмы на волю он отправил себя снова в «неволю» — приобрел в одной из деревенок домик и живет отшельником в российской глухомани...

И вот спустя 30 лет после ареста «оборотня» из ГРУ автору этих строк по приглашению творческой бригады «НТВ» в рамках программы «Русские сенсации» — проект «Лубянка 2» удалось навестить «отшельника», который, как выяснилось, живет совсем не анахоретом. Купил в деревне Старая Жуковка, что в ста километрах севернее Саратова, домик с пятью сотками земли. Возделывает огород, кормящий его целый год. Занимается сбором трав для чаепития. С селянами в дружбе. Для здоровья ходит по 10 километров ежедневно и на ночь пьет по 30 граммов настойки самогона на травах. Информирован — смотрит телепередачи. Недавно установил антенну-тарелку. Посредством шести стареньких приемников слушает передачи, в том числе на французском и английском языке.

На чекистов не обижаются, считая, что они поступили по долгу службы. Янки презирает за жадность, неискренность и наглость. Как будто в ЦРУ должны быть паиньки?! Винит только себя, но прошлое вспоминать не хочет, так как жизнь он поделил на два куска — с оттенками «черного» и «белого».

Подробно встречу с человеком, ставшим шпионом не инициативно, а в результате подставы — «медовой ловушки», автор описал в альманахе «Лубянка», № 8, 2008.

Глава 9

Перебежчик Резун, ставший «Суворовым»

Он не только продал своих друзей, боевых коллег, родственников, в том числе отца-фронтовика, который проклял его за предательство, — измены такие среди военных разведчиков трудно припомнить, — он изменил присяге и предал Родину. Фамилия его капитан ГРУ Владимир Резун.

Этот трус по характеру стал, пожалуй, самым известным «оборотнем» в нашей стране и за рубежом, бежавшим в период «холодной войны» в Англию. В годы ельцинского правления по милости некоторых отечественных издателей печать и телевиде-

ние его «раскрутили» до неприличия. Сомнительную популярность предателю принесла «заказная» писанина, в которой были кровно заинтересованы западные издательства, работающие вместе с рыцарями «плаща и кинжала» на ниве идеологической борьбы с Советской Россией.

Стороженко, хорошо знавший оперативные материалы на предателя, давно вынашивал мысль сказать свое слово об этом экс-офицере ГРУ, неожиданно ставшем плодовитым писателем под псевдонимом «Виктор Суворов». Хотелось показать читателю ту тщательно скрываемую сторону жизни этого ничтожества в разведке, которую знал не понаслышке. Это в его подразделении сотрудники осуществляли весь комплекс агентурно-оперативных мероприятий по выяснению подробностей бегства офицера в стан противника.

Истоки появления «профессионального разведчика» из ГРУ, его образование, пристрастия и хобби, особенности характера позволили проследить этапы жизни, приведшие к причине падения.

Резун Владимир Богданович родился в 1947 году в поселке Барабаш Хасанского района Приморского края. Его отец в звании майора ушел в отставку и переехал с семьей на Украину — в Черкассы. Он хотел, чтобы сыновья Александр и Владимир пошли по его стопам. Так и случилось, только старший, Александр, по-настоящему «понюхал» пороха на службе. А за младшенького, Володю, отец все время хлопотал и устраивал его судьбу. Лучше бы он этого не делал!

В 1958 году свое чадо отец определил в Воронежское суворовское училище, а когда учебное заведение расформировали, перевел в Калининское. После его окончания в 1965 году Владимир поступил в Киевское высшее общевойсковое военное училище. Завершил учебу в 1968 году. Естественно, у оперативников-разыскников возник интерес к разным этапам его короткой жизни в погонах. В первую очередь хотелось найти штрихи к портрету Резуна и его характеристики за время учебы.

Вот как описывает эпизод подгонки первой формы суворовцу Резуну его бывший коллега Александр Кадетов в своей книге «Как Виктор Суворов предавал «Аквариум»:

«Каптенармус Алферов жаловался:

— Никак не могу подобрать для тебя сапоги. У меня нет таких маленьких сапог, да и попа у тебя, как у нашей уборщицы, в брюки не лезет... ты, хлопец, наверное, весь в «сук» пошел».

И там же говорится о его внешности:

«Небольшого роста, пухлый, рыхлый, он стал предметом насмешек и издевательств со стороны некоторых ребят... Владимир отставал в физическом развитии, поэтому чувствовал себя слабым и униженным. Многих его однокашников удивляло, что при виде крови или во время прививок и профилактических уколов Резун мог запросто упасть в обморок, словно кисейная барышня. Комплекс неполноценности довлел над ним. Он страдал от своих физических недостатков».

А вот фрагмент из характеристики на выпускника Калининского суворовского военного училища:

«Воспитанник Резун В.Б. за время обучения показал себя дисциплинированным, любящим военное дело воспитанником со средними умственными и физическими способностями. По характеру застенчив, болезненно воспринимает критику в свой адрес, с товарищами и старшими робок, раздражителен и иногда несдержан».

Поступив в военное училище, он на фоне других рослых парней и здесь продолжает страдать из-за своего малого роста и женоподобной фигуры. Для того чтобы казаться выше, он подбивал каблук сапог и ботинок. Еще было замечено, что Владимир всегда старался услужить сильному.

После окончания училища, не без помощи друзей отца — кадровиков этого учебного заведения, «блатник» — лейтенант Резун направляется на стажировку не в линейную часть, а в штабы: сначала в штаб Прикарпатского, а затем Приволжского военных округов.

В характеристике, подписанной командирами: роты — майором А. Крайновым — и батальона — подполковником Л. Рубцовым, — отмечался старый негатив: «невыдержанность, самолюбие, обидчивость».

При первом поступлении Резуна в Военно-дипломатическую академию психологи отмечали:

«У абитуриента очень низкий порог лабильности, то есть устойчивости к стрессовым фактам. Человек с таким низким пороговым уровнем очень медленно выходит из стрессового состояния и утрачивает, находясь в таком состоянии, способность адекватно и разумно противостоять целенаправленному воздействию на психику».

В связи с этим мандатная комиссия порекомендовала зачислить его только условно с предварительным прохождением годичной практики в войсках. Отец же всеми силами через свои связи продавливал своего «меньшенького», не служившего и дня в линейных частях, в академию.

Через год, в августе 1971 года, старший лейтенант Резун с женой Татьяной прибывает в Москву. На сей раз, со второй попытки, он становится слушателем Военно-дипломатической академии Советской Армии.

По окончании первого курса в его характеристике появляются настораживающие моменты:

«Недостаточно развиты волевые качества, небольшой жизненный опыт и опыт работы с людьми. Обратит внимание на выработку необходимых офицеру разведки качеств, в том числе силы воли, настойчивости, готовности пойти на разумный риск».

На втором курсе преподаватели практических занятий отмечали такое качество, как *«нерешительность, граничащая с трусостью».*

Был случай, когда он на экзамене, посчитав, что ему необъективно занизили оценку, из-за чрезмерного волнения потерял сознание и упал в обморок.

Сотрудники наружного наблюдения 7-го управления КГБ, обучавшие слушателей академии искусству выявления слежки за собой, в отзыве на Резуна отмечали:

«Объект на маршруте вел себя беспокойно, часто совершенно нелегитимно оглядывался, применял шаблонные приемы проверки для обнаружения за собой слежки, дважды завязывал шнурок на ботинке с целью обнаружить слежку, проверялся грубо и непрофессионально».

И все же академию он окончил и вскоре неожиданно для других офицеров осенью 1974 года выехал в первую и последнюю заграничную командировку в престижную страну — Швейцарию на должность сотрудника советского постоянного представителя в ООН с местом работы в Женеве. Такие служебные взлеты бывали редко у кого из выпускников.

Там он тоже зарекомендовал себя крайне осторожным, неконтактным человеком, робко осваивающим «крышевую» должность. Сторонился иностранцев, не сходилась близко с коллегами, вел довольно замкнутый образ жизни, считая себя специалистом-аналитиком по открытым источникам информации. Таких «спецов» профессионалы-агентуристы называли «портными с ножницами». Они «кроили» местные журналы и газеты, выбирая из них нужную информацию, которая иногда оценивалась нормально в Центре — тогдашнем 9-м управлении информации ГРУ. На большее такие «специалисты» не годились.

Но для разведчика, особенно за рубежом, нужен результат первой категории, каким во все времена была вербовка иностранца в качестве поставщика нужной информации — агента.

Резун понимал, что скоро командировка закончится, а он окажется с нулевым результатом — «баранкой», что сулило ему с учетом характеристик довольно-таки туманные перспективы в дальнейшей службе.

Не случайно резидент ГРУ в Швейцарии — непосредственный начальник Резуна, один из опытейших военных разведчиков, генерал-майор Глотов дает подчиненному после первого года работы такую характеристику:

«Весьма медленно усваивает методы разведывательной работы. Работает разбросанно и нецелеустремленно. Жизненный опыт и кругозор малы. Потребуется значительное время для преодоления этих недостатков».

Для того чтобы поднатаскать Резуна в «деле», Глотов однажды поручил своему заместителю задействовать его в проверочных мероприятиях по закладке подобранного тайника. Нужно было заложить учебный контейнер. Резун об этом не знал, так как ему ставилась «боевая» задача. Они подъехали к месту расположения тайника.

Этот эпизод так описал коллега Резуна — Александр Кадетов:

«Заместитель резидента повернулся к Резуну и увидел, что его напарник сидел бледный как полотно и не мог говорить. Он ничего не слышал, его охватил смертельный страх, нижняя губа у него отвисла и тряслась. На него было противно смотреть.

— Что ты испугался, бери контейнер, иди ищи тайник и закладывай, — властным голосом руководитель попытался вывести Резуна из оцепенения. Однако тот продолжал сидеть, не двигаясь, и молчал, как истукан. Казалось, он ничего не слышал и совершенно отключился. Карта в его руках тряслась. Заместитель резидента выругался в сердцах, вышел из машины и скрылся в кустах. Отыскал нужный пень, заложил контейнер и вернулся к машине...

— Эх ты... Твоя фамилия не Резун, а Дристул...»

Следует отметить, что капитан Резун охотно занимался хозяйственными делами. Практически он исполнял должность денщика при семьях руководителей. Ярко это проявилось, когда на смену Глотову прибыл генерал Александров — бывший работник ЦК КПСС. Особенно Владимир угождал генеральше, мотаясь с нею на автомашине по магазинам, ателье и «блошиным рынкам» — барахолкам.

В Женеве семья Резуна жила отдельно от семей советских граждан, в доме, где обитали иностранцы. Проживание по соседству с американской миссией создавало благоприятные условия для внедрения в квартиру советского гражданина техники слухового контроля. На первом этаже дома находилось также бюро фирмы США по продаже пишущих машинок. Эта фирма на самом деле являлась прикрытием американской разведки, силы которой в Женеве были в тот период, как никогда, велики.

До июня 1977 года на одной лестничной площадке с квартирой Резуна обитала молодая, незамужняя англичанка, работавшая в международной организации здравоохранения, а после ее переезда в другой дом в квартире этажом ниже, под «кабинетом и спальней» будущего «великого писателя с мировым именем»,

поселилась одинокая американка. Причем автомашина Резуна «Тойота Краун» стояла рядом с автомобилем иностранки в одном двухместном боксе, расположенном в подвальном помещении дома. Обе эти женщины подозревались в принадлежности к иностранным спецслужбам.

Как уже отмечалось, за почти двухлетнее пребывание за рубежом разведчик Резун не установил практически ни одного полезного знакомства, нужного для выполнения служебных задач. Он боялся общения с иностранцами и даже сторонился их, пугаясь своей психологической слабости. Однако в апреле 1977 года он неожиданно «по собственной инициативе» (к тому времени уже вовсю шла разработка советского офицера резидентурой британской разведки в Женеве) познакомился с редактором английского журнала «Международное военное обозрение» Рональдом Фурлонгом, который к тому же нежно «любил сильный пол». Его гомосексуальные наклонности были известны руководству МИ-6. Редакторство — это была его «крыша». На самом деле он являлся кадровым сотрудником разведки Великобритании.

Резун искал материалы для «ножниц», а поэтому решил зайти в редакцию журнала, где и познакомился с Рональдом. Вот как описывает первое впечатление Фурлонга от встречи с Резуном Александр Кадетов:

«Память вытасила на поверхность этот эпизод, когда он впервые встретился и познакомился с Владимиром Резуном... Советский дипломат посетил его редакцию. В глаза бросились округлости его женоподобной фигуры, короткие ноги, толстые ляжки, большая круглая голова, пухлые женские губы, румяные, как у девушки, щеки.

Как опытный педераст, Фурлонг сразу безошибочно определил, что перед ним стоит его возможный сексуальный партнер. Все признаки налицо, он не мог ошибиться: русский уже неоднократно бывал предметом мужского вождения. Надо было не упустить шанс, чтобы эта встреча не оказалась последней. У его бывшего любовника, архивариуса французского посольства

Франсуа Лагранжа, закончилась командировка... Посетитель, похоже, сам шел на контакт, подробно интересовался тематикой журнала, стоимостью подписки, с большим вниманием просматривал издания, задавал вопросы, не торопился уходить. Возможно, — Фурлонг это не исключал впоследствии при анализе, — что русский дипломат и сам почувствовал родство душ, точнее, тел».

Знакомство быстро развивалось. Скоро выяснилось, что оба занимаются нумизматикой, поэтому стали обмениваться монетами. Рональд иногда приглашал Владимира на ленч в ресторан. оплачивал расходы всегда англичанин — русский не возражал, а потом так и привык к «дармачку». Наверное, не хотел вспоминать истину, что бесплатный сыр бывает только в мышеловках.

В ходе изучения Резуна Фурлонг безошибочно определил, что Владимир только «крышует» должность международного чиновника в постоянном представительстве СССР при ООН в Женеве, а на самом деле является сотрудником советской военной разведки. К этому выводу он пришел сразу, так как советский гражданин проявлял явно повышенный интерес к военной тематике. И он его стал подкармливать соответственной периодикой, за что россиянин вручал своему «кормильцу» недорогие подарки, презенты и прочее.

Именно таким путем в резидентуре ГРУ появилась копия открытой инструкции по эксплуатации немецкого танка «Леопард-2».

Фурлонг по совету своего начальника — резидента английской разведки в Берне О'Брайна Тира — подарил Резуну, получившему теперь по разработке псевдоним «Наполеон», книгу Вильяма Ширера «Взлет и падение Третьего рейха». Резун, естественно, не знал, хотя мог предвидеть, что уже разрабатывается англичанами, и продолжал с маниакальным упорством доказывать своему новому начальнику, генералу Александрову, что Фурлонг может быть в перспективе кандидатом на вербовку.

Однажды Фурлонг по договоренности со своим шефом довел Резуну информацию о том, что родной брат англичанина якобы является командиром подводной атомной субмарины и

служит вот уже несколько лет на базе военно-морских сил в Гибралтаре. Резун явно заинтересовался этой информацией. Он даже заволновался и стал чуть ли не в лоб интересоваться у собеседника состоянием базы и подводными лодками, базирующимися на ней.

Контакты между русским и англичанином расширились и «углублялись». Резун зачастил теперь уже и на квартиру к Фурлонгу. И тут швейцарская контрразведка отличилась. По данным одного из ее руководителей — Фрица Шварцбергера, его оперативно-техническая служба зафиксировала и тут же задокументировала на видеокамеру сексуальные отношения между Фурлонгом и Резуном.

Этот факт коренным образом повлиял на первоначальный план приобщения Резуна к работе на английскую разведку. После того, что увидели англичане на экране, план существенно упрощался.

Несмотря на это, изучение Владимира и игра с ним продолжались. Фурлонг докладывал начальству, скрывая, естественно, свое влечение к русскому, что Резун не прочь приударить за женщинами. Так, посещая его редакцию, он часто рассказывает сальные анекдоты и... «положил глаз» на его секретаршу Марту — высокую, кривоногую и ширококозую немку. Он дарит ей сувениры, отпускает комплименты. Резидент предложил подчиненному вариант:

— Так создайте комбинацию, чтобы Владимир затащил вашу Марту в постель. Немки сговорчивы. Вот вам и основания для компрометации.

— Проблема в том, что сама Марта игнорирует ухажера, он же для нее гномик, — нашелся Фурлонг, не желающий делать из своего партнера бисексуала.

— Найдите другой объект «медовой ловушки», — настаивал О'Брайн Тир.

— Есть варианты, — неохотно ответил Рональд.

— А вообще делайте все, чтобы «Наполеон» вас разработывал в качестве своего потенциального источника информации. Материалами мы вас снабдим. Пусть он считает, что вы податлив, как пластилин. Требуйте от него за бумаги денег, желаете.

тельно под расписку. За материалы, которые он принесет, старайтесь отблагодарить подарками и деньгами. Не жадничайте. Это, я вам скажу, крюк прочный. Таких крючков надо иметь несколько, — продолжал руководитель Службы безопасности Великобритании (СИС) в Берне. — Надо ими его обставить.

Когда жена Резуна с дочерью уехали в Москву, оперативным офицером английской резидентуры Гордоном Барросом была дана «отмашка» соседке россиянина по дому на улице Рю де Лозанн — англичанке, квартира которой была оборудована звукозаписывающей техникой и фото- и видеоаппаратурой. Кстати, они были знакомы, часто их видели в кафе. Она пригласила Резуна к себе посмотреть фильм. Перед просмотром выпили виски, уселись на диван, а после окончания «ужастика» перекочевали на старинную дубовую кровать...

Для согласования действий по вербовке Резуна О'Брайн Тир вылетел в Лондон к шефу — генеральному директору СИС Иорису Олдфрилду. Подчиненный доложил план вербовочной операции, отметив, что создан достаточно прочный фон компроматации «Наполеона».

— А что он вообще за человек? — спросил шеф. — Поподробней не могли бы рассказать о нем?

— Трусоват, патологически жаден, неопытен. Увлекается нумизматикой и играми в казино. Собирает оловянных солдатиков. Нравнодушен к женщинам и сильным мужчинам, о чем я уже вам докладывал, — настоящий бисексуал. В особой коммуникабельности не замечен. Крайне злопамятен — обиды помнит долго и пытается отомстить обидчику. Отмечены также в характере элементы лакейства, услужливости — одним словом, как говорят русские, «холуяжа». Судя по молодости, на такую ответственную должность мог приехать только «блатник». Кто-то его явно протолкнул в Женеву. Французский язык знает слабо, а вот к военной тематике тянется. Похоже, что он сотрудник советской военной разведки.

Шеф еще раз пробежал глазами по справке с планом вербовки россиянина и, подняв очки на лоб, с выдохом заметил:

— Должно все получиться. Да поможет вам бог! Проводите вербовку — он созрел, и вы тоже, судя по интересным материалам. А судьбу Фурлонга решим после — отправим эту грязную свинью на пенсию. «Наполеон» нам нужен в Москве, в центральном аппарате ГРУ.

— У него скоро заканчивается командировка, сэр, — уточнил О'Брайн Тир.

— Ну и хорошо...

Возвратился в Берн О'Брайн на следующий день и сразу созвал совещание, пригласив в кабинет своего заместителя Дерфила Сервила и оперативного сотрудника Гордона Барроса.

— Господа, шеф санкционировал вербовку «Наполеона». Участвуем в операции только мы. Фурлонг привезет кандидата в Цюрих, в редакцию журнала «Армада», якобы за очередной порцией материалов по вопросам вооружения стран НАТО. Согласие на поездку от Резуна уже получено. Фурлонг во время беседы отлучится под благовидным предлогом...

Теплым апрельским днем 1978 года «партнеры» Резун и Фурлонг выехали в Цюрих. Там все происходило по сценарию англичан. В отдельной комнате редакции журнала «Армада» Резун получил от «хороших друзей» нужные материалы. Рональду предложили «погулять». Покинул компанию и Сервил.

О'Брайн представился советскому офицеру как доктор Фишер. На его визитке значилось: «Доктор наук. Институт геополитики. Цюрих». После непродолжительной беседы Резун заторопился.

— Вы собрались уезжать? — спросил Тир.

— Да! Спасибо за материалы. Я тороплюсь.

— А не могли бы вы задержаться и посмотреть очень интересные видеозаписи. — С этими словами Фишер взял пульт и нажал на кнопку. На экране монитора появилось голое тело англичанки и соитие с нею героя беседы...

Резун закрыл лицо руками и проскулил:

— Ради бога, выключите.

Вербовка состоялась — Резун дал согласие на сотрудничество с английской разведкой. Этот шаг дался непросто. Он нервничал и переживал, а дома чуть ли не упал в обморок.

Владимир, как будто ничего не случилось, продолжал встречаться с Рональдом, получая от него материалы по военно-политическим вопросам, которые высоко на первый взгляд оценивались местным начальством — руководством резидентуры. Но со временем из Москвы стали поступать тревожные оценки — материалы от англичанина неглубокие, поверхностные, а иногда и вовсе дезинформационные. Резиденту ГРУ в Швейцарии Центр высказал сомнение в добропорядочности Фурлонга и предложил тщательно проверить источник информации.

6 июня 1978 года эти указания генерал Александров разъяснил Резуну, что не могло у него не вызвать сильного беспокойства. Кроме того, с некоторого времени начальник стал не поощрять труда «с ножницами», а требовал активизации работы с живым материалом — людьми из числа интересных для разведки иностранцев.

— В отношении Фурлонга надо выяснить наконец, кто же он? — потребовал генерал. — Да, чуть было не забыл, наши коллеги из КГБ получили данные о проявлении повышенного интереса к вам со стороны американцев. Будьте осторожны, вы еще неопытны в разведке. Бдительность — прежде всего!..

И, наконец, 9 июня 1978 года во время инструктажа Резуна по предстоящей встрече с Фурлонгом Александрову позвонил резидент ПГУ КГБ. В телефонном разговоре шла речь о совместных мероприятиях по откомандированию в Советский Союз какого-то дипломата. Потом инструктаж был прерван вызовом генерала к послу.

Капитан долго ожидал возвращения начальника. Но когда тот пришел, то, как показалось трусливому Резуну, шеф быстро завершил беседу, что еще больше насторожило подчиненного. Рабочий день у Владимира не клеился, в голове все шло кувырком. Холодный пот то и дело высыпался бисером на лбу и висках. В голове, как заноза, засела мысль — разговор идет явно о

нем. Предположил, что его раскололи «ближние соседи» — сотрудники госбезопасности.

Резун так испугался, что его шатало, подташнивало, а привычную розовость лица сменила бледность, переходящая в мертвенную, землистую серость. Он, с трудом дождавшись конца рабочего дня, заспешил домой.

— Что с тобой, Володя? — вскрикнула Татьяна. — Посмотри в зеркало — на тебе лица нет... на себя не похож. Что случилось, скажи?

— А ну их к черту. Понимаешь, вызвал Александров, зло упрекнул меня за то, что я якобы без дела общаюсь с иностранцами. Отматерил по-мужички, а потом выгнал из кабинета. Чувствуется, накопили что-то неприятное гэбисты. Кстати, я слышал разговор шефа, — наверное, на другом конце провода находился офицер безопасности. Говорили о срочной отправке завтра неизвестного сотрудника посольства в Союз. Речь шла, наверное, обо мне. Я все проанализировал — кандидат на «вылет» из Женевы только я. А в Центре разбираться не будут, отправят в Сибирь или на Дальний Восток — не в штаб, а в армию, в глухой гарнизон.

— Кем? — спросила перепуганная жена.

— Ротным, а может, выгонят совсем.

— Как же так? Сходи к Александрову. Сколько ты помогал его жене. Объясни ему, что это сплетни, что ты любишь свою работу...

— Поздно...

Он кричал, ругался. Потом стал кататься по дивану.

Вечером того же дня швейцарский агент английской разведки Шварцбергер вызвал срочно на связь своего хозяина — британца О'Брайна. Встретились в небольшом ресторанчике. Местный контрразведчик поведал негласному шефу, что его техническая служба записала взрывной разговор в семье подконтрольного объекта. Начальники советского дипломата собираются откомандировать его срочно, завтра же, в Москву.

— Не может быть! — вырвалось у О'Брайна Тира. Он пони-

мал, что если это случится, то это конец и его карьере. Было двенадцать часов ночи...

Резидент бросился к машине. Через десять минут влетел в кабинет и вызвал Гордона. Рассказал ему ситуацию.

— Что будем делать?

— Есть сильный вариант — склонить Резуна с женой к возвращению в Россию и сделать его политическим перебежчиком, — ухмыльнулся Гордон, явно довольный своим экспромтом.

— А если он не захочет?

— Помочь ему.

— Как?

— Состряпаем якобы перехваченную и расшифрованную нами телеграмму советскому послу. Покажем ее «Наполеону» — и весь сказ.

На том и порешили. Ночью они приехали на квартиру к перепуганному и изможденному Резуну и «объяснили» ситуацию. Показали телеграмму, в которой Центр требовал срочно откомандировать Резуна в Москву. Офицер, не колеблясь, принял план побега. Татьяна заупрямилась и стала возражать. Заплакала. Тогда он ей зачитал текст телеграммы.

— За что? Ты же не виноват... как такое могло случиться? А может, ты все же что-то натворил?

— Клянусь!

Татьяна разрыдалась. Ей подали содовой воды с растворенной таблеткой неизвестного успокоительного препарата. Через несколько минут она впала в полусонное состояние и стала совершенно безразлична к происходящему.

— Быстрее, Володя, а то могут с минуты на минуту прийти за тобой, — припугнул россиянина Тир. — Вещей никаких не берите. Скорее в машину.

В полночь два автомобиля отъехали от дома и помчались в неизвестном направлении...

Следует заметить, Резун был уверен, что англичане его примут — в самом разгаре идет «холодная война», — выдадут вид на жительство. А со временем он и его семья станут подданными Великобритании — обретут новое гражданство.

В квартире остались водительские удостоверения, дипломатические паспорта, одежда и другие предметы, свидетельствующие о торопливых сборах беглецов, а также коллекция обожаемых оловянных солдатиков.

После исчезновения советского офицера с семьей западная пресса несколько дней молчала. Английские власти тоже не торопились обнародовать уже известный во всех подробностях им этот факт. Потом, спустя месяц, появилось сообщение о перебежчике Резуне, попросившем политическое убежище в Великобритании.

И началось...

Сначала его робкие интервью, выступления со статейками в периодике. Потом карманные книжечки с потоками лжи о личном составе ГРУ, спецназа, КГБ, и вот уже всплывает 350-страничная, набранная крупным шрифтом «для солидности» книга «Ледокол», где много такого, с чем можно поспорить, не согласиться, отвергнуть с негодованием из-за явной клеветы и пасквильности.

Именно спецслужбы навязали «круглолицему мальчику», «абсолютному нулю в разведке», «трусоватому по натуре человечешке и сексуальному извращенцу», как писала одна из западных газет, в качестве псевдонима святое для россиян имя — Суворов.

Кстати, Резун ездил к Чертову мосту, который преодолевал настоящий полководец Суворов, а не «закавыченный стратег». Этот визит, по-видимому, тоже повлиял на выбор псевдонима.

Через некоторое время загадочный советский военный разведчик был представлен читателям одной из ведущих английских газет как «крупный знаток войск спецназа и всей системы ГРУ Генерального штаба ВС СССР».

Постепенно он рос, а вернее, его «росли», — и вот он уже стратег, рассуждающий о тонкостях войны, на которой не был, и задним числом вносит коррективы в приказы полководцев.

«Стратегические исследования» Резуна, — подумал Стороженко, — фактически же не его мысли. Создается такое впечатление, что все уже где-то и когда-то читалось — в книгах и статьях, вышедших на Западе. А книга «Ледокол» была нужна

нашим противникам — замаячили горизонты окончания «холодной войны» из-за активной работы пятой колонны внутри страны.

Специалисты идеологических операций сделали ставку на «труды историка» Виктора Резуна. Обращает на себя внимание тот факт, что почти вся «суворовская» стряпня писана под диктовку разных авторов. Не надо быть опытным лингвистом-литературоведом, достаточно внимательно прочесть «Аквариум» и «Ледокол», «Тень победы» и «Последняя республика», «День «М» и другие, чтобы прийти к выводу — по стилю изложения у книг разные авторы. Это они пытаются создать оригинального мыслителя из маленького, случайного человека в разведке».

Как бы его ни превозносили зарубежные «специалисты» по ГРУ, — как разведчика чуть ли не от бога, — но сама объективная оценка самого себя у человека появляется в экстремальной ситуации.

Так давайте поверим автору «Аквариума» Виктору Резуну в правдивость одной фразы:

«Я знаю, что если меня в Академию (ГРУ. — *Прим. авт.*) примут, то это будет большая ошибка советской разведки».

Эмоционально, но точно оценил в стихотворной форме предательство его бывший коллега по Швейцарии. Вот фрагмент этого опуса, ходившего по ГРУ:

Когда «Аквариум» творил
И лгал без совести и чести,
Ты душу ложью отравил
И предал тех, с кем клялся вместе.
А сочиняя «Ледокол»,
Став предан Геббельсу без лести,
В грехах Иуду превзошел —
Живых и павших обесчестил.
Что представляешь ты собой,
Твои поступки показали —
Трус, лжец, разведчик никакой,
Не ты — тебя завербовали...

Хотелось бы еще сказать несколько слов по адресу предательской «правды» Резуна. Вот он как разведывательный гуру поучает:

«Вербовка — сложное дело. Как охота на соболя. В глаз нужно бить, чтобы шкуру не испортить. Но настоящий охотник не считает трудностью попасть в соболинный глаз. Найти соболя в тайге — вот трудность».

Не нашел он «соболя» в Швейцарии, его самого, как зверя, подстрелили английские охотники. А в «Аквариуме» играет мускулами, показывает смелость и мужество в общении с иностранцами. Это почти из серии анекдотов: я участвовал в бою со стороны, я трижды ранен в грудь родного брата...

Послушать этого петушка — прямо-таки перед нами вундеркинд, родившийся для разведки и навербовавший корзину негласных помощников из числа иностранцев — бизнесменов, военных и политиков. А как оказалось, ничего он не сделал как военный разведчик, а как предатель — сдал людей, секреты и совесть.

Звучат пронизанные бахвальством слова:

«...откуда Славе знать, что это я ему операцию придумал».

Речь идет о планах вербовки офицера 6-го американского флота. Не бред ли пошел кругами после оперативной фантазии Фурлонга о его «брате-подводнике»?

Или же другой кивок в свою сторону:

«Смотрит на меня шпионская братия, дорогу уступает».

Ах, как хочется примазаться к тем, кто действительно своим умом, выстроенной логикой, мужественным характером мог убедить процветающего американца развернуться в сторону военной разведки нашей страны. И таких, к счастью, в ГРУ — большинство. Это же — исключение из правил.

Трижды прав бессмертный Сент-Экзюпери, сказавший, что истина — это не то, что можно доказать, это то, чего нельзя избежать. Измены можно было избежать, поэтому в доказываемую Резуном «истину» поверят только люди-легковеры или ненавистники Отчизны.

В горбачевском Союзе и ельцинской России заказную идеологическую жвачку «суворовщины» стали активно производить некоторые издания. Критика и газеты того же толка захлебыва-

лись от восторга. Они радовались пасквилянту и хотели, чтобы он как-то побольнее лягнул нашу страну.

В трех номерах журнала «Нева» печатался «Аквариум». В № 6 за 1991 год в предисловии к писанине Резуна есть такие слова:

«Книга, которую сегодня предлагает «Нева», написана профессиональным (??? — *Прим. авт.*) разведчиком. Автор рассказывает о закулисной, черновой и порой весьма жесткой системе подготовки профессионального разведчика. Все это описано с детальным знанием дела...»

Другой специалист по ГРУ, предатель, генерал-майор КГБ О. Калугин тоже решил осчастливить автора книги своей оценкой. Он говорит, что перед нами «добротная, написанная не без искры божьей книга, читаемая с интересом и сочувствием. Она раскрывает еще одну малоизвестную сторону нашей жизни, долгие годы скрытую завесой секретности, мифической героикой и просто обманом».

А вот отзыв о «Ледоколе» германской газеты «Ди Вельт» от 23 марта 1989 года:

«Эта книга написана профессиональным разведчиком, а не историком, и это резко повышает ее ценность. Советские товарищи и их западные друзья будут в дикой ярости... Не слушайте их, читайте «Ледокол». Это честная книга».

Прочтя эти книги и отзывы на них, Стороженко вспомнил о словах Джона Кеннеди, сказанных им в запальчивости на одной из пресс-конференций:

«Русских войной нельзя взять. Их надо разлагать изнутри, и для этого надо использовать три фактора: водку, табак, разврат».

Забыл американский президент сказать о четвертом факторе — предательстве. Его, к сожалению, у нас было много на протяжении многовековой истории, а не только советского периода.

Почти двадцатилетний стаж работы в ГРУ по линии военной контрразведки позволил Стороженко не только глубоко знать структуру, методы и особенности работы военной разведки, но и принимать непосредственное участие в разыскных мероприятиях по «писателю — профессиональному разведчику», изменившему Родине.

«Ложь на каждом шагу. Сплошные попытки играть роль великого стратега в разведке при серой посредственности, путем одурачивания простаков-читателей», — размышлял Николай, закрывая последний номер журнала «Нева».

Не один год Николай общался с личным составом войск спецназа ГРУ, к которому «великий их знаток» не был допущен даже на пушечный выстрел, но он пишет о них очередную глупость:

«Кукла — это преступник, приговоренный к смерти. Тех, кто стар, болен, слаб, кто знает очень много, уничтожают сразу после вынесения приговора. Приговоренных к смерти более продуктивно используют. Один из видов такого использования — сделать его куклой в спецназе. И нам хорошо, и ему. Мы можем отрабатывать приемы борьбы, не боясь покалечить противника, а у него отсрочка от смерти получается».

Зайдя как-то на участок к офицерам этого управления, Стороженко показал данную выписку. Реакция у всех была однозначной:

— Шизофрения, чушь, наивность, злонамеренность! Расчет на простаков!

Да и сам Николай, как чекист с высшим юридическим образованием, знал, что это элементарный блеф.

Врал Резун и по поводу инструктажа в Военном отделе ЦК КПСС. Стороженко часто приходилось по роду службы общаться с начальником управления кадров ГРУ вице-адмиралом К. Лемзенко. Он назван «писателем» в книге «генерал-полковником». В описанное «сочинителем» время он еще работал на Старой площади и действительно инструктировал капитана — горе-разведчика перед поездкой за рубеж. Тот инструктаж, какой описан Резуном, Лемзенко не подтвердил, а только заулыбался, заметив при этом: «Что может сказать профан и лгун в разведке?»

А вот как повествует Резун слова, якобы сказанные Лемзенко:

«Сегодня 23 августа. Эту дату, капитан, запомните на всю жизнь. С этого дня вы входите в номенклатуру, мы поднимаем вас на очень высокий этаж — в номенклатуру ЦК.

Помимо прочих исключительных привилегий вам предоставлена еще одна — с этого дня вы не под контролем КГБ. С этого дня КГБ не имеет права задавать вам вопросы... предпринимать

какие-либо акции против вас. Гордитесь доверием... каждый, самый незначительный офицер ГРУ — сверхчеловек по отношению ко всем остальным. Пока вы в нашей системе, — вы обладаете колоссальными привилегиями... когда имеешь молодость, здоровье, власть, привилегии — об этом забываешь. Но вспомнишь об этом, когда ничего уже нельзя вернуть. Некоторые из них бегут на Запад в надежде иметь великолепную машину, особняк с бассейном, деньги. И Запад им действительно много платит. Но, получив «Мерседес» и собственный бассейн, предатель вдруг замечает, что все вокруг него имеют прекрасные машины и бассейны. Он вдруг ощущает себя муравьем в толпе столь же богатых муравьев. Он вдруг теряет чувство превосходства над окружающими. Он становится обычным, таким, как все. Даже если вражеская разведка возьмет этого предателя на службу, все равно он не находит утраченного чувства превосходства над окружающими, ибо на Западе служить в разведке не считается высшей честью и почетом...»

Да простит меня читатель за длинную цитату Резуна. Все в ней поставлено с ног на голову, поэтому без комментариев.

Приехав как-то в ГРУ, Стороженко зашел к одному из начальников управления стратегической разведки, участнику минувшей войны, хорошо знавшему Резуна, и попросил поделиться впечатлениями.

— Не скрою, ножницами он работать умел. Ты послушай, сколько в этом пигмее злости на свою профессию, которая не пошла у него, и на тех далеких разведчиков, пострадавших в годы сталинских репрессий. Он пишет: «...кровавая чистка советской военной разведки не ослабила ее мощь. Наоборот, на смену одному поколению приходило новое, более агрессивное. Смена поколений — вроде как смена зубов у акулы... Чем больше становится мерзкая тварь, тем больше зубов в ее отвратительной пасти».

А сколько претензий на роль арбитра высочайшего ранга! Например, о книге маршала Жукова он говорит, что она написана для умственно неполноценных людей. А дальше — поучения, издевательства, бестактность по отношению к тем людям, которые не могут возразить желторотому мерзавцу.

По существу его книги разные по стилю, то есть явно писаны не только спецслужбами. Они набиты сталинскими изречениями и авторскими восклицаниями.

И еще Стороженко интересовало мнение о «трудах» Резуна одного из умнейших людей в ГРУ, опытнейшего аналитика, человека с широчайшим кругозором, доктора военных наук, контр-адмирала А. Римского. Встретились в его кабинете, тепло обнялись, выпили по чашечке кофе, закурили. Николай достал диктофон и начал записывать рассказ:

«...Нету у меня веры к нему, потому что книги писаны разными авторами. «Автор» «Аквариума» дошел в армии до командира взвода. Это очень низкий порог, чтобы рассуждать стратегически. Даже наша академия тех знаний не дает, какие он выплеснул на страницы своих книг. Я прослужил более двадцати лет в центральном аппарате военной разведки и не знаю досконально всей структуры ГРУ и отдельных его подразделений. В разведке существует непреложное правило — знай только то, что тебе положено и что от тебя требуют руководители, и не лезь в те вопросы, которые тебя не касаются.

Поэтому в книгах Резуна — сборище всевозможных инсинуаций и спекуляций о ГРУ, имеющих широкое хождение на Западе не одно десятилетие. Так что ничего нового для меня он не сказал. Книга «Аквариум» изобилует импортными данными с «бородой».

Даже учитывая определенное количество подонков, предавших свою службу, можно с уверенностью констатировать, что, во-первых, они много не знали; во-вторых, то, что от них получает противник, не афишируется в целях сокрытия степени осведомленности о советской военной разведке. А вот то, что в их бульварных листках публикуется, как раз и составляет основу его книги «Аквариум».

Что же касается книги «Ледокол», то он ее якобы задумал в 1968 году. А сбежал на Запад, дескать, только потому, что хотел в спокойной обстановке поработать над книгой... В отличие от первой книги, в «Ледоколе» затрагиваются серьезные военно-стратегические вопросы, о которых говорили еще во времена Черчилля.

Подобных публикаций на Западе полно, поэтому идеи, скажу сразу, не Резуна. О них мне еще в первой командировке рассказывали западные немцы — историки, лояльно настроенные к нам и не верившие желтой прессе. На эту тему за рубежом написаны сотни книг, где СССР выставлен монстром, жупелом, агрессором. Другое дело, мы их не знали, их не печатали у нас.

Такой же «исторический» подход, как у Резуна, не выдерживает никакой критики.

Во-первых, Сталин после договора, подписанного Молотовым и Риббентропом, вообще уверовал в отсутствие угрозы со стороны Германии. Во-вторых, он ждал нападения Японии. А в-третьих, Гитлер создал группировку своих сил на востоке в течение каких-то месяцев, и план «Барбаросса» претерпел несколько модификаций, но идея его осталась неизменной — в ходе блицкрига разбить СССР.

Могу четко сказать, что «Аквариум» — плод труда сотрудников английской разведки, а вот «Ледокол» готовили специалисты центров и институтов стратегических исследований. А сам Резун говорит, что у него «пустая душа» — с этим я согласен, а вот с тем, что у него «мозг переполнен номерами дивизий», — не согласен, просто блефует.

Есть, конечно, и личный вклад Резуна в книги: вставные междометия, пустые восклицания, ядовитые вопросики... Они — как дежурные улыбки. Я повторяю — его источники не выдерживают критики: то он ссылается на письма читателей, которые не идентифицируются, то идут ссылки на отца типа «мой папа в кругу своих рассказывал», то использует мемуары участников войны, выворачивая фактуру наизнанку. Ярким примером может служить фальшивая трактовка воспоминаний Константина Симонова.

Часто автор ссылается на работу в архиве ГРУ во время учебы в Военно-дипломатической академии. Архивы разведки — это святая святых любой спецслужбы. Они молчат десятилетиями, а то и столетиями. Так вот, ни в одном учетном журнале фамилии Резуна за время учебы обнаружено не было. Кто-кто, а архивисты военной разведки знают толк в допуске к своим материалам. Даже такой известный человек, гордость советского

спорта, как Юрий Власов, прежде чем попасть в архив, чтобы поработать с документами своего отца — военного разведчика, прошел через десятки чиновничье-номенклатурных и режимно-правовых фильтров при прямой санкции министра обороны и председателя КГБ. И это при явной заинтересованности политического руководства страны иметь такую книгу, как «Особый район Китая».

А тут никому не известный младший офицер легко и просто преодолевает режимные препоны и работает с секретными архивами ГРУ стратегической разведки. Не нонсенс ли? А чего стоят письма некоего Кадыгрова (других данных нет. — *Прим. авт.*) из Аргентины, служившего накануне войны «старшим лейтенантом на призывном пункте в Минске»! Именно он и «поведал» якобы автору о сенсационных пакетах: «Вскрыть в день «М». Пойди его найди...

Каждый военный знает, что конверты с мобдокументами являются совершенно секретными особой важности. Но ведь речь в них должна идти о более ранней дате, чем 22 июня 1941 года. Но где они, эти документы? Хотя бы один? С учетом наших неудач и повального отступления в начале войны, а иногда и прямого предательства штабных офицеров, не могло же так случиться, чтобы такой компромат о наших агрессивных планах «броска на Запад» не попал бы к немцам. И мог ли он остаться до сих пор не востребованным ни западными журналистами, ни отечественными историками — исследователями войны? Конечно — нет! Значит, таких документов не было в природе...

А утверждение Резуна, что плакат И. Табидзе «Родина-мать зовет!», песня А. Александрова «Священная война» были созданы задолго до начала войны. А разве не плод досужих домыслов его утверждение, что писатели были призваны в армию заранее, опять же до войны. Документы того периода опровергают грязную стряпню предателя...»

Многие, с кем общался Стороженко в ГРУ, рассуждали примерно так: при его-то результатах в «разведывательной работе» надо годы отмываться, а может, и всю жизнь хранить гробовое

молчание. Так нет, полез в стратеги военной разведки, поднатужился в своем укрытии и решил провести ревизию Великой Отечественной войны. Советский солдат поставил точку в этой тяжелой войне своей Победой. И этим гордиться надо, а не принижать ее ради сомнительной славы ниспровергателя истории.

Поэтому Николай считал, что вся писанина Резуна заправлена ложью с добавками невежества и безграмотности в военном деле, в котором действительно он был профаном. Подучить его могли только в Англии педагоги из тамошней разведки, если не считать полученных знаний от коллекционирования великовозрастным игруном оловянных солдатиков, которых тоже предал, оставив коробку с ними на квартире после успешного бегства.

Сам Стороженко решил, что если он когда-либо будет писать книгу о своей службе, то обязательно выскажется и о Резуне для тех читателей России, которые приняли на веру вареву подонка, от которого отказался даже отец.

«Мой отец, — пишет Резун, — был моей первой жертвой. Я у него просил прощения. Он меня не простил. И я снова прошу прощения у своего отца. Перед всей Россией. На коленях...»

Отец не простил до самой кончины. Россия, которую он предал, тоже не сможет это сделать, ибо нет прощения изменнику, тем более военному в ипостаси разведчика.

Узнав о побеге за границу любимого внука, совестливый дед Резуна, Василий, не смог выдержать позора, выпавшего на его честную семью. Затосковал, стал больше молчать, с соседями перестал общаться. А потом закончил земную жизнь грехом христианским. Он неожиданно для родственников повесился, хотя все время до этого был жизнелюбом. Отец Резуна, зная не понаслышке, что такое армейская служба, никак не мог согласиться с известием, что его сын предатель, что сбежал к противнику во время боевой работы (для разведчика она таковая всегда), что не пожелал сын встретиться с отцом в Лондоне, куда выезжал родитель.

После этого он стал чаще хворать, сделался ипохондриком — тяжелые мысли в депрессиях грызли совесть. На первые книжки сына реагировал болезненно, потому что знал войну

лучше его. По поводу просьбы Владимира простить его ответил коротко и резко: «Не могу!» А уже перед самой кончиной искренне заявил: «Сын принес семье больше горя, чем Гитлер».

Дочь Резуна, Оксана, по данным английских журналистов, стала в семье неуправляемой. Несколько раз ее задерживала полиция за хулиганство. Последний раз была поймана охраной супермаркета за воровство товара.

Жена Татьяна, хлебнув полной чашей позора и тяжело пережив «добровольный плен», несколько раз психически срывалась. Она стала частой гостьей психбольницы. Сам же «известный разведчик — писатель и знаток ГРУ» сейчас много пьет, считая, что жизнь — это такая штука, из которой живым не выбраться.

Вот так, видно бог, наказывает иудино племя!

Бывший диссидент Буковский, пытаясь показать сложность условий, в которых работает Резун в Англии, говорит, что «приговоренный заочно к смертной казни, он был вынужден находиться под постоянной охраной, считаться с требованиями своих ангелов-хранителей...».

И тут ложь. Суд, и только суд, определяет меру ответственности и выносит вердикт. Никакого суда не было — значит, и о приговоре не может быть речи! Его пока осудили коллеги, отец и порядочные люди.

А охрану он заслужил. В передаче Би-би-си под названием «Шпионская война» швейцарский специалист по разведке Карл Луонд в 1979 году так прокомментировал уход Резуна:

«Говорят, что Резун перебежал с помощью своих британских друзей из МИ-6. Возможно... он знает имена... офицеров КГБ в Женеве. Одним из интересных фактов является то, что сейчас, спустя более года после его побега, англичане продолжают получать от него ценнейшую информацию».

Вот откуда деньги на охрану!

«Разведка — самая неблагодарная в мире работа, — пишет «знаток» разведки. — Тот, кто ошибался, кто проваливался, кого повесили — тот знаменит». Но сюда можно добавить еще од-

ну категорию «героев»: тот, кто предал «альма-матер» — разведку, оказывается, тоже попадает в «знаменитости». Только вот вопрос: с каким ярлыком?

В «Аквариуме» есть примечательные для создавшейся ситуации слова, сказанные то ли самим Резуном, то ли кем-то другим и только озвученные им, неважно:

«У каждого человека в голове есть блестящие идеи, и каждый человек страдает в жизни больше всего от того, что его никто не слушает. Самая большая проблема в жизни для каждого человека — найти себе слушателя. Но это невозможно сделать, так как все остальные люди заняты тем же самым — поиском слушателя для себя. Главное в искусстве вербовать — умение внимательно слушать собеседника, слушать...»

Для того чтобы абсурдная идея стала правдоподобной, надо ее подать, кроме всего прочего, в красивой и невероятной упаковке, называемой кратким, но емким словом — ложь. Людям надоедает одна и та же пища, а поэтому хочется перемен. Именно на это рассчитаны «откровения» Резуна.

«Дурак льстит самому себе, умный льстит дураку», — гласит народная мудрость. При взгляде на ажиотаж вокруг книг предателей Родины — Гордиевского, Резуна, Калугина и других иуд становится понятно, почему они избрали ложь в качестве своих аргументов.

«Лгать самому себе для своей выгоды — подделка, лгать для выгоды другого — подлог, лгать для того, чтобы навредить, — клевета, это худший вред лжи», — писал когда-то Жан-Жак Руссо.

Недавно Стороженко зашел в свой любимый магазин «Библио-Глобус», что на Мясницкой. Еще несколько месяцев назад в историческом отделе «суворовское творчество» лежало на верхних полках, прямо на виду — на уровне глаз. На этот раз книг Резуна на старом месте он не нашел.

Поинтересовался у продавщицы. Миловидная девушка, как бы извиняясь, заметила:

— Поищите там. Мы их отправили на нижнюю полку. В последнее время нет никакой реализации суворовской «Науки предавать!».

Ее ответ поразил Стороженко.

После этих слов Николай взглянул под ноги и почти на полу увидел то, что претендовало на поиск «исторической истины», а обернулось желчным пасквилем в отношении многострадальной Отчизны.

«Пройдет еще немного времени, — подумал ветеран, — и все встанет на свои места. Многочисленные опусы Резуна превратятся в макулатуру, а Суворов для россиян будет только один — Александр Васильевич, с его одной, но бессмертной книгой — «Наука побеждать!».

Глава 10

Неразоблаченный «оборотень»

Мерно «хрюкала» красная секундная стрелка старых электрических часов на стене кабинета. Стороженко сидел за стопкой очередной оперативной почты. Много было шифротелеграмм по обстановке в зарубежных аппаратах ГРУ, ответов на запросы, агентурных сообщений и прочих материалов, которые надо было рассмотреть, а некоторые доложить вышестоящему руководству.

Тишину творческого процесса неожиданно разорвал звонкий голос аппарата «ОС». Звонил с объекта ГРУ старший оперуполномоченный майор Пашкин. Он ошарашил начальника отделения «чепэшной» вестью — в посольстве СССР в Афинах исчез сотрудник военной разведки полковник Сергей Бохан.

Поиски офицера в течение суток не дали никаких результатов. Местная полиция тоже была в неведении, хотя сразу же подключилась к розыску. Иностранные посольства, в том числе американское, в категоричной форме отрицали факт обращения к ним советского дипломата.

— Михаил Иванович, — спокойно сказал Стороженко оперативнику, — по приезду в отдел доложите все материалы по беглецу. Мне кажется, он уже где-то попадал в наше поле зрения, — не вспомните?

— Да, проходил по первой командировке, но подробности я вам доложить сейчас не смогу.

— Свяжитесь с руководством, ознакомьтесь с результатами разбирательства в ГРУ, установите служебные и бытовые связи беглеца. Позвоните куратору этой резидентуры по линии внешней контрразведки. Меня больше интересует один вопрос: с какими документами, особенно по людям, — надеюсь, понимаете, о чем речь идет, — Бохан соприкасался, где эти помощники? Их судьбы!..

Он долго перечислял ему необходимые дополнительные меры для проведения качественного анализа и выдвижения вероятных оперативных версий...

Полковник Бохан в Греции был второй раз. Обстановку в стране пребывания знал прекрасно. Завел широкие связи среди бизнесменов, журналистов, политологов, что ему было необходимо по «крышевой» должности — первого секретаря посольства.

В Центр он посылал материалы, которые по-разному оценивались, чаще всего невысоко, однако нахождение в командировке он умело прикрывал видимостью постоянной черновой работы с якобы перспективами приобретения новых, глубоких источников информации.

Ему верили и надеялись на отдачу — скорый результат. По наблюдениям сослуживцев, у него водились большие деньги. Семья жила не по средствам — это замечали многие. Одни считали, что он ворует из сумм, предназначенных для оплаты агентуры, — недодает помощникам. Другие подозревали его и жену в крупных спекулятивных сделках, в том числе и в операциях на ниве нумизматики, которой он увлекался уже не один год. Третьи — их было мало — считали, что он прирабатывает где-то на стороне, причем грязным путем, вплоть до предательства.

Были у него и какие-то личные связи среди спекулянтвладельцев. Общался с богатыми нумизматами Афин. За первый год второй командировки приобрел несколько комплектов дорогой видеоаппаратуры, мебели, автомашину «Волга» с дизельным двигателем, что было в то время вершиной мечтаний любо-

го советского обывателя, и много «шмоток», как любил выражаться сам исчезнувший.

Вещизм, страсть к накопительству поглощали все остальное. Мысли его выстраивались в одном направлении — жить лучше других любыми путями. Эти пути, естественно, творил супруг, державший жену практически в роли служанки. Он был по масштабу личности для жены лидером в семье, а потому она и дети шли за ним и безропотно повиновались мужу и отцу.

Ярким майским утром, захватив жену, Бохан отправился на машине прогуляться по окрестностям древнего города. До Эгейского моря было рукой подать. Он двинулся по этому маршруту, согласовав его с местными властями и своим начальством.

Греция нравилась ему климатом и историей. Он с интересом рассказывал жене и детям о далеком былом этого живописного края. Еще в первой командировке он показывал семейству древние стены белораморного Акрополя, легендарную гору Олимп. Ездил по стране много и часто. Вот и сейчас из окон машины они любовались крутыми склонами невысоких гор из сланца и гранита. Межгорные котлованы утопали в зелени садов и оливковых рощ. Реки, коротенькие, с быстрым течением, напоминали Кавказ. Проплывала сказочная растительность: мирт, древесный вереск, земляничные деревья и прочее.

Сколько бы они ни колесили по стране, жена всегда с наслаждением любовалась прелестями окружающего. Она умела искренне удивляться, заражая этим других членов семейства.

— Сережа, ты чего такой кислый? — защebetала жена, обращаясь к молчащему супругу. — Со мной не хочешь общаться? Вещь в себе — и только! Обиделся или нет настроения?

— Нет, жизнь не по той колее идет. С начальством никак не могу установить рабочего контакта. Работа валится из рук.

— Сейчас ты мне скажешь, что видишь дальше и глубже, чем твои начальники. А ты приземлись, живи проще, по принципу — день пережит, и слава богу! Они не стоят твоих подметок. Чего переживать? Квартиру новую получили, машина есть, ку-

пим дачу и заживем как следует. Не понравится — уйдешь на пенсию. Осталось немного.

— Нет, надо выбрать тут всю валюту. Доскрести до донышка. Домой успеем, он всегда нас ждет, — ответил муж.

Внезапно он нажал на тормоз, отчего жена от неожиданности по инерции подалась вперед, чуть не разбив головой лобовое стекло.

— Вот сволочь, подрезал. Чуть было не задел лихача. Слава богу, тормоза не подвели, а то попал бы в аварию...

Вскоре чета Боханов уже подъезжала к большой воде. С близкого расстояния море казалось пятнистым: голубое, синее, желтое, даже с красноватым оттенком в некоторых местах. Вода была вся в пятнах разноцветных бликов огромных размеров. Особенно жене понравились те части поверхности моря, которые имели фиолетовый цвет. Они напоминали раскраску фиалок в бабушкином саду мужа на Украине.

У берега города Пирея стояли яхты разных типов, размеров и окраски, покачиваясь с борта на борт, когда мимо них стремительно проносились быстроходные катера береговой охраны.

Супруги погуляли пешком по городу-порту.

— Кстати, это третий по величине город Греции после Афин и Салоник, — пояснял внешне с безразличным видом Сергей. — Первоначально здесь было небольшое поселение, а в пятом уже веке до нашей эры аборигены заложили военную гавань, превратившуюся вскоре в мощную морскую крепость, обнесенную стенами. Эта линия укреплений соединялась с зоной обороны Афин так называемыми «длинными стенами». Укрепления города были разрушены Суллой в 86 году до нашей эры. После изгнания турок в XIX столетии и распада Османской империи после Первой мировой войны начался расцвет Пирея.

Во время минувшей войны многие портовые сооружения немцы уничтожили. Сейчас это крупный промышленный и политический центр Греции.

— Мне показалось, что из Афин в Пирей мы ехали, как по греческой столице. Прошлая мимолетная поездка у меня такого впечатления не создала, — поделилась супруга.

— Дело в том, что расстояние между Пиреем и Афинами

всего лишь восемь километров, и оба города сегодня практически соединились. Застраивается Греция быстро. Ты же сама говоришь — райский уголок, а кто от рая откажется?

Жена внимательно слушала монолог мужа.

— Наслаждайся. Может, уже никогда не придется созерцать этих красот, — буркнул Бохан не то по инерции своих мыслей, не то просто так, из-за бахвальства сотворенным им для супруги путешествием...

Приехали домой вечером. Они разгрузили машину и вошли в дом. К ночи, когда супруги улеглись спать, Сергей долго ворочался, вздыхал и был неестественно напряжен.

— Что с тобой, Сережа? Влюбился, что ли?

— Просто нет настроения...

— Выпей снотворного. Лекарство в холодильнике на дверной полке.

— Если не смогу уснуть еще полчаса — приму.

А через час он встал с кровати и прошел на кухню. Жена, встревоженная бессонницей супруга, машинально взглянула на индикатор электронных часов. На овальном небольшом экране ярко-зеленым цветом высвечивалась цифра 02.00.

Бохан же в это время включил приемник и стал внимательно слушать какую-то радиопередачу. Супруга не вытерпела одиночества и решила все же загнать в постель непослушного мужа. Она решительно встала и мягкой, кошачьей походкой подошла к кухонной двери. Ее взору предстала картина: Сергей, сидя за столом спиной к ней в наушниках, слушал, по всей видимости, какую-то важную передачу. Он вначале не заметил посторонних глаз. Но когда супруга тронула его за плечо, испуганно вскочил и обернулся — на нем не было лица. Тут же выдернул штекер из гнезда в приемнике и стал сбивчиво объяснять:

— Мне это надо... крайне надо по службе. Я не получил всего объема информации... не мешай, прошу тебя, дай мне сосредоточиться. У меня большой объем работы завтра... надо докладывать руководству... иди, иди, пожалуйста, отдыхать.

— Так бы и сказал, а то чего-то темнишь. — Она увидела, как он побагровел, как заходили желваки за пухлыми щеками, однако продолжила: — Такой нагрузки у тебя раньше не было.

Получается, ты один отдуваешься за всех. Что они, твои подчиненные, все бездельники?

— Все ты знаешь... подобная «напряженка» была всегда. — Сергей стал по-мальчишески запальчиво втолковывать ей то, что жене военного разведчика за рубежом должно быть понятным. — Просто ты не видела всей изнанки нашей службы.

Супруга повела плечами и направилась в спальню с мыслями:

«Нет, тут что-то не то. Такой депрессии у него никогда не было».

На службу полковник ушел рано. Покидал квартиру каким-то взъерошенным, объясняя усталость бессонницей и постоянными думами о службе, которая делается для него с каждым днем все тягостнее и изнурительнее. Супруга не на шутку встревожилась: он всегда был сдержанным, а в последнее время стал срывать, хотя и пытался подавлять в себе эмоциональные выбросы. Как она считала, его поступки — это результат необъяснимой депрессии.

Не надо забывать: Бохан был опытным и зрелым военным разведчиком, поэтому, как мог, сдерживал себя в коллективе. Расслаблялся только дома, в семье, перед женой — умной и наблюдательной, которой удавалось улавливать то, что пряталось им от сослуживцев. Настороженность он мастерски прятал, продолжая представляться работягой на службе и дома.

С женой был ровен и люб, однако на похвалы скупился, считая, что они, подобно золоту и алмазу, имеют цену только из-за их редкости. Женщины другого мнения по этому поводу. Они воспринимают уважение и любовь к себе не столько сердцем, сколько ушами. А вот в правдоподобность этого психологического постулата он не верил. Заблуждался и в другом, пытаясь провести женскую наблюдательность, забывая, что часто женская догадка обладает большей точностью, чем мужская уверенность.

В дом тасил все, как хомяк в норку: покупал, доставал, выменивал... все про запас, на черный день, на завтра. Квартира постепенно превращалась в склад — коробки с запчастями для

машины, радиотовары, обувь, одежда, безделушки. Часто вещи и предметы приобретал без советов с женой, по принципу: по-навилось — взял!

Однажды он приволок видеосистему, хотя одна уже стояла в комнате, а две находились в московской квартире. Стоила она в Греции по тем временам немалые деньги. Супруга возмутилась.

— Дурочка, я получил ее почти даром. Взял для продажи. Деньги вернутся с наваром, — резко оборвал он жену.

Женщина косвенно стала догадываться о существовании у супруга дополнительного финансового источника, хотя он и пытался безуспешно навязывать ей мысль о прибыльных операциях с нумизматикой. Но она почему-то не верила этому объяснению.

Спустя месяц упали в цене некоторые вещи, приобретенные Сергеем для перепродажи. Другие из-за дороговизны в Союзе никто не брал — отсутствовал спрос. И вот тут-то супруга дала волю издевке:

— Коммерсант нашелся... самоучку видно сразу. Понимаешь, Сережа, у тебя для бизнеса нет навыков — ты не предприниматель.

— Замолчи, мне и так тошно, — гаркнул супруг. Для дальнейшего обострения семейной перепалки у него не хватило сил.

Он любил роскошь квартиры, кабинета, гардероба. В этом христианском грехе он находил удовольствие, созерцая себя как бы со стороны. Счастье — как здоровье: когда его не замечаешь, значит, оно существует. Он же упивался радостью жизни за границей, особенно не обремененной тяжестью в добывании куска хлеба, как это часто видел среди земляков — селян на Украине. Они — эти рабы двора и огорода, колхозного поля и трактора — за более тощий кусок хлеба, чем греческий, трудились от зари до зари, набивая мозоли, приобретая болячки и постепенно спиваясь.

Ему же на службе везло. Там, где многие перенапрягались, ему удавалось проскочить легко: то господин Случай поможет, то Пронырливость подсобит, то Заискивание сломает преграду. Поэтому у него не было оснований жаловаться на жизнь. Миловидной женой, с которой приятно было появляться в обществе,

он открыто восхищался на людях, хотя дома ей никаких комплиментов не дарил. На представительских мероприятиях жена была в центре внимания дипломатических пар. Женщины ей завидовали, мужчины — восхищались. Все шло размеренно и комфортно.

И все же для жены не остался незамеченным процесс какого-то перерождения души супруга. Вторая командировка проходила у него более напряженно, чем та — первая, будившая приятные воспоминания.

Вот и сейчас Сергей ушел, а она встала у окна наедине с тревожными раздумьями: «Что его так угнетает? Мне кажется, начальство его ценит. Отчего же у него такая бессонница? Участились неожиданные отлучки в вечернее время, после которых он возвращается с плохим настроением. Постоянно объясняет раздражительность дома усталостью... Но меня не проведешь, я чувствую в его ответах фальшь. Почему он молчит, если есть необходимость выговориться? Раньше такого никогда не было. Приходит со службы, как выжатый лимон. Чего-то остерегается, а чего — не пойму никак...»

Оперативник докладывал Стороженко материалы на Бохана. По первой командировке в Греции на исчезнувшего офицера были сведения о его каких-то сомнительных, до конца не выясненных контактах с американским бизнесменом. Эта связь объяснялась служебной необходимостью, но только частично. По заявлению сослуживцев, Бохан излишне нервничал, организуя встречи с этим респектабельным американцем, с которым установил доверительные отношения. Руководство резидентуры вскоре потеряло американца из виду.

Следует заметить, что Бохана однажды видели выходящим из гостиницы в центре Афин. Тогда не придали значения, да и командование взяло под защиту тот визит военного разведчика в отель, объяснив оперативной необходимостью. Теперь нельзя исключать, что подобные визиты он делал не раз.

— Это уже интересно. А почему такие материалы лежали без выяснения истины столько времени? Вы запрашивали дополни-

тельно офицера внешней контрразведки по Греции? — спросил Стороженко.

— Нет. Тогда не успел. Накатился ком других, более интересных материалов, отодвинувших бохановские на второй план.

— На второй план, на второй план... Поймите, я не хочу ставить всякое лыко в строку — вменять в вину вам каждую ошибку в этом ЧП. Согласитесь, что-то мы с вами обленились донельзя. Прекратили думать и анализировать. Такие факты — не мелочи. Это ведь очень интересный субъект уже в то время был. Им тогда следовало бы заняться всерьез. Дай такие материалы на периферию — они бы были «обсосаны» до косточек, а мы с вами, получается, слишком богаты, поэтому бросаем их легко и просто. А задумывались ли вы о возможных тяжелейших последствиях для военной разведки? — спрашивал подчиненного Николай. — Нет, не задумывались! А должны были...

— Николай Семенович, кто-кто, а вы должны понять и понимаете, что сил у нас нет тащить полную арбу таких сигналов. Самы знаете, что в последние годы мы задыхаемся от наплыва подобных материалов. Сегодня атаки на военных разведчиков идут и слева, и справа — идет настоящий прессинг. Их бьют все кому не лень — и наши безголовые руководители, и головастый противник в ходе заключительных залпов «холодной войны», — пытался оправдаться подчиненный.

— А ну, а ну, что это за «заключительные залпы»? — поинтересовался Николай, хотя и сам понимал, что ответит старший оперуполномоченный.

— Добивают страну нехристи... тяжело сейчас Родине...

— Да... прости за кнут, не всегда же пряником кормить. Мы оба виноваты с тобой, особенно я, — подытожил Стороженко. Он никогда не позволял себе повышать тон на подчиненных и привык ответственность брать на свои плечи. Михаила он давно знал как предельно честного человека, исполнительного оперативника, вместе с которым еще работали по изобличению такого «крота», как Филатов.

Он был волом, тащившим одно из важнейших подразделений ГРУ. Правда, ему время от времени требовалось давать подсобные инструктажи. А иногда и подстегивать в срочных делах.

— Согласись, хоть и говорю в сослагательном наклонении, Боханом надо было плотно заниматься сразу же по возвращении из первой командировки.

— Принимаю критику... виноват...

— Ну, если принимаешь, тогда слушай: рабочий день начинай с доклада о ходе разыскных мероприятий. Прошу подготовить обобщенную справку на Бохана по всем имеющимся материалам. Кстати, кто вылетает руководителем комиссии от ГРУ в Афины?

— Полковник Новиков.

— Вот и прекрасно. Ты его хорошо знаешь, поэтому попроси в ходе работы на месте обратить внимание на такие моменты... — Он стал перечислять их.

Через несколько дней ведущие информационные агентства мира — Рейтер, Ассошиэйтед Пресс и другие — передали сообщение, что советский военный разведчик полковник Бохан попросил политическое убежище в США. Американские власти положительно отреагировали на просьбу офицера ГРУ. Через сутки после обращения Бохана в американское посольство в Афинах его срочно вывезли на военно-транспортном самолете из Греции на одну из военных баз в Западной Германии. А затем предателя спешно доставили в Штаты.

В Афины из Москвы вылетела комиссия ГРУ, которой удалось пролить свет на факт исчезновения полковника-дипломата. Правда, эту информацию надо было еще тщательно просеять оперативникам военной контрразведки, отделив зерна от плевел, истину от лжи.

Начальник одного из управлений стратегической разведки ГРУ ознакомил оперативников со справкой, подготовленной вернувшейся из греческой столицы комиссией. В секретной тетради Стороженко появилась выписка из справки:

«...Бохан за период командировки с 1983 по 1985 год жил явно не по средствам... Перечень его связей и их характер позволяет сделать однозначный вывод, что он мог попасть в поле зрения спецслужб противника... В поведении последних месяцев яв-

но просматривались такие качества, как раздражительность, несобранность, безразличие к службе и нежелание выезжать в краткосрочные командировки в СССР...»

Далее шло перечисление признаков, под которые попадал беглец, как вероятный агент ЦРУ, подозревавший, что находится под «колпаком» госбезопасности и испугавшийся разоблачения. Дополнительная проработка материалов показала, что страсть к нумизматике уже не ограничивалась желанием иметь приличную коллекцию, а втянула его в крутой бизнес вовсе не звоном разных монет, а шелестом «зеленой» валюты. Свершилось перерождение офицера в дельца. По характеру он был трусоват, хотя перед женой стремился демонстрировать сталь в голосе, а перед сослуживцами — натуру трудоголика.

Накопительство, скопидомство, стремление больше взять, чем кому-то отдать, постепенно сформировали в нем эгоиста, давно не считавшегося с чужим мнением, даже если оно претендовало на истину. В армейском единоначалии виделось ему посягательство на личность — и это у офицера, добравшегося до полковничьих погон.

Увлечшись бытоустройством, он отодвинул на задний план вопросы трудной и ответственной работы. Заграничную командировку считал главным источником наживы.

В последние месяцы Бохан чего-то боялся. Попытался наладить хорошие отношения с офицером безопасности посольства. Он страшился выездов в СССР.

Прибывший из Афин полковник Николаев с санкции начальника ГРУ генерала Ивашутина П.И. поделился личными наблюдениями с оперативниками:

— Анализ всего того, что я там прочел, услышал и увидел, позволяет сделать вывод: он сбежал, будучи завербованным. Бохан рогами упирался, чтобы только не ехать на совещание в Москву. Я думаю, он боялся вашего «колпака», страшился быть арестованным на Родине. Его дважды вызывали в Центр. В первый раз он сослался на болезнь, а второй раз — «опоздал» на самолет...

Через несколько дней на стол Стороженко легла справка о принадлежности американского «нумизмата» к ЦРУ. Он являлся

разведчиком — вербовщиком, специализирующимся на разработке советских граждан. Его деятельность такого плана фиксировалась нашей внешней контрразведкой в Заире и Сомали.

Посольство СССР в Вашингтоне. Консульский отдел делал все возможное и невозможное, чтобы власти разрешили встречу с Боханом как гражданином Советского Союза. Дело в том, что в прошлом отмечались случаи насильственного захвата наших сотрудников с последующим объявлением в прессе о добровольном переходе на сторону противника с одновременно активным процессом перевербовки.

По заявлению представителей США, русский якобы отказывается от встречи с советскими дипломатами. Однако через несколько месяцев в результате решительного воздействия советской стороны на правительственные структуры США они, стремясь избежать общественного резонанса в связи с подозрениями о насильственном удержании гражданина СССР, наконец, предоставили возможность встретиться с перебежчиком...

Прибыл Бохан на встречу с соотечественниками в сопровождении двух дюжих штатских. Они внимательно слушали. Полковник открыто заявил об отказе возвращаться на Родину, отметив, что попросил политического убежища в США добровольно на основании продуманных шагов в ответ на новые вызовы времени. После этих коротко-нервных фраз он быстро удалился, отказавшись, таким образом, отвечать на приготовленные советскими дипломатами вопросы...

А через несколько месяцев начала «сыпаться» закордонная агентура ГРУ, которую знал перебежчик по документам или работе с нею. Стало предельно ясно, что Бохан сдает святая святых разведки — своих помощников, зарабатывая доверие новых хозяев.

Приехавший из Греции офицер ГРУ полковник Багров поведал Стороженко, что сразу же после побега предателя во вражеский стан в Греции поднялась такая волна шпиономании и антисоветского психоза, что в одностороннем порядке была парализована работа

всех служб посольства. В каждом россиянине видели «глаза и уши» Москвы.

«Вот уж истинно справедливы слова, — подумалось Николаю, — о том, что дурные последствия преступлений живут гораздо дольше, чем сами преступления, и призраки убитых, а в данном случае преданных, всегда следуют по пятам за злодеем».

Последовавшие затем почти поголовные аресты подозреваемых, задержание и изучение связей наших даже «чистых» дипломатов как раз и свидетельствовали о наступлении тех тяжелейших последствий предательств, о которых подозревали оперативники...

Рабочий день на Лубянке заканчивался. В настенных электрических часах что-то щелкнуло. Стороженко бросил взгляд на белый циферблат серого квадрата часов: было десять часов вечера.

— Ну ладно. Пора и меру знать. Домашние небось заждались. Пока доеду — будет как раз двадцать три. А завтра в шесть надо встать.

Он собрал документы и положил их на верхнюю полку сейфа. Там у него лежали самые важные и срочные материалы, требующие продолжения работы с ними на следующий день.

Как-никак в разведке с перебежчиком такого высокого ранга — полковником ГРУ — он встретился впервые, и нужны были консультации со специалистами территориальных органов контрразведки. Именно на следующий день намечена встреча с разыскниками — профессионалами высокого класса, чьих советов никто не игнорировал в таких ситуациях.

Следственный отдел КГБ СССР возбудил уголовное дело по факту побега военнослужащего, квалифицируя его действия как измена Родине.

Для Стороженко это был трудный урок. Как-никак прошляпил вместе с подчиненными явного шпиона. Вышестоящее руководство упрекало его в том, что он не смог предупредить предательства. Уже первая командировка изменника должна была пролить свет на личность офицера. Николай во многом соглашался. Вину

на подчиненного не перекадывал, хотя прекрасно понимал, что первую тревожную информацию на Бохана должен был доложить оперативник — непосредственный куратор греческого участка ГРУ...

Пройдет время — и чекисты станут получать сведения, что предатель, изменив внешность, стал ездить по Штатам с миротворческими лекциями, проповедуя некие пацифистские идеи. Надо отметить, выколов из него информацию, ЦРУ и ФБР особого доверия на тот период к инициативнику не испытывали. А потом его надо было зарабатывать ценой дальнейших унижений и предательств, что он делает, наверное, и по сей день, если не стал бомжем или не наложил на себя руки.

Семья его оставалась на тот период в Союзе...

Глава 11

Двойная игра «Каина»

В сентябре 1980 года в одно из подразделений ГРУ Генштаба прибыл для прохождения дальнейшей службы высокий, стройный старший лейтенант Иванов Александр Васильевич. Военная форма ему шла. Очки в тонкой золоченой оправе придавали лицу особый интеллигентный шарм.

«Такие мужчины должны быть в фаворе у женщин», — неожиданно для себя подумал старший оперуполномоченный майор Стороженко, впервые увидев новоприбывшего офицера на своем объекте.

Начальник направления, куда попал служить Иванов, полковник Лобанов охарактеризовал новичка в целом положительно:

— Парень толковый, из него может получиться хороший специалист информационной службы. На работе усидчив, умеет анализировать материалы, неплохо пишет, хорошо поставлена устная речь. У него какие-то связи наверху. Мне Иванова порекомендовали взять, хотя во время командировки в Болгарии у него были какие-то мне пока неизвестные неприятности на семейной почве, что явилось основанием для досрочного откомандирова-

ния из страны. О них мне скупо говорили кадровики, я посчитал бестактно влезать в душу подчиненного.

Первая ознакомительная беседа Стороженко с ним показала, что старший лейтенант Иванов действительно обладает широким кругозором. О себе рассказал, что в 1978 году окончил Военный институт иностранных языков, специализация — английский и болгарский языки. В 1973 году был в месячной командировке в Конго. Откровенно поведал о сложностях семейной жизни. После завершения учебы на спецкурсах ГРУ в 1979 году выехал в длительную служебную командировку в Болгарию.

В ходе беседы выяснилась одна интересная деталь, — оказывается, Сашу Иванова Стороженко мог видеть бегающим в гарнизоне, когда он в качестве слушателя стажировался в конце 60-х годов от Высшей школы КГБ в Рава-Русском мотострелковом полку. Командовал частью его отец — полковник Иванов. Старший оперуполномоченный полка майор Червоткин очень тепло отзывался о командире. Вот какие в жизни могут быть совпадения.

Начало службы в центральном аппарате ГРУ для Иванова было связано с семейными дрызгами и подготовкой к бракоразводному процессу, с персональным разбором поведения офицера на партячейке — первичной партийной организации. Капризная жена, дочь полковника Генштаба, как он утверждал, требовала оставить ей все нажитое совместное имущество, вплоть до квартиры. Иванов не стал мелочиться, понимая — жена остается с ребенком.

Командование было на стороне офицера. А вот кадры и политотдел стояли за стороне супруги, которая не без помощи отца существенно влияла на ход разбирательства в свою пользу. Иванов, конечно, мог подключить более мощные рычаги, но не хотел впутывать в грязную историю отца-фронтовика и его влиятельного друга в маршальских погонах.

И все же Стороженко не мог успокоиться из-за отсутствия информации о службе Иванова в Болгарии и истинных причинах его досрочного откомандирования. Анализ имеющихся материа-

лов и поступивших уже за период службы Иванова на новом месте позволил прийти к выводу о необходимости заведения на него сигнала. Вскоре согласие от руководства было получено, и Стороженко на «корочках» с материалами вывел черным фломастером кличку — «Каин». Она же стала в дальнейшем фигурировать и в делах оперучета: оперативной проверки, а затем и разработки.

В ходе изучения «засветившегося» старшего лейтенанта оперативник выяснил, каким путем попал и окончил Иванов один из престижных военных вузов. Туда поступали молодые люди после десятого класса, в основном по протекции. Правда, командование разбавляло курсы выходцами «из армии, от плуга и станка». Однако таких слушателей насчитывалось единицы. Существовал даже женский факультет, в шутку окрещенный острословами «пансионатом номенклатурных девиц». Они туда попадали по конкурсу мамаш и папаш.

Генеральские и министерские, не говоря уже о маршальских дочках и удочеренных внучках, сдавали вступительные экзамены для отвода глаз, не боясь быть проваленными.

Из плеяды поднявшихся на «слушательскую скамью» через «отцовский лифт» был и Александр Васильевич Иванов. Отец его и один из маршалов Советского Союза вместе воевали на фронте. Как не помочь чаду сослуживца? Один звонок — и просьба выполнена. Именно таким образом Иванов стал слушателем.

Учился неплохо, схватывал знания на лету, однако столичная жизнь сильно манила своей привлекательностью. Баловала отцовская опека. Очень хотелось после получения лейтенантских погон остаться в Москве. Женидьба на дочери полковника ГРУ Генштаба и быстрое решение квартирного вопроса позволили ему сделать если не шаг, то уверенный шажок к столичному трудоустройству. Остальные шаги в службе помогали делать отец, тещь и тень маршала.

Быстро пройдя спецкурсы военной разведки, он сразу же получил неплохое место в центральном аппарате ГРУ и через несколько месяцев с женой убыл в первую длительную командировку в Болгарию...

Многие сослуживцы завидовали молодой семье, хотя все понимали, что новоиспеченному разведчику, сотруднику аппарата военного атташе за границей будет крайне трудно без соответствующего образования и необходимого опыта военной службы. Офицеры-кадровики не могли противостоять приказу сверху, доказывая, что все великое совершается медленным, незаметным ростом, а тем более утверждать о таящихся опасностях начатой таким образом служебной карьеры молодого офицера. Маршалский гнев мог загнать любого смелого и принципиального кадровика далеко от Москвы. А кому хотелось лишиться должности в Генштабе? Таких офицеров, к сожалению, не нашлось.

Служба для помощника военного атташе Иванова началась относительно удачно. Встречал его собственной персоной начальник аппарата Скалов — маленький, щупленький полковник-общевойсковик, четко угадывавший скрытые потоки кадровых перемещений. Он давно подготовился к встрече протеже маршала и зятя полковника Генштаба. В софийском аэропорту он с угодливой улыбкой на лице обратился к своему подчиненному не по званию. Обласкал его теплым словом — Сашенька!

— Я приветствую вас на болгарской земле. Думаю, не пожалеете, что выбрали эту прекрасную страну нашего боевого содружества. Квартира вам готова, обмобилирована. Магазины рядом. Сашенька, садитесь с женой в мою машину, а сумки и чемодан увезет майор на «Волге». — Он бросил взгляд на офицера-водителя.

Первые месяцы службы для Иванова прошли спокойно. Он как бы стажировался, вращаясь в обстановку. Привыкая к такой загрузке, считал «вкалывание» уделом работяг, а не представителя «белой кости». Но так долго продолжаться не могло — захребетника скоро раскусили сослуживцы. Поднялся справедливый ропот. Скалову поначалу удавалось сдерживать коллектив. Но противостояние зашло так далеко, что на партийных собраниях стали «разделять под орех» и нетребовательного начальника, и безынициативного подчиненного. Полковник, боясь попасть в немилость к руководству Центра, после почти пятилетне-

го пребывания за рубежом добился перевода в Москву. Он почти вычислил вероятность «взрывков» прибывшего «блатника».

Вместо Скалова в Софию прибыл генерал-майор Кизяков — зять одного из членов Политбюро ЦК КПСС. Если прежнего военного атташе никто не мог упрекнуть в мздоимстве, то новый начальник с первых шагов стал мелочиться, обманывать Центр, допуская валютно-финансовые злоупотребления. Иванов прекрасно понимал «непробиваемого броненосца», потому что сам ходил при таком же панцире, только тоньше. Многие странные вещи творились у него на глазах. По молодости он посчитал, что начальник у него в кармане, — тем более узнав, что его партийный родственник отправился к праотцам.

Жена Александра уехала в Москву рожать. И супруг ударился в вольную жизнь, которая не осталась без внимания американских разведчиков.

...Стояло жаркое, душное утро. Близился вечер субботнего дня. Иванов лежал на диване, размышляя о перипетиях жизни. В его понимании человеческая жизнь похожа на коробку спичек. Обращаться с ней серьезно — смешно. Обращаться несерьезно — опасно. С другой стороны, жизнь — это чередование всяких комбинаций, их надо изучать, следить за ними, чтобы всюду оставаться в выгодном положении, а поэтому она видится слишком короткой, чтобы позволить ее прожить ничтожно. И в конце концов на излете наших лет она представляется островом в море одиночества и уединения. Он видел это по жизни — мучение многих родителей...

Надвигалась гроза. Вдруг комнату озарила оранжево-синяя вспышка молнии, резанула по глазам, прервала ход философствования, и тут же последовал сухой, как артиллерийский выстрел, близкий раскат грома. Крупные капли дождя замолотили по листве деревьев, подступающих к окну. Голова офицера гудела от вчерашнего перепоя. Осушив бутылку минеральной воды и стакан огуречного рассола, он стал ждать окончания непогоды. Назначенное свидание с внучкой одного из бывших руководителей компартии Болгарии обещало быть интересным.

Ливень затих так же быстро, как и начался. Полоснули по глазам каленые лучи заходящего солнца. Соломенно-золотистые оттенки светила затекали в окна, лакируя позолотой листья комнатных цветов, стоящих на подоконниках. Иванов резко поднялся с дивана, потянулся руками к потолку и подошел к телефону. Постояв несколько мгновений в раздумье, решительно набрал номер дамы.

Вечеринка на даче у дедушки подруги, несмотря на позднее время, не думала завершаться. Баловни и виновники торжества резвились. Из магнитофона доносились мелодии группы «Абба». Лились рекой болгарское вино и русская водка.

Александр с девушкой, прилично захмелев, сидели в огромном кресле из натуральной кожи. Говорили на отвлеченные темы. Он приглашал ее в Москву, она его — в путешествие по стране. Хмель — это добровольное сумасшествие, которое всегда делает людей смелыми и радушными. Пьянство само по себе не создает пороков, а только выставляет их напоказ. У спесивого — растет чванство, у жестокого — свирепость, у завистливо-го — злость, у расчетливого — ложь и т.д.

— Знаешь, мне тут хорошо... такое ощущение, что знаком с тобой давно. Все это не случайно, потому что наша первая встреча была не случайна, а закономерна...

Этот дешевый прием ловеласа подействовал на девушку сильнее, чем вино и водка. Недаром говорят, что женщина любит ушами. Она прижала горячую щеку к его плечу, представляя, что скоро будет бродить по улицам Москвы с Шуриком — так она называла советского офицера. У него же самого мысли ходили по одному и тому же кругу, характерному для молодого мужчины в таком состоянии.

Вместе с тем его мозг искал ответа на вопрос: где достать деньги для таких кутежей в дальнейшем? Именно поиск ответа заставлял его иногда отвечать девушке невпопад на задаваемые вопросы. Несмотря на свою молодость, она, не раз побывавшая в аналогичных компаниях, знала, что он военный дипломат, а люди его профессии, тем более молодые, в такие минуты любят

расслабиться, отходя от строго вычерченной условиями службы линии поведения. Поэтому она прощала его, хотя из приличия надувала губки и принимала вид обиженной невнимательностью собеседника.

Вечеринка продолжалась. Позолоченный циферблат напольных часов показывал около пяти утра, когда гости решили искупаться в бассейне. Александр плавал прекрасно, но девушка не уступала ему в технике, особенно в брассе.

— Подруга, у тебя не школа, а скорее академия, — польстил он пассивно, когда та стремительно, словно катер, проплыла двадцатипятиметровую дистанцию.

— Просто давно плаваю. Брасс — мой любимый способ. Да и учителя были хорошие, — ответила она, лукаво улыбувшись, словно почувствовала его неискренность.

Солнце взошло уже достаточно высоко, когда гости стали разъезжаться. Прощаясь с Александром, девушка сделала грустную гримасу и, отведя взгляд в сторону, тихо промолвила в ответ на дежурное «до встречи»:

— Может быть, и встретимся... Не знаю, не знаю...

После этих слов она направилась в кабинет дедушки.

..Прошло несколько недель после той памятной вечеринки. Подруга на звонки не отвечала. Он уже стал ее забывать. Появились новые объекты внимания, свежие впечатления. Обычной чередой проходили представительские мероприятия. Жена не подавала никаких признаков желания вернуться к супругу. Он понимал, что причиной молчания жены могли быть «доброхоты», просигнализировавшие в Москву о его загулах.

И вот, как гром среди ясного неба, команда... на досрочное откомандирование. Состоялся крутой разговор у начальника. С перепуганным видом тот распекал своего подчиненного — проштрафившегося помощника.

— Ты что наделал? Как ты мог покуситься на честь внучки такого великого человека? Ты что, сожительствовал с нею? — кричал разъяренный генерал, надеясь сразу же деморализовать волю к сопротивлению советского донжуана.

— Товарищ генерал, у меня с нею были вполне нормальные отношения. Вы же сами требовали расширять круг связей, вращать в обстановку, быть коммуникабельнее и напористее в работе. Как же иначе исполнять обязанности офицеру военно-дипломатической службы в соцстране? — одновременно с нотками испуга и юмора Александр парировал натиск начальника.

— Хватит, из-за тебя пятно позора ляжет на весь здоровый коллектив. Кто тебя учил так работать? Ты прекрасно знаешь — у них, как и у нас, партийная власть неприкосновенна. Куда ты полез армейскими сапожищами? — громыхал Кизяков, приподнявшись над большим письменным столом.

— Я сапогами не лазил...

— Хам, вон из кабинета... негодяй, испачкал и мою биографию, — кричал вдогонку генерал.

Иванов выскочил как ошпаренный. Несмотря на испуг, ему захотелось смеяться. Офицер прекрасно понимал, что подруга не могла опуститься до роли жалобщицы. Она была слишком избалована жизнью, чтобы останавливаться на каком-то русском военном, тем более имеющем семью.

«Это друзья-завистники «настучали», — подумал Иванов, — делился ведь с некоторыми из них пикантными впечатлениями».

Сборы были недолгими. Вещи уместились в двух сумках и одной коробке...

Квартира, к которой он успел привыкнуть, теперь показалась неудобной, и ему хотелось поскорее покинуть ее.

«Да, чем больше я познаю людей, — философствовал Иванов, — тем больше мне нравятся звери: они не завидуют и не предают. Что плохого я сделал? Ничегошеньки! А со мной поступают, как с законченным негодяем. Прощай, непрочитанная Болгария. А как хотелось поработать еще здесь! Был бы Скалов, а не этот дуралей, события бы повернулись, наверное, по-другому. Я, конечно, виновен, но не в такой степени, чтобы без расследования ломать судьбу офицера. Не могу простить своей болтливости...»

Он верил в силу «отцовского лифта»...

Москва встретила Иванова холодным морозящим дождем, а жена, тесть и теща — ледяными взглядами с упреками в неспо-

способности его быть достойным семьянином. Ссора закончилась грозным окриком тестя, чтобы он убирался из квартиры. Разъяренная жена собрала нехитрый скарб мужа в чемодан и выставила его за дверь. Не без влияния родителей она решила, что в дальнейшем совместной жизни у них с Александром не получится. Прошел грязный бракоразводный процесс. На нем всплыли такие сценки из бытовых будней, что у слушавших их показания пропало всякое сочувствие к обеим сторонам судебного разбирательства.

Он поселился в небольшой квартирке друга, убывшего в заграничную командировку. Жизнь стала дорожать с расширением трат на развлекательные мероприятия. Рестораны менялись кафе, кафе — забегаловками. Квартира открыла настежь двери собутыльникам. Нужны были деньги, и большие деньги, чтобы прилично одеваться, жить на широкую ногу с друзьями, хорошо питаться и платить алименты.

Но деньги, как известно, благо отрицательное: о них, как о здоровье, думает человек только тогда, когда их нет. Деньги — хороший слуга, но плохой хозяин. Больших же денег в звании старшего лейтенанта на службе он не мог получить. Разгружать по ночам вагоны было не в его натуре. Да и сколько он мог таким образом заработать — гроши. Большие деньги он видел в другом месте... но Александр почему-то забыл одну непреложную истину: если много денег — не радуйся, если мало — не горюй. У него еще не было больших денег, а из-за малых — горевал.

22 июня 1981 года Иванов приехал на службу раньше обычного. По радио звучали фронтовые песни. Сослуживцев по кабинету, на счастье, не было: один находился в отпуске, второй приболел. Он взял ручку, чистый лист бумаги и начал писать текст, заставивший его поначалу вздрогнуть от неестественности поступка для сына фронтовика, офицера военной разведки, проходящего службу в центральном аппарате ГРУ:

«Господа!

Предлагаю свои услуги по обеспечению Вас и Вашего руководства секретной, совершенно секретной и предназначенной

для ограниченного круга лиц информацией, касающейся деятельности центральных органов Министерства обороны, КГБ и МИД СССР. Обладаю широким кругом информационных знакомств...

Я четко представляю то, что Вы вправе считать это письмо провокацией...

Призываю Вас самым серьезным образом отнестись к моему предложению, ибо я сознательно иду на этот шаг. Последние случаи провалов Вашей агентуры в центральных аппаратах заставляют задуматься о качестве подготовки и проведения Вами оперативно-разведывательных мероприятий...

В случае принятия Вами решения работать со мной очень прошу тщательно спланировать операцию по выходу на встречу...»

Из-за страха быть застигнутым кем-либо из сослуживцев он дописал письмо дома, вложив его в коробку из-под сигарет «Мальборо», которую осторожно поместил в одно из отделений кейса. У него созрела мысль установить связь с американцами, став таким образом продавцом секретного товара, за который можно получить неплохие деньги.

26 июня 1981 года кейс с письмом и другими документами Иванов утерял в районе ресторана «Советский» после очередного «банкета для души». Но и после этого не отказался от преступных намерений. Вместе с друзьями выехал на пляж Николина Гора, что в районе Серебряного Бора. Он знал, что там, на живописном берегу Москвы-реки, иностранные дипломаты давно облюбовали себе место отдыха. Кстати, об утере он не переживал, почему-то веря, что кейс у него умыкнули элементарные воюги.

В компании была девушка, понравившаяся Иванову. Перед тем как отправиться купаться, она робко процедила, что проголодалась и не отказалась бы от бутерброда.

— Какой бутерброд, пойдем, попробуем шашлычок. Здесь его делают отменно, — проговорил Александр, понимая, что придется платить за всю компанию. Его «друзья» редко когда раскошеливались.

«Скупердяи, любят дармовщину. На халяву все норовят. Сколько раз я рассчитывался за них! А ведь деньги есть, я видел. Лариска понравилась, надо выдержать роль денежного и нежадного офицера», — подумал Иванов.

Шашлык запили шампанским. Напиток ударил в голову. Вскоре хорошее настроение сменилось сплином. Нахлынули тягостные мысли о бытовых последствиях развода, ожидаемых сложностях в служебной карьере и многочисленных долгах.

Неожиданно перед столиком появился мужчина среднего возраста в крупных роговых очках. Тяжелая темная оправка придавала лицу интеллигентный вид.

— Разрешите? — обратился он к Александру по-английски. — Я нечаянно подслушал, как вы сказали даме фразу на моем родном языке: «Чего хочет женщина, того хочет бог!» У вас прекрасное произношение. Типичный техасский акцент. Вы случайно не учились у нас в Штатах?

— Нет. Кто вы?

— Меня зовут Питер Сэмлер. Я американец, поэтому приятно был поражен таким высоким уровнем знания нашего языка, тем интересней — молодым человеком, — с небольшим акцентом говорил иностранец.

— Нет, нет, я учился в Москве. Качеству языка обязан я только своей преподавательнице. Меня зовут Александр.

Завязался непринужденный разговор. Настроение снова поднялось. Захотелось блеснуть эрудицией и произвести эффектное впечатление на иностранца.

— У вас, Саша, — можно я вас так назову? — несомненный талант лингвиста. Мне редко приходилось встречать иностранцев с таким прекрасным произношением. Вас ждет отличная карьера, — как медом мазал Сэмлер. Говорил мягко, вкрадчиво, подчеркивая искреннее расположение к собеседнику. Вскоре американец извинился и распрощался, выразив надежду когда-нибудь снова встретиться. Именно здесь, на отдыхе.

— А почему бы нет?!

— Ну, тогда до следующего выходного — ровно через неде-

лю, — улыбчиво ответил Питер. — Кстати, принесу вам кое-какую литературу. Совершенствовать язык надо — он любит тренировки.

Иванову польстили комплименты янки. Лариса, ставшая свидетельницей события, тоже осыпала словами восхищения знатока английского языка, оцененного так высоко американцем.

«Случайный человек — и тот подметил мои языковые способности, — с удовольствием подумал офицер. — А на службе не ценят. Думаю, все от зависти, которая никогда не знает праздника, и ничто не может успокоить завистника... Судьба дает мне шанс. Зачем искать кого-то, когда через Питера смогу выйти на посольского разведчика? Обязательно надо встретиться...»

Через неделю на пляже Александр быстро отыскал Сэмлера, удобно разместившегося под креповым зонтом. Рядом лежала кipa каких-то брошюр и журналов. В стороне стоял голубой «Форд» с дипломатическим номером американского посольства.

«Человек слова, не забыл обещанного», — подумал Иванов, направляясь к знакомцу, стоящему с каким-то молодым человеком. После обмена приветствиями Сэмлер, как бы сглаживая неловкость появления третьего человека, быстро проговорил:

— Разрешите, Саша, я вас представляю коллеге. Он закончил университет, прекрасно знает русский язык. Специализируется по культурным памятникам СССР и, в частности, России. Кроме того, у него есть хобби — собирать русский фольклор.

— Дэннис Макмэхен, — быстро представился молодой подвижный человек, а затем сразу же предложил называть его «просто Володей».

Новый знакомый был неплохим рассказчиком. Говорил по-русски чисто, знал массу анекдотов, подчеркивал внимание к собеседнику, которого профессионально умел слушать. Александру Володя все больше и больше нравился. В процессе общения Иванов сообщил ему данные о себе и сведения о месте службы. В очередной выходной уже сетовал на тяжесть армейской жизни, семейные неурядицы. Не забыл упомянуть о долгах — развя-

зывался преднамеренно охотно. Поэтому совсем не удивился, что Володя не только посочувствовал ему, но и пообещал помочь с финансами. Якобы в долг — потом отдаст.

Договорились встретиться 9 августа 1981 года в районе станции метро «Речной вокзал» — в лесопарковой зоне возле улицы Дыбенко.

Иванов понял сразу, что от него требуется. Он инициативно собрал первый шпионский товар для продажи, упаковав его, как когда-то письмо, в пачку — только теперь из-под сигарет «Пэлл-Мэлл».

В условленный день ровно в 16.30 советский офицер встретился с американским разведчиком.

— Привет, Александр! Ты «хвоста» за собой не привел?

— Нет... проверялся. Учили ведь...

— Пройдем по аллее. — Макмэхен указал на асфальтированную дорожку лесопарковой зоны. С минуту шли молча. Инициативу вскоре взял Володя: — Не будем терять зря время. Ответь мне на вопросы. Говорить будешь сюда. — Он показал на очечник, где был закамуфлирован крохотный диктофон. — Говори спокойно и четко. Итак, в каком учреждении ты работаешь?

— Я все написал.

— Не имеет значения. Ты должен все равно ответить.

— Ладно, но ты... вы обещали...

— Я понял. Саша, твой интерес. Деньги я не забыл. — Он достал из кармана пакет и протянул его офицеру. — Здесь пять тысяч, как я и обещал.

— Спасибо, Володя, но я хочу сказать...

— Что, этого мало? Вообще плата — это не повод для дискуссий. Этот вопрос мы с тобой еще в деталях обсудим. Запомни одну истину: большие деньги в начале такой карьеры так же опасны, как опасно переедание после длительного голодания. А пока прошу продолжить ответы. Времени у нас мало, давай будем пособранней...

В конце беседы Володя передал Александру спичечный коробок и предложил ознакомиться с содержимым дома. На этом их личная встреча закончилась.

Придя домой, Иванов открыл коробок. В нем оказалось не-

сколько листов тонкой бумаги размером 18x26 сантиметров, на которых имелся текст. Он стал читать:

«Дорогой друг!

Мы очень рады, что нашли общий язык и установили с вами контакт. Глубоко уверены, что наши отношения по мере их развития будут искренними, взаимно уважительными и, конечно, взаимовыгодными. Мы предлагаем вам 5000 рублей. Зная, что вы нуждаетесь в деньгах. Они помогут поправить материальное положение и рассчитаться с долгами...»

На другом листе излагалась просьба ответить на некоторые вопросы, интересующие ЦРУ: каков точно ваш адрес и индекс, в каком именно учреждении вы работаете и что оно из себя представляет, в какой должности служите, чем занимаетесь, есть ли у вас фотоаппарат, умеете ли фотографировать, к какой информации имеете доступ, перечислите сослуживцев, их должности, точно укажите место своей службы и сделайте привязку его к местности...

Были в этом перечне и другие вопросы. В конце письма шли досужие рассуждения о личной безопасности — ему, мол, не предлагают более крупной суммы лишь потому, что он может привлечь к себе ненужное внимание органов военной контрразведки.

Иванов понял: он практически завербован и уже выполняет задания разведки иностранного государства. Пройдет несколько месяцев, и, будучи арестованным, он скажет в своих показаниях:

«Я много думал о мотивах, в силу которых стал изменником Родины. Задумываться стал об этом вскоре после того, как со мной установила связь американская разведка... Оценивая совершенное мною деяние... на путь преступления я встал в силу целого ряда обстоятельств субъективного характера...»

У меня были искаженные представления о ценностях жизни. Мне были присущи высокомерие и болезненное самолюбие, излишние самоуверенность и самонадеянность, честолюбивые амбиции, переоценка своих способностей и качеств...»

Но все это было потом, а пока он перечитывал последний листок с расписанием последующих встреч, составленным профессионалами посольской резидентуры ЦРУ сразу на четыре

месяца вперед. В инструкции предусмотрительно указывалось, что, в случае если на встречу придет не Володя, а кто-нибудь другой, Александр должен будет держать в левой руке свернутую газету и на пароль: «Вы друг Володи?» — ответить отзывом: «Да, и прошу передать ему привет!»

Запланированные на 17 и 23 сентября 1981 года личные встречи не состоялись из-за невыхода на связь разведчика. Потом он объяснит срыв встречи болезнью — разбил радикулит. Встретились лишь 27 сентября, и агент передал два шпионских сообщения. На следующее свидание Дэннис Макмэхен пришел не один, а в сопровождении незнакомой Александру женщины лет 25, худощавой, неброской, с правильными чертами лица. В беседе она участия не принимала, внимательно смотрела по сторонам — страховала. Это была жена американца — Лесли Макмэхен.

Иванов получил в тот день в полиэтиленовом пакете шпионскую экипировку: специальный миниатюрный фотоаппарат «Минокс», десять кассет к нему с пленкой на 230 кадров каждая, тайнописную копирку, шифроблокнот, инструкцию по составлению тайнописных сообщений и обычную авторучку, на стержне которой была намотана пленка с новым планом связи.

Пройдет время, и уже после ареста на допросе «Каин» так поведает о той встрече:

«Подробно рассказав, как обращаться с фотоаппаратом (выдержка и диафрагма у него были заранее установлены, рассчитаны на слабое освещение и изменению не подлежали. — Прим. авт.), Володя несколько раз подчеркнул, что больше с ним в районе улицы Дыбенко — код «Дыб» — встречаться не будет. «Здесь удобно, безлюдно», — попытался воспротивиться я. Но он заверил, что новое место встречи тоже надежное. Мне показалось, что он что-то недоговаривал. Или боялся, что место раскрыто органами советской контрразведки».

А в шпионской инструкции уточнялось новое условное место «Роща» — близ входа на Даниловское кладбище. Место довольно пустынное и глухое. Следует заметить, что на этой встрече

американец еще раз «подкормил» своего агента, выделив на сей раз всего лишь 2000 рублей.

«У, жмот! — подумал продавец товара и внимательно посмотрел на своего покупателя. — Понимаю, товар не первой свежести, но хотя бы из-за перспектив моего использования не мелочились. А может, Володька сам приворовывает, как когда-то мой достопочтенный Кизяков. Все, кто связан с госденьгами, одним миром мазаны, — утаить, урвать, списать. Одним словом, надуть руководство. Американцы тем более — для них деньги не имеют никакой морали».

Разошлись быстро и незаметно, словно растворились в пространстве. Иванов отправился пешком до станции метро, а парочка вскочила в подошедший автобус. Прошло несколько минут — и уже ничего не напоминало о детективной встрече — «круги потухли, снова гладь воды зеркалит поднебесье», как говорил поэт.

Чтобы понять яснее причины и обстоятельства предательства молодого офицера, вернемся к службе Иванова в Болгарии в период «кизяковщины». Головокружительная карьера генерала Кизякова (вчерашнего выпускника института физкультуры) на военно-дипломатическом поприще за счет связей жены и тещи Александру была известна. Смердная обстановка того времени нет-нет да и напоминала о себе, будоражила сознание, рвала нервы. Ему казалось, что «кизяковщина» не ушла в прошлое, а «живет и побеждает» как в армии, так и в других институтах советской государственности.

Вот несколько строчек из материалов того времени, не вошедших из-за боязни «сердить гусей» в материалы уголовного дела в отношении зятя бывшего крупного партийного функционера.

«Кизяков, занимаясь преступным обменом в крупных размерах советской валюты на болгарскую в корыстных целях, неоднократно побуждал меня действовать в нарушение законов. Заставлял меня путем различных противоправных способов с использованием моей изобретательности закупать для него в

большом количестве дубленки. Порой мне казалось, что он хочет одеть в них всю Москву...

После очередного представительского приема благодаря моей экономии сохранилось 95 бутылок коньяка, водки и вина, много остродефицитных продуктов. Все это было отвезено на виллу Кизякова по его указанию, а затем беспардонно списано».

Или вот еще перл воспитательной работы. Однажды, зайдя в кабинет к шефу, Иванов представился:

— Товарищ генерал, разрешите доложить о плановой встрече?

— У тебя что — дырка в памяти?

— Все нормально... я прибыл по вашему вчерашнему приказанию доложить служебный вопрос, а вы меня встречаете оскорблениями.

В ответ, отбросив карандаш в сторону и налившись кровью, тот стал визгливо, почти с женской истерией кричать. Он обвинил офицера, что тот уже неделю не может приобрести для него обувной крем и ему приходится ходить в нечищенных туфлях.

— Товарищ генерал, светло-коричневого крема я не нашел в магазинах, — попытался оправдаться подчиненный.

— Вон из кабинета, бездельник! — заорал в новом порыве ярости Кизяков...

Видя необузданность характера и непредсказуемость поступков военного атташе, офицеры стали ловчить, обманывать дилетанта, заботящегося не о службе, а о своем благе за счет государственных средств. Он обманывал Центр фиктивными документами, прикрывая финансовые злоупотребления.

— Гниение империи начинается с головы, — как-то заметил его друг капитан Воробьев. — Этот придурок чувствует на себе защиту Москвы. Там же идет настоящая агония власти. Дряхлеющий генсек и его прихлебатели словно забыли о людях, об армии, о государстве. Они упиваются только властью. Это страшно. Мы так можем страну потерять. «Кизяковщина» охватывает страну своими щупальцами, а законы молчат, не действуют, а если действуют, то только избирательно — находят стрелочников, а крупных воров прокуроры не трогают.

Ни в коей мере не оправдывая предательства Иванова, Стороженко потом придет к выводу, что на этот трагический шаг молодого офицера толкнул помимо субъективных черт характера и деформированный социальный фон, созданный прогнившей партноменклатурой в центре и на местах. Но только не рядовыми коммунистами, которые, как говорилось раньше, вместе «с блоком беспартийных» сделали страну сверхдержавой.

Часто в кабинете, оставшись один, Николай прокручивал версии. Вот и сейчас он получил информацию, что Иванов активно ведет себя на партсобраниях, служебные вопросы решает четко, дисциплинирован при решении информационных задач. В то же время от агентуры поступали данные о его широких вне-служебных связях, в которых предстояло еще разбираться.

Начальник 1-го отдела 3-го управления КГБ полковник М. Кудряшов на оперативном совещании заслушивал руководителей отделений. После его завершения он предложил задержаться начальнику второго отделения подполковнику В. Кондратову.

— Владимир Петрович, а теперь поговорим о нашем общем знакомом. Вы захватили материалы?

— Да, вот папка. Последние документы все свежие.

— Ну, тогда прошу, доложите.

— Старший лейтенант Иванов, — начал Кондратов, — прибыл на объект с приличной «компррой»: злоупотреблял спиртным. Имел неразборчивые связи с женщинами, мягко говоря, легкого поведения. В последнее время живет не по средствам. Нередко приезжает на службу на такси, часто посещает рестораны, питается с рынка и при всем этом платит бывшей супруге алименты. Через несколько дней собирается вылететь в Ялту на десятидневный отдых с собутыльником, который нами установлен. Позавчера устроил грандиозную попойку в ресторане «Союз», где расплачивался сам...

Руководитель отдела слушал Кондратова — опытного профессионала, с мнением которого считалось даже руководство Управления. Он знал: у подчиненного тонкая оперативная интуиция и мертвая хватка в деле.

— Говорите, большие деньги водятся? Где же он мог добыть? Болгарские деньги уже давно просадил. Не исключено,

что уже работает на супостата. Что ж, будем искать истину. Деньги — интересный признак в данной ситуации. Если мы узнаем хотя бы приблизительную сумму трат в Ялте, то можно будет работать продуктивно.

— Я уже дал команду Стороженко на получение более глубоких документальных материалов о его поведении как на службе, так и в быту, — ответил Кондратов.

— Сейчас работать надо тонко. Не спугните... Он осторожничает — инстинкт самосохранения включил на полную катушку. Надо ответить на главный вопрос: откуда деньги и не сопрягаются ли они с американской разведкой? Если это так, то встречается с американцами лично, и те подкармливают его деньгами. Вот он на эти сребреники, вероятно, и жирует.

— К важному товару этот продавец не в состоянии подбаться. Мы все каналы перекрыли, — успокоил Кудряшова начальник отделения.

— Владимир Петрович, это не ответ профессионала. Если захочет, он найдет нужный товар в вашей конторе. Ставку сделайте на Ялту, — заметил Михаил Петрович. — Срочно ориентируйте тамошних чекистов с целью организации постоянного наружного наблюдения за «Каином».

— Прошу вашего разрешения отправить подполковника Ковалова для координации действий с территориальными органами КГБ в Ялте и местным особым отделом. Стороженко нельзя посылать, «Каин» его знает в лицо.

— Согласен... Только тщательно проинструктируйте работника.

— Обязательно. У него будут большие полномочия с постоянным поступлением к нам свежей информации из первых рук.

Долго еще сидели два оперативника за большим столом, выдвигая деловые версии, внося коррективы в намеченные агентурно-оперативные мероприятия.

— Надо, надо искать вещественные доказательства о его вероятной причастности к шпионской деятельности. Когда они будут у нас, тогда можно думать о реализации дела, — напутствовал Кудряшов подчиненного. — Действуйте только в рамках закона и нормативной базы, чисто, а прав у нас достаточно...

Ялта встретила Иванова с другом Ибрагимом Исламбековым ласковым крымским солнцем и ленивыми толпами отдыхающих. Приехали «дикарями» — долго квартиру искать не пришлось. Старушка с превеликим удовольствием согласилась сдать комнату двум молодым людям, обещавшим деньгами ее не обидеть.

С первого же дня «Каин» включился в обычный марафон курортных развлечений. Легко и быстро сходил с дамами, проводя с ними время на пляжах, в ресторанах и постелях. Деньги не жалел — сорил ими налево и направо. За семь дней пребывания в Ялте промотал около 8000 рублей, что по тем временам было фантастической суммой. Двадцатипятирублевой купюрой расплатился с таксистом за трехрублевый показатель счетчика и отказывался брать сдачу. За пакет черешен, стоимостью в червонец, давал опять-таки 25 рублей. Это только два зафиксированных случая, а их, по всей вероятности, было значительно больше. Гулял, как говорится, на широкую ногу.

— Ибрагим, ты чего приуныл? Делай, как я. За десять дней мы должны отдохнуть «номенклатурно». Считай комнату бабки дачей на весь период нашей оттяжки в Городе Солнца. Свобода действий — вот божественная потребность настоящего человека. Она у нас в наличии, и мы должны ее использовать на полную катушку, — подбадривал раскисшего собутыльника Александр.

А приуныл Ибрагим не оттого, что ему не импонировал Крым. Невесело у него было на душе — его мучила, сверлила, ломала одна тяжелая мысль: как бы избавиться от «благородной болезни», подхваченной в столице и заявляющей все ярче и зловеще тревожащими симптомами здесь, в Ялте. Этого Иванов не знал, как и не знали те горячие дамы — объекты внимания Ибрагима, которым предстояло в скором времени обращаться в соответствующие диспансеры.

Расчет чекистов полностью оправдался. В ходе контрразведывательной операции под кодовым названием «Кипарис» в отношении фигуранта дела удалось получить неопровержимые до-

казательства наличия у него больших сумм денег. Осталось раскрыть источник их появления.

По прилете в Москву «Каин» был взят в плотное и глубокое изучение, показавшее ведение им двойной игры: на службе — степенность и послушание, в быту — необузданность и разгульность. Думал ли он об опасности попасть в поле зрения контрразведчиков? Да! Основание — постоянные проверки.

Так, в метро на станции «Баррикадная» он продемонстрировал классический способ отрыва от «наружки». Войдя в вагон в числе первых пассажиров, он сразу же прижал ногой половину двери, а когда они стали закрываться, то ужом проскользнул на перрон станции. В другом случае, мчась на автомашине подруги с приличной скоростью по Ленинградскому шоссе, он неожиданно рискованно бросил машину круто влево и, влетев на полосу встречного движения, быстро развернулся и помчался в обратном направлении.

Тогда ему померещилась слежка, поэтому он внимательно наблюдал за перестроениями других машин. Страху свойственно преувеличивать истинное значение факта, а поэтому страх опасности страшней самой опасности. Успокоился, когда убедился в полном отсутствии «опеки». После таких «художеств» оперативники решили вести круглосуточное наблюдение за Ивановым.

Такое решение было принято на совещании в кабинете у начальника отдела и оказалось оправданным. 6 октября 1981 года военные контрразведчики установили, что «Каин» поставил метку на стене дома № 13 по Ленинскому проспекту у стенда газеты «Правда». Сигнал о вероятно готовящейся встрече Иванова с иностранным разведчиком был нанесен губной помадой вишневого цвета.

Прохаживаясь после работы, он как бы случайно зашел к брату — сотруднику КГБ. На самом деле Александр хотел выудить у него хоть что-то для своей «корзины». Но несолоно хлебавши вынужден был удалиться, прихватив пенал с губной помадой. Объяснил просто — подарить знакомой женщине на день рождения. Родственник, конечно, не догадывался, что перед ним уже агент американской разведки, которому было наплевать на судьбу брата.

Попрощавшись с братом и его женой, «Каин» быстро нырнул в метро. Несколько раз проверялся и вышел с противоположной стороны станции. Сел в автобус и проехал две остановки. Затем проследовал пешком по Ленинскому проспекту. Дойдя до многоэтажки и поравнявшись с газетной витриной, слева от нее на уровне груди незаметно начертил овал величиной в солидный огурец. Осмотрелся и тут же удалился. На такси быстро добрался до дома. Несколько раз прошелся по двору — проверялся.

Усиленное наблюдение за местом постановки метки — сигнала показало, что проезжавший по этой трассе утром американский дипломат-разведчик «снял» визуальный поставленный знак. Все факты говорили о том, что готовится очередная операция по связи: личная встреча или закладка-выемка тайника.

Дальнейшая работа показала, что на следующий день «Каин» провел очередную встречу с Володией в условленном месте «Роцца». Не зная, естественно, места встречи и боясь расконспирации, наружная разведка дала ему возможность «оторваться» от «хвоста». В тот день он проверялся особенно тщательно.

К концу 1981 года оперативникам стало окончательно ясно, что в ГРУ действует «крот». Это подтвердило и письмо из потерянного кейса, которое поступило в КГБ из милиции. Экспертиза показала, что послание исполнено рукой Иванова. Встал вопрос о задержании его с поличным вместе с дипломатом-разведчиком. Очередная встреча могла быть последней для «Каина» и Макмэхена, но судьба распорядилась иначе.

Дело в том, что вскоре командование приняло твердое решение убрать Иванова из центрального аппарата ГРУ из-за злоупотребления спиртным и нарушений служебной дисциплины в последнее время. Инициатива, как считал сам Иванов, исходила из политотдела и от бывшего тестя. Окольными путями он узнал, что его хотят направить в одну из частей в поселок Яковлевка Дальневосточного военного округа. Однако ему еще не верилось, что придется скоро расстаться с Москвой, закрепиться в которой стоило огромных усилий. Благодаря двум зарплатам,

получаемым от ГРУ и ЦРУ, жилось безбедно. Он рассчитался с долгами. В его окружении появилась любимая женщина.

Именно в этот период «Каин» вошел в пик предательской деятельности: он буквально «шакалил», собирая любой информационный мусор и передавая его американцам. Важных материалов он уже выудить не мог, находясь под «колпаком» органов госбезопасности.

Через несколько дней начальник направления сообщил, что ему предстоит новое место службы. «Неужели подозревают или узнали о связях с американцами? Не может быть!.. Иначе загремел бы в Лефортово. Вся вонь идет из политотдела и от тестя. Вот суки, никак не успокоятся», — скривился в гримасе Александр.

На очередной личной встрече с Макмэхеном «Каин» доложил о готовящемся переводе его на Дальний Восток. Американец выслушал сообщение без особой радости, так как прекрасно понимал, что руководством резидентуры тут же для него будет поставлена задача поиска нового источника информации.

— Саша, мне твое заявление никак не прибавило спокойствия. Скорее огорчило. Мы же сработались, стали понимать друг друга с полуслова. Сегодня придется «убить» таким известием шефа, — быстро заговорил Володя. — Встретимся через неделю здесь же. Я тебе кое-что принесу. От фотоаппарата надо срочно избавиться. Лучше всего выброси его в какой-нибудь водоем, естественно, без свидетелей. Расскажи подробно, как и почему тебе неожиданно предложили поменять место службы, — поинтересовался разведчик.

Иванов без утайки объяснил сложившуюся ситуацию. Макмэхен поверил словам своего агента. На этом и разошлись, предварительно договорившись об очередном месте встречи.

Неделя прошла быстро: сборы в дальнюю дорогу, снятие с партийного учета, сдача дел новому работнику и уйма других забот в быту, не менее важных, чем служебные. И вот прощальная встреча агента с разведчиком. Володя находился, казалось, в хорошем настроении — шутил, призывал офицера не расстраи-

ваться, не паниковать, взять себя в руки и сделать все возможное, чтобы со временем вернуться в Москву. Он передал «Кайну» план связи путем личных встреч и через тайник «Гараж» (план связи был исполнен на специальной пленке и закамуфлирован в корпус шариковой авторучки), инструкцию с рекомендациями, шифровальный блокнот и 1000 рублей.

На этой встрече договорились о продолжении сотрудничества и оценили возможность получения гражданства США при условии активной работы. Макмэхен скороговоркой назвал какую-то сумму в долларах, якобы лежащих на счету Иванова в одном из банков Швейцарии. Переспрашивать агент постеснялся. В конце беседы Макиэхен еще раз напомнил о секретной информации, которая ему нужна.

— Нас интересует информация политического и военного характера. Особенно данные о Ракетных войсках стратегического назначения, местах дислокации, способах маскировки средств ядерного нападения. Нам важно знать о лицах в США, работающих на советскую разведку, сведениях, получаемых из Штатов разведками КГБ и ГРУ Генштаба, планах советского руководства в отношении Польши, причинах провала агента ЦРУ в МИДе СССР Огородника и помощника военного атташе посольства США в Москве майора Холбрука. Да, чуть было не забыл, — интересно было бы получить телефонные справочники Министерства обороны СССР, любые материалы по космической разведке.

Что же касается Яковлевки, то мы бы хотели иметь материалы по Китаю. Они там должны быть. Если встретитесь с какими-нибудь данными на перелетевшего в Японию летчика Беленко, будем рады их получить. Кстати, хотелось бы знать причины провала вашего коллеги Филатова... Когда приедете в часть, сразу настраивайтесь на сбор и хранение, естественно, конспиративное, таких материалов: чем конкретно занимается ваша часть, кому подчиняется, сколько в ней личного состава, чем вооружена, характеристики боевой техники и частоты радиосредств. В первый же приезд в Москву, поставив метку, согласно новому плану связи, выйдите на встречу с нами...

«Неужели американцы ничего не знают о Яковлевке? Скорее

всего будут перепроверять меня, да и свои сведения не прочь таким образом обновить. Понятно, я им здесь нужен, в Генштабе, а заинтересованность в яковлевском периоде моей службы понятна: бояться потерять меня — видать, нужен!» — размышлял шпион.

Разошлись на этот раз надолго. После беседы стало еще тревожней на душе, в которой гнездились нехорошее предчувствие, нарастающее снежным комом с каждым часом. Возвращался Александр опустошенный. Дома его никто не ждал. С друзьями-собутыльниками встречаться не хотелось, мимолетных красавиц приглашать не желал. Такси долго не попадалось. Он вскочил в троллейбус и покатил в холостяцкое, холодное жилище. Грели только сребреники, переданные «новыми друзьями». Предстояли нехитрые сборы. Завтра он пойдет приобретать билеты на поезд...

Когда чекисты узнали о переводе Иванова на Дальний Восток, то приняли решение задержать «Каина» в вагоне поезда. Для этой цели уже готовилась оперативная группа, на которую возлагалась задача конспиративного ареста шпиона в районе Рязани. Цель — избавить американцев от испуга и «поиграть» с ними. Радетели благополучия своего агента могли негласно его «проводить».

У оперативников к тому времени уже имелись неопровержимые доказательства причастности офицера к агентуре ЦРУ. Ставка делалась на то, чтобы заполучить улики в виде шпионской экипировки.

Однако к вечеру оперативная обстановка изменилась. По докладу бригады наружной разведки «Каин» в районе метрополитана выбросил в Москву-реку какой-то предмет размером примерно 150х70 мм. Проверившись, он быстро удалился по направлению оставленной недалеко машины, взятой напрокат у подруги. Выходило, что он, возможно, срочно избавляется от улик, что встревожило не на шутку контрразведчиков. Как потом выяснилось, таким образом, он избавился от «Минокса» и кассет к мини-фотоаппарату.

Другим важным обстоятельством, потребовавшим срочного внесения коррективов в план операции по задержанию шпиона, явились его непредсказуемые действия. В последний момент он решил лететь самолетом, чтобы выкроить пару дней для исполнения «лебединой песни» в Москве.

«Что это, замечание следов или предчувствие катастрофы?» — подумал Кудряшов, рассматривая план действий на случай вылета подозреваемого самолетом. Оба плана были отработаны до тонкости и могли быть легко реализованы при любом варианте действий «Каина», не сдавшего в кассу железнодорожного билета.

«Агент чего-то опасается и пытается скрыться незамеченным из Москвы, — подумал Стороженко. — Наверное, шпионская экипировка при нем. Всю не выбросил».

Заместитель начальника отдела полковник А. Моляков предложил смелое решение: арест «Каина» произвести в аэропорту до посадки в самолет с тщательным досмотром его вещей и личным обыском. Он верил — интуиция профессионала подсказывала: шпионские улики будут при агенте.

Два резервных дня Иванов провел в обществе милой женщины, которой всецело верил. С нею он мог говорить на любые темы, кроме той запретной и опасной для нее...

Утром 2 ноября 1981 года он выехал на такси в аэропорт. Машина проскочила часть Кольцевой дороги. По обочинам шелестели деревья с чуть держащимися на полуголых ветвях ржавыми листьями. Они словно бабочки летели прямо по курсу машины, ударялись о ветровое стекло и уходили затем в причудливых виражах под колеса.

От выпитого вчера у Иванова шумело в голове. Но приятные воспоминания прошедшей ночи создавали душевный комфорт, появлялась словоохотливость. Он стал беседовать с водителем на пустяковые темы... Вот и аэропорт!

При регистрации билета возникли какие-то «сложности» с его оформлением. Дежурный администратор предложил утрясти вопрос у военного коменданта, где Иванов и был задержан

оперативной группой. В ходе личного обыска удалось обнаружить две подозрительные авторучки. В корпусе одной из ручек находилась свернутая специальная пленка с подробным описанием операций по связи на период службы в ДВО и во время возможных приездов в Москву. Корпус второй ручки был предназначен для нанесения тайнописных текстов.

Шпион не сопротивлялся. Единственное, что он сказал:

— Сегодня я чертовски устал. Я сейчас не в форме, поэтому никаких показаний давать не буду. Поговорим завтра. Заявлений и протестов делать не собираюсь. Все вы сделали профессионально. Дайте мне отдохнуть.

После этого он еще больше погрузился в кресло, словно надеялся отдохнуть именно в нем, и закрыл уставшие, красные глаза...

Негласное задержание «Каина» диктовалось необходимостью проведения оперативной игры с американской разведкой. И действительно, сотрудники ЦРУ в Москве в течение почти года «питались» информацией своего агента, «приезжавшего» в командировки с Дальнего Востока в столицу.

Военные контрразведчики снабжали янки «добротной» информацией, получая за нее еще и деньги. Агент «работал» активно — ему верили.

Примером тому может служить одна из операций, проведенная 3 марта 1982 года. Известив поставленной меткой, согласно плану по связи, своих хозяев о «прибытии» в Москву, агент вышел на встречу в условленное место. Он надеялся встретиться с Володей — Макмэхеном. Однако по указанию резидента ЦРУ на встречу был направлен второй секретарь экономического отдела посольства, установленный чекистами американский разведчик Джозеф Макдональд.

Накануне операции американец специально мельтешил перед охраной посольства в светлом плаще и серой кепке. В этом же одеянии он выехал на машине в город на встречу с «советским другом».

В 20.30, держа в левой руке свернутую в трубочку газету —

это был условный сигнал, — Иванов стоял недалеко от входа на Даниловское кладбище. Он ждал Володю, все время озираясь по сторонам. В сгущающихся сумерках он пытался в прохожих разглядеть знакомую фигуру своего патрона. Однако к агенту подошел не Володя. Это был незнакомый мужчина, выше среднего роста, в темном пальто и черной меховой шапке из кролика, с белой полиэтиленовой сумкой в руке.

— Вы друг Володи? — обратился он к Александру.

— Да, и прошу передать ему привет, — ответил на пароль отзывом агент.

— Меня зовут Алик, — представился незнакомец, внимательно разглядывая своего помощника.

Иванову показалось, что американец нервничает и чего-то остерегается. Он постоянно крутил головой, по-воровски озираясь по сторонам и уводя своего агента в глубину темной аллеи. Там начался буквально вопросный прессинг: когда приехал, что привез, как служится...

Беседу записывал на диктофон, который после опроса спрята- л во внутренний карман пальто. Из бокового кармана он достал авторучку и передал ее Александру.

— Здесь новый план связи, новые задания по сбору информации, — на лету спешно растолковывал предназначение «хитро- го самописца». Потом он снова вытащил диктофон и стал записывать дополнительные ответы. Когда же агент напомнил обещание передать ему 10 000 рублей, Алик выключил диктофон и опять положил его в карман, а Александру вручил пакет с деньгами.

— Сколько тут? — спросил агент.

— Столько, сколько просил, — последовал ответ.

— Ну, спасибо, а то я совсем на мели. Поиздержался — долги, покупки, цены кусаются на Дальнем Востоке. Передайте привет Володе.

— Вы нам здесь нужнее, особенно сейчас и завтра...

В кабинете следователя Иванов пересчитал деньги — 2000 рублей?

«Что это, вместо десяти тысяч целковых передал только

две? Забывчивость или прикармливание? Не случайно же Макдональд не называл в беседе цифру, уклонялся от разговора на эту тему и прятал диктофон, когда заходил разговор о финансах, — рассуждал подследственный. — Явно обманул он свое начальство. Оказывается, крохоборы и у них есть».

Передав через Макдональда агенту шпионские инструкции, американцы невольно «позаботились» о профессиональной подготовке не столько своего помощника, сколько военных контрразведчиков, — естественно, не зная, что тот уже под чекистским «колпаком».

Вот что было написано в инструкции для пользования авторучкой:

«Внешне авторучка ничем не отличается от обычной, и ею можно писать, как любой другой. Для нанесения тайнописи необходимо убрать вовнутрь пишущий стержень, а концом корпуса наносить тайнописный текст на листах чистой бумаги или полях книги. Писать следует только на бумаге хорошего качества. В случае сильного давления могут появиться коричневые следы...»

...В ожидании уголовного процесса Иванов часто предавался философским рассуждениям. Он считал свой суд над собой, несомненно, выше державного.

Обиды на чекистов он не таил. Пройдет еще несколько месяцев — и в 1982 году в зале заседания Военной коллегии Верховного суда СССР он скажет, что глубина его падения велика, но она была бы неизмеримо большей, если бы военные контрразведчики на ранней стадии не пресекли зло, не остановили его падения в пропасть.

Трудно было понять, чего было больше в таком неожиданном пассаже: искренности на исходе душевной разрядки или скрытности в тактике самообороны.

Вместе с тем как человеку, работавшему по этому делу, анализировавшему материалы падения незадачливого «бизнесмена от секретов», Стороженко было жалко, в хорошем понимании этого слова, сломанной судьбы молодого, способного, но, к сожалению, избалованного человека.

Самое главное в рассуждениях Иванова — то, что вину за

случившееся он взял полностью на себя. Значит, прозрел и покаялся!

Позади молодой жизни остался кошмар плавания по морю Предательства, впереди текла река Искупления, по которой ему надо будет плыть. Упавший, да сумеет подняться, чтобы идти дальше!

Но пришлось Александру снова падать — авантюрную натуру не переделаешь. После освобождения из заключения он некоторое время поработал на хлебном месте в ЗАО «Мемориал», а потом вымолил американцев, чтобы его приняли «по заслугам» в США. Так он оказался на новой родине. Но денег, оказывается, и там ему не хватало, и он решил ограбить банк. Его задержали, судили и дали срок — 15 лет. Сейчас он отбывает наказание. Но вот еще один штришок в его автобиографии. В начале 2008 года в США вылетала со съемочной группой корреспондент и продюсер программы «Русские сенсации» Оксана Матвеева. Она посетила музей шпионажа и хотела взять интервью у Олега Калугина, но тот скрылся. А с Александром Ивановым — нашим «Каином» помогли связаться по телефону. На просьбу поговорить с русским сидельцем директор тюрьмы дал «добро». Она позвонила зэку Иванову.

— Я дам вам интервью, только за деньги, — ответил бывший шпион, а теперь гангстер.

— Тогда сколько я вам должна заплатить?

— 17 000 евро, — последовал ответ казенного человека.

Интервью не состоялось...

Глава 12

Крушение планов «Сома»

Майская ночь выдалась душной. Соловьиные трели полнили слух. Казалось, чернильная мгла пропитана песнями птиц. Один перещелк накладывался на другой. Звуки неслись со всех сторон, создавая музыку весеннего леса.

Подполковник Сметанин с женой, молодой и статной, вместе с друзьями отдыхали на природе. Бренчала гитара. Горел костерок, бросавший оранжевые сполохи на светло-зеленый скат па-

латки. Когда гитарист умолкал, сразу же усиливался соловьиный натиск, так благотворно действующий на настроение человека.

— Как хорошо здесь! Приволье, свежесть, — промолвила Светлана, обращаясь к мужу.

— Нет, за границей лучше. Вспомни Францию: как там жилось! Разве под Парижем были хуже места! — парировал Геннадий.

Так получилось, что они незаметно отделились от компании, сидели в стороне и наслаждались звездами, осыпавшими небосвод сплошным искристым конфетти. Соловьи не унимались...

Предстояла вторая заграничная командировка офицеру. Теперь он направлялся по линии ГРУ Генштаба помощником военного атташе посольства СССР в Португалию.

В Главное разведывательное управление Сметанин Геннадий Александрович был направлен в 1971 году сразу после окончания Киевского высшего общевойскового училища. Услужливый характер молодого офицера заметил начальник политотдела и взял его в порученцы. Мальчиком на побегушках он пробыл несколько лет. За период «ответственной» службы у него появился горор, леность, завышенные претензии на выезд за границу. Считая себя выше сослуживцев по интеллекту, он делал все возможное и невозможное, чтобы начальник узнал о его сокровенном желании. А в том, что со временем он поедет за границу, был больше чем уверен — патрон поможет, стоит только заикнуться.

Однажды — это было еще накануне первой загранкомандировки — генерал сам завел разговор на тему поездки за кордон, упрекнув его, Сметанина, за холостяцкий образ жизни и нетипичное поведение офицера военной разведки, серьезно думающего о завтрашнем дне.

— Дорогой, в заграничные командировки мы посылаем только семейных, так что скорей обзаведись супружницей, но не спеши, не бери первую попавшуюся — семья должна быть крепкой, — подсказал как-то ему начальник политотдела.

Когда вероятность поездки за границу появилась на горизонте, Сметанин срочно женился на вчерашней десятикласснице. Она была намного моложе супруга, но разница в возрасте

нисколько не смущала Геннадия. Вскоре молодая чета убыла в первую длительную заграничную командировку во Францию. Начальник сдержал слово!

Таким образом, у военного атташе в Париже появился соглядатай из политотдела ГРУ. Поэтому с первых дней пребывания Сметанина в аппарате военного атташе его начальник держал подчиненного на определенной дистанции, редко пользовался услугами как переводчика, тем более что сам сносно знал французский язык. Сметанин почувствовал настороженность руководителя, но воспринял это как свою, пусть небольшую, «номенклатурную силу».

«Ничего, я его заставлю со мной считаться», — часто повторял про себя этот пострел, который успел прикоснуться к партийным органам, упиваясь мыслями о всемогуществе московского патрона.

Командировка во Франции с 1974 по 1977 год в личном плане прошла благополучно. Семья приоделась, приобрела трехкомнатную кооперативную квартиру, автомобиль «Жигули» последней марки, пополнила и освежила интерьеры комнат.

Приезжая в отпуск, Сметанин привозил дорогостоящие подарки своему покровителю. Начальник «сувениры» брал, но при этом наигранно возмущался, хитрил, как лиса:

— Геннадий Александрович! Ну, зачем вы тратитесь? Мне совестно принимать от вас такие вещи.

— Пустяки, Петр Григорьевич, — лукаво отвечал подчиненный, — там стоит это все копейки. Я же получаю сейчас прилично. Спасибо вам.

В разряд сувениров входили столовые наборы, радиоаппаратура, одежда, книги, письменные принадлежности и прочее.

По возвращении Сметанина из командировки начальник политотдела пригласил его с женой к себе домой. Расчет хозяина был тонок — подчиненный не трудоустроен, значит, не будет скупиться на дорогие подарки. Тем более он мечтает продолжить службу не где-нибудь, а в центральном аппарате.

Гости явились с двумя тяжелыми и объемными сумками. На

скромном столике, который сервировала жена генерала, вдруг появились виски, французский коньяк и вина. Сели, выпили, закусили. Захмелевшая компания зашумела, стали обниматься, клясться друг перед другом в «вечной дружбе». Генерал пообещал найти приличное место для «дальнейшего профессионального роста перспективного офицера».

Вечер прошел для Сметанина, как он потом признался жене, на все пять баллов. Геннадий, хищник по натуре, понял нутром, что теперь шеф у него в руках. И действительно, даже жена генерала, просмотрев содержимое дарованных коробок и пакетов, заявила мужу, что Геннадия надо поддержать.

Не без помощи всемогущего покровителя майор Сметанин попадает на участок стратегической разведки европейского региона. Он быстро сообразил, что это подразделение является своеобразным трамплином для очередной командировки в одну из центральноевропейских стран. Прогноз вскоре оправдался. Сметанин неожиданно для его новых непосредственных руководителей попадает в число первых кандидатов на поездку в качестве помощника военного атташе в Португалию. Поднявшийся поначалу ропот среди сослуживцев, недовольных незаслуженным поощрением очередного «перекати-поля», быстро затих. Через несколько месяцев, как и ожидалось, семья Сметаниных отправилась в очередной командировочный вояж за границу...

А тем временем на стол Стороженко легла обобщенная аналитическая справка на Сметанина. Ее подготовил оперативник, отвечающий за безопасность европейского участка ГРУ.

— Почему же вы не доложили эти материалы по Сметанину мне до его отъезда за границу? — спросил Николай Семенович.

— Материал получен от человека, возвратившегося недавно из госпиталя. Это был единственный офицер, которого подпускал к себе Сметанин.

— Надо поправлять положение. Изучайте тщательно обстановку вокруг этого подозрительного субъекта. Завтра подготовьте и доложите ваши предложения с учетом новых данных, полученных из-за рубежа от наших коллег.

Дней через десять после этого разговора «по душам» подчиненный доложил Стороженко, что жена Сметанина обратилась к своей матери с просьбой продать мебельные гарнитуры из их спальни, кухни, прихожей, а также недавно купленную автомашину «ВАЗ» шестой модели. Женщина устроила настоящие торги.

В ходе дальнейшей проверки Сметанина военные контрразведчики узнали кое-какие подробности. Выяснилось, что нажитые вещи по не объясненным пока причинам продавались в спешке, причем по смехотворно низким ценам. Свои действия супруги объясняли в письмах родственникам легкостью приобретения более модной хозяйственной утвари за границей и желанием обновить интерьер квартиры и свой гардероб. Упор делался на наличие приличных сумм в инвалюте, заработанных в Португалии.

Жена Сметанина стала усиленно изучать английский язык, который в стране пребывания никогда не был ходовым. И еще — она вдруг перешла на нижеоплачиваемую работу в посольство, — новая должность открывала ей доступ к режимной информации.

В одном письме она попросила мать срочно прислать в Лиссабон все семейные дубликаты: мужа, свои и дочери. И это в страну, где ртутный столбик не опускается ниже тринадцати градусов!

Кроме того, скоро оперативником была составлена справка об итогах углубленного агентурного изучения Сметанина как в быту, так и на службе. В материалах отмечались элементы его повышенной конфликтности в коллективе, заносчивости, недовольственности служебным положением и занимаемой должностью...

Через некоторое время по прибытии в Португалию Сметанин обратился к резиденту ГРУ с просьбой:

— Товарищ полковник, я хотел бы получить разрешение тренироваться на частных кортах. Там часто бывают представители других посольств, в том числе и США. Можно было бы выйти на интересные связи.

Атташе внимательно выслушал соображения офицера, заинтересовался его спортивной формой, задумками о способах установления связей и предупредил:

— Разрешаю, только смотрите, не поддавайтесь нашим соперникам. Будьте осторожны, там играют профессионалы-разведчики, они искусно обращаются не только с теннисными мячами, но хорошо играют и в другие известные вам игры. Помните о том, что вам сразу же будет брошен крючок с наживкой. Потом доложите о своих первых впечатлениях.

Если бы знал руководитель, что в голове у Сметанина уже созрел план предательства, что выходы на тренировки в теннис ему нужны как удобная ширма для прикрытия будущих встреч с американцами, а в личный блокнот он заложил к тому времени огромный объем уже собранной секретной информации. Не ведал резидент и о том, что Сметанин собирается на основе этих материалов написать книгу и издать ее в США, — конечно же, за «зеленые».

В голове Геннадия вызрел дерзновенный план личного обогащения: заинтриговать представителей американских спецслужб в Лиссабоне принадлежностью к советской военной разведке, используя для приманки некоторые секреты и посольские сплетни, а затем разыграть роль проигравшегося в рулетку. После чего запросить с янки тысяч триста долларов якобы для покрытия образовавшейся недостачи в оперативной кассе, откуда им будто бы были взяты деньги.

Во время очередного посещения теннисного корта Сметанин вышел со своим предложением на военного атташе США в Португалии полковника Нортон, который тоже занимался игрой в теннис, подыскивая способных «спарринг-партнеров». Американец вначале не поверил удаче, неожиданно обрушившейся на него, — подполковник советской военной разведки, имеющий на связи агентуру из числа местных граждан и иностранцев, вдруг предлагает свои услуги!

Договорились предметно обсудить эти вопросы у него на вилле, куда Сметанин пришел на следующий день. Там он и рассказал американцам свою байку: дескать, проигрался и задолжал 265 тысяч долларов.

— Господин Сметанин, я понимаю вас, — обратился Джон Нортон к советскому офицеру, — но вы должны войти и в мое положение. Сумма, запрашиваемая вами, достаточно велика, и ее выдачу мне надо согласовать с Центром — при одном условии, если товар в дальнейшем окажется качественным, нужным нам. Кроме всего прочего, нужен аванс. Вы, я думаю, поняли какой?

— Вас не постигнут разочарования, — почти торжественно ответил подполковник.

Качество товара высоко оценил представитель ЦРУ, как только Сметанин назвал часть того, чем он располагал. «Слив» материала серьезно заинтриговал янки. Договорились встретиться через неделю на этой же вилле.

Ровно через семь дней он снова навестил Нортон, который сразу же пригласил его в соседнюю комнату. Предатель опешил: в ней находилось двое неизвестных, сидевших за небольшим столиком с какой-то аппаратурой.

— Господин Сметанин, — начал высокопарно Джон, — перед вами мои коллеги, опытные специалисты своего дела. То, что вы военный разведчик, нам известно, но пока не ясна ваша искренность. Поэтому, прежде чем вручить вам доллары, мы должны вас проверить на полиграфе. Надеюсь, слышали о таком агрегате?

— Да! Его у нас в Союзе называют «детектором лжи».

— Вы согласны принять наши условия?

— Согласен. А чего мне бояться?! Я вам рассказал правдиво о том, кто я и что знаю, — ответил советский офицер и внимательно посмотрел на незнакомцев, которых Нортон по имени так и не представил.

— В таком случае садитесь в кресло у столика, — американец указал на специально оборудованный уголок с аппаратурой, от которой разноцветными щупальцами расходились провода.

Так началась проверка россиянина на шпионскую благонадежность. Ответы требовались мгновенные и короткие. Вопросов было около 30 — ясных, четких, подготовленных опытными

психологами. Боковым зрением он улавливал сосредоточенные взгляды согладатаев, двух американцев, которые изучали мимику — движения лица, выражающие внутреннее душевное состояние. Вопросы задавал Джон. Он же следил за показателями на мониторе. Вопросы были «разнокалиберными»: от установочных биографических данных и до подробностей проигрышей в рулетку и на других игровых автоматах. Вскоре поединок человека с электронной машиной завершился. Завершился победой первого — детектор не определил откровенную ложь проверяемого. В глазах Сметанина хваленый заморский аппарат психологических отгадок был окончательно посрамлен, и сделал это он, Геннадий. Ему казалось, что он держит уже бога за бороду.

— Да, эту чудо-машину действительно не обманешь, — словно в насмешку бросил испытуемый оглуленной и посрамленной троице.

— Она нас еще ни разу не подводила, — процедил скупое Джон Нортона.

Когда процедура закончилась, он предложил Геннадию пройти в другую комнату. Там они были наедине. Американец открыл сейф, усадив предварительно «продавца товара» в кресло. Он достал туго перевязанный крест-накрест целлофановый пакет. Дрожащими руками протянул его Сметанину.

— Здесь двести шестьдесят пять тысяч долларов. Мы вас выручаем в тяжелую минуту. Америка ждет от вас самоотверженной отдачи.

— Постараюсь оправдать ваше доверие и вернуть в последующем долг. Я его отработаю по частям, — отчеканил подполковник — новоявленный «крот».

— Ну а теперь необходимо оформить передачу вам денег — напишите расписку в их получении.

Когда бумага была готова, Нортона внимательно прочитал ее и сразу же спрятал в коричневую кожаную папку с замком-«молнией». Обрадованный успехом, Сметанин поспешно уложил деньги в спортивную сумку. После этого американец объявил вновь обретенному агенту кличку «Сом», а затем продолжил пытаться дополнительную информацию о жизни посольства и двух резидентур — КГБ и ГРУ...

Все случившееся не обескуражило офицера. Заботило одно: как побольше денег выторговать за подготавливаемые для выдачи сотрудникам ЦРУ секреты. «Американцы будут получать от меня дозированную информацию. Какое-то время, — размышлял предатель, — подержу их на полуголодном пайке. Пусть знают, что добыча ее — дело трудоемкое, опасное, как у шахтеров уголек, а потому и стоит больших денег. А что касается информации, то ее у меня немало. Буду торговаться...»

Возвращался Сметанин в посольство, удовлетворенный «тренировкой» на теннисном корте. Войдя в квартиру (жены дома не было), он с наслаждением пересчитал пачки купюр, словно грелся возле них, и спрятал деньги в платяной шкаф. В голове промелькнул афоризм в оправдание своего поступка — считается, что любовь к деньгам — корень всех бед. То же можно сказать и про отсутствие денег. «Деньги, если они есть, — трава, если нет — голодная смерть. В конце концов, деньги не имеют никакой морали. Я их заработал и заработаю еще головой».

Затем он продумал объяснение, если жена их неожиданно обнаружит, — доллары служебные, взяты из оперативной кассы и предназначены для оплаты хорошо работающего агента-иностранца.

Прошло десять дней. Деньги он постоянно перепрятывал, но жена все-таки на них случайно наткнулась. Она потребовала честных объяснений. И супруг раскололся:

— Милая, я тебе давно хотел сказать, что у меня созрел дерзновенный план нового обустройства нашей жизни — остаться на Западе, не возвращаться в эту загнивающую Россию, где за любой труд платят одинаково — копейки. Мы в ней остались рабами, несмотря на 1861 год. 1917 год сделал селян рабами. Они жили без паспортов с единственным правом работать за копейки-трудодни на государство, считай на партийное чиновничество. Это было разве не советское рабство? А теперь, можно ли сравнить жизнь у нас и здесь?

— Но нам потом не будет так хорошо, как сейчас, — тяжело вздохнув, ответила жена.

— Вот ты и подошла к ответу на вопрос. Понимаешь, надо просто иметь деньги. Зарабатывать и зарабатывать капитал.

У нас должен быть на черный день фонд, пополняемый каждый раз. Каким образом мы будем зарабатывать — это другой вопрос. Любые проблемы решаются быстро, когда кошелек тяжелый. Я собираю материалы для книги, которую планирую издать через несколько месяцев после того, как мы останемся в свободном мире. Думаю, получу за нее немалый гонорар, причем в долларах. А пока, как ты догадалась, я кое-что отложил на тот черный день, о котором я тебе сказал раньше.

С этими словами он развернул пакет и в присутствии жены пересчитал «зеленые». Было ровно 265 000 долларов!

Светлана застыла каменным истуканом, и из ее груди вырвалось одно-единственное слово:

— Гена!!!

— Я работаю на ЦРУ, — расставил все точки над «i» супруг. — Будем считать эти деньги фундаментом нашего будущего дома. Получил я их от американцев.

— А они не фальшивые? — спросила супруга.

— Черт его знает, не проверял. Все, конечно, возможно, но не думаю, чтобы янки так низко пали.

— Надо проверить несколько купюр.

— Обязательно. Но есть опасность попасть в поле зрения местных спецслужб, а то и вляпаться в скандал с полицейским финалом, если вдруг они окажутся фальшаком.

Уверенность, которую демонстрировал Геннадий перед женой, гипнотически подействовала на женщину: она согласилась со всеми доводами мужа, возмечтавшего «обновить» жизнь.

Прошло не так уж много времени, и Сметанин, поддавшись уговорам Нортонa, отвез на конспиративную квартиру, расположенную в гостинице «Паласио душ Сатеанш», супругу, которую американцы тоже завербовали: она также дала подписку о сотрудничестве на добровольной основе. Закрепили вербовку молодой женщины получением от нее секретных материалов и вручением агенту в юбке золотой цепочки.

Дело в том, что, устроившись в консульский отдел советского посольства, Светлана Сметанина по заданию мужа копировала документы режимного характера. Именно эти материалы и передавались американцам.

В города Линда-а-Велья и Кашкайте Сметанин выезжал на своей машине, где и проходили его встречи с американскими разведчиками.

Встречаясь со своей агентурой, из числа местных граждан, Сметанин не опасался португальской контрразведки, так как весь свой негласный аппарат он уже «засветил» перед ЦРУ. Агентуру советской военной разведки из португальцев начали арестовывать. «Оборотень» в погонах — предатель же докладывал — это, дескать, результат некачественного их подбора предшественниками.

Взамен он предлагал подставленных американцами якобы своих кандидатов, по всей видимости, работавших вместе с португальскими спецслужбами. Они были «живучи», однако по вполне понятным причинам никакой серьезной информации не давали. На службе «Сом» использовал любую возможность по сбору информации для своих новых хозяев.

То из раскрытой рабочей тетради сослуживца, вышедшего «на минутку» из общей рабочей комнаты, выудит установочные данные на кандидата в агенты или доверенное лицо. То подсмотрит адрес конспиративной квартиры, то в результате бесед с коллегами получит сведения о тактико-технических характеристиках отдельных видов современного оружия и боевой техники. Многие ведь офицеры до работы в ГРУ служили в боевых частях.

С особым старанием он делал выписки из шифротелеграмм, а иногда в зависимости от их важности переписывал или ксерокопировал полностью. Подробно описывал места закладки тайников для агентуры из числа иностранцев. Одержимый страстью накопительства, он не останавливался ни на минуту в сборе секретной информации, боясь расслабиться и потерять навыки выживания секретов. Сметанин работал на «огромную» перспективу.

Супруга никогда ни в чем ему не возражала. Так было заведено с первых дней совместной жизни. Он подавлял жену своим авторитетом. В ее же сознании укоренилось примитивное понятие: муж — кормилец, а она — слуга, которая должна готовить, одевать, обтирывать, улаживать благоверного.

Возвращаться Сметанины в Союз для прощания с родственниками поначалу не планировали. И все же жена уговорила Геннадия съездить в отпуск: в одном из провинциальных городков России — в Татарстане — проживала его мать, которую он хотел давно навестить.

На очередной встрече с Джоном «Сом» сообщил о вероятной поездке на родину, на что американец заметил:

— Геннадий, если останешься в Москве и не вернешься в Португалию, всякое бывает в нашей службе, то ты должен знать, что и как делать. Я подготовлю тебе план операций по связи и кое-что из экипировки. Следи за обстановкой вокруг себя, ты едешь уже в новом качестве домой, будь бдителен. Контролируй и анализируй реакцию и действия начальства.

Договорились через неделю повидаться на конспиративной квартире. «Сом» был подготовлен к этой встрече как никогда: решил порадовать хозяина обширной секретной информацией, оставив у себя, как всегда, еще больше про запас. Он любил, как заправский спекулянт-ворюга, сплавлять товар порциями — оптом не продавал, боялся продешевить. В блокноте, который он в шутку называл «погребком», отмечал красным карандашом то, что уже продано американцам.

Нортон встретил «Сому» любезно, обнял его и усадил в кресло, а затем налил в рюмки виски.

— Геннадий, я тебе кое-что приготовил.

— Господин Нортон, — перебил его Сметанин, — начнем, если это можно, с моей просьбы.

— Готов выслушать.

— Дело в том, что скопившиеся деньги я не хочу оставлять в пустой квартире, поэтому пусть они полежат у вас до нашего возвращения. Конспирация — превыше всего!

С этими словами он достал из сумки и передал Джону пакет, перетянутый полупрозрачным скотчем. В пакете находилось 270 000 долларов. «Сом» заявил, что деньги эти собраны им с женой за время работы на две разведки.

— Я думаю, ты правильно поступаешь. Без присмотра такую сумму держать нельзя, тем более если тебя неожиданно оставят

для дальнейшей службы в Москве, — не без резона заметил Джон.

Выпили по рюмке виски и по чашечке кофе. Говорили тепло и откровенно, рисуя перспективы семьи советского офицера в розовом цвете.

— Если ты не вернешься в Лиссабон, то деньги я переведу в швейцарский банк на твоё имя. Название банка ты узнаешь потом. Там уже есть кое-какой капитал, тысяч двести тебе накопало. Конечно, ты нам нужнее в Москве, в Генеральном штабе. Сюда приехать всегда сможешь, я имею в виду не Португалию, а вообще Запад. Мы обеспечим тебе и твоей семье гражданство США. Большим трудом ты уже заработал это право, — хитрил американец.

На этой встрече Нортон передал агенту очечник и очки, которые являлись, по существу, двумя камуфляжами, искусно изготовленными в лабораторных условиях технических служб ЦРУ. В первый был вшит план операции по связи на территории Москвы и в случае выезда за границу. В левой дужке очков находилась вмонтированная ампула с сильнодействующим ядом.

Интересно, что по этому поводу патрон заметил:

— Милый друг, в нашей работе могут быть всякие неожиданности, и ты не застрахован от них, поэтому имей в виду, что у тебя теперь будет оружие для защиты от советской контрразведки. Живым в руки чекистов себя не отдавай.

Слова американца буквально потрясли агента своей «заботой» — холодностью и безразличием к его судьбе. Он с испугом посмотрел на очки, в дужке которых таилась его смерть...

Последний отпуск перед заменой люди обычно используют для вывоза из страны пребывания приобретенных вещей. Сметанины не продали никому ничего из мебели в квартире, а перед самым отъездом в Союз даже прикупили японский телевизор, который в то время по радиочастотным параметрам можно было использовать только в западных странах.

Рассказ об усердии «Сома» будет неполным, если не поведавать о его стараниях подготовить себе двойника по предательст-

ву. Он в течение полугода искал подходы к угрюмому шифровальщику посольства капитану Агафонову, которого недолюбливал и считал закомплексованной личностью. С одной стороны, он это делал по просьбе Нортонa, которому хотел показать свои профессиональные качества, а с другой — заработать новую порцию долларов, понимая, что за подбор кандидата янки солидно заплатят.

И вот метаморфоза: Сметанина обуюла «любезность» к не замечаемому им ранее офицеру. Он стал все чаще приглашать шифровальщика с женой в поездки за город на отдых. Завязалась дружба между семьями. Обменивались гостевыми визитами, жены посещали вместе лиссабонские магазины, а мужья навещали бары и ресторанчики. Наивный капитан не подозревал в подполковнике лукавства и коварства. Прозрение наступило в один из августовских вечеров, когда Сметанин предложил Агафонову «сходить попить пивка».

— Пойдем, Петруха! Я нашел одно приличное заведеньице. Отменное обслуживание, прелестное пиво, — предложил старший «друг». — Не пожалеешь!

— Согласен, душно же! — заулыбался Петр Агафонов.

Шли какими-то улочками, проходными дворами и, наконец, увидели незаметный пивной бар, прилепившийся ласточкиным гнездом у цоколя старинного дома. Рядом располагался рынок. Он был пуст почему-то в тот день. Заказали столик. Официант принес пиво, креветки... Про остальное Агафонов уже ничего не помнил...

Так, во всяком случае, он по собственной инициативе рассказал оперативным работникам, беседовавшим с ним после ареста «Сома». Потом он изменит свои показания и заявит, что его пытались склонить на свою сторону американцы, но он вербовщику по имени Джон так двинул по скуле в ходе «вербовочной полемики», что тот оказался в нокдауне.

Смутно помнится и второй эпизод, когда он нанес другому американцу и Сметанину удары ногой в область паха. Его потом пытались задержать, но он вырвался из цепких рук, оставив им «на память» свою куртку из натуральной кожи. Никому не доложив о происшедшем, на следующий день он набил физиономию

своднику, после чего они мирно разошлись, дико боясь друг друга.

Тем временем Сметанин без помех оформил отпуск...

С женой и дочерью он подлетал к Москве. Через иллюминатор четко просматривались словно подсиненные неведомым чародеем-художником водоемы, разноцветные участки полей, лесных массивов, голубые жилки речушек и русло Москвы-реки. Потом поплыли серые бетонные коробки домов. Самолет сделал разворот — стремительно понеслись навстречу аэровокзальные постройки и посадочная полоса.

— Ну, жена, вот мы и дома. Но ненадолго. Я думаю, дней двадцать нам хватит, чтобы решить все проблемы и поскорей смыться, смыться навсегда отсюда.

— Все будет зависеть от того, как скоро управимся, — ответила супруга.

— Теща все сделала — молодец. Ну, почти все. Останется навестить только мою старушку, — дней десять будет достаточно на прощание с матерью, другими родственниками и родным краем.

...Таможенный контроль прошли спокойно, без осложнений, хотя у Сметанина нервы напряглись при мысли непредвиденного досмотра. Однако он ее тут же отогнал, ведь у него зеленый дипломатический паспорт. Затеяв черное дело, он постоянно остерегался, не доверял окружающим.

На вторую ночь после приезда в столицу он пришел к выводу о необходимости проверить — нет ли слежки? На ошибочный звонок прореагировал довольно-таки оригинально. Когда незнакомец понял, что не туда попал и сразу же положил трубку, последовали короткие гудки — линия занята. Хозяин моментально сообразил, что ситуация должна сработать на его «положительный имидж» в случае прослушки, и он, как ни в чем не бывало, продолжал «беседовать»:

— Петя, дорогой мой дружище, привет тебе, привет... да, старик, мы приехали, а завтра уже уезжаем на мою родину к матери. Как я соскучился по России... Ну, хорошо, если ты настаиваешь, буду минут через десять. Какой-какой, повтори, номер твоей машины? Понял. Будешь у метро. Вот и хорошо!

Ровно через несколько минут он покинул квартиру. Часы показывали 23.30. Он вышел из подъезда, оглядываясь по сторонам, прошел вокруг своего квартала, используя для возможной фиксации «наружки» и отрыва от нее проходные дворы и открытые пространства сквера. Ничего подозрительного не заметив, возвратился домой.

Вызывали беспокойство полученные от американцев очки и очечник. Утром, подойдя к расшторенному окну, в стекла которого бархатным оранжевым лучом уперлось солнце, Сметанин долго рассматривал левую дужку очков, исследуя ее на просвет и запах. Очечник глубоко прощупал. Внешне в этих предметах ничего подозрительного не обнаружилось. Очки и очечник, словно взведенное оружие, он осторожно положил в кейс, с которым решил не разлучаться и в отпуске.

В оборудованном наспех тайнике за платяным шкафом Геннадий спрятал черновик своей будущей книги — еженедельник «Аэрофлот», напичканный собранной шпионской информацией.

— Света, — обратился он к жене на следующий день после ночного выхода из дома, — у меня такое чувство, что нас могут оставить служить здесь — интуиция подсказывает.

— А как быть с вещами? — встревоженно спросила супруга.

— Их отправят контейнером или соберут в багаж.

— А почему так может руководство поступить?

— По оперативным соображениям. Есть такой термин в разведке, и ничего против него не возразишь, не попишешь, как говорится... Тогда ты одна смотаешься в Лиссабон, чтобы собрать и отправить вещи в Союз. Ребята помогут.

— А может, уедем?

— Может...

— А что в таком случае будем делать с деньгами, вырученными от продажи машины и мебели? — спросила жена.

— Потратим в отпуске, а оставшиеся раздадим родственникам, прежде всего твоей матери. Это если за границу будем возвращаться вместе. Часть израсходуем на себя — мы же должны

достойно прожить последние дни в стране абсурда, — зло закончил свой ответ Геннадий.

Она что-то сказала и стала возиться у кухонного стола...

Беседуя с тещей по телефону, Сметанин дал ей очередное поручение: после убийства их в Португалию продать оставшуюся мебель и другие вещи, а деньги взять себе.

— Мы обеспечены. Привезем большие деньги и купим все новое, — «пудрил» мозги старушке зятек.

...Поездка на малую родину прошла для Сметанина по задуманной им заранее схеме. Покидая навсегда престарелую мать и отчий дом, он ничем не выдал себя. Возвращался в Москву с хорошим настроением. Не омрачал его даже находившийся при нем кейс со зловещим содержимым.

Военные контрразведчики вместе с другими подразделениями КГБ ко времени отъезда Сметаниных за пределы Москвы уже располагали необходимыми доказательствами их преступной деятельности.

На рабочем совещании в отделе, возглавляемом к тому времени опытным оперативником полковником А. Моляковым, позже ставшим генерал-полковником — руководителем военной контрразведки СССР, было решено задержать подозреваемого в шпионаже Сметанина в пассажирском вагоне при возвращении в Москву. Такая поспешность объяснялась тем, что всесторонний анализ имевшихся данных убеждал чекистов, что уликовые материалы в виде шпионской экипировки он носит с собой.

Операция по задержанию супружеской четы прошла успешно. В ходе личного обыска Сметанина, как и предполагалось, в кейсе нашли очки с ампулой сильнодействующего яда, гарантирующего моментальный летальный исход при раздавливании ампулы зубами. Это было средство для самоуничтожения в случае провала. Очки лежали в кожаном очечнике, при вскрытии которого под подкладкой было обнаружено семь листков с планом шпионской связи, подготовленным сотрудниками ЦРУ.

Обыск в квартире задержанных существенно расширил до-

казательную базу. Нашелся еженедельник «Аэрофлот» с записями, составляющими военную и государственную тайну.

Экспертиза вскоре подтвердила, что в ампуле действительно находится яд — цианистый калий, а еженедельник заполнен рукой Сметанина. Извлеченный из очечника план связи предусматривал все стороны регулирования шпионской деятельности и осуществления конкретной связи с представителями ЦРУ как на территории СССР, так и за границей.

Вот что говорилось в одном из разделов плана связи — *«Как слушать и расшифровывать наши радиопередачи»:*

«Передачи разведцентра ЦРУ из Франкфурта-на-Майне будут передаваться в цифрах, разделенные на пятизначные группы, которые вы сможете расшифровать при помощи таблиц расшифровки. Ввиду того, что только у нас с вами имеется такая таблица, никто другой не сможет понять наши сообщения вам.

Обязательно слушайте наши передачи наедине через наушники, чтобы посторонние не знали, что вы именно слушаете...»

Далее в инструкции отмечалось, что включаться в активную работу следует спустя 10 — 11 месяцев после приезда на родину, за исключением случаев, не терпящих отлагательства. Агенту рекомендовалось за год адаптироваться к новым условиям: привыкнуть к коллективу, войти в доверие к руководству, а после этого начать слушать радиопередачи:

«Летом — с 1 апреля по 30 сентября — по средам с 22.00, по пятницам с 23.00 в диапазонах 4770/6920 кГц — 59.36.09 м; зимой — с 1 октября по 31 марта — по средам и пятницам с 22.00 в диапазонах 4770/6920 кГц — 62ю89.35 м. Время московское...»

Вы будете знать, что передача «боевая», если цифра позывного сигнала будет 2, 5, 6, 7 и 9. Если передача «холостая», то первая цифра позывного сигнала будет 1,3,4 или 0...»

В камере предварительного заключения у Сметанина было время подумать, как вести себя на следствии. Он выбрал путь лжи, на контакт со следователем не пошел. Пойманный практически с поличным, юлил, оправдывался, выгораживал себя, ци-

нично заявляя, что сотрудничал с американцами из желания «поиграть».

По мере поступления новых обличающих его материалов он отказывался от первоначальных показаний и приводил иную интерпретацию фактов. Показывал мнимое раскаяние, обеляя себя даже в тех случаях, когда изобличался в предательстве и жестокости по отношению к сослуживцам и агентуре.

Жена Сметанина сразу же искренне призналась во всех преступлениях, которые совершала с мужем. Именно ее показания помогли во многом изобличить завравшегося шпиона, а также сохранить жизнь нескольким помощникам ГРУ за рубежом. Их успели вывести из-под удара местной контрразведки еще салазаровской школы.

Сметанин нервничал, нутром чувствуя, что следователь не очень доверяет его доводам, преследующим одну цель: побольше сбросить с себя обвинений и поменьше вынести на процесс отягощающих обстоятельств.

Он охотно беседовал с адвокатом, искал хотя бы какие-то смягчающие обстоятельства, вел записи своих объяснений и пояснений, чтобы не сбиться с лживой линии при защите. Однако она всякий раз ломалась после очных ставок, показаний жены и других участников следствия. Вещественные доказательства и элементарная логика рушили все его умозаключения. Материалы экспертиз, допросов свидетелей из числа знакомых и коллег буквально потрясли подсудимого. Иногда у него просыпалось чувство реальности, и он начинал говорить правду. Перечислял конспиративные квартиры, на которых его принимали американские разведчики. Называл магазины в Лиссабоне, где за доллары ЦРУ они с женой покупали ювелирные изделия и золото, — «Пимента», «Маршатан», «АСС» и др.

По мере приближения дела к завершению подсудимый стал все больше нервничать. Обвинительное заключение, предъявленное ему, он вынужден был, за малым исключением, признать полностью...

На судебном же процессе Сметанин начал с новой силой лгать, изворачиваться, делать вид, что подписывал некоторые

протоколы под давлением следователей, что его «попутал бес» из-за легкости полученных денег, которые он вначале мыслил «передать бедному государству». Однако под давлением неопровержимых доказательств ему оставалось только признавать и уточнять некоторые детали своей преступной деятельности. На предложение председательствующего Военной коллегии Верховного суда СССР опровергнуть или подтвердить его встречи на негласной основе с представителями ЦРУ Сметанин признался, что, будучи завербованным американской разведкой, он провел восемь встреч в доме № 1 по улице Партикулар в городе Кашкайше, одну — в гостинице «Париж» в Лиссабоне, одиннадцать — в отеле «Сибра» города Эшториле...

Он еще долго перечислял места конспиративных встреч, на которых продавал секретный товар заокеанским «купцам».

Судебный процесс по делу шпионской четы Сметаниных установил объем секретной информации, которую они выдали американским спецслужбам. Вот неполный перечень выданного только супругом: кадровый состав заграничных аппаратов ПГУ КГБ и ГРУ Генштаба в Португалии, агентура резидентуры ГРУ, объекты оперативных разработок на иностранцев, конспиративные адреса, содержание 33 директив ГРУ, задачи и состав частей специального назначения СССР и многое другое.

Общественный обвинитель отметил, что основу предательства Сметанина составляли его личные негативные качества, которые по вине непосредственных начальников оставались долгое время незамеченными. Это прежде всего низкая мораль, корыстолюбие, неуживчивость в коллективе, зависть к успехам коллег и врожденное холуйство, позволявшее ему щеголять и прикрываться связями особого характера с одним из руководителей ГРУ.

Суд установил истину по делу и выдал шпионам по заслугам. Газеты «Правда», «Известия», «Красная Звезда» и другие за 1985 год сообщали о том, что Военная коллегия Верховного суда СССР рассмотрела уголовное дело по обвинению в проведении шпионской деятельности агентов американской разведки супругов Сметаниных и приговорила:

«Г.А. Сметанина к исключительной мере наказания — расстрелу. С.И. Сметанину — к 5 годам лишения свободы в ИТК строгого режима с конфискацией имущества...»

Прошло несколько лет. По московской улице идет молодая, красивая женщина, низко опустив голову. Ее бледное лицо, знавшее когда-то французский и португальский загары, сосредоточенно. Это идет, нет, скорее летит, как на крыльях, супруга Сметанина Светлана, досрочно освобожденная по ходатайству органов госбезопасности из мест заключения. Она спешит к дочери. А в памяти еще не стерлись воспоминания сытой и роскошной жизни за границей с престижным положением супруга, путешествиями по дорогам Франции и Португалии, Парижа и Лиссабона. Чего не хватало?

Проходит мимо своего бывшего дома и квартиры. Теперь там живут другие люди. Она направляется к отчому дому, где старики мыкают горе, позор и прозябание с внучкой — ее ребенком, ни в чем не виновным.

Где-то в душе просыпаются обида, злость, уныние, но они тут же и проходят, когда она открывает двери и к ней в объятия бросается вытянувшаяся и повзрослевшая дочурка.

— Мама, мама, как хорошо... теперь мы будем жить вместе?! Мы вместе — ура! Не расстанемся никогда, правда, мама?

— Правда, правда, моя милая...

Женщина плачет от счастья, слезы катятся градом. В окно светит яркое весеннее солнце, предвещающая наступление погожего дня. Впереди новая жизнь — трудная, но свободная и честная!

Глава 13

Сколько стоит счастье «Коммерсанта»

Полковника Васильева и его семью на Киевском вокзале столицы провожали родственники и друзья. Он был назначен на должность помощника военного атташе советского посольства в Будапеште. Как принято в таких случаях, все желали ему успехов на служебном поприще, а заодно и материального благополу-

чия. И без того скудный бюджет семейства, как считал «бедный» полковник, подтачивали в последнее время подросшие дети, кусающиеся цены и личные все возрастающие запросы.

Васильев слушал провожающих с какой-то отрешенностью. Он понимал, что эти люди пришли сюда в основном ради приличия.

— Ну а теперь «погладим» дорогу. — С этими словами он откупорил бутылку и стал разливать в пластмассовые стаканчики пахуче-терпкий напиток. Посыпались советы, пожелания, напутствия...

Несмотря на радость, вызванную отъездом, Васильев чувствовал себя обойденным. Многие его однокашники уже по третьему заходу съездили в командировки в престижные страны, а он, летчик первого класса, окончивший Военно-дипломатическую академию, который год сидит на приколе. Правда, был один выезд. В начале 70-х годов он попал в Канаду, но вскоре был выдворен оттуда в ходе начавшейся кампании против сотрудников советских спецслужб.

Говорили, что причиной столь массовой «засветки» наших сотрудников явилась чуть ли не работа «крота», работавшего в посольстве, или агента влияния, орудовавшего в Центре. С годами, уже после горбачевской «перестройки» и ельцинских «реформ», у специалистов и журналистов подозрение пало на А. Яковлева и О. Калугина, имевших как косвенное, так и непосредственное отношение к канадскому региону.

Долго, очень долго пришлось ждать предложения выехать в очередную командировку. Хотелось попасть в капиталистическую страну, однако предложили Венгрию — без долларов, франков, марок, фунтов...

Тесть его будущего непосредственного начальника в Венгрии носил маршальские погоны. С одной стороны, это радовало — за таким руководителем, как говорится, не пропадешь, с другой — настораживала непредсказуемость поведения очередного баловня судьбы.

Возгласы провожающих вывели его из задумчивости. При-

ближалось время отхода поезда. Наконец электровоз плавно сдвинул с места зеленый состав, и вагоны, поскрипывая, покатались на запад. Он с семьей в купе. Позади Москва, впереди Будапешт — столица незнакомой страны, осколка распавшейся империи, под названием Венгрия. Страна с прекрасными климатическими условиями и веселым народом.

Лежа на верхней полке, Васильев предавался сладостным мечтаниям. Ему казалось, что после трех лет пребывания за границей он обязательно приобретет машину, кооперативную квартиру, дачу на берегу речушки и заживет так же, как и его друзья-удачники. Он им почему-то всегда завидовал.

Будапешт приветствовал Васильева разливом рекламных огней, многоголосьем восточного вокзала Келлетти. Встречали семью будущие сослуживцы. Они же отвезли семейство в приличную, со вкусом обставленную квартиру: живи — не хочу, хозяин!

На следующий день с утра полковник Васильев в форме авиационного офицера предстал перед военным атташе полковником Зобиным...

Служба вначале понравилась: протокольные встречи, представительские мероприятия, банкеты, экскурсии, дипломатические знакомства, несложные отчеты о проделанной работе — все же дружественная страна. Они с супругой вновь обрели мир, подслащенный, как было во все времена, дипломатическими любезностями, дежурными улыбками, искусственными жестами, за которыми стоял холодно-трезвый расчет с неистребимым желанием выудить «нужную» информацию.

Семейная чета окунулась в мир, где лицемерие превратилось в дань, которую порок постоянно платит добродетели. Благородные сердца там трудно уживаются, так как они говорят только откровенно, искренне, от всей души. Но, именно в таких условиях приходится работать всем разведкам мира и их рыцарям, в том числе и с благородными сердцами...

Дни, недели, месяцы пролетали быстро, незаметно. Получаемые форинты и филеры быстро таяли, грозя несбыточностью задуманным планам.

На протокольных мероприятиях он видел совершенно иные манеры западных дипломатов, отмечая про себя их внешнюю безукоризненность и внутреннюю раскованность, которых так недоставало нашим людям, вышколенным идейной закалкой марксистско-ленинской моралистики.

«У нас какая-то закомплексованность, мы до конца из себя не выдавили раба. Как жалок вид наших людей, как они затурканы идеологией!» — часто в этом ключе размышлял Васильев.

В круговерти повседневности он все чаще и чаще ощущал себя униженным человеком, несмотря на принадлежность к супердержаве. Американцы — потомки смелых и решительных англосаксов, конквистадоров, вели себя нагло, высокомерно, напористо, порой даже дерзко.

Они всячески подчеркивали свою исключительность. Ведя с ними диалог, Васильев, как ни странно, не чувствовал скованности. Он с поразительной откровенностью обсуждал на протокольных встречах мировые проблемы, уровень жизни в своей стране, подчеркивал любовь к авиации и принадлежность к воздушным асам, даже слегка поругивал после «бесплатного» тоста партийное чиновничество и некоторые порядки в государстве и армии.

Особенно охотно он беседовал с американским военным аташе полковником Ричардом Бакнером. Его непринужденность в общении, начитанность, знание русского языка притягивали Васильева. Ричард всячески подчеркивал, что ему интересно беседовать с советским пилотом, так как он сам якобы собирался стать летчиком, но из-за неудовлетворительного состояния здоровья не был допущен к сдаче экзаменов.

Васильев оказался на любимом коньке. Фантазия откровенного рассказчика воодушевляла бывшего летчика, реальные картинки и небылицы будоражили воображение. В свою очередь, бывалому «летуну» казались искренними откровения Бакнера. Частые представительские мероприятия так «сдружили» двух полковников, что они вскорости перешли на «ты».

Однажды МИД Венгрии организовал для дипломатического корпуса, аккредитованного в Будапеште, поездку по достопримечательностям столицы. Автобус часто делал достаточно продолжительные остановки в живописных и исторических местах. Бакнер и Васильев общались, как давние знакомые: вместе курили, «травили» анекдоты, дивились увиденному, попивали местные горячительные напитки — винные фройчи и палинку.

В районе многочисленных охотничьих и рыбацких забегаловок нашли корчму с оригинальным интерьером — с муляжами рыб и раков, сетями, вершами, удочками и другими рыбацкими принадлежностями. Уселись у самого окна. Заказали по погару холодного с газом фройча — удивительной смеси сухого вина и содовой воды, от которой голова светлая, но кружится, а вот ноги делаются ватными. Выпили с удовольствием, закусили пахучими горячими сардельками со сладковатой местной горчицей.

Уже при выходе осмелевший после выпитого вина Васильев неожиданно задал Бакнеру нелепый на первый взгляд вопрос:

— Ричард, чего тебе не хватает для полного счастья?

— Денег! — нашелся с ответом американец. В этом ответе он был искренен, так как деньги всегда считал неким шестым чувством, без которого остальные пять неполноценны.

— А как бы ты поступил, если бы неожиданно получил миллион? Вот так, вдруг... получил, понимаешь, и все? — продолжал Васильев.

Бакнер на мгновение замешкался. Он сразу понял, куда клонит советский друг. Интуиция опытного разведчика подсказала, что рыбка начала клевать уже на голый крючок — значит, голодна. И он нашелся:

— Я бы пустил миллион на бизнес! Открыл свое дело. Ну а теперь мой вопрос: а чего тебе не хватает для полного счастья? — ввернул янки.

Ответ был ошеломляюще прост:

— Мне не хватает пяти тысяч рублей! Я бы их потратил на покупку машины, а может, на приобретение какого-нибудь заброшенного дома в деревне, где после увольнения со службы

можно было бы коротать пенсионное время. Люблю возиться с землей — огородничать, садовничать, рыбачить...

— Так мало ты хочешь?

— Больше мне не нужно. Понимаешь, сейчас я хочу реализовать программу-минимум в ходе заграничной службы.

— Трудно на зарплату ее осуществить? Я имею в виду вашу, — заострил вопрос Ричард.

Как показалось вначале Васильеву, разговор дальнейшего развития не получил. Однако совсем по-иному оценил намек опытный американский разведчик.

Прошло несколько дней. На очередном приеме в одном из иностранных посольств по случаю национального праздника они снова встретились. В конце вечеринки американец, проходя мимо советского офицера, стоявшего в отдалении от коллег, совершенно открыто вручил ему коробку конфет. Передавая сладости, Бакнер с улыбкой заметил:

— Нижайший поклон супруге. Передай ей мой небольшой презент — здесь конфеты, а внутри есть кое-что и для твоего счастья.

После этих слов он отошел в сторону и вступил в беседу с офицером военного атташе Италии.

Василия так заинтриговали слова, сказанные Ричардом относительно счастья, что он прошел в туалетную кабину и открыл коробку. На конфетах лежал конверт с деньгами. Ровно 5000 рублей. Ни меньше ни больше. И записка:

«Милый Володя, не обижайся. Для меня в рублях это не сумма — пустяк. Пока деньги в Советском Союзе в цене — делай счастье. Не пытайся сглупить. Впереди еще много времени. Разбогатеешь — отдашь.

С искренним уважением — Ричард».

Сначала он обрадовался материальному ответу на его в целом абстрактный намек. Но когда деньги оказались не виртуальными, а лежали в кармане — разволновался не на шутку.

«Влип, я влип. Это вербовка. За этим последует перевод внешне дружественных отношений в русло оперативных контак-

тов, а затем прочной шпионской связи», — обожгли виски горячие мысли, заставившие зачастить даже работу сердца. Потом он на некоторое время отключился от нахлынувшего страха, стал спокойнее.

«Нет-нет, я все верну, все до копейки, ведь это просто общепонятный человеческий долг», — через мгновение начал успокаивать себя Васильев. Он искал оправдание промаху.

Прием закончился. Он сел с сослуживцами в автобус, который быстро доставил дипломатов до посольства. Васильеву казалось, что коллеги догадываются о подозрительных контактах с Бакнером. Выдавал, как ему казалось, карман брюк, в котором лежали большие деньги. Улучив момент, он переложил пакет во внутренний карман плащевой куртки и успокоился. Вот и дом. Поднялся по ступенькам к квартире, позвонил в дверь. Открыла улыбающаяся жена.

— Что-то вы, синьор-помидор, запоздали. Программа, наверное, была интересной? Жаль, что из-за недомогания я не смогла поехать с тобой, — с улыбкой произнесла супруга, назвав мужа ласковым словом, которое всегда вырывалось у нее при хорошем настроении. — Ну, так как с ужином? Осилим вдвоем?

— Я сыт, но с тобой с удовольствием посижу.

— У меня сегодня гречневая каша с молоком — твоя любимая.

— Тогда не откажусь, а то уже надоели изысканные блюда-а-а, — он сделал ударение на последнем слове ради шутки, — в чужих посольствах. Да, кстати, тебе большой привет от Бакнера и... подарок. Ты уж извини, не утерпел, посмотрел на конфеты, исполнив в первую очередь чисто саперную работу. Все в целости и сохранности — мин нет. Не мог же я рисковать своей благоверной. Вот только на зуб не пробовал.

О деньгах он не проронил ни слова. Пакет с ними отнес в кабинет и спрятал в личный сейф. Несколько дней прошли в глубоких раздумьях.

«Что же получается? Он, Васильев — полковник ГРУ, стано-

вится платным агентом иностранной державы — нашего главного противника, и поэтому обязан будет продавать секреты, боевых друзей, данные оперативного и стратегического характера? Что его ждет дальше?»

На последний вопрос он отвечать самому себе не хотел — боялся.

Однажды мелькнула колкая мысль — вернуть деньги, но тут же и погасла. Жажда наживы оказалась сильнее здравого смысла. Он вдруг «забыл», что вырос в трудовой семье, на руках матери, потерявшей мужа в Великую Отечественную войну. Запмятовал о нелегком детстве, летном училище, верных друзьях-товарищах.

Васильев судорожно искал аргументы в оправдание случившегося...

Плавно несет свои воды Дунай. Будапешт в сизой предутренней дымке, обещающей хорошее утро в знойный день. Сегодня впервые Васильев в качестве «крота», предателя своего коллектива сослуживцев, выходит на конспиративную личную встречу со своим коллегой — полковником военной разведки США Ричардом Бакнером. Встреча ответственная, «боевая» в квадрате, поэтому он заранее решил провести рекогносцировку местности, где они «обменяются» информацией.

Такой сценарий обрисовал американец, заявивший на очередном представительском мероприятии:

— Володя, давай встретимся одни в спокойной обстановке. Обговорим, как лучше организовать наше взаимодействие.

Васильев прекрасно понял намек — надо отработать «любезность», которая при кажущейся безобидности таила в себе страшный подвох, способный круто изменить жизнь.

С одной стороны, он надеялся на порядочность, что в вербовочных делах бывает редко. С другой — мечтал, что эта самая «отработка» не займет много времени и он еще сумеет и успеет искупить свой грех перед семьей, коллегами, наконец, перед страной.

Под предлогом посещения одной из воинских частей, с ко-

мандиром которой он когда-то учился в летном училище, Васильев выкроил себе минут сорок для контакта с американцем. И действительно, вначале помощник военного атташе «отметился» у друга, а через некоторое время он уже напряженно изучал на одной из окраин Будапешта подходы к предполагаемому месту встречи. Обстановка была спокойной — ничего подозрительного в окружении.

Удовлетворенный результатом, Васильев поехал для доклада руководству о проделанной работе в подшефной части. А вечером после службы сел на местный автобус...

Вот и место встречи. Он посмотрел на часы: было ровно 20.30. На углу дома его уже ждал Бакнер — странный, загримированный, трудноузнаваемый.

— Добрый вечер, Ричард, — взволнованно выдавил из себя Васильев.

— Добрый вечер, — как-то неестественно сухо ответил американец. — У нас есть минут тридцать времени. Надо успеть многое. Я введу тебя в курс оперативной обстановки.

Как показалось Васильеву, в голосе собеседника теперь уже зазвучали властные нотки. Бакнер выдал полный курс практической конспирации в условиях венгерской столицы. Долго и нудно инструктировал, как будто перед ним был желторотый юнец. Прелюдий почти никаких, иллюзии о добропорядочности отброшены. Инстинкт самосохранения подсказывал необходимость безропотного подчинения «лектору-практику», рекомендующему при суровой игре «в кошки-мышки» оставаться невредимым в двух ипостасях: советским разведчиком и американским шпионом. Правда, распрощались тепло. Договорились встретиться через десять дней в пригороде венгерской столицы на улице Вираг.

Возвращаясь домой, Владимир анализировал свои действия на встрече. Он словно был загипнотизирован доводами собеседника. То, что им совершено пакостное действие, сознавал, но выхода из создавшегося положения не находил. Или не желал искать — впереди маячили, как он считал, еще большие деньги.

Дежурный по военному аппарату посольства встретил Васильева с полным безразличием. Никто им не интересовался, а шеф уехал на Балатон в дом отдыха Южной группы войск.

Успокоившись, Васильев отправился домой, чтобы уже утром следующего дня приступить к отбору «товара» для американцев. Он делал выписки из секретных документов, выводил коллег в беседах на темы режимного характера, подбирал материалы, представляющие, по его разумению, интерес для новых хозяев.

Собранную информацию агент передавал в основном на личных встречах, маскируя письменные сообщения в пачках сигарет, книгах. Сначала совесть частенько стучалась в его душу, а потом он о ней забыл.

Нужно отметить, что Бакнер никогда не корил за легковесность переданной ему агентом информации. Он просто понимал, что не всегда можно найти то, что надо, и всячески нацеливал своего помощника на получение «интересного информационного штриха».

— Только тот, кто по-настоящему ищет, способен первично оценить важность документа и отобрать его для доклада, — убеждал не раз Васильева американец.

Он искренне заботился о безопасности и сохранности приобретенного агента, которому в ЦРУ дали высокую оценку, разработали перспективы его дальнейшего использования, в первую очередь на территории СССР в ГРУ Генштаба, опять же в «десятке мишенной системы», о которой когда-то молодому оперативнику Стороженко рассказывал фронтовик-«смершевец», майор Деев.

Личные встречи и тайниковые операции были основными методами работы американцев с Васильевым на территории Венгрии. Кстати, к этим операциям тщательно готовились, особенно к закладке и выемке. Так, место наблюдения за тайником под названием «Открытка» может служить примером высокого профессионализма.

Любой подход к нему контролировался с одной точки, а человека, ведущего контрнаблюдение, скрывали густые кроны приземистых деревьев и декоративных кустарников. Четко опи-

сывались места постановки меток перед «боевыми» встречами: «Поэт», «Сокращенная», «Парламент», «Угол» и другие.

Инструкции и задания агент получал от разведчика на растворимой бумаге, уничтожавшейся сразу после ее использования. На одну из встреч Ричард принес в качестве «тридцати сребреников» 30 000 венгерских форинтов.

— Возьми, Володя, они тебе пригодятся на расходы и угощения.

В ответ прозвучало:

— Спасибо за заботу...

Вскоре американцы сообщили агенту условия безличной тайниковой связи на территории ВНР, которая предусматривала шесть полных рабочих циклов и один рабочий сигнал. Указанная связь по линии агент — разведчик включала шесть тайников, семь сигналов и была рассчитана на год. И все же основная работа с Васильевым планировалась по возвращении его в Советский Союз. Для этой цели агент загодя снабжался шпионской экипировкой. На одной из встреч Бакнер предложил агенту приобрести в магазине Будапешта миниатюрный микроскоп с подсветкой для чтения микрограмм.

В погожий сентябрьский день в условном месте «Ступеньки» произошла моментальная встреча Васильева с неизвестным ему разведчиком ЦРУ — вице-консулом посольства США в Венгрии. Они обменялись совершенно одинаковыми кейсами. Агент передал «дипломат» с секретными документами, разведчик — дополнительное устройство для чтения микрограмм, закамуфлированное под шариковую ручку, 600 долларов, разведывательное задание и план по связи на территории СССР.

Как впоследствии выяснилось, американцев интересовали прежде всего сведения о высшем командном составе Вооруженных Сил СССР и тактико-технические характеристики высокоточного оружия.

На одной из встреч Бакнер, анализируя «совместную» деятельность, дал высокую оценку своему агенту и сообщил, что тот может в перспективе получить с семьей права гражданства США.

На вопрос американца, сможет ли Васильев продолжить работу с его коллегой, тот после небольшого колебания ответил:

— К чему этот вопрос? Слишком далеко зашли наши отношения, чтобы отступить или противиться разумным предложениям. Назад пути уже нет — Рубикон перейден.

— Полковник Мэй, мой коллега, — опытный работник. У нас с тобой запланирована встреча на 8 мая. Давай изменим место ее проведения. Увидимся в гостинице «Панония». Кстати, ты когда-нибудь был в ней?

— Нет, не доводилось, — ответил Васильев.

Последовало подробное описание места встречи с перечислением деталей и очередности действий.

В назначенный день Васильев и Бакнер пришли в подъезд порознь, но у лифта оказались одновременно «случайно». Поднялись в номер, где, к удивлению агента, еще никого не было. В роскошных апартаментах люкса сели за журнальным столиком в холле. Беседа началась на абстрактные темы. Васильев почувствовал, что Бакнер умышленно оттягивает разговор на «служебную» тематику, ожидая преемника. Так оно и вышло. Не прошло и десяти-пятнадцати минут, как в замочной скважине что-то щелкнуло, дверь легко отворилась. Вошел высокий с квадратным лицом и вьющимися черными волосами мужчина.

— Извините, пожалуйста, подвела машина, а тут еще, как назло, дорожная пробка, — оправдывался вошедший, обнажая белый ряд крупных верхних зубов. Раздевшись, он прошел к креслу в вишневом чехле и плюхнулся на него.

— Представляю вам, — Бакнер перешел на «вы» и повернулся в сторону Васильева, — мой коллега полковник Карл Мэй. Он заменит меня. А это хороший наш друг Владимир.

Знакомство произошло.

— Ну а теперь перейдем к делу. Володя, честно, мне было приятно общаться с тобой, человеком смелым, далеким от идеологической зашоренности, воздушным асом и профессионалом военной разведки, — лицемерил Ричард. — Приятно то, что мы с самого начала понимали друг друга с полуслова. Такое пони-

мание помогало служить делу прогресса. Твою помощь, прости за высокопарность, Америка никогда не забудет. Я говорю об этом смело потому, что заручился именно такой оценкой со стороны высшего руководства. Дни совместной работы я буду помнить всегда. Мы занимались большим делом — оберегали мир от неожиданностей. Прошлое готовит будущее, но между вчера и завтра есть сегодня, с реальными тревожениями и радостями, — это сама жизнь. Хочу поднять тост за настоящее — живое и действенное, и в нем — за Владимира с его счастливой судьбой и благополучным будущим. Да поможет нам бог!

После неприлично длинного монолога Ричард Бакнер поднял рюмку с виски высоко над головой и добавил:

— За удачу, господа!

Стали пробовать бутерброды. Мэй после первого тоста попытался состричь:

— У вас, русских, закусывают только после третьей. Мы, похоже, нарушили традицию?!

— Я думаю, эта привычка по ошибке приписывается русским, они охочи до еды и после первой чарки, — парировал шутку Карла Владимир.

Все трое заулыбались, налегая на венгерский бекон. По мере осушения бутылки настроение поднималось быстро. Сценарий дальнейшей беседы Васильев вполне разумно просчитал. В нем четко обозначились два полярных исхода: большие деньги, красивая жизнь — и позорище, а может, и смерть. Правда, последнее полковник отбрасывал, так как не думал о поражении. Он был уверен в успехе. Ему хотелось поиграть до определенного предела, а потом «слинять в кусты», как он выражался. Да так, чтобы его никто никогда не нашел. Деньги не пахнут, победителей не судят! Он же после заграничной командировки будет спокойно отсиживаться где-нибудь на даче.

С середины беседы инициативу разговора незаметно захватил Мэй. Он излагал азбучные истины, что вызывало если не раздражение, то, во всяком случае, потерю интереса к собеседнику. Словно почувствовав и уловив знаки невнимания и равнодушия в ответах Васильева, тот вдруг заговорил другим языком и искренне:

— Я говорю прописными истинами только для того, чтобы злой рок не вторгся в вашу жизнь, чтобы не только бог, но и мы с вами хранили личную безопасность... Мы с вами в одинаковом звании, с одинаковым приблизительно опытом работы. Обвести вокруг пальца контрразведку — тут нужна особая осторожность. Со стороны виднее — пусть это вас не обижает.

Владимиру после этих слов показалось, что Мэй действительно проявляет неподдельную заинтересованность в его благополучии и безопасности. Затем начался контрольный инструктаж с новыми условиями по связи. Хозяева вручили деньги, сувениры. Договорились встретиться через неделю, на окраине города.

Васильев понимал, что его новый хозяин хочет получить более свежую и важную информацию по сравнению с той, которую он передавал Бакнеру. Зная об интересе американской разведки к частям Южной группы войск, он смекнул: соберу-ка я материал по авиации.

Сказано — сделано! Это был его инициативный шаг.

Через своего друга, командира авиационного истребительного полка, он получил некоторые данные, обобщил их и подготовил к передаче в течение недели. Он любил педантизм в работе.

Как военный разведчик, Васильев видел проколы в работе своих хозяев, но никогда не упрекал американцев — боялся гнева. Так, например, в одном из планов связи в Будапеште предусматривалось заложить тайник в дупле дерева, громадного каштана, стоящего на одной из центральных площадей города. Причем это дупло находилось на приличной высоте. Вынуть из него закладку было проблематично: любому случайному прохожему бросилась бы в глаза попытка добраться по толстому стволу до тайника в дупле.

Надо заметить, что Стороженко после ареста Васильева вылетал в Будапешт и при решении других вопросов по следственному делу на разоблаченного шпиона сфотографировал это дерево. Действительно — взобраться на него и добраться до вложения в дупле — нужно было быть виртуозом-циркачом или двуногим «пауком» со стажем.

Васильев прекрасно осознал свою роль. Он втянулся в преступную связь, завяз в ней глубоко и не собирался прекращать работу на цэзрушников — ковал «свое счастье». Более того, Васильев почувствовал даже какой-то азарт в этой сатанинской игре. Не случайно игроку тяжелее всего перенести и переносить не то, что он проиграл или может проиграть, а то, что надо перестать играть. С Мэем Васильев провел пять встреч. Но всему есть конец... Командировка заканчивалась, и надо было возвращаться в Москву.

Вот и последнее «свидание» с Карлом. Прощались так же тепло, как когда-то с Бакнером. На этот раз американец подарил Васильеву разные сувениры.

— План связи получите через нашего фельдъегеря, — ошарашил агента Мэй.

— Как?

— Согласно договоренности с руководителями-дипломатами, он доставит завтра в ваше посольство газеты и журналы США. Прибудет ровно в десять утра. Встречайте у входа. Сделайте это как бы случайно. В пачке с корреспонденцией найдете журнал «Национальная география», в котором и будет находиться план связи на период работы в СССР.

Мэй ухмыльнулся, а затем стал объяснять, что и как надо искать в этом журнале. Дело в том, что во втором номере за 1983 год этого популярного в мире журнала на определенных его листах в линиях размещались микротексты. Военные контрразведчики впервые встретились с таким ухищрением: черный краситель некоторых линий тончайшим лучом лазера был вытравлен в форме русских букв, составлявших предложения с текстом операции по связи. Считывание таких текстов могло производиться через миниатюрные микроскопы с подсветкой, которые еще раньше Бакнер советовал Васильеву приобрести в магазине. Такой прибор у шпиона уже имелся — он выполнил указание Бакнера.

План связи начинался словами:

«Дорогой друг!

По прибытии в Москву не предпринимайте попыток выйти на нас. Выждите одиннадцать месяцев и тогда начинайте слушать наши радиопередачи, считая месяц вашего отъезда как нулевой.

Если у вас появилась возможность добывать важные материалы или они у вас уже находятся, поставьте сигнал готовности выйти с нами на связь в месте «Дом»...»

Далее шло подробное описание места, времени и специфики постановки сигнала. Здесь же давался подробный инструктаж по проявлению секретных сообщений, методике прослушивания и расшифровки радиопередач из Франкфурта-на-Майне. Описывались места закладок и выемки тайников, объяснялись способы использования «писем-прикрытий» и нанесения на их страницы тайнописных текстов.

Приводилась также таблица заменителей русского и английского алфавитов. На случай внезапного выезда за границу в назидательном тоне рекомендовалось немедленно связаться по двум номерам телефонов в США. Звонить рекомендовалось из телефонной будки или из крупного почтамта. По этим номерам, гласила инструкция, можно звонить в любое время суток и передать необходимое сообщение. Лучше заплатить самому за вызов, но при надобности заплатит вызванный номер.

Васильев прибыл в Москву с семьей теплым сентябрьским днем, отмеченным всеми признаками бабьего лета. Ступив на перрон Киевского вокзала, он вспомнил свой отъезд четыре года назад: уезжал он с розовыми надеждами, а вернулся с черными планами, животным страхом и почти что выпотрошенной, опустошенной душой. Он взглянул на чистое небо, и ему сделалось немного спокойнее.

Идя за носильщиком, Васильев неожиданно споткнулся о камень, лежавший одиноко на привокзальном асфальте.

«Неласково встречает меня родная земля, — подумалось ему. — Споткнулся с первых шагов на Родине. А может, это и есть прообраз того камня, который я привез ей за пазухой».

Об этом факте своеобразного предупреждения он расскажет на суде.

В подразделении ГРУ Генштаба, куда он прибыл для прохождения дальнейшей службы, его не очень-то ждали. Сослуживцы

и раньше недолюбливали Васильева за высокомерие и колючий характер, когда с ним сталкивались по работе.

В других управлениях руководители тоже что-то «темнили», не выказывая особой радости иметь под боком человека с капризным нравом. Давала о себе знать гордость, кружило голову себялюбие. Он с пренебрежением относился к непрестижной службе вдали от важных кабинетов. Не любил черновую работу, привык крутиться на виду у начальников и в «нужный» момент плакался о перегрузках. Небольшое дельце, успешно решенное им, выдавал за превеликое. Сослуживцы отторгали «назойливого летуна» еще и по причине постоянных рисовок: Васильев явно переоценивал свои успехи в небе, называл их не иначе как подвигами, что, естественно, не подтвердилось в ходе ответов с прежних мест службы в период следствия.

К сожалению, жизнь наша соткана из парадоксов. Трудно до сих пор объяснить, почему чиновники управления кадров (не в благодарность ли за сувениры?) предложили Васильеву должность в святой святых любой разведслужбы — в подразделении нелегальной разведки. Этот объект и был вожделенной мечтой американцев.

Согласно плану связи, ровно через одиннадцать месяцев Васильев должен был войти в рабочий контакт с разведцентром США. Но он пренебрег рекомендациями: он торопился, хотел побыстрее получить очередную порцию сребреников. Как считал Васильев, зарплата, даже полковника советского Генштаба, была мизерная по сравнению с той, которую он получал в Венгрии. Вдобавок подвернулась деревенская изба в хорошем состоянии — с банькой, садом, приличным огородом и большим сараем, который можно было без особой перестройки приспособить под гараж и мастерскую.

Уже через месяц он связался с американцами и получил первое задание. Инициативности и изобретательности в добывании информации ему было не занимать. Наряду с хищениями данных из секретных документов он выпытывал такие же сведения у сослуживцев, использовал любые возможности для ускорен-

ного сбора шпионской информации. Так, за время пребывания на новой должности Васильеву приходилось несколько раз присутствовать на разборах учений, подведении итогов и постановке задач в ГРУ Генштаба.

Он записывал на диктофон содержание выступлений офицеров и генералов, спрятав технику под рубашку.

Когда все кассеты были «нашпигованы» разведывательными данными, превращенные таким образом в шпионский товар, он поставил метку о готовности заложить тайник. Торопился получить обещанные янки 30 000 рублей.

В начале октября 1985 года агент в заранее обусловленном месте «Звонок» поставил синим красителем знак в виде буквы «Р», говорящий о закладке шпионского контейнера. В шпионскую емкость он поместил 15 кассет с записями совещаний руководящего состава ГРУ. Кроме того, в контейнер вложил сведения на помощника военного атташе — своего сослуживца по Венгрии, разработанные им лично наиболее безопасные условия дальнейшей связи в Москве, записку с просьбой передать ему более современный магнитофон с большим объемом записи, а в конце просил ускорить выплату обещанных денег.

Но произошла осечка... Не получив ответного сигнала об изъятии американцами заложенного им контейнера, агент поздно вечером изъясил «товар», а утром отнес на работу и положил в сейф. В первых числах декабря того же года, гонимый стремлением наживы, он вновь поставил знак «Р» на месте «Трап» и заложил контейнер в условленном месте «Киев». На этот раз тайник американцами был обработан, и ему оставалось только ждать денежного привета из-за рубежа...

Но к этому времени военные контрразведчики уже собрали достаточный объем информации. Следует заметить, что еще проходящего по делу оперативной проверки фигуранта Васильева, подозреваемого в проведении шпионской деятельности, решили назвать «Коммерсантом». Точность и оправданность такого псевдонима или клички потом были подтверждены многими поступками военного офени, торговавшего секретами. Они ста-

новились известными как в ходе оперативно-технических мероприятий, так и в результате следственно-судебных разбирательств.

В тот год май выдался жарким и душным. Москвичи спешили на дачи. Васильев рано утром отправился на дежурство. Картина дачно-земельного ажиотажа городских жителей вызвала в его душе нездоровую зависть.

«Как же так? — юродствовал «Коммерсант». — Я, полковник Генштаба, гол как сокол. А соседка по лестничной площадке, продавщица овощного магазина, имеет не только дачу. Недавно приобрела машину для своего мужа-алкоголика. Где же справедливость?»

Об этих мыслях он тоже расскажет на следствии.

Проехав на троллейбусе, а затем несколько станций на метро, он, проверяясь и внимательно наблюдая за прохожими, проходными дворами вышел к КПП военного объекта, где предстояло отдежурить сутки.

У него созрел грандиозный план подготовки классического письменного агентурного донесения, благо вахта выпала в выходной день. Васильев знал, что руководства не будет, поэтому он и решил пренебречь ухищрениями конспирации и напечатать на пишущей машинке пространное донесение в разведцентр. Именно такой формой и объемом собранных шпионских материалов ему захотелось удивить американцев.

«Коммерсант» спешил заработать большие деньги, но и чекисты были начеку. Контроль всех его действий обеспечивала спецтехника.

Прием дежурства прошел сравнительно быстро. У оперативников, наблюдавших за Васильевым, создавалось впечатление, что он проявил к сдающему дежурство полковнику максимум любезности. Такое поведение Васильева при вступлении на дежурство было удивительным, так как обычно он все принимал строго по описи. На этот раз создавалось впечатление, что он очень торопился. Вынув из сейфа секретную рабочую тетрадь, а из кейса блокнот, он принялся за работу. Начиналось донесение такими словами:

«Господа!

В дополнение к ранее собранной и переданной вам информации сообщая другие данные, возможно, представляющие интерес для ЦРУ США...»

И вот уже допечатана последняя страница. Документ был изготовлен на восьми листах. Васильев закрыл глаза, распрямился и вытянул длинные ноги. Он надеялся за эту работу получить тысячу десять рублей, не меньше. Оперативники так оценят этот труд изменника-«оборотня»: «информационные потроха». Никаких ценных материалов наскрести он не смог. Но это выяснится потом.

Зазвонил телефон. Службу проверял дежурный по Главку. Он сделал замечание Васильеву: почему не доложил, согласно инструкции, о ходе дежурства.

«Фу, черт, совсем заработался. Не дай бог капнет начальству, начнется разбирательство, — подумал Владимир, — надо закругляться».

Через минуту после звонка его взгляд остановился на листах шпионского донесения. Он внимательно перечитал свой опус. Затем аккуратно сложил бумаги в стопку и быстро, словно пряча их от посторонних глаз, сунул в большой импортный конверт желтого цвета, какие ходили в то время в ГРУ. Постоял, подумал и решительно направился в угол дежурной комнаты: там лежала на полу хозяйственная сумка с личными вещами и продуктами. Одним движением руки он выгреб из нее содержимое и положил конверт на дно. Затем снова упаковал вещи и, наконец, успокоился.

Открыл пакет молока и одним залпом его осушил. Включил телевизор. Прошелся по программам и остановился на последних новостях. Утолив чувство голода, достал порнографические журналы и стал их внимательно просматривать. Он любил эротику, любил болезненно...

Усталость снял чашечкой кофе. Потом подошел к сумке, вынул конверт и положил под газетную прокладку на полку служебного сейфа в рабочем кабинете.

За окном стемнело. Весенние душистые сумерки медленно вползали в полуприкрытое плотной шторой окно. Он подошел к

оконному проему, раздвинул шторы и еще больше приоткрыл фрамугу. Васильев с наслаждением смотрел на молодую зелень дворового газона и кусты сирени, дремлющие в майском безветрии.

Весна обычно пробуждает силы для здоровой деятельности. У «Коммерсанта» они проснулись для худой, преступно-предательской. Его активность в эти весенние дни порой поражала даже американцев. Только за март — май он провел несколько операций по связи, потребовавших мобилизации немалых сил и средств. Агент блестяще справился с моральными перегрузками. Как-никак перед ним маячила «великая» цель — деньги, ради которых он забывал об отдыхе.

На последней личной встрече с американским разведчиком Васильев предупредил о скором заложении тайника с важными материалами. В конце общения попросил о финансовой поддержке. Объяснил, что якобы нужно срочно купить понравившийся ему дом в деревне. Американец нагло, как показалось агенту, ответил, что все будет зависеть от качества товара, но он непременно доложит о его просьбе руководству и постарается разрешить возникшую проблему.

После подготовки донесения ему надо было поставить метку на одном из домов по Ленинскому проспекту. По этому сигналу готовности заложить тайник американцы должны были изъять донесение через сутки.

После очередной вахты в выходной день он хотел задержаться в служебном кабинете под видом доработки какого-то документа для якобы срочного доклада руководству. Однако сменивший его на дежурстве молодой офицер оказался дотошным человеком в соблюдении режима работы и стал задавать уточняющие вопросы. Пришлось ретироваться и покинуть служебное помещение.

Выйдя на улицу, «Коммерсант» стал усиленно проверяться. На станции метро «Октябрьское Поле» он пропустил один поезд, а в вагон другого впрыгнул последним, придерживав ногой дверь. Доехав до станции «Октябрьская», попетлял в зале в надежде выявить «хвост», а затем, убедившись в полной безопасности,

на эскалаторе поднялся наверх и пошел вдоль Ленинского проспекта. Пройдя метров 200, вскочил в отходящий автобус, проехал на нем до спортивного магазина «Спартак», вышел и снова тщательно проверился.

Вышел к дому, на стене которого предстояло поставить сигнал. «Оборотень» узнал это место по описанию в плане операции по связи. Он медленно прошелся вдоль стены дома, осмотрелся и решительно шагнул вперед. Стена кончилась, показался угол дома. В правом кармане плаща он что было силы сжимал мелок синего цвета. Большой круглый лоб покрылся испариной, ладони вспотели, учащенно билось сердце. На сей раз он сильно разволновался, несмотря на значительный опыт в подобных операциях. Оглянулся. Посмотрел на противоположную сторону проспекта — никого нет. Стремительно на шершавой штукатурке стены вывел знак в виде буквы «Т» размером 10х20 сантиметров.

Уходил с места постановки метки с все еще не успокоенным сердцем. Щеки и уши горели пунцовым огнем. Он и тут спешил — поставил сигнал не вечером, а днем, рискуя проколоться. Вскочив с оледеневшей от страха душой в автобус, «Коммерсант» поехал домой. По пути сменил еще два вида городского наземного транспорта. Пересел в троллейбус. Это был последний этап проверочных действий. Стоя на задней площадке, он внимательно наблюдал через «кормовое» стекло за перестроениями идущих вслед машин.

Сойдя на знакомой остановке, еще раз проверился — ничего подозрительного! А вот и родной подъезд.

— Володя, что с тобой? На тебе лица нет! Ты такой пятнистый — бледно-красный! — запричитала жена, встретив в коридоре квартиры мужа — бледного, взъерошенного, с провалившимися глазами. Ей казалось, что это не столько из-за напряженного дежурства, сколько от тяжелой и сложной службы в ГРУ здоровье мужа стало разрушаться.

— Дел столько было, что не смог даже пообедать. Не служба, а сплошная нервотрепка, если не каторга. Отдежурил сутки, и еще задержали. Приходится трудиться за троих. Ничего, выдержим! Труднее приходилось, — вешал лапшу на уши супруге «Коммерсант».

Что-что, а показать «мокрую» спину, «просоленную» рубаху, пожалеть себя он мог и очень любил — как перед начальством, так и перед близкими родственниками. Но волнение не прошло и после ужина. Не дал успокоения, не отвлек от тревожных мыслей и просмотр телевизионной программы «Время». Он долго лежал с открытыми глазами в темной спальне. С вечера предупредил жену, что рано отправится на службу, поэтому, мол, встанет в пять часов утра. Именно в этом раннем пробуждении таилась причина его вечерних переживаний — он шел на закладку тайника.

«Коммерсант» спешил получить деньги за товар. Конверт с донесением свернул в трубочку и вложил в грязный обрезок старого резинового шланга, который затем завернул в целлофановый пакет.

— Господи, пронеси, помоги мне сегодня утром, — прошептали пересохшие губы иуды, уже проснувшегося, но еще лежавшего в койке.

Вскочил ровно в пять. Выпил чашку крепкого кофе. Посмотрел в окно на медленно оживающую улицу с редкими прохожими и машинами. В 5.30 вошел в лифт с кейсом, в котором лежало очередное шпионское донесение. Место закладки тайника находилось по пути на службу. Петлять не хотелось, он был сегодня, как никогда ранее, уверен в удаче. Тем более знал, что и как должен делать.

Тайник под условленным названием «Крышка» находился в районе долгостроя. Местом закладки тайника была стальная плита круглой формы, приваренная к металлической горловине недостроенного канализационного колодца. В облущенном бетоне низкого качества — рабочие, по всей видимости, больше положили песочку в раствор, а цемент ушел налево — возле горловины образовалась, словно специально для закладки тайника, неглубокая, как бы замаскированная раковина. Именно в нее «Коммерсант» и должен был вложить нехитрое изделие — камуфляж с «товаром».

Васильев знал, что вчера ровно в 19.30 по маршруту квартира — Ленинский проспект — посольство США проследовала иномарка вишневого цвета. Автомобиль марки «Крайслер» при-

надлежал второму секретарю американской дипломатической миссии в Москве, который, по данным оперативников, являлся кадровым разведчиком. Он снял визуально метку в виде буквы «Т». Больше от него ничего не требовалось...

А тем временем Васильев спокойно подходил к месту закладки тайника, потому что предварительная проверка не давала повода к беспокойству. Ни впереди, ни сзади посторонних не было. Он уже открыл кейс, достал контейнер и тут услышал за спиной... топот ног. К нему стремительно неслись четверо дюжих молодых людей, которые быстро заломили руки — боялись суицида, что случалось в последнее время не так редко. Один из оперативников предъявил удостоверение сотрудника органов госбезопасности, отрекомендовался и предложил дать объяснение по поводу резиновой трубки, оказавшейся у него в руках.

— Какое вы имеете право так вольно обращаться с офицером — полковником военной разведки? Я здесь по служебным соображениям и выполняю спецзадание, — ответил бледнеющий Васильев.

Он пытался вырваться из «дружественных» объятий офицеров группы захвата, дергался, но когда клацнули наручники — быстро успокоился. Резиновая трубка была уже у оперативников. Через несколько минут они извлекли сверток со шпионским донесением. На эту насадку вскоре попался и американский разведчик...

В тот день Васильев на службу не попал. Летящий на большой скорости «рафик» направлялся в Лефортово. Шпиона ждали следственный изолятор и долгая работа следователей с ним. Военные контрразведчики свое дело сделали, задержав американского агента с поличным. Вещественные доказательства преступной деятельности другого плана предстояло добывать уже следственным работникам.

Васильев вначале пытался всячески отрицать факт длительного сотрудничества с американской разведкой, но под воздействием все новых и новых улик постепенно стал признавать эпизод за эпизодом своего коварного преступления.

«Денежный дьявол меня попутал, жадность добила душу», — скажет он своему сокамернику.

На суде, с просящим видом глядя на судей, он пытался разыграть роль человека, случайно, по неопытности попавшего в расставленные сети противника. Он стал доказывать, что передал американцам «незначительный материал», а мог бы продать и большие секреты. Но его ложь опровергали факты.

Только жена — единственный человек — не сомневалась в словах мужа. Она оказалась действительно верной подругой в самом высоком смысле этого слова. Она не отрекалась от мужа даже тогда, когда он заслуженно обрел клеймо предателя. Женщина не верила в его черные дела, обивала пороги различных партийных и правовых инстанций в надежде найти хоть соломинку для спасения того, с кем шла рядом не одно десятилетие, кого искренне любила.

Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила шпиона В.В. Васильева с учетом нанесенного ущерба стране к высшей мере наказания — расстрелу.

Через месяц в газетах «Правда» и «Известия» появилось коротенькое сообщение о том, что ходатайство о помиловании предателя Родины В.В. Васильева отклонено. Приговор приведен в исполнение.

Глава 14

Черная зависть инициативника

Майор Бушин полтора года как возвратился из длительной заграничной командировки. Во Франции он проходил службу в должности помощника военного атташе. Материально обеспечил семье вполне сносную жизнь: купил советский вездеход — машину «Нива», приобрел мебель, придел семейство. Командование улучшило жилищные условия, предоставив на четверых трехкомнатную квартиру, определило его на службу в центральный аппарат ГРУ. Все было прекрасно — миловидная жена, послушные дети. Жизнь текла целеустремленно и весело. Начальство обещало ему вторую командировку в ту же страну, учитывая его высокий технический профессионализм.

Июньское воскресное утро зажглось рано, разбудив хозяина упрямыми лучами восходящего светила. Майор любил понежиться в постели.

— Зина, — обратился он к жене, — давай мотнем сегодня на Царицынские пруды — водичка там теплая.

— Чудесно, я согласна. Дети будут рады.

Выехали через пару часов. Солнце уже припекало, но сквозь приоткрытые стекла дверок машины залетал сквознячок, бодривший разомлевших пассажиров. Две дочки сидели на заднем сиденье и забавлялись котенком Тимошей, который никак не мог привыкнуть к новым условиям обитания. Он то мяукал, то пытался просунуть мордочку в щель приоткрытого стекла дверки, то угрожающе испуганно шипел, забираясь под переднее сиденье. Мать тоже подключалась к забавам дочерей. Только водитель был невозмутим — сосредоточенно вел машину, внимательно наблюдая за дорогой. По этому маршруту он ехал впервые.

Вот и место отдыха с массой отдыхающих и неумолкающим шумом. Пруд местами рябил, облитый желтыми бликами «солнечного масла», как говорил поэт.

— Какая красота!!! — выдохнула жена.

— А разве в Париже нам было хуже? — заметил супруг.

— Там ощущалась временность проживания.

— Я ее не ощущал...

— Кстати, ты знаешь, как называлось раньше село Царицыно? — неожиданно спросила Зина.

— Нет.

— Черная Грязь. Здесь работал великий Баженов, мечтавший соединить архитектуру с природой.

Лужайку, которую они выбрали, покрывала еще не затоптанная отдыхающими трава. О берег чуть плескалась вода. В настоженной неподвижности летнего полудня дрожала жестяная листва осинки, стоявшей рядом. В отяжелевших и склонившихся к пруду зеленых гривах кустов майору рисовались воды Версальского озера, на берегах которого он часто бывал с семьей.

— История царицынских строений, — продолжала жена, — восходит к правлению Екатерины. Именно она дала зодчему оче-

редной заказ построить здесь загородный императорский дворец. Десять лет самозабвенно трудился Баженов, и в Царицыне появляются здания, мосты, беседки, где красный кирпич и белый камень соединились в причудливые узоры.

— Наверное, иностранцы тоже приглашались для работы? — поинтересовался Петр.

— Увы — нет. Стрельчатые пролеты, арки, зубчатые башни, летящие фигуры, фантастические звери — химеры — все это создано руками отечественных крепостных, умом великого архитектора и было похоже на удивительную русскую сказку. Постройка еще была не закончена, но Екатерина захотела вдруг взглянуть на плод императорского желания. В 1785 году она приехала на стройку, но почему-то была не в духе. По одной версии, венценосной особе якобы донесли, что мастер стал на сторону ее недругов, замышлявших чуть ли не погубить ее. Когда из-за густых разлапистых деревьев показались первые строения, Екатерина остановила карету и, нахмурившись, спросила: «Что это за чудище? Это острог, а не дворец! Сломать его до основания!»

На следующий день те же самые крепостные каменщики и каменотесы, которые еще вчера трудились над созданием дворца, начали его рушить. Поседевший от переживаний за эти дни Баженов приезжал каждое утро в Царицыно и со слезами на глазах часами смотрел, как рушатся творения его души и рук мастеров. Скоро он слег... Вот такая история произошла на этой земле. Если бы осуществился баженовский замысел, мы бы с вами купались в великолепии не хуже версальского.

— Ну, ты, Зинок, и даешь, рассказала на уровне опытного гида. А вообще пора искупаться...

Возвращались домой отдохнувшие, хотя и слегка разбитые дневным зноем. Под впечатлением рассказанного женой, сидя за рулем и ведя машину теперь знакомым маршрутом, Петр мог немного расслабиться. Он предался приятным воспоминаниям о времени, проведенном во Франции. Вспомнился Лувр, слившийся с изумительным садом Тюильри. Старые каштаны по весне

молодо зеленели. Они с женой и детьми спокойно прошаживались по Елисейским Полям. И опять каштаны, каштаны, каштаны. На ветвях — конусные соцветия, похожие на елочные свечи. Грезились сумерки, окутавшие Париж фиолетовыми тенями, гребенчатые кровли с флюгерами, маленькие балкончики и стены старинных домов, увитые плющом и жимолостью. Как-то они шли по городу на исходе гаснущего дня. На фоне перламутровых облаков виднелся собор Нотр-Дам. Золотой лентой блестела Сена.

— Зина, ты помнишь наше посещение собора Парижской Богоматери?

— А как же! Там перед галереей королей и святых, стоявших в нишах портала, я, помню, присела на балюстраду, живо представив себе седое вчера — древнюю давность.

— Нет, нет, я тоже никогда не смогу забыть собора, — проговорил в задумчивости Петр. — Может, бог даст, еще раз съездим в Париж — эту европейскую Мекку.

— Дай бог. Как забыть статуи — конные и пешие, колена-преклоненные и стоящие во весь рост, королей древней Лютеции в зубчатых коронах, епископов в трехъярусных тиарах, воинов в доспехах, грозно опирающихся на громадные мечи! А ты, я не знаю, обратил ли внимание на то, что одни были изваяны грубо из простого камня, другие — из мрамора, успевшего пожелтеть, как волосы у дремучих седых стариков. Эти фигуры мне казались тогда живыми, готовыми вот-вот сойти с постаментов.

— Париж есть Париж, лапуня, — подытожил муж, выходя на последний поворот по дороге домой.

— Мама, папа, посмотрите, наш дом, — закричали хором девочки...

В понедельник, придя на службу, майор Бушин узнал неприятную для себя новость: руководство ГРУ запланировало на осень направить в Париж не его, как обещало, а майора Быкова, которого он считал вместе с непосредственным начальством намного слабее и в языковой, и в оперативной подготовке. Но как говорится, зависть — это сожаление о чужом благе. Зависть

есть ненависть, поскольку она действует на человека таким образом, что он чувствует неудовольствие при виде чужого счастья, и наоборот — находит удовольствие в чужом несчастье.

«Что делать? Как действовать? На какие рычаги надавить, чтобы вынудить руководство изменить, поломать планы?» — роились вопросы в голове завистника.

Наконец план созрел. Бушин понимал, что, для того чтобы выезд состоялся, нужен агреман — предварительное согласие МИДа Франции на назначение и въезд его в Париж в качестве дипломатического представителя СССР. Ответы на такие запросы советской стороне задерживались месяцами.

«Мне надо сделать так, чтобы французские власти не пожелали принять Быкова. Просто отказали. Только тогда кадровики вернутся к моей кандидатуре, — размышлял Бушин. — Мы с ним редкие специалисты. Есть два пути: связаться в Москве с представителем посольства Франции или написать в Париж знакомому офицеру из пресс-службы центрального аппарата Министерства обороны Марселю Бонэ*».

В свое время, когда у Бушина заканчивалась командировка и он на одной из встреч рассказал Бонэ о скором возвращении на родину, тот на первый взгляд огорчился, а через несколько дней преподнес советскому офицеру уникальный подарок — книгу о Наполеоне, изданную в XIX веке в репринтном варианте...

— Прими, Петр, этот духовный сувенир. Пусть он тебе напоминает о величайшем человеке Франции, чей гений одержал победы более чем в шести десятках сражений, — с пафосом проговорил французский полковник. — Я думаю, Богородица подарит нам возможность встретиться еще раз на этой земле, которую ты и твоя семья искренне полюбили.

Не остался в долгу и советский офицер. На следующей встрече он подарил французу чайный сервиз из Гжели. Бонэ был растроган и пригласил Бушина приехать в Париж туристом, а лучше снова по служебной линии.

— Марсель, я обязательно постараюсь быть хорошим и прибить во вторую командировку в вашу столицу, воздухом и видами которой я живу и буду жить всегда, — ответил захмелевший Бушин. На том и расстались.

И вот вновь перед советским майором возник образ французского полковника, являвшегося, несомненно, представителем военной разведки под этой «крышей».

«Конечно, вариант с Бонэ более надежен, — подумал офицер, — но быстрее решится задача непосредственно через посольство».

После этого он стал систематически появляться в районе расположения французской дипломатической миссии на Октябрьской площади. Изучал особенности пропускного режима, наблюдал за действиями охраны, вычленяя и запоминая приметы сотрудников посольства, к которым можно будет потом обратиться где-то в городе.

И все же он очень опасался неожиданной встречи с сослуживцами и нашей охраной посольства, которая моментально бы дала ориентировку на него «наружке», а та бы мгновенно вышла на него. А потом попробуй отмойся!

Решил действовать по-другому. Зная, что его подразделение отправляет диппочту почти каждую неделю, он подготовил в Париж два письма. Первое написал другу — дипломату Стасу Росточкому, с которым осушили не одну бутылку коньяка, дружили семьями, бывали друг у друга в гостях. Другое же письмо с рождественским поздравлением адресовал Бонэ. В нем говорилось:

«Здравствуй, уважаемый Марсель!

Высылаю вместе с поздравлением мою убедительную просьбу. Дело в том, что к вам готовится прибыть на мою предыдущую должность помощника военного атташе майор Быков Игорь Васильевич, человек опытный и знающий, способный активно вести работу против вашей страны. Сделайте все возможное, чтобы он не получил агремана. В таком случае есть возможность приехать мне снова в вашу прекрасную страну.

Обязуюсь за услуги тебе и Франции помочь. Обнимаю.

С уважением Бушин».

Записку он вложил между плотных корочек двойной открытки, а ее — в конверт, заклеенный скотчем. Оба письма упаковал в один конверт большего размера, на котором написал печатными буквами красным фломастером:

«Станиславу Ростоцкому. Посольство СССР в Париже».

В письме к Станиславу просил передать конверт с поздравлениями французу, которого он тоже знал.

Пакет передал через офицера Петрова, с которым поддерживал дружеские отношения. Кстати, в нарушение порядка отправки материалов из ГРУ, таким образом, как выяснилось позже, в те времена передавались не только письма, но и вещи. Последний заверил, что через несколько минут упакует почту и законным порядком отправит письмо по назначению.

Время шло, а ответа от Станислава все не было. Петров клялся и божился, что конверт отправил. Вскоре пришел агрессман на Быкова, и тот благополучно уехал за границу. Вот тут-то и начал волноваться Бушин.

«Неужели прокол? Не мог Петров меня продать, как и Стас... А может, письмо не дошло до адресата, — беспокоился майор. — Тогда это опасно. Что же делать? Явиться с повинной на Лубянку? Все равно меня выпрут из ГРУ, если история станет известна начальству. Не надо спешить, нужно подождать и посмотреть, как будут разворачиваться события. Сам рапорт на увольнение писать не буду».

Однако события разворачивались стремительно и не в его пользу. Руководство ГРУ дало команду срочно уволить молодого старшего офицера. Когда начался тихий «бракоразводный» процесс Бушина с ГРУ, офицер никаких претензий кадровикам не предъявлял, прекрасно понимая, что командованию, очевидно, стало известно о его письме с фактическим предложением услуг французской разведке. Руководство ГРУ боялось огласки, а поэтому торопилось сделать Бушина гражданским лицом. Мотивировка приказа — уволен по сокращению штатов — его вполне устраивала.

Но, как говорится, не успели высохнуть чернила на подписи приказа, как компрометирующие материалы на «вольноопределяющегося» были переданы в 3-е Главное управление КГБ военным контрразведчикам, — разбирайтесь, мол, сами, он теперь не офицер, а «цивильник».

Военной прокуратурой была сразу же дана правовая оценка деяния Бушина: покушение на измену Родине. Следствие вел Следственный отдел КГБ СССР, сотрудники которого доказали наличие состава преступления...

Стороженко на совещании с оперсоставом на примере противоправных действий Бушина заметил, что еще чуть-чуть — и мы бы проглядели будущего шпиона. Досталось по справедливости и капитану Щеглову, на объекте которого служил инициативник. Он пытался оправдаться, но факты «прокола» на службе были налицо, с чем, к его чести, он все же согласился.

Долго еще оперативники деловито обсуждали этот сбой на оперативных совещаниях, что явилось дополнительным, конкретным учебным материалом для молодых сотрудников. Погрешности чекисты старались не прятать, «не загонять болезнь вглубь» неуклюжими оправданиями, а врачевать критикой и деловой помощью...

Потом был суд.

Судила Бушина Военная коллегия Верховного суда СССР. Он на процессе являл то самую невинность, то показывал судебному присутствию серьезную и глубокую переоценку того, что совершил.

— Да, я очень хотел снова попасть в Париж, даже ценой готовящегося предательства, — заявил он председательствующему на суде.

По завершении процесса один из ветеранов ГРУ сказал:

— После войны и даже в 50-х годах, когда авторитет страны был велик и работать военным разведчикам стало легче в силу притягательности народов к стране — победительнице и освободительнице, у офицеров не было такого массового стремления попасть за границу. Сейчас же молодежь рвется туда, хотя знает, что там советским гражданам не очень-то дадут развернуться. Их провоцируют, задерживают, бьют, вербуют... Не парадокс ли? Одним патриотизмом такое явление не объяснить. Стало престижно не уходить в «поле» для вербовки иностранцев, а, рабо-

тая «ножницами» по газетам и журналам, спокойно жить. Вот ответ на вопрос, почему офицеры рвутся за рубеж. Материальная сторона — тоже своеобразная парадигма. А с другой стороны, получают все одинаково, хотя работают по-разному. Такого явления раньше не было...

На вопрос обвинителя, как подсудимый планировал построить жизнь в случае отъезда во вторую командировку, Бушин без обиняков ответил:

— Если откровенно, то, конечно же, поработал бы на французов, потому что они в любое время могли меня шантажировать запиской полковнику Бонэ. Несомненно, они помогли бы мне материалами для демонстрации активной работы. На Родину вернулся бы, по всей вероятности, шпионом.

Откровенные признания поразили судей: во-первых, неприкрытой циничностью, а во-вторых, сермяжной правдой, на которую способны только раскаявшиеся натуры.

Сидя в зале судебного заседания и наблюдая за поведением Бушина, Стороженко все чаще ловил себя на мысли, что часть офицерского корпуса, выведенного из равновесия падением престижа воинской службы, низкими окладами и бытовой неустроенностью, деградировала, что свидетельствовало об ошибочности проводимой военной политики государства, особенно в «перестроечный» период.

По вине партийных вождей последствия такого «рачительного хозяйствования» на ратной ниве начали сказываться даже на военнослужащих стратегической разведки.

После суда Бушин терзался, желая поскорее покинуть следственный изолятор и в лагере отдаться любой работе — он сознавал, что в работе быстрее бежит время. Вспомнились слова жены, сказанные ею однажды, когда разговор крутился вокруг денег. Она тогда сказала, что простейший способ не нуждаться в деньгах — не получать больше, чем нужно, а проживать меньше, чем можно.

«Я же нарушил сей принцип, — подумал Петр. — И вот как результат — камера. Сделаю все возможное, чтобы поскорее освободиться. Буду землю зубами грызть, только бы поскорее выйти и зажить по-новому, на свободе. А пять лет, данные по су-

ду, я укорочу досрочным освобождением. Надежда — она похожа на ночное небо: нет такого уголка, где бы глаз, упорно ищущий, не открыл бы в конце концов какую-нибудь звездочку. Моя звездочка — вернуться к семье».

Бушину еще несколько месяцев пришлось отбывать срок в Лефортове. Были и другие камеры, и другие люди в них. Остался только он со своими мыслями, будоражившими его самолюбивую натуру.

Стороженко, получая информацию из различных источников об откровениях осужденного в камере, еще раз убеждался в том, что поступки и преступления лепятся обстоятельствами и характерами конкретных личностей, стержнем которых в большинстве бывают деньги, а не убеждения.

«Разве с такими здоровыми мыслями о судьбе Родины, о болячках страны, — размышлял Николай, — могут вырасти закоренелые упыри государства? В тяжелую годину для Руси они сразу же встанут в строй ратников, как это было в минувшее лихолетье, когда героями в борьбе с фашистами становились и обиженные властью люди. А какая власть не обижает? С другой стороны, за воровство себе лучшей доли надо платить ценою неволи, хотя каждый, преступивший закон, надеется уйти от возмездия. Люди, считающие деньги «вездеходом» по замкам счастья, постепенно превращаются в одержимых этой идеей».

Прошло еще несколько недель, и Бушин ехал в арестантском вагоне. Впервые через зарешеченное окно он прощался с просторами Подмоскovie. Прощался, чтобы где-то в Мордовии отработать за свою роковую «оплошность», которая привела к леденящему душу приговору суда: «Покушение на измену Родине».

Глава 15

Осечка для вербовщиков

Югославия. Белград. Посольство СССР. Кабинет руководителя военной разведки полковника Кобзева Григория Петровича. Хозяин любил комнатные цветы. На подоконниках, этажерках, пол-

ках, всевозможных карнизах и выступах стояли причудливых форм горшочки, увенчанные сочной листвой и яркими соцветиями. Здесь нашлось место для фикуса и кактуса, азалии и драцены, араукарии и столетника и еще каких-то цветов и растений, приобретенных любознательным натуралистом по жизни и подаренных коллегами-подчиненными.

Большинство это делали искренне, уважая слабость начальника к его, казалось бы, неестественному для суровой профессии разведчика хобби. Однако были и такие «дарильщики», которые надеялись после этого на снисхождения в службе. Для такой породы блюдолизов разочарование наступало достаточно быстро. Служба у Григория Петровича была на первом месте — он ею жил! Он был настоящим бойцом невидимого фронта.

На столе лежали свежие газеты и журналы, которые он постоянно, пусть по диагонали и быстро, прочитывал все. Нужные сведения находил в публикациях по заголовкам и ни разу не ошибался. Кобзев умел вычислить и вычленить главное из потока газетно-журнальной информации, оценивал ее с позиций профессионала и смело, некоторые обработанные материалы отправлял в Центр. Его обобщенные справки и шифротелеграммы, сделанные на основе открытых источников, Москва читала с интересом. Это был специалист, которому периодика приносила информационные плоды, так как он мог отличить правду от дезинформации.

Однако сейчас его мысли были заняты другим делом, более важным, чем чтение прессы. Предстояло организовать и провести ответственную операцию в одном из городов на побережье Адриатического моря. Готовилась встреча с ценным агентом, который прибывал туда на короткое время по коммерческим делам. Встал вопрос: кого послать? Кандидатов и много, и мало. Подумав, выбор остановил на майоре Ветрове. Он уже второй раз в командировке в Югославии. Опытный работник, часто бывал в том городе.

Именно в это время позвонил посол и пригласил к себе в кабинет. Своему заместителю полковнику Терехову Кобзев дал команду:

— Найдите Ветрова. Он мне будет нужен после беседы с «дедом».

Так вся советская колония величала ласково посла, умудренного опытом профессионала-дипломата, не в пример другим — проштрафившимся или не приглянувшимся Москве секретарям обкомов партии или чиновникам разных уровней и профессий.

Посол знал о своей кличке и никогда не обижался — по всей видимости, опытному дипломату нравился этот почетный титул «деда».

Майор Ветров Николай Иванович ждал очередного звания. Работал под «крышей» Торгового представительства. Дело свое и «чужое» по линии Министерства внешней торговли знал великолепно. К нему, как к опытному сотруднику, обращались и «чистые» — торгпредовцы, и те, кому по роду служебной деятельности предстояло сражаться на невидимом фронте под флагом этой организации.

Активной работы против Югославии в то время ГРУ, как и ПГУ КГБ, не вело. Однако с учетом того, что эта балканская страна представляла один из стратегических перекрестков Европы, где почти все разведки мира чувствовали себя раскованней, чем в других государствах, наши резидентуры держали руку на пульсе событий.

Советское руководство прекрасно понимало, что Балканы были и будут объектом раздоров и источником локальных межнациональных конфликтов, местных войн, переходящих в мировые. Именно здесь находилась всемирная бродильня гражданских сшибок, готовых в любой момент выплеснуться из федеративной бочки, еле сдерживаемой государственными обручами. Чего стоило Косово...

Нагло, с нахрапом работали американцы, умело и тонко плели вербовочную паутину — англичане, осторожно, но целеустремленно действовали немецкие спецслужбы.

Югославия 70 — 80-х годов прошлого столетия чем-то напоминала по оперативной обстановке Швейцарию предвоенного и

военного времени, кишашую резидентурами, конспиративными и явочными квартирами, почтовыми «ящиками», связниками и агентурой соперничающих между собой разведок мира.

Все это старо как мир. Так было, так есть и будет, пока будет существовать границы, делящие планету Земля на державы, империи, республики, федерации и конфедерации...

У посла Кобзев задержался ненадолго, но характер беседы был не из приятных. Оказывается, его подчиненный подполковник Иваненко попал в автомобильную аварию. В этой истории была одна странность: советский военный дипломат якобы пытался незаметно до приезда стражей автодвижения скрыться с места происшествия.

— Что-то непохоже на Валентина, — ответил послу полковник. — Парень смелый, решительный, никогда не боялся говорить правду, даже горькую. Ладно, разберемся.

Подходя к кабинету, Кобзев увидел майора Ветрова, ожидавшего у двери его «зеленого» кабинета. Обменялись приветствиями. Кобзев открыл дверь, пропустил вперед Ветрова и предложил стул за приставным столом. Затем он потянулся к радиоприемнику «Филипс» и включил его. Сквозь густую черную сеточку динамика полилась веселая музыкальная мелодия, не мешающая разговору, но создающая защитный фон от подслушивания. Именно многолетний опыт заставил его сделать этот шаг.

— Ты извини, я позвоню.

Он набрал телефон полковника Терехова и дал команду разобратся в дорожно-транспортном происшествии Иваненко.

— Он у меня, — ответила трубка так громко, что Ветров успел расслышать эту фразу.

— Разберешься — доложи... Я буду в течение часа занят, так что не тревожь.

Хозяин кабинета повернулся к майору и сразу же начал почти официально, перейдя на «вы», с конкретного вопроса:

— Николай Иванович, вы, кажется, бывали в Дубровнике?

— Да, был там во время первой командировки.

— Хорошо знаете город?

— Мне пришлось там поработать почти месяц. Многие улицы знакомы. В окрестностях тоже бывал.

— Я хочу вас туда направить. — После этих слов он начал четко ставить задачу: обрисовал ситуацию и его конкретные действия, дал приметы иностранца, пароль и отзыв, время и место встречи.

— Думаю, надо поехать туда с семьей, — продолжал полковник. — Двойная выгода: оперативная и культурная. Покажите Ларисе и детишкам город, о котором Бернард Шоу когда-то сказал, что «те, кто ищет рая на земле, должны приехать в Дубровник». Тем более у вас там есть, как я знаю, и торгпредовские дела...

На следующий день майор Ветров с женой Ларисой, сыном Костей и дочуркой Катей выехали на автомашине в Дубровник. Белоснежный «Опель», выбравшийся из городской машинной сутолоки и многочисленных пробок, полетел навстречу ветру. При нарастании скорости он буквально прилипал к гладкому дорожному полотну автострады. Для семьи это был подарок судьбы: когда бы пришлось выбраться?!

Проплывали села и поселки, холмы и горы, шустрые речки и говорливые ручьи, несущие талую воду с вершин гор в низовье. Они наслаждались лоскутными, заботливо ухоженными полями, одинокими чистенькими, словно игрушечными хуторами, заселенными спокойными, неторопливыми людьми...

Красные черепичные крыши весело смотрелись на зелено-голубом фоне щедрой растительности и безоблачного неба.

К Дубровнику подъезжали к концу дня. С высоты хорошо была видна его подковообразная панорама. Дети спали — разморил жар.

— Лариса, разбуди короедов, пусть посмотрят местные красоты. Кстати, ты знакома с историей появления этой жемчужины Югославии?

— Нет, не приходилось читать, — ответила супруга, не отрывая взгляда от широко раскрывшейся панорамы.

— Версий много, но мне кажется, и я в нее верю, есть одна наиболее правдоподобная. Дело в том, что, по словам местного священника — летописца Дуклянина, прототипа нашего Пимена, Дубровник был основан в седьмом веке славянским королем Павлимиром на довольно-таки узкой части берега, окруженной с трех сторон густым сосновым и дубовым лесом. Отсюда и возникло название — Дубровник. Происходит оно, очевидно, от славянского слова «дубрава».

Проснувшиеся дети тоже внимали отцовскому рассказу.

— Если посмотреть с моря на эту крепость, — продолжал Николай, — то она как бы вырастает из его глубин. Море то ласково плещется у стен, то обрушивает на них в непогоду огромные валы с бирюзово-снежной пеной на гребнях. Горы охватывают город гигантским амфитеатром, в который вплетаются разноцветным ожерельем вишневые сады, рощи из цитрусовых деревьев и виноградники...

Он продолжал говорить и говорить, но Лариса уже не слушала его, она была поглощена окомом: белыми домами с красными чешуйками черепичных крыш, зелеными ставенками в виде жалюзи от солнца, небольшими огородиками, скорее напоминающими декоративные клумбы, и узкими полосками садов на террасах. Видно было, как, обняв полукругом старый город, лента белоснежных отелей и золоченых пляжей распласталась вдоль побережья Адриатического моря.

Остановились в отеле «Орландо», расположенном в окрестностях города. Это была бело-серая коробка с видом на море. Справа виднелись четко прорисованные в прозрачном воздухе невысокие старые горы, зелень которых в низине у подножия отличалась густотой и сочностью. Вокруг, как дозорные в маскахалатах, стояли кипарисы. Роскошные пальмы качались гордыми ветвями, как на рессорах причудливые дилижансы...

На следующий день, когда утро ворвалось яркими снопами южного солнца в номер отеля, все семейство вышло на лоджию и искренне любовалось открывшимся видом с высоты много-

этажки. Казалось, небо было морем, а море было небом. Голубизна, а скорее, ультрамарин забивали все остальные краски.

Позавтракав и собрав вещи, семейство отправилось к автомашине. Доехали до кемпинга, потом поднялись по улочке вверх и остановились у галантерейного магазинчика. Николай припарковал «Опель» рядом с небольшим уютным сквером. Усадив жену с детьми на лавочку под разноцветным тентом и угостив всех мороженым, он велел подождать его минут сорок и никуда не отлучаться. Вернулся он через час, бледный и усталый.

— Быстро в машину, — скомандовал негромко Николай, оглядываясь по сторонам.

Жена догадалась о том, что сделал супруг, и по его веселым глазам поняла, что свое задание он выполнил успешно. Без лишних вопросов она заторопила детей:

— Хватит, погуляли, посмотрели, отдохнули, а теперь — по коням.

Автомобиль рванулся, как пришпоренный шенкелями рысак. Вот и центральная автострада. Ветров возвращался в Белград с удачей: у него под сиденьем лежали материалы ценного агента. Но это не была удача, делающая глупцом того, кому она отдает свою благосклонность. Как говорил М. Пришвин, удача — это мера счастья в ширину, а неудача есть проба на счастье в глубину. Ветров получил меру счастья в ширину, а поэтому его грудь распирало чувство выполненного долга.

Передавая коробку с «шоколадом» руководителю резидентуры, Николай честно признался, что такого напряжения он еще ни разу не испытывал. Разумная активность и осторожная напористость Ветрова в работе нравились Кобзеву. Майор располагал умением быстро завязывать контакты с незнакомыми, но нужными службе людьми. Обладал прекрасными аналитическими способностями. Опыт работы в информационных подразделениях ГРУ благотворно сказывался на организации подготовки документов в Центр.

Но к нему присматривались и американцы, прекрасно понимавшие, что именно в активности этого молодого и сильного «зубра» военной разведки, приехавшего в страну повторно, заключается опасность и для них.

Посольство США в Белграде. В кабинете резидента ЦРУ Давида Брокмана чуть слышно работал кондиционер. Вокруг хозьяина, заядлого курильщика, и в его апартаментах всегда стоял запах особой смеси табака фирмы «Данхилл» для специальных трубок. Включенный радиоприемник передавал последние известия местного радиоцентра. Брокман никогда не выключал «Панасоник» — патологически боялся «прослушек», в том числе и чекистских. Ему мерещились козни КГБ и ГРУ чуть ли не каждый день. «Русским медведем» он постоянно пугал своих подчиненных. Дамокловым мечом висел над ним страх, а, как известно, страх — это ожидание зла. Страху свойственно преувеличивать истинное значение события, которое может и не наступить, поэтому, как писал когда-то Б. Шоу, быть рабом страха — самый худший вид рабства. Но таким уж была натура у Брокмана, а против природы, как говорится, не попрешь.

Он нажал кнопку селекторной связи и хриловатым голосом отдал команду дежурному:

— Пригласите ко мне Зенчука.

— Слушаюсь, сэр, — ответил дежурный.

Майкл Зенчук — американец украинского происхождения, отец которого еще в 20-е годы, боясь ответственности перед новой властью за ревностное служение пану Петлюре, эмигрировал в Америку. Его сын после окончания университета и непродолжительной работы в строительной фирме, выдержав проверку на лояльность, был приглашен на работу в ФБР, а потом перешел в «компанию» — так зашифровывали всегда ЦРУ.

На различных курсах ЦРУ, которые прикрывались словом «фирмы», ему внушили, что обязанности человека выходят за рамки его личности и распространяются на семью, общество и страну и что уважение к властям является хорошим качеством respectable гражданина. Он прошел также курс выживания в городе Рино, штат Невада. Недельный поход по горам в снегоступах оказался истинным мучением...

Зенчук слыл специалистом по славянским делам, хорошо разбирался в процессах «балканизации» в Югославии. Но еще глубже он знал проблемы Советского Союза. Служба в ФБР наложила отпечаток на личность Зенчука, сделала его крайне осто-

рожным в делах столь ответственных, каким он считал вербовочные акции в разведке. Одно время он служил в Москве, но оттуда его скоро выпроводили — попался на фотографировании режимного объекта. Объявленный персоной нон грата, он был рад вернуться в США, ибо советская контрразведка работать «плодотворно» ему не давала...

Дверь брокманского кабинета после звонка приоткрылась, и во входном проеме появилась огромная треугольная голова Зенчука, напоминающая столовую свеклу, выращенную на украинском черноземе.

— Добрый день, Майкл. Присаживайся... Так что у нас есть на Ветрова? — с ходу спросил резидент.

— Сэр, я уже вам докладывал, что мой человек из органов безопасности в Белграде собрал несколько досье на активно работающих против нас советских разведчиков. Среди них наряду с чекистами значится и очевидный «грушник» — Ветров Николай Иванович, работающий под торгпредовской «крышей». — Майкл начал перечислять известные ему установочные данные: — Это его вторая командировка в Белград. Знающий дело, физически силен, смел, обладает тонким оперативным чутьем, натура темпераментная, напорист и коммуникабелен. Располагает широкими связями среди местных граждан, имеющих отношение к бизнесу и журналистике. Пользуется успехом у женщин. Недавно выезжал в Дубровник с семьей на отдых — экскурсию. К сожалению, мы поздно узнали о его планах, поэтому не смогли как следует проконтролировать поведение россиянина на курорте.

— Плохо, очень плохо, что не сумели, — раздраженно среагировал Брокман. — Его работу надо немедленно нейтрализовать. Продумайте план и доложите. Неделя вам срока.

— Есть, сэр, слушаюсь — будет исполнено!

В назначенное время Зенчук уже сидел в кабинете резидента. Он раскрыл красную пластиковую папку и положил на стол шефу восемь листов плана получения компматериалов на Вет-

рова с целью если не выпроводить его за пределы Югославии, то хотя бы существенно сковать работу советского военного разведчика.

— Особенностью оперативной обстановки является то, что жена Ветрова с детьми несколько дней назад выехала по семейным обстоятельствам в Союз. Он остался один, часто бывает в городе. Хобби — любит мастерить. Навещает строительно-инструментальный магазин «Блэк энд Деккер». Нередко покупает там инструменты. Как вы знаете, хозяйка магазина Сюзанна Брайкович — наш человек. Вы должны ее помнить. Она участвовала в акции против поляка.

— Ну, как же, прекрасно помню этого испуганного пшека. Кажется, если мне память не изменяет, его звали Болеславом, — вставил Брокман. — Он до сих пор работает на нас, боялся разоблачения его шашней с этой красавицей. Вот надо Ветрова и познакомить с нею. А затем уложить его в постель на «квартире» Сюзанны. Я считаю, она справится с такой задачей — огонь-баба!

— Именно с этим планом я и пришел к вам. Вот его подробные этапы осуществления. — Он протянул папку шефу.

Прочтя документ, резидент бросил взгляд на подчиненного, внимательно наблюдавшего за мимикой и жестами своего шефа.

— Вижу, все продумано до мелочей. Я думаю, есть полные гарантии, что попадется донжуан в наши руки. Сюзанна его не выпустит чистым, — заулыбался хозяин кабинета.

Действительно, Ветров несколько раз бывал в уютном магазине инструментов. Его увлеченность и интерес к поделкам развивали вкус к уюту, но в ответ требовали практичного и качественного инструмента, которого, к сожалению, в Союзе на магазинных прилавках в те времена не было.

Недавно он приобрел шлифовальную машинку. Не мог не купить у такой очаровательной хозяйки магазина, хотя, если по-серьезному, он давно положил глаз на этот крайне необходимый инструмент при работе с деревом. О его золотых руках знали сослуживцы как в Москве, так и в посольстве. В московской квартире многие вещи были сделаны продуманно в смысле встроен-

ности в габариты маленькой квартиры и с фантазией руками самого мастера.

Еще Ветров давно хотел купить небольшой по размерам электрический рубанок — тоже давнишнюю мечту. Отсутствие жены ускорило решение этой задачи. Получив очередную зарплату, неподконтрольную «семейному главбуху», он после работы направился в пригланувшийся магазин. Поинтересовавшись наличием нужного инструмента и получив отрицательный ответ, он задал естественный вопрос:

— А когда он будет в продаже?

Узнав Ветрова по предъявленной Зенчуком фотографии, Сюзанна любезно предупредила «нужного» покупателя, что завоз товара ожидается завтра.

На следующий день после напряженной работы Николай неожиданно вспомнил: он же договорился в магазине!

Прихватив кожаную сумку с ремнем через плечо, он направился пешком, — машина закапризничала. Благо магазин находился недалеко от советского посольства. Ветров успел войти перед самым его закрытием.

— Меня зовут Сюзанна, — отрекомендовалась хозяйка, когда последний покупатель покинул магазин.

— Очень милое имя. Меня нарекли Николаем. Я пришел за электрорубанком.

— Ну, тогда, Николай, пойдете в подсобку — сегодня привезли много товара. Я еще не разобрала. По вашей просьбе я заказала около десятка моделей. — С этими словами она приоткрыла дверь в соседнюю комнату и стала демонстрировать в красочных коробках инструмент. — Пожалуйста, выбирайте.

— Ну, Сюзанна, глаза разбегаются.

— Николай, вы смотрите, а я на минуту — дверь закрою: рабочий день окончен. Надо и отдохнуть, настоялась за день у прилавка. Жара неимоверная сегодня. «Кондишены» и те задыхаются, а человек должен выдерживать.

Она буквально выпорхнула в зал. Слышалось, как щелкнул замок-здвижка в двери, как заскрипели опускающиеся жалюзи на окнах. Вскоре она вернулась.

— Я уже выбрал. Даже не верится — 14 500 оборотов в ми-

нуту! Вот он — марка ВД-750. с такими оборотами должен чисто обрабатывать доску.

— Вижу, вы специалист по деревяшкам...

— Люблю доски, рейки и бруски. Нравится текстура разных пород — это голоса деревьев. Закончил я когда-то строительный техникум, — признался Николай.

Расплатившись за покупку, он хотел было уже покинуть магазин, как неожиданно хозяйка предложила:

— Николай, говорят, по русскому обычаю надо обмыть купленную вещь... иначе может случайно сломаться рубанок или плохо работать. Что, я неправду говорю? Или такой традиции уже нет у россиян?

— Нет, все верно, — ответил Ветров, понимая по-мужски, чем может кончиться такой обмыв.

Русским языком Сюзанна владела прекрасно. Она пояснила, что детство и юность вместе с родителями (мать — украинка, отец — серб) провела в Штатах, окруженная выходцами из России. В Югославии она трудится по контракту. Муж работает в ФРГ на военном заводе. Сейчас уехал в длительную командировку в ЮАР.

«Зачем мне все это она говорит? — обожгла мысль Ветрова. — В принципе для нужд службы по прямому назначению совершенно неинтересная особа, хотя последний штрих интригует: муж — «оборонщик», выражаясь нашим языком, да еще в Западной Германии. Если правду сказала о муже, можно и поработать, а коль нет — это уже опасно. Надо проверить, но как?»

А в это время женщина уже хлопотала за импровизированным столом своеобразного магазинного «week-end», выставив плоскую бутылку виски и приготовив несколько бутербродов. Сели на небольшой диванчик. Первый тост подняли за долговечность купленного инструмента. Второй — за знакомство, а третий — за славян, которым всю жизнь не везло с вождями, бездарно правящими государствами. Обсуждалась тема враждебности Запада к славянским народам. Четвертый выпили на брудершафт.

— Заметь, Николай, все потоки европейско-азиатских столкновений проходили через славянские пространства. Войны закаляли наши народы и делали из них настоящих воинов. Югославия тому пример. Гитлеровцы никак не могли справиться с балканскими партизанами, потому что у них существовал прочный фундамент высочайшего патриотизма, — философствовала явно захмелевшая молодая женщина.

Постепенно завязалась настоящая научная дискуссия. Закончилась она духовной солидарностью, взаимными объяснениями в симпатиях, поцелуями, сначала в щечку, а затем с более глубоким содержанием. Перед молодым симпатичным мужчиной сидела интересная захмелевшая женщина. Ее раскрасневшие щеки излучали такое тепло, что к ним хотелось прижаться хотя бы на мгновение. Глаза с поволокой, бросающие томные взгляды, звали к себе. Они все сильнее будоражили Николая.

Неожиданно она приблизилась к россиянину, обняла его за плечи, и они слились в едином поцелуе, нежно покусывая друг друга губы и теребя волосы. Когда господствует страсть, нет места для умеренности, потому что страсти — это облака, затемняющие солнце разума...

Они лежали на диванчике в объятиях друг друга.

— Николай, как мне хорошо с тобой... я умираю. Что ты делаешь с моим сердцем? — шептала Сюзанна. — Я никогда не была так счастлива, как сегодня. Спасибо, мой дорогой рыцарь, нежданно опустившийся с небес. Я давно ждала именно такого...

Разошлись так же быстро, как и сошлись. Правда, Сюзи, так успел ее наречь Николай, пригласила его в гости домой в субботу. Он согласился, несмотря на появившуюся смутную настороженность. Однако чувство взяло верх, потому что оно обманывает наш разум. Его можно заставить замолчать, но нельзя указать ему границу, или, как говорил великий И. Гёте, — чувства не обманывают; обманывает составленное по ним суждение, а последнего не было. Он потянулся к этой миловидной женщине, сумевшей быстро и легко завоевать его сердце.

Дни до субботы тянулись медленно, несмотря на служебную

загруженность. Все мысли в минуты воспоминаний о «магазинной истории» концентрировались на объекте под именем Сюзи. Он порой терял голову, но в промежутках появления трезвого рассудка прекрасно понимал, что это всего лишь мимолетное влечение, способное снять напряжение, накопившееся за неделю.

Он оправдывал себя перед собой, считая, что действовал правильно, ибо жалость, повлекшая конкретный порыв к разбуженной женщине, — поступок благородный.

«С Ларисой — это уже не любовь, а привычка, семейная проза, — убеждал себя дамский воздыхатель. — С Сюзанной — это поэзия «быстротекучих дней и мимолетного влечения».

Встретились у магазина после работы. Она заранее попросила не брать автомашину, так как ехала на своем «жучке»-«Фольксвагене» и обещала угостить хорошим сухим вином, к которому Николай издавна был неравнодушен.

«Откуда она знает о моем пристрастии к сухим винам? — настойчиво застучал вопрос в голове. — Наверное, просто так. Хотя...»

— Здравствуй, хозяйка!

— Добрый вечер, столяр! — улыбнулась женщина.

— У тебя все нормально, планы не меняются?

— Какие могут быть перемены, когда рядом такой представительный кавалер?!

Опытный взгляд Ветрова заметил в бегающих глазах и чуть уловимом дрожании в голосе дамы какие-то нотки беспокойства. Она улыбалась, шутила, строила глазки, но, как показалось Николаю, думала о чем-то другом, очень далеком от обстановки в салоне машины, которую вела уверенно и даже лихо.

«Что это с ней? — подумал Николай. — Неужели готовится провокация? Зачем же я ищу на свою голову приключений? Но не в моем характере сходить с половины дистанции. Спокойнее, Коля, не пугай себя, а то так можно и беду накликаешь. Если это подстава — отыграюсь!»

— У тебя какие-то неприятности? — спросил неожиданно Николай, не узнав своего осевшего от волнения голоса.

— С чего ты это взял? Просто замоталась на работе. Ничего, снимем усталость. Надо быть оптимистом, иначе в этой жизни

быстренько свернешься, как подожженная береста. Хочется уже отдохнуть, — ответила женщина за рулем.

Они подъехали к небольшому отелю. Поднялись на второй этаж в номер люкс, представляющий собой двухкомнатную квартиру с большой кухней. В центре ее стоял круглый стол из мореного дуба с четырьмя табуретками, сделанными из этого же материала. Слева от стола на стене висели полки, выполненные под старину. На них стояли чашки, тарелочки, кувшинчики, бутылки и разные безделушки.

— Вот здесь я живу, коротая в одиночестве пустые вечера, — произнесла нежным голосом Сюзанна.

— Ну что ж, приличное жилище. В нем можно и нужно только отдыхать.

— Мы жить плохо просто не умеем, — засмеялась женщина.

— Лицо хозяйки показывает кухня. Порядок, уют, чисто-та, — заметил гость, нежно обняв подругу за талию.

— Я приготовлю что-нибудь, а ты иди в комнату. Посмотришь, пока я буду готовить застолье, неплохой фильм. Я сейчас поставлю кассету.

Она проводила «любовника» в комнату и включила видеомагнитофон. Начало фильма он пропустил за разговорами и разглядыванием интерьера комнаты. Взглянув на экран после ее ухода, он увидел картину какой-то драки гангстеров-мафиози с итальянскими карабинерами.

За журнальным столиком стояли два небольших кресла, обшитых кожей зеленого цвета. На стене висела репродукция картины Ж.-Б. Лепренса «Ярмарка». В темном углу стояли огромные напольные часы. Длиннющий маятник, раскачиваясь, издавал звуки, напоминающие удары метронома.

«Как же они должны бить, если так звонко ходят?» — подумал Николай и живо обернулся в сторону входящей Сюзанны с подносом, заставленным всякими яствами. Вторым выходом она принесла бутылку красного вина и два фужера, играющих точеными гранями дорогого хрусталя.

— Извини, пожалуйста, за задержку. А теперь можно и присесть. Может, тебе виски?

— Да нет, не стоит мешать этот шотландский самогон с таким благородным красным напитком.

— Твоя воля. Тогда давай выпьем за надежду. Ни один врач не знает такого лекарства для усталого тела и измученной души, как надежда, — украсила тост словами Стефана Цвейга счастливая Сюзанна и внимательно посмотрела на гостя.

— За такой оптимизм грех не выпить. Полностью присоединяюсь к тосту. Только разреши я добавлю: надежда сопровождает нас всю жизнь и не покидает даже на смертном одре, — поддержал Николай.

— Ты слишком приземлил это чувство. Надеяться — это верить, а вера всегда двигала человечество вперед. Так давай выпьем за локомотив прогресса...

Бутылка скоро стала пуста. Опорожнили и вторую. Потом попробовали виски. Они весело щебетали, обнимаясь, сидя в креслах, поставленных рядышком. Ее льняные волосы, ниспадающие крупными локонами, источали тонкий запах французских духов «Клима», точно таких, какими пользовалась Лариса. От этого на душе сделалось не по себе, но хмель и близость разгоряченного женского тела вытеснили всякие сомнения и угрызения совести.

Сюзанна то бросалась в объятия Николая, то, подобрав свои длинные ноги, садилась в кресло и умиленно смотрела на своего гостя. Ее круглые, крупные колени, выставленные вперед, слепили разум и возбуждали страсть.

— Ник, я твоя... пойдём, — стонала женщина, повиснув на кавалере. — Подожди...

Она последовала в ванную комнату и через несколько минут вышла в легком полупрозрачном халатике.

— Можешь охладиться и ты. Свежий халат и полотенце висят на крючке. Давай, милый, мы же без комплексов.

Розовая спальня, розовое постельное белье на широкой венской кровати, красные обои, торопливые шаги к ней, уже лежащей и протягивающей руки...

Поздно вечером он добрался домой. Успокоенность и одухотворенность — с одной стороны, брезгливость и нарастающее осуждение собственного проступка — с другой, слились в ощу-

щаемый ком где-то за грудиной. Он то пропадал, то снова поднимался и подступал к горлу.

Он лежал на диване и смотрел в потолок темной комнаты. По ее стенам изредка пробежали блики от фар проезжающих автомашин. Если на период близости с Сюзи в нем на время умолк разведчик, то сейчас он говорил языком трезвых доводов и требовал ответа на вопрос: что это — случайность или подстава?

«Неужели это то, что когда-то сделали для иностранных дипломатов Гиммлер с Гейдрихом — «Салон Китти», подставляя им женщин из высших кругов германского общества и слушая через «прослушки» всякую пьяную откровенность высокопоставленных гостей. Правда, в данном случае социальный уровень дамы пониже, но красотой она могла дать фору тем жрицам любви...»

«Вообще-то похоже, но играть буду до конца. Надо выяснить поподробнее в отношении супруга», — решил Николай.

Зайдя как-то в магазин через неделю после той бурной вечеринки, он увидел Сюзи и поразился: она была еще краше. Договорились встретиться у нее в пятницу.

— Я буду ждать, милый. Ты дорогу знаешь, — улыбнулась красавица и как-то особенно — с грустинкой посмотрела на Николая.

Ровно в 18.00 в пятницу Ветров нажал кнопку звонка квартиры американки. Дверь моментально открылась, и в проеме показался расплывшийся в улыбке худощавый мужчина.

— Вы к Сюзанне?

— Да...

— Проходите. Я брат ее... родной брат. Приехал по ее просьбе. Она заболела. Часа два как отвезли в больницу. Она просила вас дождаться и предупредить, — на ломаном русском языке проговорил незнакомец.

Только сейчас Николай осязаемо рассудком понял, что он стоит на пороге ЧП, что надвигается провокация, а он, глупец, становится ее жертвой. Он уловил замысел режиссеров и решил свою роль в этом спектакле доиграть достойно и до победного конца. Как профессионал, он понимал, что трусость в создавшемся положении ему не советчица, а поэтому приготовился

принять удар спецслужбы и по-спортивному ответить на него своеобразным волейбольным блоком, который он умел ставить и держать.

«Братец» предложил кресло, в котором еще недавно сидел Николай, целуясь с Сюзи.

— Завать миня Борисом, — представился мужчина, коверкая русские слова.

— Надеюсь, мне вам представляться не надо. «Сестричка» вам рассказала обо мне, — съязвил россиянин.

— Да, она вся во власти воспоминаний, — явно слукавил тот, кто назвался Борисом.

В дверь коротко позвонили. Вошел низенького росточка, головастый, рано начавший лысеть красномордый неизвестный. Создавалось такое впечатление, что ягодицы его из-за коротких ног доходили до уровня колен. Вспотевшее лицо незнакомца в виде поставленной на корешок груши выдавало волнение или вчерашний перепой. Волосы от пота с боков головы слиплись рыжей куделью.

— Майкл Зенчук... Посольство Соединенных Штатов Америки в Белграде, — явно наигранно и смело отрекомендовался он, почти не глядя ни на того, кто представился «братом» Сюзанны, ни на Николая. Его взор, устремленный в простенок, поначалу зародил у Ветрова мысль, что этот урод в телосложении еще и косой.

— Николай Ветров, посольство Советского Союза, — с достоинством ответил майор.

— Будем знакомы... будем знакомиться поближе, — заволновался Борис, подобоострастно глядя на Зенчука, очевидно, своего шефа. «Брат» как-то извинительно посмотрел на советского гостя...

По правде, американцы не ожидали встретить такого спокойствия со стороны россиянина, попавшегося на «медовой ловушке». Смелый его ответ серьезно встревожил Майкла, считавшего, что Ветров долго не будет сопротивляться, сдастся, как когда-то это сделали Филатов и ему подобные.

Зенчук трясущимися руками полез в карман кожаной папки

и бросил Ветрову конверт, из которого выпали цветные фотографии, веером разлетевшиеся по лаковой поверхности стола.

Николай внешне спокойно стал рассматривать снимки, на которых он сгорал в пламени страстей. Как вспышка молнии, мозг озарила когда-то выуженная и твердо запомнившаяся мысль: человек находит для оправдания своих действий любую причину, кроме одной; для своих преступлений — любое оправдание, кроме одного; для своей безопасности — любой повод, кроме одного; а этим одним является трусость.

«Ни в коем случае нельзя дать сломать себя, надо переиграть этих кретинов, нельзя показать, что я испугался, что я струсил... И я это сделаю уже здесь», — успокаивал себя офицер.

— Ну, как качество: резкость, цветопередача, ракурсы? — съязвил Зенчук.

— Это что, Сюзанна передала мне на память?

— Что-о-о? Я вас не понял, — Майкл криво усмехнулся, — вы же у нас в кармане. Представьте такой момент: эти фото лягут на стол вашему начальству или станут достоянием супруги... Каково?

После этих жестких слов вербовщик уставился жабьими глазами на россиянина, пытаясь понять по его лицу реакцию на главный козырь в начатой игре грубой компрометации.

— Так я и не понял: вы дарите мне эти доказательства красивого времяпрепровождения с вашим агентом или пытаетесь шантажировать ими?

— У нас не один экземпляр. С пленки мы в случае надобности сможем их размножить.

— Ну, тем более, подарите эти мне. Могу даже заплатить за проделанную работу, химикаты и фотобумагу, — поиздевался Николай.

— Смел, очень смел, как я погляжу, — съязвил Зенчук.

— Да, я уже никого не боюсь. Ваши фотографии не компромат, а доказательство того, как американская разведка не жалеет своих дам, таких милых и нежных, толкнув их в объятия инфицированного СПИДом «русского медведя», — спокойно ответил Ветров, надеясь на соответствующую реакцию, и она пошла — бурно и смешно.

— Сволочь, что-о-о? — опять Зенчук растянул это короткое местоимение.

— А ничего. Я обречен, поэтому никого и ничего не боюсь. А теперь жду, когда начнете вербовать. Хотя после такого вашего хамского вступления я еще подумаю, как себя вести, — ответил Ветров.

После достойного ответа он взглянул сначала на «брата», а затем на ошалевшего Зенчука, у которого постепенно стали краснеть щеки. У него почему-то побледнели уши. Как показалось Николаю, у Майкла мясистые уши даже несколько отвисли, как лопухи в знойный июньский полдень.

— Что с вами, господа хорошие? У мужчин все поступки должны быть исполнены мужества, как бы судьба их ни трепала, — продолжал издеваться Николай.

— А ты знаешь, — Майкл разгорячился, — ты знаешь, что ты в капкане? Кто знает, где ты находишься, с кем проводишь время? Ты сейчас живой, а через мгновение будешь мертвым. И никто не узнает, где могилка твоя... Так, кажется, поется в одной из ваших песен?

— Так-то оно так, однако я помню и другие слова, слова из справедливой прозы: люди, желающие внушить ужас, тем самым показывают, что они трусы. Кое-что и у меня для вас есть, если нашла коса на камень. — И он быстрым движением руки достал зажигалку — точную копию гранаты «лимонка». — Давайте-ка лучше мирно разойдемся, а то ваша требуха может оказаться на этой люстре. Думаю, сейчас наиболее подходящий момент для моей вербовки вас. Господин Брокман не одобрит вашу безголовую для разведки затею. Ваша сотрудница по вашей вине стала неизлечимо больна...

Как только Николай вернулся к теме болезни, на него вновь уставились выпученные глаза горе-вербовщиков. Оба почему-то впали в ступор после упоминания о чуме XX века. Они сидели отрезанные, тупо глядя в пространство.

Зенчук вдруг словно очнулся и ележно процедил сквозь зубы, перейдя на джентльменское «вы»:

— Николай, вы что, правда больны?

— Здесь у меня с вами полная откровенность.

— Чем же вы можете доказать? — последовал дурацкий вопрос.

— Последствиями и результатами анализа крови у Сюзанны и, конечно, у тех, кто тоже баловался с нею после меня. — Майор бросил цепкий и презрительный взгляд сначала на Зенчука, а потом на обезумевшего «брата». Они находились в полной прострации.

Не знал точно Ветров, но по реакции янки мог догадываться, что у Сюзи — сотрудницы или агента ЦРУ — в «гостях» поочередно после той памятной обмывки рубанка успели побывать и ее «братик» — Боря, и главный «вербовщик» — Майкл, не однажды попадавший, как потом выяснилось, в подобные скандальные истории. Именно поэтому знаток российских проблем после России стал заниматься югославскими делами. Руководители ЦРУ не рискнули вновь отправлять облезлого донжуанистого кота к московским мадоннам, предварительно запугав его больными СПИДом путанами, которых злые чекисты якобы специально выращивают в стране «березового ситца» для подстав американцам.

«На сей раз я попал, как муха на липучку. Что я наделал?! Бедная наша Сюзанна», — досадовал про себя Майкл, бросая колючие взгляды на голубоглазого и рослого блондина-россиянина, спокойно собирающего фотокарточки и с брезгливым безразличием укладывающего их в конверт.

— Как я понял, вы их мне дарите на память о бурно проведенной ночи. Думаю, для Сюзи у вас найдется еще одна копия — или нет?

— Не трогай фотографии, оставь конверт и нас в покое, — взвыл Зенчук.

— В таком случае «Гуд бай, май диз френдс».

Николай медленно поднялся с кресла и направился полубоком к выходу, держа в руке «гранату». Такая поза давала возможность боковым зрением наблюдать за действиями американцев. Поравнявшись с дверью, он для усиления воздействия своего розыгрыша, бросил презрительно:

— Запомните, придурки, я уже никого не боюсь, бойтесь вы. Скоро страх вас достанет.

Он специально акцентировал внимание двух одуроченных и посрамленных вербовщиков на неизлечимой болезни. Хлопнула дверь. Оба янки вздрогнули, как от плетки, стегнувшей их неожиданно и больно.

«Вот вляпался в историю! Начнется разбирательство, выгонят, как собаку бешеную. Я же только начал карьеру в разведке. Майкл уже сколотил капитал, что ему! Он жизнь свою уже сделал», — скулил про себя «братик» Борис.

Майкл тоже искал выход. Искал и не находил, потому что в таком идиотском положении его невозможно было найти, — он понимал, что весь разговор записан на магнитофон помимо его воли.

— Джек, неужели это правда? — обратился Майкл к напарнику, до недавнего времени называвшего себя Борисом.

— Я думаю, чистейшая... так смело он действовал... бедная Сюзанна.

— Сюзанна, Сюзанна, — ты думай о себе.

— А что думать? Дело сделано, — заметил Джек. — Я у нее тоже был.

Майкл приложил указательный палец к губам, а голову обожгла мысль: «Теперь и у меня и у жены могут быть проблемы со здоровьем».

— Сволочь, подонок, русская свинья! Где он подхватил эту болезнь «зеленой обезьянки»? — неслись проклятья в сторону двери. Майкл застыл и как-то тупо уставился на конверт с «компрой». Теперь этими фотографиями можно было скомпрометировать только бедную коллегу перед родственниками и друзьями...

Примерно такой диалог мог состояться на конспиративной квартире ЦРУ между Джеком и Майклом.

Как проходила воспитательная беседа Брокмана с двумя несостоявшимися вербовщиками, неизвестно. Но дней через десять в местной прессе прошло сообщение об отъезде двух американских дипломатов — Майкла Зенчука и Джека Краммера («брата» Бориса) на родину — в Соединенные Штаты. Исчезла из временно закрытого магазина и Сюзанна, которой, наверное, пришлось походить по докторам и пережить страх за свое здоровье. За все прегрешения в жизни надо платить при посещении

спектакля-драмы. У каждого человека под шляпой или шляпкой — свой театр, где часто разворачиваются драмы более сложные, чем те, которые созерцались на сцене жизни, — эмоции усиливаются переживаниями о проблемах своего здоровья в несколько раз.

...После совещания Кобзев задержал Ветрова и сообщил приятную новость — ему необходимо срочно выехать в Москву по делам службы.

— Это тот случай, когда сочетается полезное с приятным, служебное — с личным. Решите вопросы в Центре и повидаетесь с семейством. Пора их уже возвращать сюда, — посоветовал резидент.

«Неужели догадался, а может, ему сообщили офицер безопасности посольства или коллеги из резидентуры КГБ? Не должны знать, все было на уровне профессиональной конспирации. А там черт его знает, — подумал Николай. — А может, все же стоит раскрыться перед начальником?»

Нет, ничего не сказал он Кобзеву, хотя уважал и доверял ему. А на следующий день он уже шагал по родной Москве.

«Идиоты, — размышлял он, — неужели они надеялись меня сломить открыточками? Свобода оплачивается очень дорого, но что поделаешь? Будут еще переживания, но я свободен от казни себя за малодушие, за предательство. Провинился — да, беспутал, но чист перед Родиной, коллегами. Эта стерва получила удовольствие, я тоже. Ох, долго они еще будут проверяться, не доверяя анализам и диагнозам».

Единственное, что его угнетало, — это вина перед женой, но он успокаивал себя тем, что повел себя не так, как предатель и шпион Филатов, поднявший когда-то руки вверх перед аналогичными материалами.

«Каждому молодому и сильному мужчине, в конце концов, должна встретиться помимо брака женщина, которая успокоит ноющую плоть. У женщины тоже может быть подобное. Весь смысл в тайности содеянного, — убаюкивал себя Николай не

только им придуманной теорией. — Хотя она и подстава, однако женщина высшего класса по многим параметрам».

И все же он решил себя в некоторой степени обезопасить.

«Надо связаться с Николаем Семеновичем. Посоветуюсь, как вести себя дальше».

Ветров позвонил Стороженко. Договорились встретиться в одном из кабинетов главка — в ГРУ.

— Здравия желаю, товарищ полковник!

— Здравствуй, здравствуй, тезка!

Он стал рассказывать подробности... Расхохотались, когда речь пошла о немой сцене янки на инсценировку со СПИДом и «лимонкой».

— Ну, что я могу сказать? Правильно сделал, что пришел. Скрытность — прибежище слабых. Проступка твоего не одобряю, хотя по-мужски понимаю. Можно было уловить признаки «медовой ловушки», разгадать почерк цэзрушников — он в последнее время стал стереотипным, повторяемым. Но случилось то, что случилось, рассуждать с позиций «если бы» — это из области сослагательного наклонения. Что касается янки, то они, наверное, не хотят думать. А резиденту надо было сказать. Передай ему привет от меня. Я напишу Григорию Петровичу письмецо. Хорошо, что командировка у тебя заканчивается. Все равно сейчас в Белграде веди себя осторожнее, чем прежде. Американцы могут мстить. Будь бдителен вдвойне, — высказывался Стороженко.

Затем он стал подробно инструктировать, как себя вести в случае нового подхода со стороны заокеанских «братков».

— Спасибо за совет и поддержку, Николай Семенович. — В эти слова Ветров вложил искренность, потому что помнил, как еще перед отъездом в первую командировку беседовал с ним оперативник Стороженко. Именно тогда к чекистам в ГРУ у него появилось доверие и уважение.

«За плечами этих работяг, — подумал Ветров, — полдесятка вскрытых за последние четыре года агентов иностранных разведок среди нашего брата...»

Через неделю Ветров с семьей улетел в Белград. Последние

полгода прошли спокойно. Получил очередное звание — подполковник. Подчиненный, как и договаривались в Москве, дожил историю своего «греха» начальнику...

Кобзев и Ветров закончили службу в генеральском чине. До сих пор, наверное, последний помнит свою оплошность, могущую перерасти в преступление, и улыбается, когда вспоминает пресные рожи американских вербовщиков.

Самое главное в этой истории то, что люди остались людьми и не навредили стране с перепуга. И такие люди служили в ГРУ.

Глава 16

Узник потерянной совести

Свою судьбу человек выбирает сам, как бы ни утверждали оракулы, что от судьбы не уйти, что она, мол, пишется сверху Высшим. Мы делаем свою судьбу (она называется — жизнь) сами: чистыми или грязными руками. Все зависит от наших душ и поступков...

Почти 30 лет он ждал ареста, потому что совершил преступление — предательство и чувствовал себя на воле в содеянном виновным. Но стоило попасть в неволю, как тут же стал узником потерянной совести, считая себя то «невинной овечкой», то монстром, способным «развалить ГРУ». Этого узника помиловал первый президент России Ельцин, который посчитал предателя Союза другом России. Но все по порядку.

Провалы зарубежной агентуры ГРУ в середине 60-х годов говорили о том, что открылся канал утечки важнейшей информации из Центра. Военная контрразведка стала настойчиво искать «крота», явно имевшего доступ к обобщенным данным. Поиск шел долго и упорно. Перепроверялись ранее прекращенные сигналы и дела оперучета. Оперативники обращались к материалам литерных дел.

В списках подозреваемых тот, о ком пойдет речь в этом повествовании, значился, но всякий раз удачно выпадал, как мелкий песок через сито...

В 1960 году на должность оперативного техника советской резидентуры военной разведки в Нью-Йорк прибыл ничем не примечательный служащий — Николай Дмитриевич Чернов.

Теперь уже не один десяток лет отделяет его от того рокового часа, когда он из рядового сотрудника советского посольства в США превратился в платного агента американских спецслужб под псевдонимом «Ник Найк». И опять деньги и корысть сыграли роковую роль в судьбе этого человека в футляре.

Мог ли Чернов предполагать, что роковым событием в его судьбе станет признание арестованного за шпионаж в пользу Штатов бывшего генерал-майора ГРУ Генштаба Д.Ф. Полякова, послужившее основанием дополнительного интереса военных контрразведчиков к персоне Чернова?

В результате предательства этого технического служащего на длительное время открылся канал утечки информации как по резидентуре ГРУ в Нью-Йорке, так и по материалам Центра.

1963 год.

В один из летних дней Чернов с сослуживцем приехал на оптовую базу для покупки стройматериалов — готовился ремонт помещений, занимаемых резидентурой военной разведки. Отобрав нужные материалы и уговорив хозяина торговой точки на подлог, они получили липовые документы без отражения в них торговой скидки за оптовую покупку. Прикарманенные 200 долларов поделили между собой. На следующий день, когда Чернов явился за товаром, его ждали два джентльмена — сотрудники ФБР.

Они заявили сразу же, что знают о его причастности к военной разведке СССР. В ответ на якобы возникшее возмущение советского гражданина янки показали фотокопии платежных документов, изобличающих его в присвоении долларов.

Правда, эту версию рассказал следствию сам Чернов, разоблаченный сотрудниками органов госбезопасности. Но есть и другие объяснения выхода его на тропу предательства.

В упоминавшейся уже книге «Беспощадный воитель» ее автор Том Мэнгоулд пишет, что после ухода на пенсию начальника контрразведывательной службы ЦРУ Энглтона, не доверявшего перебежчикам, его преемники Каларис и Маккой «среди ненуж-

ных бумаг в одном из сейфов обнаружили старый и неприметный документ. В нем содержались наводки на 20 агентов ГРУ, действовавших в различных странах мира. Источником этих сведений был работавший на ФБР агент «Ник Найк»...

Из 20 наводок «Ник Найка» американской контрразведкой были реализованы все 20. В конце концов шпион стал наиболее ценным источником развединформации по ГРУ, который когда-либо был у американцев».

Другим подтверждением инициативного обращения Чернова к американцам послужили показания шпиона Полякова. Осознав вину и желая помочь следствию, бывший генерал-майор поведал, что в беседе с ним в 1980 году в Индии американский разведчик Вальдемар Скатцко назвал ему Чернова как одного из завербованных агентов в Нью-Йорке.

Вот как Поляков говорил об этом эпизоде на следствии:

«Американский разведчик с виноватым видом рассказал о том, что в США вышла книга бывшего сотрудника, в которой раскрывается один крайне важный эпизод из деятельности спецслужб США. В ней говорится, что в 1962 году в ФБР инициативно с предложением услуг обратился один сотрудник ГРУ и один офицер КГБ.

Процитировав строки из книги, он тут же бросился заверять меня, что в ней речь идет не обо мне, а о совершенно другом сотруднике нашей нью-йоркской резидентуры — Чернове, являвшемся наркоманом и обратившемся к ним для получения наркотиков в обмен на информацию. Чернов передал американцам средства тайнописи и другие материалы и сведения, к которым имел доступ по роду службы...»

Так ли это было? Вероятно, так, ибо следствие не могло упрекнуть Полякова в перекалывании своей вины на плечи Чернова. У каждого из них была своя конкретная вина. Что же касается американцев, то, видимо, им тоже не хотелось чернить одного агента в глазах другого и придумывать небылицы о мотивах, в силу которых Чернов пошел на сотрудничество с ними.

Однако последний мог посчитать ниже своего достоинства

иметь «славу» продажного наркомана и на следствии по своему делу расписал этот факт как коварство и изощренность американцев, не особо заботящихся об отыгравшихся игроках, — именно так.

Где истина? Сегодня уже трудно разобраться. Ясно одно — вербовка была, она состоялась, после чего агент начал действовать. А вербовали или принимали инициативное предложение Чернова сотрудники ФБР Мак Дугал и его босс Боб Стрейнджер. С октября 1962 по май 1963 года шпион провел с ними восемь конспиративных встреч.

Чем же заинтересовал их на первый взгляд ничем не примечательный рядовой клерк военной разведки? В функции оперативного техника входило: обработка входящей и исходящей почты, фотографирование документов, добываемых нашими разведчиками, проявление тайнописи, использовавшейся военной разведкой для связи с агентурой. Кроме того, он имел доступ к документам, проходящим через резидентуру, причем ко всем, за исключением шифропереписки. Лучшего места для шпиона и придумать трудно!

Через две недели после вербовки Чернов в надежде на вознаграждение передал американцам специальное вещество, заменяющееся сотрудниками ГРУ для тайнописи.

Чернов на следствии показал:

«Американец был очень доволен полученными образцами спецвещества и спросил, сколько мне нужно денег на эти таблетки. Я ответил, что мне ничего не надо, просто я был вынужден выполнить его требование о передаче средств тайнописи для ФБР и таким образом мы квиты: он скрыл от моего руководства факт хищения 200 долларов, а я, в свою очередь, вынужден таким образом произвести с ним расчет».

Но опять-таки это версия Чернова.

За таблетки ему все же вручают деньги — 10 000 советских рублей. По тем временам на эту сумму можно было купить две машины «Жигули». Начало предательства, таким образом, было щедро оплачено. Дальше встречи пошли по накатанной дорожке

ке. Он стал подписывать свои шпионские сообщения псевдонимом «Ник Найк».

На одной из последних встреч, перед отъездом Чернова в Советский Союз, сотрудник ФБР Боб Стрейнджер его тщательно проинструктировал. Он рассказал о его обязанностях при негласной работе в Москве, какую информацию для американцев «Ник Найк» должен собирать, как ее зашифровывать и передавать в США, как подбирать места закладки тайников и даже как себя вести в случае разоблачения органами КГБ.

Из показаний Чернова на следствии:

«Шеф мне заявил, что в том случае, если я буду разоблачен, то в КГБ должен сказать, что я передавал американцам сведения в обмен на информацию об их агентах в СССР, — мол, в порядке компенсации за свою деятельность против своей страны.

В разговоре он мне показал листок бумаги, на котором были напечатаны фамилии, имена, отчества и места жительства на нескольких своих агентов в разных городах Советского Союза. Этот листок он мне, конечно, не дал, но сказал, что такой же имеется в двойном дне приготовленного для меня футляра фотоаппарата. Дома я обнаружил этот список и переписал его в записную книжку...»

Возможно, и задумывался Чернов тогда над тем, что не делает чести американской разведке такое варварское обращение со своей агентурой, но разве мог он допустить, что через несколько лет данные на него самого американцы также передадут другому своему работающему агенту!

В этом, наверное, и заключается хваленая американская практичность, их прагматизм — жертвовать отработанными клиентами или не захотевшими продолжать сотрудничество ради спасения более ценного агента. Оно и правильно с позиции логики «богоизбранных» заморцев: выработался — на свалку, под пресс забвения, а то и отправка прямым ходом к праотцам в результате «автокатастрофы» или «сердечной недостаточности».

Николай Дмитриевич хорошо усвоил замашки бесцеремонных хозяев и работал осторожно, продумывая каждый шаг на тропе предательства.

Из показаний на суде:

«Приступив работать фотографом в ГРУ после возвращения из США в 1963 году, я стал постепенно накапливать на фото-пленках собранные сведения для последующей их передачи американским спецслужбам...

Я решил отправить кассету «Кодак» с микрокадрами, в которых, как было заранее обговорено с сотрудниками ФБР, сообщалось им шифром о том, что благополучно прибыл в Москву и продолжаю работать на старом месте...

Согласно инструкции, полученной от сотрудников ФБР, я копировал титульные и первые листы документов, отснятых за границей агентами ГРУ или оперативными офицерами. По их атрибутам, как говорили мне в Нью-Йорке, они смогут определить места хранения этих документов и вычислить источник утечки информации.

Бывало, что в день я приносил домой пару кусков скопированной пленки... По моим подсчетам, мне удалось передать американцам свыше трех тысяч кадров с информацией разведывательного характера.

В 1972 году, когда узнал о предстоящей командировке, во время которой посетю США, я упаковал фотопленки, вывез из СССР и передал сотруднику ФБР в вагоне поезда Нью-Йорк — Вашингтон. В апреле 1972 года я от американцев вместе с тремя пачками фотобумаги получил закамуфлированные в такую же пачку 30 000 рублей и фотоаппарат «Минокс»... (Чернов с 1968 года работал в ЦК КПСС на должности младшего референта Международного отдела. — Прим. авт.)

Американцы тогда мне дали задание собирать в СССР любые сведения о Главном разведывательном управлении Генштаба».

Именно в эту поездку шпион передал более 3000 кадров, вместивших огромный объем различных секретных документов о деятельности ГРУ. Следует заметить, что в тот момент он уже не работал в разведке. Уволился из ГРУ он в 1968 году, однако накопленные ранее шпионские материалы активно хранил «до лучших времен».

Дождася!

В то же время в Москве с представителями иностранных спецслужб он не встречался — боялся разоблачения. При пере-

фотографировании на содержание документов не обращал внимания. Главным критерием отбора было то, чтобы документ имел гриф «совершенно секретно», а еще лучше — «особой важности».

Были мысли прийти с повинной. Обуревали сомнения, колебания, но страх за свою шкуру все же преобладал. Мысли о разоблачении, непроходившую тревогу, постоянный страх он заливал водкой. Пил каждый день дома и на работе. На почве хронического алкоголизма в 1974 году он попал даже на лечение в психоневрологическое отделение одной из престижных московских больниц. После выписки из такого знакового медучреждения он потерял место младшего референта Международного отдела ЦК КПСС, где контрразведчикам было категорически запрещено работать. А ведь к тому времени в «поисковом кругу» у чекистов значилась и фамилия Чернов.

Затем он часто менял места работы. За несколько лет до ареста ушел на пенсию. Думал встретить спокойную старость, пожить на даче — порыбачить, походить за грибами, подышать свежим воздухом Подмоскovie...

Однако вернемся опять к «заслугам» шпиона перед американцами.

Военная контрразведка в 70-х годах активно работала в направлении выявления подозрительных лиц на реальных каналах утечки важнейшей оперативной информации. Дело в том, что в 1978 году в Париже было арестовано пять глубоко законспирированных и продуктивно работавших агентов советской военной разведки. ГРУ потеряло их неожиданно всех сразу за одну ночь. Провал был страшен и трудновосполним. Чувствовалось большое предательство, предательство человека, допущенного или имевшего кратковременный контакт с делами на этих агентов. Уже тогда в аналитических справках и обзорах замелькала фамилия Чернова.

Французов судили. После процесса один из руководителей французских спецслужб Деспирэ Парэн скажет:

«Впервые после окончания Второй мировой войны мы раскрыли агентурную сеть ГРУ, цель деятельности которой заключалась в систематическом добывании нашей технологической информации. Мы никогда ранее не вскрывали агентурной сети, подобной этой».

В фотокадрах наворованной из «альма-матер» информации были данные и на двух помощников — агентов ГРУ в Швейцарии. Один из них — крупный предприниматель, другой — бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр, бывший командующий ПВО этой альпийской страны. Чтобы склонить чашу весов, в общем-то, обеспеченных людей на нашу сторону, нужны были как решительность, так и убедительная логика. И это сделали смелые офицеры-профессионалы ГРУ. Кроме вышеупомянутых иностранцев, работавших на советскую военную разведку, по наводке «Ник Найка» были арестованы негласные помощники ГРУ также в Греции, Индонезии и Японии.

По оценке американских спецов «постэнглтонской эпохи», Чернов мог бы стать агентом века, если бы Энглтон серьезно, без предубеждений отнесся к нему. Один «Ник Найк» из двух «Н» в псевдониме перещеголял бы двух «П» — Пеньковского и Полякова, вместе взятых. А он подошел к нему с рулеткой своего измерения подобных людей:

«Чем выше информация поступает от агента-перебежчика, тем меньше вам следует верить ему и тем больше подозревать, что он что-то скрывает».

Что ж, предателям нигде нет веры! Во все времена и у всех народов к ним относились с неприязнью. Не случайно за подобные злодеяния везде, от племени и до цивилизованного государства, применялись самые суровые меры наказания.

В поле подозрения Энглтона попадали не только перебежчики, но и свои сотрудники. В число подозреваемых угодило более 40 высокопоставленных чиновников, и практически никому не удалось выйти целым и невредимым из этого костедробильного круга без ущерба для собственной карьеры.

Авторитет Энглтона в «конторе» позволял заводить все новые и новые дела на подозреваемых в принадлежности к агенту-

ре КГБ и ГРУ. В ходе кропотливых поисков агентуру, естественно, не находили, однако весь советский отдел ЦРУ был надолго парализован.

Чернов этого, естественно, не знал. Он искренне доверял только авторитету денег, продавая секреты Америке. А еще он понимал, что его готовят для какой-то большой работы на территории СССР.

Как уже говорилось, за «товар» — таблетки для тайнописи — Чернов получил 10 000 рублей. Кроме того, на этой встрече янки вручили ему для «плодотворной работы на родине» фотоаппарат «Тессина» и русско-английский словарь с тайнописью.

Шпион Чернов сразу же после ареста стал отрешиваться от того колоссального ущерба, который он нанес ГРУ. Отвечал односложно: забыл, не помню, документы фотографировал машинально, не вникая в их суть, в обычной библиотеке, в документах не было ничего ценного и т.д. и т.п.

Факты же говорили о другом.

Вот несколько выдержек из судебного дела. В 1962 году Чернов непосредственно занимался обработкой секретного «Альбома управляемых снарядов ВМС США», полученного от ценного источника «Дрона». Вскоре, уже в июне того же года, американцы начали проводить разыскные мероприятия по установлению лица, передавшего копию этого документа советской военной разведке, а в сентябре «Дрон» был арестован и осужден на пожизненное тюремное заключение.

В марте 1964 года в Лондоне не без помощи Чернова англичане арестовали опытного агента ГРУ «Барда», которого на 21 год упрятали в тюрьму.

В 1977 году к 18 годам лишения свободы за шпионаж в пользу СССР был осужден командующий войсками ПВО Швейцарии бригадный генерал Жан-Луи Жанмэр. Он вместе с женой с 1962 года поддерживал тесную связь с советской военной разведкой. «Мур» и «Мэри» — их оперативные псевдонимы — были выявлены по наводке «Ник Найка», как сообщала зарубежная

пресса того времени, — «на основании информации, поступившей от агента из числа советских граждан».

Во время работы Чернова в 1963—1968 годах в фотолаборатории ГРУ обрабатывались документы со сведениями на агентах, работающую за рубежом. Сколько поломанных судеб на совести предателя Чернова?! Много, очень много. Разоблаченный агент признал только то, что неопровержимо было доказано. На совести у него осталось много других страшных фактов предательства. Но презумпция невиновности — основа судопроизводства. За рамками недоказанного — лишь подозрения, только доказанные факты — вина.

11 сентября 1991 года Военная коллегия Верховного суда СССР приговорила Николая Чернова к лишению свободы на восемь лет за измену Родине в форме шпионажа. При назначении наказания суд руководствовался смягчающими вину обстоятельствами: состояние здоровья, возраст (64 года) и «чистосердечное» раскаяние. В результате Чернов получил срок ниже низшего предела, предусмотренного законом. Не была применена к нему и такая мера, как конфискация имущества. Чувствовалось воздействие на судей приближение смерти СССР.

«Да, восемь лет за предательство, — рассуждал Стороженко, присутствовавший на суде, — за продажу секретов, за гибель людей, за измену Родине — это ничтожно малый срок... В Штатах за это преступление его бы ждал электрический стул, а в других цивилизованных странах — он был бы повешен или расстрелян. Предателей везде судят сурово».

Но каково было его и коллег изумление, когда стало известно, что через пять месяцев «отсидки» шпион был помилован одним из главных разрушителей единой страны Борисом Ельциным!

Воодушевленный своим нелепо-досрочным освобождением Чернов решил, что уже отмылся от грязи предательства, и начал давать налево и направо интервью газетчикам, представляясь чуть ли не «борцом с тоталитарным режимом».

В интервью газете «Известия» от 6 марта 1992 года этот дилетант рассуждает о разведке:

«Это очень грязное и немножечко тонкое дело. Основной ее принцип: человеку добровольно предлагают сделаться подлецом».

Выходит, он подлец в квадрате! Бывший «политзэк» — так он себя велел величать после освобождения — сидел, развалившись в кресле с трубкой во рту, как описывал его корреспондент Николай Бурбыга. На глазах — черные очки. Очевидно, он прятал глаза от стыда. Услышав фамилию Полякова, оживился:

«О, Поляков — это звезда. А Пеньковский — так себе... Полякова я знал хорошо: вместе работали в Нью-Йорке. Он был заместителем резидента. Свыше 20 лет работал на американцев. Много наших нелегалов заложил. Знал, кто и куда едет... Отправлял и тут же звонил. Их встречали — и под белые ручки: или работай на нас, или садись пожизненно... Да, нелегкая у этих ребят работа. А те, кто имеет на руках дипломатический паспорт, умеют только водку пить. В этом вся их разведработа».

Говоря о переданных американцам таблетках для тайнописи, Чернов нагло уточняет, ерничая и обеляя себя:

«Они не представляют никакой ценности... Вообще у нас в стране все засекречено, а в ГРУ — даже туалетная бумага. Технику, что у них есть, можно использовать против эзков, но против американских спецслужб — извините».

На вопрос, на чем обычно «проваливаются» наши разведчики, последовал издевательский ответ:

«Наши — кустари, а не профессионалы... Россияне берут не умением, а числом... Все пили под одеялом. Благо, по дипломатической скидке бутылка водки стоила всего 90 центов. Выписывали ящиками и везли домой...»

В конце беседы с журналистами «Известий» относительно переданных 3000 фотодокументов на пленках он замечает:

«Ничего ценного там не было. Документы были отсняты в обычной библиотеке. И вообще, если бы я захотел, то развалил бы ГРУ, но я этого не сделал...»

Чего тут больше — саморекламы, цинизма или издевательства над светлой памятью сданных им противнику профессиона-

лов, окончивших военные училища и по две-три академии, рискующих постоянно нервами, а иногда и жизнями?!

Тот, кто хорошо осведомлен о специфике работы разведки, в этих ответах усмотрит сплошную ложь и ничтожество их автора, расхрабдившегося после того, как обрел статус помилованного Ельциным.

«Любую гуманность надо приветствовать, — рассуждал Стороженко, — но от правды не уйдешь. Помилование не означает, что его простили сослуживцы. Нет прощения хотя бы раз предавшему. Его должна жечь, мучить совесть всю оставшуюся жизнь. А тут ничего подобного — лезет в герои, в страдальцы за идею, подбадриваемый фактически президентом России. Жалость убаюкивает рассудок, деформирует процесс мышления. Человек и Родина — это лист и дерево — как много между ними общего!

Сплошные ассоциации по сходству. Пока лист на ветке дерева — он зелен. Стоит прекратить связь со стволом и корнями — и он, пожелтевший и сморщенный, полетит вниз — оторвется от дерева. Так и человек — оторвется от корней, от Родины и полетит прочь. Возвратиться на ветку здоровым листком, прирасти к ней он уже не сможет никогда.

Потерянная совесть не восстанавливается — идут необратимые процессы».

Вот и вся история про узника потерянной совести.

Глава 17

«Барон» на связь не вышел

Полковник ГРУ Генштаба ВС СССР Баранов Вячеслав Максимович был последним разоблаченным агентом ЦРУ США подразделения, в котором служил Стороженко.

Первичные данные на Баранова оперативные работники получили еще в 1989 году. Но это были еще «сырые» — предварительные материалы, находящиеся на уровне сигнала, но требующие глубокой проверки.

Настоящая же ниточка потянулась от факта, не профессионально, а скорее грубо и бездарно сработанного американскими

разведчиками в ходе поиска места для постановки метки при операции по связи в звене агент — разведчик. Советскому гражданину, оказавшемуся впоследствии полковником ГРУ Генштаба ВС СССР, нужно было поставить сигнал в месте, которое подбирали янки...

Однако начнем все по порядку.

Баранов В.М. родился в 1949 году в Белоруссии. Прошел все ступеньки воинской лестницы: суворовское училище, Черниговское высшее училище ВВС СССР. После окончания военного училища служил летчиком в боевых частях Советской Армии.

Надо сказать, это был широко образованный офицер, думающий о перспективах военной карьеры. В свободное от службы время он расширял общекультурный кругозор читкой классиков русско-советской и иностранной художественной литературы, полагая, что чтение для ума то же самое, что физические упражнения для тела. Самостоятельно изучил английский язык, что говорило не столько о хорошей памяти, сколько о целеустремленности и настойчивости человека в достижении поставленной им определенной цели.

В одной из бесед с сослуживцем, когда последний заметил, ради чего он сушит мозги, Баранов философски закрутил:

«Пойми, дорогой, сколько ты знаешь языков, столько ты человек. Знание — это то, что наиболее существенным образом возвышает одного человека над другим. Эта ноша не давит лямками на плечи — в жизни она много раз пригодится».

Командование заметило продвинутого «интеллектуала» и вскоре сделало его секретарем первичной партийной организации эскадрильи, что для многих офицеров того времени создавало некий личностный ореол, способный смелее двигаться по служебным ступеням. Такие «скороспелые умники» выделялись в армейском строю. К сожалению, из подобных людей появлялось больше всего перевертышей в жизни — они любили прислуживать власти, а не служить Отчизне. А, как известно, даже самая незначительная доля власти легко кружит не развитые для таких экспериментов головы.

Однажды после полетов дежурный по части передал офицеру Баранову приказ командира полка, чтобы тот зашел к нему в кабинет. Когда военный летчик явился к командиру, то обнаружил в кабинете незнакомца. Он оказался офицером управления кадров ГРУ...

Командование не возражало против направления Баранова на учебу в Военно-дипломатическую академию.

Так офицер — военный летчик оказался в системе ГРУ Генштаба. Успешно сдав вступительные экзамены, он стал слушателем элитного военного вуза, поступление в который связано с глубокой проверкой личностных характеристик. Это была и есть кузница высокообразованных офицеров, владеющих не одним иностранным языком, глубокой психологической закалкой и высокими профессиональными знаниями. Таких положительных офицеров было большинство, но случались и ошибки. А где, в каком коллективе их не бывает?

Учеба шла успешно — офицер переходил из курса на курс, как говорится, без сучка без задоринки. Но на последнем рубеже, как раз перед выпускными экзаменами, произошло ЧП — офицер грубо нарушил правила обращения с секретными документами. Некоторое время, как нашкодивший мальчонка, надо прямо сказать, из-за трусости скрывал этот факт, оправдывался неловко, что является для любого военного безобразным поступком, тем более для будущего разведчика.

Человек находит для оправдания своих действий любую причину, кроме одной, для своих преступлений — любое оправдание, кроме одного, для своей безопасности — любой повод, кроме одного; этим одним является его трусость — так говорил когда-то великий Бернард Шоу.

Эту червоточину в личности офицера-выпускника в полной мере не учла комиссия и предложила его взять на объект так называемой «отсидки» — для постоянно и временно невыездных в одно из информационных подразделений Центрального аппарата ГРУ. В шкуре кандидата на выезд в заграникомандировку ему пришлось проходить более пяти лет.

Весной 1985 года кадровик центрального аппарата ГРУ пригласил на беседу офицера Баранова.

— Ну, как, Вячеслав Максимович, нет ли у вас чувства, что засиделись? — спросил он, внимательно вглядываясь в лицо визави.

— Если честно, то двоякое, товарищ генерал... я уже привык к своему участку службы, а с другой стороны, я же учился для главного — работать за рубежом — на передовой негласной войны, — лицемерно ответил Баранов.

— Это верно. С участка мне докладывали, что вы справляетесь с возложенными на вас обязанностями. Как вы смотрите, если мы вас будем рекомендовать выездной комиссии для поездки в Бангладеш?

— Постараюсь оправдать доверие руководства, — шаблонно, чеканя каждое слово, отрапортовал офицер.

Беседовавший генерал был доволен стандартной заповкой подчиненного ему офицера. Так отвечали многие в этом кабинете...

Летом 1985 года Баранов с семьей выехал в Дакку на «крышевую» должность — руководителем группы технических специалистов.

Несмотря на специфичный климат в прямом и переносном смысле, он быстро освоился с «двойной дозой» служебной нагрузки — за себя и за того парня: он тянул и работу по «крыше», и службу военного разведчика. Так это делали многие в его шкуре.

А на Родине в это время очумелой тройкой неслась в никуда, а скорее к обрыву, горбачевская перестройка. Комизм и трагизм ее почувствовали сразу трезвомыслящие люди. Шквал критики в адрес партийного штаба и его руководителя ощущался повсюду. Стилль Горбачева ничем не отличался от волюнтаризма Хрущева — что хочу, то и ворочу. Последствия не просчитывались.

Причем стратегически важные вопросы решались или келейно, или самим «хозяином» Кремля. Как всякая серая посредственность в государственном строительстве, этот политик пытался выдавить из окружения сильные личности державников, беря в соратники шептунов, слабовольных и просто непорядочных типов, а порой и явных недоброжелателей Отчизны.

Генсек как бы в насмешку над здравым смыслом поставил руководить МИДом Шеварднадзе — косноязычного человека, да к тому же с плохим знанием русского языка, прозападного дельца с лисьим характером, которому интересы страны были по «барабану». Он подставлял шею своего дешевого авторитета только для того, чтобы ее гладили западные миссионеры за «миротворческую» деятельность раздевания больной державы. Его шаги были оскорбительны для великой страны и являлись пародией для руководителя дипломатического ведомства.

К сожалению, Горбачев, как личность слабая, любил хамелеонов, а, как известно, самые лицемерные люди чаще других остаются в дураках. Лицемер — всегда раб, а раб — не воин. В то время для руководства страной нужны были люди с характерами воинов. Но они оказались на обочине пути с политической клоунадой Горбачева и его присных — кремлевских свистунов, которым не было никакой веры, потому что они держались за кресла, не думая о судьбе больной страны. Они писали страшную книгу предательства. Так уже случилось, что вся книга нашей недавней истории состояла из сплошных опечаток.

Глупости, исходящие из Кремля, болезненно воспринимала наша разведка. В умах разведчиков возникали неожиданно острые вопросы: что творится со страной, куда ее ведут? Почему ответственный за идеологию А. Яковлев торопится в шельмовании всего прошлого? Ответы профессионалы находили...

Николай чувствовал, что грядут перемены, что свистуны-партократы уйдут с политического подиума и на смену им должны прийти люди, которые громогласно скажут: мы стоим перед великим возвращением в свой дом, к своему идеалу. Сейчас он загажен и замазан, заклеен лозунгами и заглушен враньем, но существует...

Наше будущее мы должны строить из нашего прошлого, а не из наших шпаргалок и программ, утопий и демагогии, написанных за океаном и присланных для исполнения.

Но, к сожалению, он глубоко заблуждался. Ельцинизм при-

нес народам бывшего Союза еще большие страдания, разорвал на кровоточащие куски единое тело Большой Страны, Сверхдержавы — Союза Советских Социалистических Республик.

В годы перестройки стала нарастать тенденция утраты интереса к данным разведки и контрразведки со стороны политического руководства страны, что было неудивительно для специалистов, принимая во внимание просто болезненное самолюбование Горбачева собственными речами — другого мнения он не признавал.

Почувствовав слабинку советского руководства, к концу 80-х годов наметился жесткий прессинг ЦРУ и других разведок мира против СССР. В это же время отмечался всплеск фактов измен со стороны некоторой части советских сотрудников спецслужб...

Резидентура ЦРУ США в Дакке не стояла в стороне от этой стратегической линии Вашингтона в борьбе против носителей «империи зла».

Надо отметить, что в этот период, как никогда, шел активный поиск кандидатов на вербовку среди сотрудников советских колоний за рубежом. Заокеанский кондор почувствовал слабеющую жертву, которую, он понял, надо добывать именно сейчас, иначе она может улететь от него и подняться очень высоко. Основания же у временно больной «сверхдержавы» были.

Стол Стороженко в тот период был завален шифрованными телеграммами, справками, агентурными донесениями о подозрительном поведении отдельных офицеров военной разведки за рубежом. Фиксировались прямые подходы к ним с вербовочными предложениями сотрудников спецслужб США и стран блока НАТО, чего раньше в таких масштабах не наблюдалось.

А теперь поговорим о поведении Баранова за рубежом. Как говорится, чем меньше мы знаем, тем больше подозреваем. Именно с таких позиций отнеслись к Баранову американские разведчики в Дакке, увидев в лице руководителя технических специалистов другое лицо. По признакам поведения на службе они быстро вычислили вероятную принадлежность Борисова к военной разведке.

— Где цветок, там и медок, — рассуждал резидент ЦРУ в Дакке, беседуя со своим подчиненным Брэдом Ли Брэдфордом. — Надо активнее вести вам разработку русского. По всем признакам он может относиться к военным, то есть к ГРУ. Нельзя затягивать процесс. Мало от вас поступает информации по этому субъекту. Вы меня поняли?

— Да, сэр!

— Активнее задействуйте бытовые, спортивные, представительские мероприятия. Вам надо вытащить его на себя, а там и недолго положить русака на лопатки. Сейчас, с учетом событий в СССР, удобно работать с русскими, они голодны, как никогда. Они чувствуют слабость своего руководства и государства, а потому надо прессинговать, топтать, не давать опомниться этим ослабленным подданным разрушающейся советской империи, добивать, как на ринге сильный боксер добивает слабого, — цинично откровенничал шеф со своим подчиненным.

— Мы часто играем в волейбол с командами многих посольств, в том числе и с советской командой, — вставил Брэд, чтобы подвести своего шефа к конкретной мысли.

— Вот и пригласите игрока Баранова на чашку кофе — ведь вилла ваша недалеко. Условия конспирации на ней надежные. Дом весь в зарослях, — напутствовал руководитель своего подчиненного.

— Этот план я вам уже докладывал.

— Я помню, вот по нему и действуйте! — подытожил седовласый с большими залысинами, краснощекий янки. Он хрипло дышал, по всей вероятности страдая одышкой, как астматик, — видно климат был не по его здоровью.

Прошло несколько дней после последнего волейбольного матча, и однажды Брэдфорд пригласил Баранова на чашечку кофе. У него уже созрел вполне продуманный план действий. Однако Вячеслав неожиданно отказался от предложения иностранца, но о явном подходе американского разведчика своему руководству не доложил.

«Доложишь, начнется разбирательство, — рассуждал офицер. — Затаскают на коврик к резиденту. Начнут подозревать, а, как известно, подозрений у человека тем больше, чем меньше

он знает. Не буду ничего говорить. А, с другой стороны, может, что и выгорит от такой дружбы — я ему, а он мне. Что тут страшного?!»

Когда же последовало вторичное приглашение, советский офицер ответил в принципе согласием и в то же время обещал подумать.

«Он у меня в кармане, — ухмыльнулся про себя Брэд. — Я практически его уже заарканил. Чувствуется, Вячеслав голоден — он, наверно, ищет денег. На этом надо и играть. Рыбка клюнула. Теперь главное — вовремя подсесть...»

24 октября 1989 года Баранов покинул служебное помещение и вышел в город. Недолго побродив улочками Дакки, он вдруг зашел в ресторан «Лиин Чин». С телефона-автомата набрал номер виллы американца. Прошел короткий телефонный контакт.

— Брэд?..

— Да!

— Я готов встретиться завтра.

— О' кей! — Американец узнал без представления свою жертву. Потом с улыбкой взглянул на телефонную трубку и, укладывая ее на базу, даже слегка погладил пластмассовый аппарат. Он понял: русский готов сотрудничать за деньги — это правда. Вспомнились заученные перед командировкой слова из индийского средневекового литературного памятника Хитопадеша: «Алчного привлекай деньгами, гордого — честью, глупого — выполняя его желания, мудрого — правдой». Он часто повторял, как молитву, эти слова, когда готовился к аналогичным разговорам с кандидатами на вербовку.

Баранов, как и договаривались, на следующий день, снова оставив рабочее место, теперь прямо направился на виллу Брэда. Он несколько раз проверился, нет ли «хвоста» или знакомого из посольства. Как разведчик офицер отлично понимал, куда и зачем идет, — он шел наниматься на работу в роли предателя.

Брэдфорд внимательно наблюдал из окна за подходами к калитке и самим входом во двор виллы. В ответ на сигнальный

звонок он нажал кнопку. Наконец дверцы калитки приоткрылись, и в ее проеме показалось встревоженное и бледное, как определил Брэд, лицо Вячеслава...

За небольшим столиком с фруктами, кофе и виски сидели два разведчика: американский и советский. Говорили без обиняков — прямо, почти в лоб, стреляя знакомыми понятиями и терминами. Баранов откровенно жаловался на трудности жизни в Союзе, очереди, унижение через гуманитарную помощь, нехватку продовольственных и промышленных товаров, хотя признавался, что для тех, кто работает за рубежом, жизнь сносная, но и только...

— А вы бы хотели получать больше? — улыбнулся Брэд.

— Кто же не хочет, кто не желает... желание — это тоже мера ценности и колыбель надежды, — образно ответил советский товарищ американцу.

На вопрос о быте Баранов стал вдруг жаловаться, что в Москве живет в малогабаритной квартире и это при серьезно больной дочери.

— Я вам помогу деньгами и лекарствами, при условии если мы будем друг друга подпитывать информацией для нашего же профессионального роста. — Он сочувственно стал записывать диагноз болезни дочери русского гостя. — Давайте встретимся через пару дней. Мне нужно время, чтобы найти наиболее эффективное лекарство.

— Спасибо, очень тронут вашей заботой, — промолвил Баранов, прекрасно понимая, какое течение подхватило ладью его дальнейшей судьбы.

Договорились встретиться через три дня — 27 октября.

Брэд понимал: при вербовке надо работать, как в кузнице, — куй железо, пока оно раскаленное — красное. Именно в таком режиме работы с металлом наиболее легко достигается изменение его формы.

Когда Баранов шел на вторую встречу, он осознавал, что готовится его вербовка и он должен, просто обязан, дороже себя продать.

«Я вынужден максимально использовать этот факт! — размышлял советский офицер. — Поиграю на две стороны, подою чужих и своих. А в перспективе с учетом долбаной перестройки надо в конце концов «делать ноги» в США. В Союзе многим таким, как я, перспектив нет, как нет будущего и у Союза. Условия выезда в США я сразу же поставлю янки на вид».

Ко второй встрече он готовился тщательно. Вячеслав прокрутил в голове все то, что он знал и что могло заинтересовать в первую очередь американцев. Вспомнил некоторые ему известные установочные данные на негласных помощников и даже номера приказов из Центра, не говоря об их содержании, фамилии руководителей ГРУ. Для торга — все сгодится!

В его мыслях не было никакой борьбы мотивов — он все уже решил и решил окончательно, а потому все делал осознанно, никакой двусмысленности. Он верил в свою звезду, поэтому не считал поступок заблуждением. Так он считал, но, как говорится, нет ничего гибельнее апофеоза наших заблуждений, этого благоговейного отношения к призрачным химерам, которые нам предоставляются волей случая или заранее продуманного многоходового посыла «доброхотов».

Опять тот же столик с кофе и плоской, как фляжка, бутылкой виски, однако теперь было обилие фруктов. Баранову сразу же бросилось в глаза волнение Брэда, выражавшееся в неестественной скованности движений и дрожи в произносимых словах.

«Волнуется американец. Неужели думает, откажусь», — подумал Вячеслав.

Но Брэд быстро взял себя в руки и провел подготовительную для вербовочной беседы работу так шаблонно, что у Баранова невольно возник вопрос: неужели так слабы американские разведчики в психологии? О такой тактике вербовки он не раз читал в специальной литературе и газетах, но никогда не предполагал, что будет скоро сам соглашаться с ахинеей вербовщика, который так, для блезира или диктофона, пробубнил тирады хорошо знакомых слов.

— Я согласен сотрудничать с ЦРУ, но при одном условии:

как только прибуду в СССР и поработаю год, хочу иметь гарантии, что вы меня с семьей вывезете из Союза в США.

Вот как об этой «памятной» встрече показал Баранов на следствии:

«На второй встрече с Брэдфордом в Дакке я поинтересовался, что ждет меня на Западе. Американец ответил, что после достаточно длительной и кропотливой работы со мной (имея в виду, разумеется, опрос) мне со всей семьей будет предоставлен вид на жительство, оказана помощь в устройстве на работу, подыскании жилья в выбранном районе США, изменении внешности, если это потребуется.

Я спросил: «Что будет, если я откажусь от опроса?» Брэдфорд, до этого старавшийся говорить мягко и доброжелательно, довольно резко и сухо ответил, сказав следующее: «Никто вас принуждать не будет. Но в этом случае наша помощь ограничится предоставлением вам и вашей семье статуса беженцев в США или в одной из стран Европы. В остальном вы будете предоставлены сами себе».

На этой встрече договорились встретиться через пару дней. Брэд пообещал познакомить Вячеслава со своим шефом.

Американцы спешили, и уже 3 ноября 1989 года резидент ЦРУ США в Дакке Виссент Крокетт, битый советской военной контрразведкой еще в 1977 году, провел вербовку Баранова.

Несколько слов о Крокетте — это он, провалившись при организации операции по связи с бывшим офицером ГРУ, агентом ЦРУ майором Филатовым, с женой Бекки был тогда захвачен с поличным. Их привезли в приемную КГБ, опросили в присутствии представителя посольства США, где Винсент жевал сопли от страха, что будут бить. Затем он был объявлен персоной нон гра-та и выдворен из Москвы. Кстати, Стороженко участвовал в задержании Филатова и хорошо представлял физиономию американца.

Третья встреча проходила там же. Баранов понял, что к нему у американцев особый интерес, если пришел на встречу сам шеф Брэда.

«Значит, я вам нужен так же, как и вы мне», — ухмыльнулся про себя будущий шпион.

Войдя в комнату, Вячеслав увидел сидевшего незнакомца. Это был упитанный мужчина в возрасте лет за пятьдесят с огромной лысиной и круглым улыбающимся лицом. Его темные глаза почему-то с расширенными зрачками буквально впились в лицо вошедшего россиянина.

— Винсент Крокетт, — чуть приподнявшись с кресла, резидент ЦРУ протянул вялую и пухлую ладонь советскому офицеру.

— Вячеслав Баранов...

— Наслышан о вас как о серьезном человеке, нашем коллеге, могущем и способном поработать и на себя, и на идеалы демократии в мире, — выстреливал слова панегирика янки...

Когда принципиальные вопросы вербовки решились, сразу же зашла речь о плате за «товар». Остановились на том, что агент получает 25 тысяч «зеленых» за согласие сотрудничать с ЦРУ и ежемесячно по 2 тысячи при активной работе. Вынужденный простой оценивался в 1 тысячу долларов.

Баранова эти суммы сребреников вполне удовлетворяли, но оставался еще нерешенным вопрос об условиях и времени вывоза семьи россиянина в США.

— А как и когда решится проблема вывоза меня и моей семьи в Америку? — робко спросил Вячеслав, почесав себя за ухом.

— Не беспокойтесь, дорогой друг, Америка таких, как вы, — не забывала и не забудет. Все будет зависеть от нашей с вами работоспособности. В случае необходимости мы вас вывезем, если вам и вашим близким будет угрожать опасность, — как-то бесстрастно заявил Крокетт.

Вербовку советского военного разведчика закрепили избранием псевдонима «Тони» и получением опросной информации по резидентурам КГБ и ГРУ в Дакке.

На этой же встрече Баранов рассказал об изменениях в структуре и руководящем звене ГРУ, задачах резидентур КГБ и ГРУ в Дакке, раскрыл оперативных офицеров этих двух добывающих секретную информацию служб. Подробно описал помещения, занимаемые оперативным составом резидентур, а также посольских референтур. Раскрыл систему обеспечения безопасности личного состава советского представительства в Дакке.

В конце беседы американцы передали своему агенту шифры, коды, план операции по связи в Москве и вручили ему всего 2 тысячи долларов. Остальные деньги обещали положить в один из зарубежных банков, адрес которого намеревались сообщить в ходе дальнейшей работы.

Но так и не сообщили, работая с ним в Бангладеше.

Вскоре срок командировки Баранова закончился, и он убыл в Москву. Руководство ГРУ его направило снова под «крышу» — клерком в Министерство внешней торговли.

В один из вечеров, когда жена с дочерью легли отдыхать, он решил под видом читки свежих газет детально ознакомиться с планом по связи. Усвоив детали требований по установлению контактов с иностранной разведкой, 15 июня 1990 года он поставил «метку» — (сигнал для связи) в телефонной будке, стоящей рядом со станцией метро «Кировская». Войдя в будку и сняв трубку, он на ней нацарапал заранее оговоренный несуществующий номер — 345-51-15. Как показалось ему, царапал долго — пластмасса трубки оказалась более твердой, чем он предполагал.

Это был знак, что агент «Тони» устроился на службу, обладает возможностями добычи информации и готов полностью включиться в работу на ЦРУ. После этого он трижды выходил на место личной встречи, о котором договаривались в Дакке с Крокеттом и которое дублировалось в инструкции по связи. Но получил облом — никто к нему на связь не вышел.

У Баранова промелькнула мысль: неужели не поверили? Нет, наверное, проверяют, значит, оберегают меня.

На четвертый раз «повезло» — на личную встречу с агентом вышел заместитель резидента ЦРУ в Москве Майкл Салик.

Контакт разведчика с агентом прошел на железнодорожной платформе Маленковская. Проходил он относительно быстро по времени. Американец боялся засветиться — все время проверялся. Голова ходила, как на шарнире. У Баранова создалось впечатление, что цэзрушник пришел на встречу не для беседы, а кого-то еще зафиксировать взглядом. Он просто был трусоват до неприличия.

Посыпался град вопросов: проверялся ли, не привел ли «хвоста», есть ли информация? Таких встреч в Москве Майкл всегда боялся, справедливо считая советскую контрразведку — с ее подразделением грозных «топтунов», да еще в столице — всевидящей. Салик в данном случае не ошибся...

Он определял свой страх как ожидание неприятного зла. Майкл был разведчиком со стажем, а потому страх связывал с осторожностью, считая, что только глупость не ведает страха и поэтому осторожность никогда не бывает излишней.

Американец, в темпе проинструктивровав своего агента, в конце беседы передал Баранову новую инструкцию по поддержанию связи, конкретное оперативное задание по центральному аппарату ГРУ и две тысячи рублей на приобретение радиоприемника, способного принимать в будущем односторонние радиопередачи на канале Центр — агент.

Мудрая русская пословица — «Коготок увяз, всей птичке пропасть» — не раз приходила почему-то ему на ум, пока он шел на встречу с советским агентом, а потом возвращался в посольство, — он верил, что «Тони» у них на крючке.

Завершая беседу, он мило улыбнулся и заметил, что в австрийском банке у агента уже скопилась приличная сумма в долларах, но характерно то, что опять не назвал ни конкретной суммы, ни названия банка. У Баранова же в «зобу дыханье сперло» от такой радости, поэтому он не стал уточнять детали, которые надеялся выяснить на очередных встречах. По его расчетам в банке должно было скопиться около 60 тысяч долларов.

На этом личная встреча Майкла Салика с агентом «Тони» была свернута, и они разбежались, затерявшись в густой массе входящих и выходящих из электрички пассажиров.

Согласно плану по связи, Баранов должен был заложить тайник с информацией. Собранные на службе сведения он вставил в контейнер и определил его в место, указанное американцами. Но произошла досадная осечка. Осуществляя контрнаблюдение за подходами к тайнику, агент, к своему удивлению и огорчению, переросшими в ужас, зафиксировал невероятное — строительные рабочие запрессовали асфальтом его контейнер с наворованными секретами. Перепуганный офеня «грушным» то-

варом поспешил предупредить об этом своих покупателей, поставив меткой сигнал «Павлин» о необходимости срочной личной встречи.

Американские разведчики, приняв сигнал, стали передавать по радио, что не смогут скоро встретиться с ним из-за пожара, случившегося внезапно 28 марта 1991 года в посольстве США в Москве.

Центральный аппарат 3-го Главного управления КГБ СССР. В кабинете заместителя начальника оперативного отдела полковника Глухова А.П. собрались военные контрразведчики, задействованные в операции по делу оперативной разработки (ДОР) на «Барона».

— Что там новенького по «Барону», Игорь Павлович? — обратился он к куратору ДОР подполковнику Ивову.

— Зафиксирована встреча замрезидента посольской резидентуры США господина Майкла Салика с нашим подопечным, но, к сожалению, сотрудники «наружки» из-за опасности расшифровки вынуждены были вести себя в соответствии с особенностями оперативной обстановки, — последовал витиеватый ответ.

— Что, потеряли?

— Нет, Алексей Петрович, решили оставить их в покое, считая, что все равно возьмут их на выходе в город.

— Ну и взяли?

— Взяли и довели — янки до посольства, «Барона» до дома.

— Я прошу вас, Игорь Павлович, организовать теперь круглосуточное наблюдение за «Бароном». Мы должны знать все: поведение, связи и планы разрабатываемого. Особенно обратите внимание на бытовые его контакты — контакты вне службы. Но работайте по канве имеющегося неплохого плана. Нам нужен результат. Если раз принял решение и приступил к делу, тогда уже нечего смущать себя новым передумыванием наполовину выполненного — надо действовать. Я думаю, вы меня понимаете, — философски завершил свой инструктаж полковник Глухов.

Жесткий контроль чекистов за поведением шпиона дал свои

результаты. В апреле 1991 года чекисты зафиксировали очередной личный контакт «Барона» с установленным американским разведчиком, действовавшим с легальных позиций.

ДОР на «Барона» пополнилось новыми уликовыми материалами, собранными военными контрразведчиками. По данным агентурно-оперативного наблюдения по месту жительства, стал вырисовываться более емкий образ жизни подозреваемого в шпионаже.

Так, он неожиданно быстро нашел крупную сумму денег на ремонт поврежденной в дорожно-транспортном происшествии личной автомашины «Жигули».

Но самым интригующим моментом для чекистов было получение явных признаков подготовки к бегству. Так, оперативным путем были добыты данные, что на имя Баранова в одной из туристических фирм был выписан фальшивый заграничный паспорт. За документ он отдал «черным изготовителям» полторы сотни долларов. А когда после получения загранпаспорта он неожиданно взял три дня отгула, чего ранее никогда не практиковал, чекистам стало ясно, что «Барон» именно в эти дни собирается покинуть пределы страны.

Полковник Глухов снова собрал оперативное совещание.

— Руководство военной контрразведки поставило задачу, — заявил он оперативникам, — принять все меры, чтобы не допустить повторения «Бароном» факта исчезновения шпиона Гордиевского. Объект явно готовится покинуть пределы нашего государства.

— Видно, янки наобещали ему большие деньги где-нибудь в заграничном банке. Вот жадность фраера и губит, — заметил один из контрразведчиков.

— А может, просек нашу неаккуратную работу? — поправил хозяин кабинета.

— Не может быть, Алексей Петрович, — с чувством уверенности в невозможности прокола заявил подполковник Ивов. — Делали все филигранно. Нигде, по-моему, мы не наследили. Иначе бы он повел себя по-другому.

После этого совещания все силы чекистов были брошены на выяснение конкретных планов шпиона.

А когда один из оперативных работников получил сведения о приобретении Барановым авиабилета в Вену, стало ясно — он «делает ноги». К этому времени у контрразведчиков были уже легализованные уликовые материалы, хотя и добывались оперативным путем.

11 августа 1992 года полковника Баранова Вячеслава Максимовича задержали при прохождении пограничного контроля в аэропорту Шереметьево-2. Официальный предлог имелся — фальшивый заграничный паспорт. Разбирательство от пограничников перешло к военным контрразведчикам. На первом же допросе он признался в своем намерении покинуть страну из-за всеохватного страха за содеянное преступление перед Родиной и ожидаемого ареста. Он признался в своей причастности к американской агентуре.

Сразу же нашлись ответы на многие невыясненные вопросы, и в частности о внезапном появлении денег на ремонт личной автомашины.

«Я получил 1250 рублей от американской разведки на ремонт личной автомашины «Жигули», — скажет он на первом допросе военным контрразведчикам. — На встрече с сотрудником ЦРУ, давшим эти деньги, я понял, что американцы не собираются вывозить меня и мою семью из СССР».

А через несколько дней на следствии он дополнительно показал:

«Ни условия, ни способы, ни сроки возможного меня и семьи вывоза из СССР с американцами не обсуждались и до меня ими не доводились. На мой вопрос о схеме вывоза в обоих случаях — и в Дакке, и в Москве — следовали заверения общего характера. Говорили, что мероприятие такого рода очень сложно и требует определенного времени и усилий для подготовки. Мол, такая схема будет доведена до меня позже...

Довольно скоро у меня возникли серьезные сомнения в том,

что такая схема когда-нибудь будет мне сообщена, а теперь... мои сомнения превратились в уверенность».

Но не только магнит денег тянул шпиона в Вену — его гнало из Москвы душевное потрясение, вызванное постоянным ожиданием беды за предательство. Разве можно жить спокойно, когда все время дрожишь от страха? Наверное, нет...

Следствие закончилось, доказав, что Баранов в силу непродолжительности сотрудничества с американской разведкой и выдачи ей сведений, уже известных ЦРУ, не нанес серьезного ущерба ГРУ. Кроме того, переданная шпионом информация противной стороне не повлекла провала известной ему нашей агентуры. Эти смягчающие обстоятельства были оценены на суде.

19 декабря 1993 года Военная коллегия Верховного суда РФ вынесла приговор, назначив ему наказание ниже низшего предела: шесть лет колонии строгого режима с конфискацией изъятой у него валюты и 50% принадлежащего ему имущества и лишением звания полковника.

Судьба предателя, как он сам считал, была к нему благосклонна. После освобождения из заключения он несколько лет жил в Москве. Жена за это время нашла нового спутника жизни, а он вынужден был просить недавних хозяев принять его на ПМЖ. Бывшего военного разведчика — «оборотня» янки приняли, учитывая его «заслуги перед США», но приняли без «подъемных и авансов» и без предоставления гражданства. Гражданство надо еще будет зарабатывать. Как это делать, хорошо знают такие типы, как «Барон». Из него выжимать то, что еще не выдоили...

Глава 18

Слово памяти о первом начальнике

Багаж почти двухлетнего опыта, наработанного во Львове после окончания Высшей школы КГБ при СМ СССР, был для Стороженко стартовой площадкой для всей последующей работы в органах госбезопасности. Если влияние его наставника майора Деева он оценивал как тактическую основу, то уроки первого оперативного начальника отдела генерал-майора Мозгова Николая Ки-

рилловича были для него стратегической линией не только в службе, но и во всей последующей жизни.

Доклады для оперативных совещаний генерал готовил сам, толково излагая аналитическую фабулу оперативного процесса подразделения с успехами и просчетами каждого военного контрразведчика. Он никогда не устраивал разносов. Был всегда предельно корректен и конкретен в оценке работы того или иного офицера-оперработника. Брак в работе называл «лихорадкой навыворот: он начинается жаром, а кончается холодом».

Любил он образные слова. Так, нерадивых сравнивал с человеком, несущим работу, как дохлую собаку. Запомнился с тех пор его афоризм о болтунах: меч и огонь менее разрушительны, чем болтливый язык.

Генерал жил в коллективе и коллективом. На физподготовку приходил раненько до работы со всеми офицерами. Бегал на равных, разминался и играл в волейбол. Однажды во время игры один из перворядников-волейболистов при туше попал генералу в лицо. Удар был такой силы, что он еле устоял на ногах, брызнули слезы, и, наверное, посыпались искры из глаз. Но он достойно отыграл игровое время и даже намек не сделал обидчику.

Как-то генерал Мозгов пригласил Николая в кабинет и, положив руку на плечо, по-отцовски тепло спросил:

— Ну, как, сынок, служится? Слыхал-слыхал, что вписался в коллектив. Молодец! А я вот не молодец — квартиры пока тебе не могу дать. А какова же служба без собственной крыши?! Трудно небось с лейтенантской зарплатой? И заначку не отложишь. Мне о твоей квартирной проблеме говорил начальник сектора полковник Зотов. Да и кадровик напоминал наш — полковник Забродин.

— Ничего, товарищ генерал. Пока терпимо, крыша над головой есть, — дождь не льет, — искренне ответил Стороженко.

— Мне нравится твой ответ. Мужской он, взрослый. Однако есть вариант, — пришла разрядка в Венгрию. Поедешь? Там чекистская практика приближена к боевой. Да и материально легче, — продолжал разговор Николай Кириллович.

Николай дал согласие и в последующем не жалел.

Прошло два десятка лет после той беседы во Львове с Николаем Кирилловичем. Николай уже работал в центральном аппарате военной контрразведки и узнал, что Мозгов недавно переехал в Москву после ухода на пенсию. В конце 80-х они встретились на юбилейном вечере в честь очередного Дня Победы в клубе имени Дзержинского.

Стороженко сразу же узнал его по приятному прищурю все еще живых, не подернутых возрастной усталостью глаз, всегда смело глядевших на собеседника.

— Здравия желаю, товарищ генерал, — привычно по-военному обратился Николай к нему.

— Здравствуйте, товарищ полковник, — заулыбался Мозгов.

— Вы меня узнали?

— Что-то есть. Осталось в памяти, не Львов ли?

— Так точно!

— Ну, вот видишь, у старика нет склероза.

Николай назвал свою фамилию, приоткрыв обстоятельства отъезда в Южную группу войск, и с гордостью рассказал, где и на какой должности служит на Лубянке.

— Молодец, прикарпатцы не подводят. Я знаю, что тут служит наш воспитанник полковник Магальяс Анатолий Федорович.

— Мы с ним в одном отделе — в первом!

Потом Николай стал встречаться с генералом чаще: то в клубе, то в совете ветеранов. Бывший подчиненный рассказывал своему наставнику об успехах своего подразделения по линии выявления вражеской агентуры, творческих планах, проблемах современного чекистского ремесла в период горбачевской перестройки.

Однажды Стороженко приехал в совет ветеранов. В комнате Боевой славы сидел генерал Мозгов, внимательно читавший газету.

— Здравствуйте, Николай Кириллович!

— Привет, привет, земляк! — Он привстал со стула и протянул теплую с еще сильным рукопожатием кисть.

Говорили долго. Именно на этой встрече Николай узнал тайну, которая его мучила все эти годы.

— Вот так я распрошлся с флотом и стал сухопутным гене-

ралом, — заметил генерал, подводя итог захватывающему повествованию об истории хрущевского мордования армии и флота. Но об этом потом.

Николай понимал, что Мозгов, обладатель огромного чекистского опыта, не мог не написать о «суровой школе воспитания» в годы войны, у которой был персональный учитель — фронтовая действительность. Был в этой школе и главный предмет, как говорил генерал, суть которого выражалась так: «Умереть за Родину — нехитрая штука. Надо жить и побеждать».

На очередной встрече Николай, зная, что Николай Кириллович участвовал в операциях по обезвреживанию войск от германской агентуры на полуострове Ханко, куда был назначен на должность заместителя начальника контрразведки стрелковой бригады, задал ему вопрос по этому этапу службы.

— Я вкратце об этом писал в статье «Тревожные дни Ханко» в сборнике «Чекисты Балтики». На книгу не хватило ни своего духу, ни интереса у коллег и издателей. Ну, что могу сказать, было предгрозовое время. В апреле 1940 года я прибыл на полуостров Ханко ледоколом «Ермак». Меня сразу же принял непосредственный руководитель — начальник особого отдела военно-морской базы (ВМБ) полковой комиссар Я.А. Кривошеев. Ему я доложил свой план действий. Не успел развернуться в бригаде, как в августе был назначен начальником отделения особого отдела ВМБ Ханко.

Однажды в беседе со мной Кривошеев заметил, что Центр информировал его о том, что противник осведомлен о численности личного состава базы и расположении боевых средств.

— Надо искать всем вместе канал утечки этой информации. Без «крота» тут не обошлось, — заметил начальник. Чекисты хорошо знают, что означает такой сигнал, где-то рядом скрывается и вершит свое черное дело враг, в личине оборотня.

— Я сразу же собрал офицеров, — поведал Мозгов, — и поставил задачу по поиску источника утечки секретных сведений. Вскоре один из оперативных работников доложил материалы о финансисте железнодорожной батареи некоем Беркачеве. Суть их сводилась к тому, что финансист проявлял повышенный интерес к сведениям вне поля его компетенции.

В ходе дальнейшего изучения личности выяснилось, что Беркачев длительное время жил в Германии после пленения в Первую мировую войну. Потом приехал в СССР — натурализовался, получив советское гражданство. В последний предвоенный отпуск он посетил в Москве некоторых возвращенцев из Германии. Отдельные из них вели себя подозрительно и изучались чекистами столицы.

В марте 1941 года он вернулся из отпуска и стал активно заниматься сбором секретных материалов. Об этом стала сигнализировать агентура. Я принял решение провести оперативный эксперимент. Когда финансист находился на докладе у командира части, из штаба базы ему «доставили важный пакет». Хозяин кабинета вскрыл его и начал читать. Как раз в этот момент он был «срочно вызван» к начальнику штаба базы.

— Будьте любезны, подождите меня, я скоро вернусь, — сказал командир и застучал сапогами по длинному коридору.

Как только офицер вышел, Беркачев бросился к столу и стал быстро выписывать секретные данные. Зарисовал немало он тогда. На этом и поймался.

На следствии он признался, что был завербован абвером в период проживания в Германии и вывезен в СССР в качестве резидента немецкой разведки. При обыске на квартире мы обнаружили массу материалов, изобличающих его как агента фашистской спецслужбы...

— А где вас застала война? — поинтересовался Николай.

— В Сочи... я там отдыхал, вернее, только что прибыл в санаторий, и тут же пришлось собирать чемодан, чтобы добраться до Ханко.

Фашисты на нашем участке фронта наступательных операций не проводили, опасаясь мощи нашей обороны, но методически вели артобстрел полуострова. Это был настоящий ад для личного состава. Ежедневно немцы выпускали от 6 до 8 тысяч снарядов и мин. Обстрел велся, как правило, ночью с соседних островов. Поэтому командование гарнизона решило отвоевать

их у гитлеровцев. В ходе десантной операции мы захватили острова Хорсет, Вальтерхольм и еще несколько.

Это были наши первые победы тяжелейшего 1941 года. Но на ханковцев усиливалось психологическое давление — начался массовый сброс листовок. А еще гитлеровцы осмелели, почувствовав, что у нас на исходе боеприпасы и продовольствие.

Вскоре пришел секретный приказ командующего Ленинградским фронтом о проведении эвакуации более чем десяти тысячного гарнизона. Все нужно было делать незаметно от противника: уничтожать неподъемную технику и сооружения, перекрывать вероятные каналы утечки информации к противнику и исключить возможность пленения неприятелем наших воинов или перехода на сторону врага неустойчивых лиц.

— За этот период обороны Ханко были ли случаи разоблачения вражеской агентуры?

— Конечно, вот один из эпизодов. В начале ноября 1941 года недалеко от сухопутной границы моряками был задержан мужчина в штатском. Он представился лейтенантом Красной Армии, попавшим в плен и бежавшим из лагеря, расположенного в Финляндии. В котомке, висевшей у него на плече, мы обнаружили несколько картофелин, брюкву, морковь и еще какие-то овощи. Первое, что бросилось в глаза, это его розовощекость, упитанность и подозрительная чистота рук, которая явно не свидетельствовала о рытье овощей в земле. Под ухоженными ногтями не было видно следов грязи. Это сразу же насторожило нас, однако мы сделали вид, что полностью поверили его показаниям.

На следующий день я попросил повторить все то, что он говорил на предыдущем допросе. На сей раз, как и предполагал, его показания существенно отличались от первых объяснений...

Подвела память шпиона — на этом он и попался.

Назвавший себя лейтенантом Ивановым оказался агентом абвера, заброшенным на полуостров с целью ведения разведки. Вскоре мы его переправили в особый отдел Ленинградского фронта.

— Вы говорили о том, что гарнизон готовился к эвакуации с полуострова Ханко путем погрузки личного состава на корабли. А что сделали с имуществом, боевой техникой, ведь всего того, что нельзя было вывезти и оставлять врагу, было много?

— На все объекты, подлежащие уничтожению, завозилась взрывчатка. Чтобы не вызвать у немцев подозрений, подрыв машин, оборудования и сооружений производился так: свозились, например, автомашины в определенное место, закладывались фугасы и горючие материалы. Когда противник начинал артобстрел, производился подрыв. Фрицы, наверное, ликовали по поводу «меткой» стрельбы. В день погрузки личного состава на корабли я увидел в гавани, как затапливали танки, паровозы, вагоны.

— Как же можно было затопить такую громаду, — ну хотя бы паровоз?

— Довольно просто. Подводили рельсовое полотно к самому краю пирса или крутого берега. Паровоз сталкивал вагоны и платформы с танками и автотранспортом в воду, а потом и сам «прыгал» туда же. Уничтожали даже артиллерийские батареи. В стволы орудий засыпали песок, а затем производили выстрел...

Грустно было смотреть на все это. Вот так мы покидали ВМБ на Ханко. О том, что оборонцы ушли, фашисты узнали только на следующий день, когда наши корабли уже достигли Кронштадта.

— Николай Кириллович, что вы можете вспомнить наиболее яркого из чекистских будней вашей службы в Прибалтике? Там ведь оперативная обстановка даже после войны была не из легких, — поинтересовался Николай у прославленного оперативника.

— Осенью 1944 года наши войска освободили Таллин. За время трехлетнего пребывания в Прибалтике абвер создал широко разветвленную разведывательную сеть, агентуры насадил, как картошки в огороде. После отступления фашистов она осталась в подполье. Для борьбы с ней в эстонскую столицу прибыла оперативная группа, состоящая из контрразведчиков Балтфлота во главе с генералом Виноградовым.

— Вы тоже находились в составе этой группы?

— И да, и нет... Дело в том, что я остался до особого распо-

ряжения в Ленинграде с бумагами архива и картой с обозначением мест пребывания вражеских резидентур, явочных квартир, разведшкол, почтовых «ящиков», донесений и прочего, что имело отношение к разведцентру абвера «Норд-Поль». Эти документы я выучил почти наизусть.

— А когда вы приехали в Таллин? Вас вызвали по конкретному делу или в общем порядке — для усиления?

— Я анализировал работу одного нашего источника, эстонца Каспера — радиста разведывательного отдела КБФ, переправленного еще в 1941 году за линию фронта. Первая радиограмма звучала от него обнадеживающе: «Приступил к исполнению...»

В ней давались оперативно значимые данные, но потом связь оборвалась. Одно время мы считали, что радист погиб, однако через некоторое время рация Каспера вновь ожила в эфире, но, к нашему удивлению, она работала на другой волне. Некто «Реннер» передавал донесения в «Норд-Поль», что сразу же насторожило армейских чекистов, так как, по данным наших оперативников, почерк работы радиста был идентичен с работой бывшего нашего источника.

С целью установления Каспера мы размножили его фотографию, срочно сообщили одному из наших зафронтовых агентов в Таллине адреса вероятного проживания разыскиваемого и попросили в случае установления объекта выяснить его поведение.

Вскоре агент уже докладывал, что Каспер после приземления на парашюте со всей экипировкой явился в немецкую полицию и рассказал, кто он и что собирался делать на оккупированной немцами территории, то есть предал нас с потрохами, как говорится. Через некоторое время пришло второе сообщение, в котором говорилось, что Каспер находится в Кенигсбергской разведшколе и изменил Родине. Все стало на свои места...

В Таллин я приехал по вызову генерала Виноградова. Он встретил меня словами: «Обстановка тут сейчас сложная. Паутина абвер свил основательную — Канарис постарался. Командующий флотом торопит нас активнее действовать. Бери в подчинение две оперативные группы и действуй».

— А как же с материалами на Каспера?

— Досье на предателя я привез с собой и доложил Виноградову. Но он меня ошарашил, — его сотрудники задержали какого-то эстонца по имени Каспер, и поэтому надо было срочно сверить мои материалы с теми, что были у тамошних сотрудников.

— А кто он был по специальности?

— Высокообразованный юрист, хорошо знавший психологию. На встречах с чекистами юлил, умело обходя «подводные камни» перекрестных допросов. Спасала его на первых порах великолепная память, но память — это медная доска, как говорится, покрытая буквами, которые время постепенно стирает и сглаживает. Через оперативные возможности мы вскоре вышли на конспиративную квартиру Ханса Каспера. Провели обыск и обнаружили необходимые улики: оружие, нашу рацию, деньги, фиктивные документы с фотографиями Каспера в советской форме, инструкции по организации диверсий на военно-морских объектах. После этого Каспер замолчал. Пришлось выложить последний козырь, — на допрос вызвали младшего брата.

— А что за козырь, кроме перечисленных улик, был у вас на него? Разве не козырь обнаруженная наша радиостанция?

— Дело в том, что в одном в спешке покинутом особняке мы обнаружили... картотеку таллинской тайной полиции. Среди заарестованных значился и младший брат предателя. Но он не стал выполнять преступные поручения. Старший брат — изменник об этом не знал.

Допрос Касперов я провел в форме общей беседы. Говорили долго — до полуночи. В конце концов, Ханс сознался...

— А как же решилась судьба младшего брата?

— Тут целая история вышла. Многие мои коллеги требовали суда и над ним, но я добился освобождения его по закону. У нас ведь не было никаких материалов о его преступной деятельности. Прокуратура с моими доводами согласилась, а что касается старшего, то было вскрыто следующее...

Появился он в Таллине весной 1944 года, после окончания немецкой разведшколы, с задачей — с приходом советских войск в Эстонию снова внедриться в ряды агентуры военной

контрразведки КБФ. Ему вменялось в обязанность работать на немцев силой резидентуры из 14 агентов по сбору шпионской информации и совершению террористических актов и диверсий.

Получив от Каспера адреса явочных квартир, я направил на одну из них двух оперативников. Засада дала свои результаты. Были задержаны три агента с собранными материалами для передачи абверу...

Всего по делу Каспера мы арестовали 25 агентов фашистской разведки и 24 объявили в розыск. При задержании кроме радиостанций у них изъяли 2 ручных пулемета, 19 автоматов, 17 винтовок, 170 гранат, несколько десятков пистолетов разных систем, советские ордена и медали, фиктивные документы и другую шпионско-бандитскую экипировку.

Среди агентов абвера попался даже пастор из местечка Раквере. Его выдал нам Каспер. Начали, как говорится, «колоть» — задавать «неуютные» для него вопросы. Он мне, помню до сих пор, елеиным голоском тоже задал вопрос: «Сын мой, зачем вы похитили меня, от моей паствы забрали?» Пришлось ему выложить карты своей осведомленности о его неблагородных делишках перед государством и паствой: агент абвера и элементарный вор, обворовавший свою кирху перед приходом наших войск. Он все серебро собора похитил. Конечно, арест «святого человека» без объяснений мог вызвать недовольство населения. И вот тогда с санкции начальства мы привезли пастора в Раквере. В присутствии прихожан, собранных с помощью местных властей, пастор показал место в своем огороде, где зарыл похищенную серебряную утварь кирхи.

Паства, естественно, начала возмущаться, так как недавно с этим же пастором искала похищенное имущество кирхи. Простые граждане после этого стали охотнее рассказывать о конкретных фактах сотрудничества духовного наставника с гитлеровцами. Помню, одна пожилая эстонка плюнула под ноги пастору и бросила с вызовом: за грех он ответит перед богом, а за предательство пусть его покарает народная власть. Шпион получил по заслугам. Нельзя забывать, что это был уже 1945 год — год нашей Светлой Победы!

На этом беседа и закончилась. Но Николаю хотелось из пер-

вых уст услышать повествование о борьбе этого честного и мужественного чекиста за отстаивание истины в ошибочном решении, принятом хрущевскими головоотяпами, в отношении Балтфлота. Стороженко знал эту историю в разной интерпретации из других источников.

Кстати, Кремль тогда приказал резать корабли и самолеты без оценки состояния боеготовности этого водного форпоста, стоящего на западных рубежах страны.

Мозгов Н.К. не убоился ни непосредственного начальства с Лубянки, ни высших руководителей Министерства обороны СССР, ни самого Хрущева и на заседании Политбюро КПСС доложил то, что было на самом деле на флоте, и о тех последствиях, которые могли наступить, если была бы выполнена «дурь сверху». Перед нею спасовали многие флотоводцы, а он добился своего...

Николай несколько раз в беседах при встречах подводил генерала к этой теме, но тот всякий раз отнекивался, называя свой поступок не геройством, а элементарным рядовым действием чекиста, противостоящего трусости и разгильдяйству. Но однажды, это было тоже в совете ветеранов военной контрразведки, в конце 90-х годов, накануне своей кончины он вдруг разговорился.

— А начиналось все так, — пояснил генерал. — Я был начальником контрразведки Балтфлота. Когда на мое имя стали сыпаться, как снег на голову, аналитические справки, рапорта, докладные записки от оперсостава и моряков о резком снижении боеготовности флотской инфраструктуры в результате непродуманных сокращений, я стал задумываться над «разумным процессом». И через несколько недель, когда «созрел», решил подготовить обобщенную справку на имя председателя КГБ Шелепина.

— А как же ваш непосредственный начальник военной контрразведки, что, он остался в стороне, в неведении? — спросил недоуменно Николай.

— Генералу Гуськову я решил не посылать документ. Он мне несколько раз намекал, что кнутом обуха не перешибешь. Поэтому я не уверен был в его смелости, хотя нужно признать, что та-

кой шаг был рискованным — как-никак я шагал через голову московского непосредственного начальства.

Но прежде, чем отсылать документ в Москву, я его показал командующему Балтийским флотом и первому секретарю Калининградского обкома партии — члену Военного совета. Они внимательно прочли мою докладную записку и пожелали успеха в нужном начинании: не отговаривали и не выказывали поддержки в случае потребности. К сожалению, эти люди были слепыми рабами навязанных сверху директив — боялись за свои высокие должности.

— Документ вы отправили в Москву сразу после этого разговора или еще накапливали материал?

— Сразу, так как там было полно доводов в защиту на-ше-го флота. — Он умышленно растянул последнее местоимение, словно подчеркивая гордость и справедливость того, что им было сделано несколько десятилетий назад.

— А потом? — поторопил Стороженко его с ответом.

— А потом включился счетчик времени, и я стал считать дни в ожидании звонка из столицы.

— И все же непонятна трусливая позиция командующего Балтфлотом, — вам пожелал успеха, а сам в кусты.

— Если честно, я не сильно и переубеждал двоих. Никакие рассуждения не в состоянии указать человеку путь, по которому он не хочет идти. Люди не хотят думать, перестают размышлять, когда за них кто-то делает эту работу. Я же был раскован в своих раздумьях, потому что их базой были объективные материалы широкого круга оперативного состава, прекрасно знающего обстановку в курируемых им частях. По-моему, а я такого мнения придерживался всегда, мы истинно свободны тогда, когда сохраняем способность рассуждать самостоятельно...

Время бежало быстро, потому что Николай Кириллович рассказывал настолько интересно, что хотелось его слушать и слушать. Помогал диктофон.

Со слов Мозгова через неделю раздался звонок по «ВЧ».

— Я поднял трубку и услышал голос Шелепина, сооб-

щившего, что получил докладную записку. Он поинтересовался, все ли правильно в ней. Ответ мой был краток: я лично отвечаю за каждую букву, за каждый факт, потому что любой из них выверен через несколько источников.

Председатель КГБ тут же сообщил, что в таком случае он направляет документ в Политбюро, а мне приказал быть готовым по вызову прибыть в Москву.

Через неделю по звонку я и командующий флотом А.Е. Орел вылетели в столицу. Поселились в престижной гостинице «Метрополь». Не успели еще разместиться, как последовал телефонный звонок от начальника Главного Морского штаба, приказавшего нам с командующим прибыть к нему. Я понял задумку, — ожидается психологический накат, моральная торпедная атака. Так оно и вышло.

В Штаб с Орлом шли молча. Командующий совсем не соответствовал своей фамилии. Он скорее походил на мокрую курицу или проштрафившегося пацана, который разбил мячом соседское окно.

— Зачем ты затеял всю эту возню? Зачем? Сколько драгоценного времени она отняла у нас, я не говорю уже о нервах, вообще о потерянном здоровье. Тебе легко... а с меня три шкуры сдерут, — бубнил под нос потеющий командующий флотом, тяжело переставляя налитые словно свинцом ноги.

— Мне тоже неприятно докладывать вашему непосредственному начальнику, — ответил я ему. — Давайте вместе убеждать начштаба, — чего бояться?

Нет, не проронил Орел ни слова в защиту разумных посылок докладной записки. Больше того, в беседе со вторым лицом в ВМФ СССР он свернулся ежиком, вобрав голову в плечи. Мне пришлось одному отстаивать точку зрения о снижении боеготовности флота.

Начштаба упирался рогом, не соглашался с доводами, а потом рявкнул: ну, что, товарищ Мозгов, выходит, контрразведчики лучше знают обстановку на флоте, чем флотоводцы? Вы много на себя берете! Вы что, подвергаете сомнению правильность решения Инстанции и самого Никиты Сергеевича!

Я ему ответил так: первый секретарь не мог дойти до такой

глупости, чтобы отдать распоряжение на уничтожение тех средств, которые могут не один год послужить Родине и флоту.

И тут хозяин кабинета взорвался: «Значит, вы считаете, что Главком и я растиражировали эту глупость?»

Я спокойно заметил, что вот с этой глупостью на Политбюро и разберемся.

Начштаба после моих слов резко поднялся с кресла и, сделав вид, что говорить уже не о чем, практически мне дал знак на дверь, а Орлу приказал остаться...

У меня было свободное время, и я отправился в морской отдел военной контрразведки на Лубянку. Встретил меня его начальник капитан 1-го ранга Шилин, который своего курирующего поддерживал в этом начинании. Увиделся я и с генералом Гуськовым — начальником военной контрразведки. Беседы не получилось, а потому она была недолгой. Он с первых слов открыто дистанцировался от возникшей ситуации и заявил мне, что в период заседания Политбюро его не будет в Москве, так как запланировал выехать на подведение итогов работы в один из военных округов. Мне стало ясно, что Гуськов оберегает свое реноме, оставляя за собой право и свободу сделать соответствующие оргвыводы...

На следующий день меня ждала, как я предполагал, чиновничья голгофа. Я пораньше отправился на Старую площадь. Заседание проходило в кабинете члена партийного ареопага Фрола Романовича Козлова. Пройдя через КПП, я вскоре оказался в просторном кабинете члена Политбюро. Умостившись в кресле, я решил понаблюдать за небожителями. Скоро стали прибывать министры, начальники главков, крупные военные деятели, среди которых я увидел Маршала Советского Союза, министра обороны СССР Малиновского и главкома ВМФ Адмирала флота Горшкова.

Министр обороны прошел в зал заседания с гордо поднятой головой, ни на кого не глядя и ни с кем не поздоровавшись. Главком скользнул по мне безразличным, даже, я бы сказал, колочим взглядом и, тоже не поздоровавшись, хотя мы друг друга

знали, проследовал за своим начальником. Как только большое начальство расселось, Козлов обратился ко мне и предложил место за общим столом, а затем объявил повестку заседания и дал мне всего десять минут на доклад.

Я встал, волнение сразу же подавил и принялся излагать основные тезисы докладной записки...

Малиновский глядел на меня сурово. Сдвинутые к переносице густые черные брови делали лицо маршала неподвижным. Создавалось впечатление, что он специально надувается, а потом краснеет. Как только я задевал за «живое», он бросал подбородок вниз и колючим, холодным взглядом прыгал по неприятным доводам копии ненавистной ему записки, лежащей прямо перед ним на столе.

Прошло несколько минут, и Малиновский, пользуясь своим положением, бестактно оборвал меня: «Я считаю, что товарищ Мозгов взялся за дело, о котором имеет весьма смутное представление. Какой из него моряк? Он флота-то не знает, а рассуждает тут, понимаешь, как флотоводец».

Козлов сделал замечание маршалу и жестом руки осадил нарушителя регламента. Тогда и я пошел в наступление и заявил министру, что Балтфлоту я отдал более 20 лет службы в разных ипостасях, правда, не строевых, а контрразведывательных. Оберегая государственные секреты флота и оказывая командованию повседневную помощь в деле повышения боеготовности, дисциплины и уставного порядка, военные чекисты досконально знают флот, его техническое состояние, вооружение и боевую выучку личного состава.

Неужели вы считаете, что я бы пришел сюда с сырой информацией и забивал бы вам голову чепухой? Эти данные не один раз перепроверены не только оперативниками, но и в первую очередь флотскими офицерами, серьезно относящимися к результатам оргмероприятий — так называлась затея Кремля.

Малиновский бросил недовольный взгляд на Горшкова, который по-черепашьи тут же втянул крупную голову на короткой шее в плечи, отчего сделался, как мне тогда показалось, каким-то жалким и не соответствующим такой высокой должности.

А я продолжил доклад. Помнится, говорил, что, если не ос-

тановить эти варварские оргмероприятия, не принять неотложных мер к скорейшей модернизации флота, к оснащению его новейшими классами надводных и подводных кораблей, к укреплению, а не уничтожению береговой обороны, — флот как могучий и надежный страж наших западных морских границ погибнет!..

Слушая его воспоминания, Николай подумал, какие пророчества говорил контрразведчик на том далеком заседании Политбюро и к чему головотяпы пришли сегодня, практически развалив все и вся на Балтфлоте, лишив его основных мест базирования и заколотив «петровское окно» в Европу.

Ельцинские амбиции обернулись катастрофой для флота с большей масштабностью, чем хрущевский волюнтаризм. Не нашлось, к сожалению, ни в КГБ, ни в армии, ни в среде кремлевских функционеров мозговых или ему подобных...

— Я закончил свое выступление, — продолжал Николай Кириллович, — ровно через десять минут. На некоторое время в кабинете повисла предгрозовая тишина. Первым взорвал ее Горшков. Он заявил, что я якобы в рядовой бумаге раскрыл секретнейшие сведения о флоте, что является уже даже не военной тайной, а государственной.

Тогда я ему ответил, что записку писал я лично. Ее печатала машинистка отдела в моем присутствии, член партии с 1920 года. Конвертировал документ тоже я. А что касается адресата, то, согласитесь, что председатель КГБ имеет право на знание секретов, которые охраняют его подчиненные.

Горшков побледнел от услышанного отпора, скривился в недовольной усмешке, засуетился и стал нервно перелистывать копию докладной записки.

Затем член Политбюро Ф.Р. Козлов дал слово командующему Балтфлотом адмиралу Орлу. Флотоводец начал говорить о сложном положении вверенного ему флота, о тревоге за его безопасность, о бытовой неустроенности моряков в некоторых гарнизонах, о необходимости большего внимания учениям и т.п.

Фрол Романович прервал его словами:

«Александр Евстафьевич, об этих проблемах я впервые слышу от вас. Почему вы прятались за спину контрразведчика? Почему заняли позицию стороннего наблюдателя? Почему вовремя не поставили меня в известность и не приехали ко мне? Даже звонка от вас я не слышал!»

Командующий молчал, понурив голову. Затем Козлов недовольно буркнул Орлу — продолжайте. Выступление его было бледным.

После выступления комфлота слово взял министр обороны СССР Малиновский. Начал он примерно такими словами:

«Я считаю, что приведенные Мозговым факты надуманны. Он, видите ли, печется о боеготовности флота. А по существу его требования тормозят дело, а порой и прямо направлены на срыв планового выполнения указаний Никиты Сергеевича Хрущева о сокращении существенно не влияющих на боеготовность флота частей...»

Говорил он в нервно-лающей манере, отчего его предложения сбивались в хаотичный ком, и трудно было слушающим уловить даже контуры контраргументации. Он терял реноме маршала-фронтовика.

После Малиновского выступил председатель КГБ А.Н. Шелепин. Говорил он спокойно, уверенно, аргументированно доказывая несостоятельность принятых руководителями Министерства обороны решений. В конце своей ремарки он резко прошелся по замечаниям Малиновского и Горшкова и отдельным моментам их неглубоких выступлений.

Начавшуюся сразу же полемику между Шелепиным и Малиновским с трудом погасил Козлов.

Когда закончилось заседание Политбюро и я, уставший от полднего стресса, отправился в гостиницу, в мой номер позвонил первый заместитель председателя КГБ СССР генерал Петр Иванович Ивашутин. Он сообщил, что Фрол Романович высоко оценил мое выступление.

— А военные пусть покрутятся, — заявил он, — если мужества не хватило доложить как есть. Правда — точно горькое питье, неприятное на вкус, но зато восстанавливает здоровье.

Козлов от имени Политбюро сделал внушение Малиновско-

му и Горшкову и потребовал немедленно приостановить расформирование важных частей и соединений флота и в недельный срок дать подробные письменные объяснения по целому ряду позиций твоего доклада.

В тот же день я вернулся в Калининград и приступил к своим служебным обязанностям. Как же легко работалось после этого военным контрразведчикам флота!.. Что же касается проблемы, то, согласно постановлению ЦК КПСС, Балтфлот в короткие сроки стал наращивать свою мощь: началась модернизация, появились новейшая техника, современные классы надводных и подводных кораблей.

— А дальше, как и где служилось? — дежурно спросил Николай интересного рассказчика.

— Потом... потом пришлось послужить на Тихоокеанском флоте, в Каспийской флотилии и Прикарпатском военном округе, где меня сделали «сухопутчиком». Там мы с вами и познакомились, чтобы, как видите, через 20 лет встретиться здесь...

Последняя встреча с Николаем Кирилловичем состоялась 17 декабря 1998 года в Центральном клубе имени Ф.Э. Дзержинского.

В этот день состоялся торжественный вечер, посвященный 80-летию со дня образования органов военной контрразведки. В холле было много ветеранов. Среди них Николай увидел бледноватого и несколько осунувшегося генерала Мозгова, почему-то одиноко стоявшего среди островков говорящих голов.

Он прислонился к первой правой колонне от входа в клуб. Стороженко подошел к нему.

— Здравствуйте! С праздником вас, Николай Кириллович!

— Здравствуй, здравствуй, дорогой... тебя тоже с праздником, — быстро говорил он, улыбаясь с явным напрягом на лице. — Дожили до восьмидесятилетия. Как много прошло времени! Какие мы стали старыми...

— Теперь надо взять еще один рубеж — девяносто, — искренне пожелал Николай ему.

— Э, брат, нет, мне этот рубеж уже не вытянуть. Годочки промелькнули, как деревья мимо летящих вагонов.

Разве думал тогда Стороженко, что видит его в последний раз?!

В глазах генерала читалась плохо спрятанная жизненная усталость, хотя он и пытался ее не выказывать. Однако болезнь явно казала свое обличье, не стесняясь и никого не пугаясь. Он бросал взгляды из стороны в сторону, словно кого-то искал и не находил. Казалось, что Мозгов был чем-то встревожен, и эта волнительная озабоченность передавалась и Николаю.

Уже потом, вспоминая эту встречу, Стороженко пришел к выводу: таким образом генерал прощался с обстановкой родного клуба и сослуживцами. А в тот вечер к нему подходили и подходили ветераны. Он их обнимал и скупое по-мужски целовал. Генерал тут же выходил из окружения одной компании и шел к другой группке седовласых коллег по чекистскому ремеслу. Говорил и слушал, слушал и говорил...

Вообще он был скуп на слова, не любил разглагольствований, но щедро умел слушать и слышать собеседника, проявляя исключительное внимание к человеку, с которым разговаривал. Он это делал естественно, правдиво, без фальши. Ветеран обладал божественной способностью излучать теплоту той вовсе не авторитетной истины, а просто живущей в открытой душе отведенного ему судьбой времени. Его авторитет не давил на собеседника, он давал последнему раскрепоститься в поднятом вопросе и получить удовольствие сказать без «перебивов» свое и выслушать мнение чужое. Он не мямлил — говорил четко и ясно, хотя и быстро.

А еще Николай вспомнил его последние слова, произнесенные с внутренней, душевной болью за разваленное Отечество с повальной общественной деморализацией и поруганную Армию, в защитниках которой он находился не один десяток лет. Он возмущался разрушенным образом жизни граждан разломанной страны, еще недавно бывшей сверхдержавой.

Негодовал из-за появления «бациллы морального разложения» людей в погонах, расцветом военной мафии, строящей себе не дачи, а царские хоромы на фоне хижин большинства чест-

ных офицеров и генералов. Он глубоко переживал разлом цельной системы органов госбезопасности и ее головного штаба — Комитета государственной безопасности.

И тогда Николаю в который раз подумалось: ах, если бы такие, как Мозгов, были у руководства органами госбезопасности или военной контрразведки в тот трагический для страны август 1991 года, он бы не струсил, как сделали это его отдельные высокопоставленные коллеги, смотрящие в рот болезненно амбициозным политикам. Они держали нос по ветру, а потому и росли, росли, росли. Но, увы, прошедшие события не терпят солагательного наклона.

Честные и чистые граждане не в почете, когда бандитски захватывается власть, как не в почете был и Мозгов после того заседания Политбюро, где он спас флот, но ущемил себя.

Генерала казнили, таская по перифериям, и долго не замечали, а если правильней, — не хотели замечать сильного и умного, смелого и честного те, кто шел на руководящие посты не из профессионалов снизу, а прыгал с партийно-политических трамплинов Старой площади на должностные пьедесталы Лубянки.

И все же он никогда не бросал дрожжей в помойку прошлой вакханалии. А еще он умел в службе требовать, но не унижать, а тем более не пользоваться услугами разносов и казней на эшафотах служебных гильотин.

Он был великодушен, как всякий сильный человек в своем деле.

31 декабря 1998 года Николая Кирилловича Мозгова не стало.

Он отошел в Вечность, которая нетленна! Отошел как герой нашего времени!

Послесловие

Рассказывая о разоблаченных шпионах моими коллегами, я хотел этим не только показать их самоотверженный труд, но и напомнить о том, что пока существуют государства, независимо от взаимоотношений их глав между собой будут активно действовать разведки, использующие в ходе противоборства самые

передовые технологии и достижения человеческого разума. Тешить себя иллюзиями о паритетном сокращении усилий «больше знать о партнере» — величайшее заблуждение. Помешать же противной стороне добывать государственные секреты — важнейшая задача контрразведывательных органов.

Проходили века, сменялись политические режимы, распались государства, однако во все времена предательство Родины, где родился и вырос человек, считалось тягчайшим преступлением. Совершивший его может быть прощен каким-нибудь временным режимом (постоянных не бывает), однако родимой землей — н и к о г д а!

А разве потомки прощают предательства предков?! Нет и нет, — они судятся историей!

Самые страшные предательства — это предательства военных, давших присягу на верность Родине, а среди них самые подлые — это предатели на поле боя или в разведке, ибо разведка — это всегда поле боя — незримого.

Эти преступления совершают только законченные подлецы, о которых когда-то говорил Ф.М. Достоевский: «Есть три рода подлецов на свете: подлецы наивные, то есть убежденные, что их подлость есть высочайшее благородство, подлецы, стыдящиеся собственной подлости при непременном намерении все-таки ее докончить, и, наконец, просто подлецы, чистокровные подлецы».

«Шпионаж и его верный спутник — предательство, — как писал Д.П. Прохоров в книге «Сколько стоит продать Родину», — вряд ли исчезнут скоро, хотя они — не самое большое достижение человечества».

Тем более сурова история к тем, кто предал свое Отечество. Как уже было сказано, у любого гражданина нашей страны имелся свободный выбор, и никто не мог запретить ему, рискуя собственной жизнью и свободой, гласно отстаивать свои убеждения. Те, кто стал перебежчиком и предателем, также имели такую возможность, но предпочли иной выбор и вошли в историю с позорным клеймом изменника.

В данном повествовании раскрыта третья категория подлецов Ф.Д. Достоевского, которых величают «кротами» или «обо-

ротнями» в армейской среде, из-за денег продавших душу дьяволу. Именно с ними вели бои военные чекисты, защищавшие ГРУ от проникновения вражеской агентуры. Это именно они разоблачали и обезвреживали настоящих врагов Отчизны. В то же время намеренно не показаны нюансы «технологии» выхода на шпионов, поскольку опыт, наработанный поколением советских чекистов, еще пригодится сотрудникам департамента военной контрразведки ФСБ России, которая, я больше чем уверен, еще возродится и возвратит себе былую славу и мощь.

Верю, что новое поколение профессионалов контршпионажа преумножит лучшие традиции офицеров госбезопасности, и им будет сопутствовать оперативно-чекистское счастье.

А еще верю в возрождение Великой России, которая станет такой непременно при условии единства: умного поводыря, трудолюбивого народа и вызревшей национальной идеи!

Часть вторая

«Крот» в Генштабе

В наше время единственной некоррупцированной организацией в Советском Союзе остается Комитет государственной безопасности...

Академик Сахаров

Предисловие

Предлагаемая читателям книга — о предателе и предательстве, древнейшем явлении на земле, как и существование на ней самого человека. Предательство как проявление позора осуждалось людьми всегда и во все времена.

Предательство, по оценке «Словаря по этике» под редакцией И.С. Кона, — нарушение верности общему делу, требований солидарности, измена классовым или национальным интересам, переход на сторону врага, выдача ему соратников или партийной, государственной, военной тайны, умышленное совершение действий, враждебных общему делу и выгодных его противникам. Предательство всегда расценивалось моральным сознанием как злодеяние...

При этом предательство и измена преследуют человека во всех областях жизни — от семьи до государственных институтов.

Религиозные распри, национальные конфликты, мировые войны всегда порождали измену, ложь, неожиданные прозрения и отречения от прежних взглядов.

Примеров тому нет числа.

Иуда Искариот предал Иисуса, а апостол Петр трижды за одну ночь отрекался от него. Предатель провел войска царя персов Ксеркса в тыл ополчению греков, защищавших Фермопилы. Воевода Курбский бежал из России к королю Сигизмунду, а украинский гетман Мазепа — к Карлу XII. Имена Азефа и Малиновского стали синонимами провокаторов в революционном движении.

Как в политике, так и на войне очень часто противники-чужеземцы вдруг становились союзниками. Так, князь Александр Невский, вступив в союз с монголами, отбил нападение на Русь со стороны Тевтонского ордена, а приближенный герцога Бургундского Филипп де Коммин перешел к французскому королю Людовику XI и стал его доверенным дипломатом.

Большевики во главе с В.И. Лениным брали деньги от кайзеровской Германии, Троцкий у американских банкиров для торжества революции в России и поражения русской армии на фронтах Первой мировой войны. А лидеры Белого движения во время Гражданской войны получали военную и экономическую помощь от иностранных государств — интервентов. Сегодня события прошлого оцениваются совсем по-иному, как это вдалбливалось нам со страниц учебников истории и средств массовой информации. Герои становятся антигероями, а антигерои — героями. Так было, так есть и так будет, но изменники всегда были ненавистны в обществе.

Предателей изгоняли из родных мест, оставляли одних в пустынях и прериях, отдавали на съедение диким зверям, забивали палками и камнями. Их вешали и расстреливали, топили и сжигали. Однако никакие пестициды противоборства с этим сорняком человечества не могли и, к великому сожалению, до сих пор не могут убить его духовные корни, как правило — корысть.

Тихие пауки нить за нитью вили и будут вить свою паутину предательства.

Как писал поэт, сменились место, обстоятельства, система символов и знаков, но запах, суть и вкус предательства на всей планете одинаков.

Прежде чем говорить о преступной деятельности генерал-майора Полякова Дмитрия Федоровича, который являлся «кротом» ЦРУ США на протяжении почти 25 лет в Главном разведывательном управлении Генштаба ВС СССР, необходимо остановиться на понятии стратегической разведки.

Стратегическая разведка — это прежде всего вид стратегического обеспечения, организуемый и осуществляемый для добывания, сбора, изучения и оценки данных о военно-политической, военно-стратегической и военно-экономической обстанов-

ке в государстве — вероятном противнике на театрах войны (ТВ) и театрах военных действий (ТВД).

Кроме того, в ее задачу входят: оценка политики противника, взглядов на характер и способы ведения войны, состояния и перспектив развития военной техники и вооружений, состава, расположения группировок войск, состояния и возможностей вооруженных сил в целом, вероятных намерений и планов ведения войны и стратегических операций, а также оборудования театра военных действий военно-экономического и мобилизационного потенциалов.

Стратегическая разведка планируется и организуется Генеральным штабом Вооруженных Сил (ВС) и главными штабами родов войск ВС. Она ведется в мирное и военное время силами стратегической агентуры, соединениями и частями радиотехнической, радиолокационной и оптической разведки центрального подчинения. В последние десятилетия заметный вклад в добывание необходимой информации вносит космическая разведка.

Но какая бы совершенная техника ни работала на разведку, без живого фактора — агента она слепа и глуха, так как сейфовая информация — «материалы глубокого залегания» добываются в основном агентурным путем. Если провести армейскую аналогию, то территория противника не будет захвачена до тех пор, пока на нее не ступит башмак или сапог солдата.

Итак, «крот» был внедрен американскими спецслужбами в святая святых советской военной разведки — в ее стратегическое подразделение, и на протяжении вышеуказанного периода этот «оборотень» сделал для американцев столько, что шеф ЦРУ назвал его «драгоценным камнем в короне американской разведки».

И действительно, американец в определенной мере был справедлив. Ему трудно было бы назвать этого предателя подругому. Это он в результате предательства выдал 19 нелегалов, более 150 агентов и раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке около 1300 офицеров. В стане противника он вполне заслужил такое сравнение.

Действовал агент крайне осторожно, активно работая в основном в заграничных условиях, куда его посылало командова-

ние в долгосрочные командировки. Только поэтому ему и удавалось длительное время быть удачливым продавцом краденого — секретнейшего «товара» из анналов советской военной разведки.

Давайте вспомним непростой период в нашей истории — начало 60-х.

Это было время больших и частых предательств со стороны офицеров советских спецслужб, что, с одной стороны, было на руку разведкам вероятного противника, а с другой — их серьезно настораживало, особенно американскую контрразведку и разведку.

Эру массового недоверия в ЦРУ к советским перебежчикам открыл попросивший политического убежища в США в 1961 году майор Голицын — сотрудник местной Хельсинкской (Финляндия) резидентуры (легальной разведки) Первого Главного управления (ПГУ) КГБ.

На опросах и допросах у американцев, желая показать свою полезность, этот инициативник твердил один и тот же миф: существует «чудовищный заговор советского генерального плана по глубокой дезинформации США». Поэтому-де не стоит доверять советским перебежчикам — они это прежде всего засланцы коварного КГБ, пытающегося таким способом отвлечь внимание контрразведки от настоящих советских «кротов», работающих в штаб-квартире ЦРУ.

Эти бредовые идеи Голицына неожиданно поддержал Джеймс Джисус Энглтон — шеф внутренней контрразведки в системе ЦРУ. Он вплоть до 1974 года, года своего увольнения со службы, одержимый страстью обнаружить среди перебежчиков агентов Кремля в самом ЦРУ, практически сковал весь советский отдел, находившийся на острие «холодной войны» против Советского Союза.

Обладая широкими полномочиями, Энглтон заставлял подчиненных денно и нощно искать русских «кротов» в стенах ЦРУ. Под подозрения шефа контрразведки попадали наиболее профессионально подготовленные сотрудники, имеющие на связи недавно завербованных советских граждан, от которых цезерушиникам нередко поступала ценная информация.

Энглтон вполне убежденно считал этих агентов элементарными подставами КГБ, а потому не верил ни своим сотрудникам, ни их агентуре, особенно из числа изменников Советской Родины.

В предисловии к книге Тома Мэнголда, корреспондента Британской радиовещательной корпорации, — «Цепной пес «холодной войны» говорится, что «ущерб, нанесенный неумным рвением и какой-то патологической верой Джеймса Энглтона в глобальное советское агентурное проникновение, трудно переоценить».

На долгие годы деятельность всего разведывательного сообщества Запада по советской линии была парализована. В этом контексте такая охота на «кротов» должна заслуживать самых высоких оценок со стороны Советского Союза, а председатель КГБ мог бы на полном основании наградить Энглтона знаком «Почетный чекист», заодно реабилитировав и его идейного вдохновителя Голицына.

По иронии судьбы Джеймс Джисус Энглтон так и не разоблачил за свою карьеру ни одного советского «крота». Он был уволен в отставку директором ЦРУ Уильямом Колби 20 декабря 1974 года, именно в тот день, когда сотрудники органов госбезопасности СССР отмечали свой профессиональный праздник.

Кстати, ветераны и нынешние офицеры российских спецслужб (Федеральной службы безопасности, Службы внешней разведки) продолжают отмечать 20 декабря как День чекистов. Не правда ли, символично!

Конечно, символично!

Ни государственный переворот 1991 года с развалом Великой Страны и ее главного чекистского штаба — Комитета государственной безопасности, ни кровавое побоище 1993 года, устроенное Ельциным в центре Москвы, ни желчные плевки некоторых политиканов-пасквилянтов из крыла правых либералов, временно прилипших к государеву корыту, ни гнусные потоки лжи, проистекающие из уст представителей «четвертой власти», не смогли вычеркнуть из памяти контрразведчиков и разведчиков Советского Союза и Российской Федерации эту знаменательную дату. Она олицетворяет героику мужественных сынов Родины, героику прошлого и настоящего времени. Бойцы невидимого

фронта борются специфическим оружием против враждебных акций не мнимого, а реального тайного противника.

В один из дней глубоких раздумий над пережитым у автора родились строчки, которые хоть как-то отвечают пасквилянтам:

Пусть говорят, что мы из тех,
Кто дирижером был репрессий...
Я на себя не взял их грех
И на коллег бы не повесил.
Мы были Родине верны,
Народу — только не генсекам,
И нету в том нашей вины,
Что власть гуляла по сусекам.
Проклятых «троек» не прожив
И тех «особых совещаний»,
Мы охраняли нашу жизнь
От всякой мерзости и дряни.
Мы были воинами дней
Своей истерзанной эпохи
И проживали вместе с ней
Победы, поражение, вздохи...
Промчат экспрессами года,
И только зрелые потомки
Ответят, кто мы были там,
В стране предательства и ломки.

Основной продукт в деятельности органов государственной безопасности против иностранных разведок, в частности контрразведки, — это конкретный результат — разоблаченная вражеская агентура.

Об одном из представителей «оборотней» в погонах и повествует эта книга.

Мы будем праздновать эту дату — 20 декабря, — пока будем жить!

Я думаю, не откажутся от этого праздника и наши потомки. Бороться же с местными «оборотнями» должны будут новые поколения высокопрофессиональных сотрудников российских органов государственной безопасности, в частности офицеров департамента военной контрразведки, потому что это дело — государственное и вечное, как сама жизнь, пока существуют государства и границы, их разделяющие!

Глава 1

Охота за тридцатью сребрениками в США

Американцы его величали «агентом века», мы называли — «предателем столетья». Стаж работы этого «оборотня» на спецслужбе США говорит сам за себя. В том, что его вычислял коллектив того подразделения, в котором служил в то время и автор этого повествования, приятно вдвойне, потому что частичка и его труда вложена в дело оперативной разработки по обезвреживанию матерого шпиона.

Но давайте познакомимся с героем и антигероем, кому как он приглянулся, по многочисленным газетным публикациям в конце 80-х годов прошлого столетия. К сожалению, сотрудником советской специальной службы — офицером военной разведки. Он умел долго скрывать свою личину предателя за внешней добродетелью верного служаки, хорошего семьянина, отличного охотника, удачливого рыбака и действительно мастерового на все руки человека.

Дмитрий Федорович Поляков родился 6 июля 1921 года в небольшом восточноукраинском городке Старобельске, расположенном в самом центре русскоговорящей Луганской области. Отец его работал бухгалтером на местном предприятии. Так что по происхождению он был из семьи служащих — простых и неприметных тружеников.

В 1939 году Поляков окончил среднюю школу и в сентябре того же года, сдав успешно вступительные экзамены, поступил в Киевское командное артиллерийское училище. Великую Отечественную войну встретил в офицерском звании на должности командира артиллерийского взвода. Принимал непосредственное участие в боях с немецко-фашистскими захватчиками. Воевал в частях и подразделениях Западного и Карельского фронтов, где полной мерой хлебнул горечи неудач при отступлении в первые месяцы войны.

На поле брани с неприятелем-оккупантом вел себя достойно, поэтому отмечался его фронтовой рост: был командиром гаубичной батареи, а в 1943 году назначен офицером артиллерийской разведки полка. За мужество и стойкость, проявленные

в сражениях с немецко-фашистскими захватчиками, Поляков был награжден двумя боевыми орденами — Отечественной войны и Красной Звезды, а также многими медалями.

В конце 40-х он окончил разведывательный факультет Военной академии имени Фрунзе, а затем курсы при Генеральном штабе ВС СССР, после чего Главным управлением кадров (ГУК) МО СССР был определен на работу в Главное разведывательное управление Генерального штаба.

В 1951 году руководство советской военной разведки приняло решение о направлении майора Полякова Дмитрия Федоровича на работу в Нью-Йорк под прикрытием должности сотрудника советской миссии при Военно-штабном комитете ООН. Подобную практику для расширения возможностей своих разведок использовали, используют и будут использовать все государства мира.

Ему была поставлена конкретная оперативная задача — негласное обеспечение нашей нелегальной агентуры (нелегалов), работавшей на территории США. Это было уже время не только зарождения, но активного поползновения в нашу сторону невидимых полков противника, участвующих в «холодной войне» с применением идеологических диверсий, активной вербовочной работы и начала военного соперничества между США и СССР.

Прослужил он в должности «крышевика», так на оперативном сленге называли оперативные работники подобные прикрытия, почти пять лет. Покинул Поляков Соединенные Штаты в 1956 году. Работой трудолюбивого офицера руководство ГРУ осталось в принципе довольным. В аттестации за этот период заграничной командировки никаких замечаний, а тем более явных проколов не отметило. Аттестация была написана нейтральным языком, каким пишут о середняках, — и оперативных успехов не достиг, и серьезных ошибок не наделал.

Как уже подчеркивалось, это было время активизации идеологического прессинга, начавшегося после произнесенной 5 марта 1946 года в Вестминстерском колледже в городе Фултоне, штат Миссури США, программной речи Уинстона Черчилля с аг-

рессивными идеями, о которых когда-то американский художник Уильям Макгрегор Пакстон (1869—1941) сказал:

«Идеи гремят на весь мир громче пушек. Мысли могущественнее армий. Принципы одержали больше побед, чем конница и колесницы».

Речь Черчилля была своего рода провокацией, уничтожающей возможность равноправного политического взаимодействия СССР со странами Запада в послевоенный период. Бывший глава британского правительства считал, что продвижение идей социализма на Запад могли остановить только США. Именно они обладали в то время монополией на ядерное оружие.

Поляков, как читающий человек, хорошо помнил слова, сказанные великим французским писателем Анатолем Франсом. Через пять лет после рождения советской власти француз назвал Россию «носителем нового духа, грозящего всем правительствам несправедливости и угнетения, которые делят между собой землю. Старый мир не ошибся в своих опасениях. Его вожаки сразу угадали в ней своего врага. Они двинули против Советской Республики клевету, богатство, силу. Они хотели ее задушить; они посылали против нее шайки разбойников. Советская республика сомкнула ряды красных бойцов, и разбойники были разбиты... Рожденная в лишениях, возросшая среди голода и войн, советская власть еще не довершила своего громадного замысла, не осуществила еще царства справедливости. Но она, по крайней мере, заложила его основы».

Но для прожженного русофоба, каким являлся Черчилль, слова известного француза были неприемлемы. Черчилль — автор их являлся его классовым врагом, ненавидящим все славянское, все православное, все советское, которое на территории одной шестой земного шара решило построить другое общество, некапиталистического свойства.

Магнетизм идей социализма в разных странах мира и аура основных победителей, свернувших шею одной из самых мощных армий мира того времени — вермахту, не давали покоя в первую очередь англоговорящим союзникам альянса — Великобритании и Соединенным Штатам Америки.

Зиму 1945/46 года Черчилль болел и по совету врачей нахо-

дился в США. Приехал он в Америку как частное лицо. Ведь прошло чуть более семи месяцев, как британские избиратели дисквалифицировали политику консерваторов и отправили Уинстона Черчилля в отставку. А дело было так: в конце сорок пятого года он принял приглашение колледжа в Фултоне прочесть лекцию о международном положении, сложившемся сразу после войны. Надо отметить, что Фултон — это родина президента Гарри Трумэна, и поэтому Черчилль дал согласие прочесть эту лекцию при одном условии, что на ней будет присутствовать сам глава Соединенных Штатов.

Трумэн сразу же согласился, понимая, что лекция подготовлена неординарная и на злобу дня. 5 марта они специальным поездом прибыли в Фултон. Но прежде чем публично выступить, он дал прочесть свой 50-страничныйopus на листках небольшого формата американскому лидеру. Тот полностью одобрил текст с отчетливо провокационной направленностью под первоначальным названием «Всемирный мир», что также можно было обыграть и как «Мировая война».

Основные постулаты этого беззастенчивого и наглого выступления вне пределов этого исследования, но главные мысли британца необходимо выделить:

— Черчилль приглашал Советскую Россию — СССР занять место среди ведущих наций мира, ничего конкретного не предлагая для осуществления данного проекта. Но даже сегодня, когда Советский Союз и его идеология почтили в бозе, Российскую Федерацию ни в Евросоюз, ни в НАТО не приглашали и не приглашают.

— Советская Россия, по его оценке, насоздавала «пятых колонн» в других странах. Как будто этим не занимались и не занимаются те же США и Великобритания — советы, фонды, «неправительственные» организации, отбор кандидатов и приглашение их на «учебу» и т.д.

— Гитлер начал развязывание войны с провозглашения расовой теории, считая только людей, говорящих на немецком языке, полноценной нацией — ариями. Других он отнес к другому разряду — недочеловеков, унтерменшей, отбросов. Одним словом — быдлоты. Но ведь и Черчилль изрекал практически то

же самое, говоря, что только нации, говорящие на английском языке, призваны вершить судьбы всего мира.

— Он говорил, что Германия могла быть спасена от ужасной судьбы. А как же рассматривать Мюнхен? Об этом позорном цинизме Черчилль ни словом не обмолвился, как и об обещанной военной помощи Польше в случае нападения гитлеровцев и игнорировании союза между СССР, Францией и Великобританией накануне войны.

— И последнее недоумение: почему все-таки такие ядовитые слова руководители США дали озвучить отставному политическому деятелю? Ответ очень простой — дело в том, что в англосаксонском сообществе трудно было найти другого деятеля, который бы столь полно воплощал собой идеи непримиримости ко всему советскому и русофобии...

Виктор Гюго когда-то сказал:

«Англичане! Вы великий народ, скажу больше — вы великая чернь. Удары ваших кулаков красивее удара ваших благ. У вас есть аппетит. Вы — нация, пожирающая другие».

Это так, для рассуждения...

После закружило, замело на земном шаре. Метели словесные летели и летели в сторону скорейшего создания однополярного мира с идеями уничтожения Советского Союза подрывом изнутри. Америка понимала, что в горячей войне она могла превратиться в пустыню. Замаячили контуры «холодной войны» с прицелами через агентуру влияния на местный коллаборационизм партийного чиновничества, идеологическое разоружение, предательство элиты и гонку вооружений.

Потом появились человечески ненавистные планы США:

— доктрина Аллена Даллеса и неизвестная в то время директива Совета национальной безопасности США № 20/1 от 18 августа 1948 года;

— план «Дропшот» № 17 от 19.12.1949 года (план войны с СССР в 1957 году);

— закон Конгресса США PL 86-90 от 17 октября 1959 года и другие.

В плане «Дропшот», например, подробно описывался вариант стратегического наступления США с воздуха путем заплани-

рованных ударов по 20 крупнейшим городам Советского Союза. Предполагалось сбросить 180 атомных и 12 600 обычных бомб. Планировалось вывести из строя до 70% электростанций, до 90% мощностей нефтяной промышленности, до 85% — сталелитейной и т.п.

Но в случае реализации этого плана над США бы образовалось от 20 до 60 «чернобылей». Практически территория США была бы непригодна для проживания в течение 100 лет. Это была бы пустыня, о которой говорилось выше.

Это объективное заключение специалистов не на шутку напугало американских ястребов.

Именно на таком военно-политическом фоне начиналась служба Полякова в США. А еще на фоне заморской, а скорее, заокеанской дальности от Европы, Родины и архитектурной и идеологической новизны. Исторически Соединенные Штаты воевали практически со всеми западноевропейскими странами. И подъем Америки произошел во многом потому, что Атлантический океан оберегал молодую американскую республику с ее хваленной демократией от постоянно и периодически ссорящихся между собой европейских держав, нередко схватывающихся в клинче кровопролитных сшибок. Поначалу свою захватническую и агрессивную суть Америка вымещала на аборигенах, уничтожая или загоняя индейцев в резервации. Потом по мере накачки мускулов география защиты «национальных интересов» существенно расширилась и практически стала общемировой.

Нужно сказать, что это было время, когда Белый дом считал вполне реальной возможность близкой войны с Советским Союзом. В умах работников управления специальных операций ЦРУ на этот счет не было никаких сомнений. Многие сотрудники разведки воспринимали априори, что Советская Россия — враг благополучной и демократической Америки, рассматривая себя такими же участниками американского крестового похода против Сталина, как еще недавно и против Гитлера.

Реализации этой идеи способствовал и закон о национальной безопасности, который в разделе функций ЦРУ включал пункт, взятый из меморандума Алена Даллеса:

«Осуществлять другие связанные с разведывательной дея-

тельностью функции и обязанности, которые затрагивают национальную безопасность и которые Совет национальной безопасности может поручить ЦРУ».

Нью-Йорк поразил молодого советского офицера своей внушительностью: грандиозностью мостов и скромных католических и протестантских храмов. Он был в восторге от высотных зданий — небоскребов, которые лицезрел впервые, и богатых музеев, осмысленных памятников и магазинов с широким ассортиментом товаров, идеальных автострад и огромного количества автомашин разных марок и невероятных цветов...

Для него все здесь было удивительно и ново. Ничего подобного он не встречал на родине — в далеком холодном и голодном послевоенном Советском Союзе и на его малой родине — на Украине.

Универсальной «столицей мира» сразу же назвал Поляков этот могучий город из-за разного и пестрого населения не только в нем, но и в других городах многоэтажной Америки. Здесь у граждан многих национальностей он увидел свои представления о жизни, свои праздники, свой оригинальный юмор, свой критический настрой. Для него это были люди совершенно другой формации. Свою ментальность, которая была и стала олицетворением однообразия, какой ему казалась жизнь в России, он стал постепенно разрушать. Так постепенно влюбленная душа стала перемещаться в чужое тело. Это его сначала забавляло, а потом стало пугать. Он почувствовал, что стал перерождаться.

От природы скупой на живое слово, он во время первого отпуса при встречах с родственниками и друзьями называл Нью-Йорк «настоящей Меккой для творческих личностей».

— Так случилось, — говорил он одному из коллег, — что покорителями Америки были сильные, мужественные, здоровые европейцы. Плыли они за океан с одной-единственной целью — найти богатые земли и разбогатеть на золоте! В основном это были испанские и португальские конквистадоры — люди алчные, агрессивные, думающие только о себе. Хотя основной костяк нации сегодня там составляют англосаксы.

Завоеватели Центральной и Южной Америки, эти «трудяги-пуритане», мечом и огнем не только поработали, но и уничтожили коренное население. Они поделили плодородные территории между собой именно из-за богатства земель, лесов, водных ресурсов и благоприятных климатических условий.

В лучшем случае они загоняли аборигенов в гетто и там спаивали пленников из-за боязни якобы людоедства и других агрессивных шагов с их стороны.

Это были люди поступка. Они и дали в дальнейшем американской земле здоровое и мужественное потомство, умеющее постоять за себя и за своих близких и друзей, за свою новую родину — Новый Свет. Главное — генофонд их был здоровый. И все же разбогатела Америка, отгороженная от военных вулканов Европы огромной водной преградой — Атлантическим океаном, за счет двух мировых войн и дешевой рабочей силы африканских рабов, которых, как зверей, как товар, везли в закрытых трюмах...

Не мог Поляков не заметить и социальных противоречий — противоречий между богатой и сытой прослойкой и нищей и голодной другой половиной населения, умело прячущейся где-то на задворках огромного мегаполиса. Именно эти полюса его поразили, задев за живое.

— Умеют же они показывать свой фасад сытой и богатой жизни, — часто сокрушался Дмитрий Федорович, — а вот задворки Нового Света спрятаны, прикрыты от посторонних глаз. У нас же все на виду — уравниловка, а потому нет этой жуткой несправедливости, этих заметных социальных перекосов, которые в России привели в семнадцатом году к революции, а в дальнейшем и к кровопролитной Гражданской войне. А здесь власть социальных «ножниц» не боится, делая все, чтобы притупить одно лезвие под названием «безработица» достойными для проживания денежными пособиями.

И в то же самое время он стал понимать, что в каждом янки живет махровый собственник, кузнец личного счастья, делающий то, что задумал, запланировал, начертал, без ожидания, что

кто-то поможет в момент реализации конкретного жизненного плана. Любой американец не надеется ни на государство, ни на соседей, ни на родственников — только на себя. Он исповедует истину: веди себя так, будто ты уже счастлив, и ты действительно станешь счастливым. В стране обитает индивидуализм в лучшем его проявлении. И еще Поляков понял в Америке одну правду, что свобода — это роскошь, которую не каждый может себе позволить. Свобода добывается тяжелым трудом умными и сильными личностями. Именно таковыми были большинство американцев. Поэтому только свободный американец является кузнецом собственного счастья. Он кует и клепают плуг опять-таки для своей жизненной нивы.

Однажды он с женой Ниной, которую очень любил, побывали на фешенебельном пляже в Лонг-Айленде, куда добирались довольно долго из-за километровых пробок на городских авеню и пригородных автострадах. Его поразило большое количество «разнокалиберного» легкового автотранспорта на дорогах Америки. А еще вновь прибывшего советского офицера удивило то, как водителями совместно с полицейскими довольно-таки согласованно рассасываются автомобильные заторы.

Он был действительно удивлен тем обстоятельством, что на автомагистралях высочайшего качества владельцы автотранспорта и представители дорожной полиции помогали друг другу в поиске истины. Все делалось спокойно, без крика, ругани и матерщины. Они словно действовали по советам Карнеги: единственный способ победить в споре — не ввязываться в него. Поляков часто задумывался над причинами экономической мощи Америки.

«Говорят, истина лежит между двумя противоположными мнениями. Неверно! Между ними лежит проблема. И янки быстро сообща решают ее. Вот бы так было в России! — подумал он. — У нас обязательно с матерщиной, а иногда и с мордобоем решается даже малая головоломка».

Поляков, как страстный любитель охоты, рыбной ловли и столярно-слесарного инструмента, часто бродил по лавочкам и магазинчикам, любуясь широким ассортиментом товара, которого в Советском Союзе в то нелегкое послевоенное время про-

сто не существовало — недавнее военное лихолетье давало о себе знать. Стране не до этого было. Однако, как заметил Поляков, к сожалению, «военное лихолетье перерастало в послевоенное», то есть имело тенденцию к продолжению. Он соглашался — стране было не до инструментов широкого спроса.

Наша промышленность работала с надрывом под лозунгами: сначала реальным сталинским — быстрое восстановление порушенной войной экономики в недавно оккупированных областях, а затем мнимым хрущевским призывом — догнать и перегнать Америку по основным политико-экономическим показателям; завершить единоборство с самым амбициозно-прожектёрским проектом. Суть его заключалась в главном — впрыгнуть в 80-е годы в новую общественно-политическую формацию — коммунизм.

Эти прожекты «мудрого» правления очередного «вождя» как внутри страны, так и на международной арене, были нередко смешны, наивны и уродливы.

Непредуманные указания: по уничтожению собственного скота на крестьянских подворьях; по ликвидации приусадебных участков в колхозах и совхозах; о повороте северных рек; внезапная, мало мотивированная передача Крыма Украине с Севастополем — городом русских моряков; подарок КНР города Дальний и вторая сдача военно-морской базы Порт-Артура с выводом оттуда всех советских войск; карибский кризис с его опасностью возникновения третьей, теперь уже горячей, мировой войны, — многое говорили о генераторе этих проблем, которые создавал кремлевский сиделец, не думая о последствиях — социальных внутри страны и внешнеполитических за ее пределами.

Это все понимали трезвомыслящие люди, но молчали, почти что генетически привыкшие к покорности, к послушанию своим царям и вождям. Пассивное принятие существующих порядков, господствующих мнений, отсутствие собственных позиций, беспринципное соглашательство были характерной чертой чиновничества разных рангов. Конформизм экстраполировался и на народные массы, вырабатывая своеобразную ментальность послушания и веры в праведность и правильность шагов власти.

И все же некоторые военные деятели видели в экспериментах бездумного сокращения боевой техники и вооружений, а также личного состава — особенно молодых офицеров, очередную глупость Хрущева, все делавшего только в пику нетленно лежавшему в мавзолее Сталину.

Кроме того, многие считали, что таким образом он еще и пытается залатать бреши в госбюджете, возникшие в ходе непродуманных его личных решений, затем перетекших в законодательное русло. Отечественной экономике был нанесен колоссальный ущерб. Но за глупости с царей и вождей в России никогда народ не спрашивал — они для него были непогрешимыми и недоставаемыми. Власть жила сама по себе, а ее подданные тоже жили сами по себе — выживали кто как мог.

Точную характеристику «первому перестройщику и погромщику» Советского Союза дал Дмитрий Федорович Устинов, длительное время проработавший с ним еще в сталинском партийно-государственном аппарате. Незадолго до своей смерти на одном из заседаний Политбюро, когда речь зашла о роли Хрущева в «развитии СССР» министр обороны СССР, Маршал Советского Союза Д.Ф. Устинов заметил: «Ни один враг не принес столько бед, сколько принес нам Хрущев своей политикой в отношении прошлого нашей партии и государства, а также в отношении Сталина».

В книге А.П. Шевякина «Разгром Советской Державы» говорится, что с узурпаторским приходом к власти Хрущева в геополитической сфере начался ряд перемен — были уничтожены советские базы в Финляндии, в Порт-Артуре, выведены войска из Румынии. Кроме «отступления» с завоеванных стратегических позиций армия и флот подверглись и другой «атаке сверху» — безоглядному разоружению.

Пилили и переплавляли мощные боевые корабли ВМФ и тяжелые самолеты бомбардировочной авиации стратегического звена ВВС, которые могли еще летать десятки лет, как это существовало в других совсем не бедных странах. Закрывались ценнейшие оборонные НИИ и полигоны. Массово увольнялись узкие специалисты. Это было чистейшим разоружением перед лицом

США, старавшихся мощью оружия подавить нашу самостоятельность.

Отсутствие достойной негативной реакции на действия Хрущева по огульному очернению Сталина, которому верой и правдой служил сей нахрапистый холуй, внутри партии привело к принятию пресловутого Постановления ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствий» от 30 июня 1956 года. Своими действиями он фактически подыгрывал американцам.

ЦРУ смогло накануне быстро добыть копию текста доклада и опубликовать его именно в июне 1956 года с четким и понятным комментарием «Русские сами признаются в своих жестокостях», и тут же в подтверждение этого как раз появляется хрущевское постановление...

«Не было ли это первой согласованной акцией ЦК КПСС с западными спецслужбами? — часто задавал сам себе вопрос Поляков. — Очень похоже, а может, это дело «крота» глубокого заlegания. Все может быть!»

Хрущеву нельзя было доверять никаких важных секретов, особенно полученных нашими разведчиками. Известно, что в 1950-х годах ЦРУ и ФБР искали источник утечки информации из Белого дома. На эту мысль сотрудников американских спецслужб навели очередные глупые разглагольствования Хрущева и его приспешников, которые буквально засвечивали свежие материалы, получаемые, как потом выяснилось, от ценнейшего нашего источника в Великобритании и США Кима Филби.

Как считали специалисты по истории разведок, именно эти опасные действия нового вождя — одна из главных причин свертывания важной работы на Западе из-за опасности ареста Кима Филби и его коллег.

Контрразведывательные органы — ФБР США и МИ-5 Великобритании шли буквально по пятам выдающегося советского разведчика, согласившегося помогать нашей Родине не из корыстных соображений, а на идейной основе, поверившего в правильность выбранного внутреннего и внешнеполитического курсов Советским Союзом.

Хрущев часто хвастался гостям-иностранцам, в том числе и

американцам: «Американский президент еще только думает, а у меня уже лежит информация об этом».

Думаю, не случайно руководство Комитета госбезопасности СССР, личный состав которого он предлагал «разлампасить и распогонить», что неминуемо привело бы к снижению служебной дисциплины, заполнению центрального аппарата КГБ СССР случайными лицами со стороны, как это и произошло позднее, самым активнейшим образом поддержало идею заговора по смещению 14 октября 1964 года распоясавшегося Первого секретаря ЦК КПСС с поста руководителя нашего государства. По заявлению председателя КГБ В.Е. Семичастного, Хрущев также намеревался разделить Комитет на две части по принципу экономического районирования — промышленную и сельскохозяйственную.

Только таким образом можно было положить конец утечкам секретной информации и убрать с дороги человека, способного создавать «политико-экономические ляпы» в государстве. Народ находился на пределе сдерживания «спокойствия». Бойтесь, как говорил Николай Рерих, когда спокойствие придет в движение, когда посеянные ветры обратятся в бурю...

Еще бы чуть-чуть повременить, и буря, подобная новороссийской, прошумела бы над страной. Армия была на грани взрыва — произошло необдуманное сокращение численности Вооруженных Сил в 1956—1960 годы на 3 980 000 человек. Увольняли даже таких офицеров, которым до пенсии оставалось по несколько месяцев. И они, большей частью фронтовики, незаслуженно лишались заслуженных пенсий, обретенных ценою крови и здоровья на полях сражений с врагом, а не в хорошо отапливаемых и защищенных блиндажах. Только внезапное снятие этого самодура спасло страну от армейского бунта.

Один мудрец как-то сказал, что ничто так не нуждается в нравственности, как политика, и никто так ненавидит политику, как нравственные люди.

Интересная деталь — в конце ноября 1964 года в английском парламенте на чествовании 90-летнего юбиляра Уинстона Черчилля за его здоровье и долголетие был поднят тост как за

самого давнего, яркого и последовательного врага России. Черчилль ухмыльнулся и вполне серьезно заявил:

«К сожалению, сейчас имеется человек, который нанес вреда Стране Советов в тысячи раз больше, чем я. Это Никита Хрущев, так похлопаем ему!»

Британский русофоб знал, что говорил. Поляков тоже знал эту оценку деятельности Хрущева английским премьером, но как осторожный человек прятал свое отношение к этому от коллег. И только однажды, уже после снятия Хрущева, он разразился перед сослуживцами гневной филиппикой по поводу «ошибок и преступлений» битого вождя.

Но вернемся к герою нашего повествования.

Любознательный по натуре, Поляков не прочь был изучить местную этнографию, обычаи и традиции американцев, поэтому частенько бывал на празднествах, устраиваемых в честь каких-то исторических событий и личностей.

Однажды, это было 17 марта 1952 года, он оказался свидетелем ирландского национального праздника Дня святого Патрика — покровителя Ирландии, принесшего в эту некогда языческую страну христианство. Праздник по традиции продолжался несколько часов. Нужно отметить, что святой Патрик стал настолько популярен в США, где ирландское население весьма велико, что день смерти этого святого отмечается в общенародном масштабе. Если в День святого Валентина все краснеет, то в День святого Патрика все зеленеет: зеленые костюмы, головные уборы, изображение трилистника как символа Отца, Сына и Святого Духа. Самые большие празднования Дней святого Патрика проходили, да и сейчас проводятся, в Нью-Йорке, Бостоне, Филадельфии, Чикаго и Атланте, где проживает больше всего граждан ирландского происхождения. Участники праздника святого Патрика после прохождения в колоннах, как правило, идут в бары пить пиво за здоровье святого. А с утра многие граждане Нью-Йорка посещают праздничную мессу в соборе Святого Патрика, представляющую собой традиционную католическую службу.

Самый большой уличный парад проходил в Нью-Йорке.

Россиянин стоял и по-детски радовался многокрасочности проплывающих мимо него людских колонн. Шел грандиозный

парад, начавшийся с 44-й улицы. Он двигался на север города, в сторону 86-й улицы, чтобы влиться в Третью авеню. Празднично одетые люди все шли и шли — ряженые и улыбающиеся. Гревели сотни оркестров, приехавших со всех графств Ирландии и из всех штатов Америки...

Как выходец из Украины, которую считал своей малой родиной, Поляков постоянно навещал в третью неделю мая по субботам и воскресеньям Украинский национальный фестиваль, устраиваемый на Ист-7-й улице, между Второй и Третьей авеню. Это было грандиозное торжество с выступлением чтецов, певцов, акробатов и обилием цветов. Красочные национальные костюмы воскрешали в нем сцены давно минувших дней, когда он мог лицезреть нечто подобное на родине. Звучала живая украинская речь, транслировались стихи Тараса Шевченко, Леси Украинки, Ивана Франко и других представителей украинской культуры. Широкой рекой лилась мелодия «Ревз та стогнз Днипр широкий...»

Эту народную песню он любил и даже нередко напевал. Вот и сейчас, стоя в толпе, он пытался подпевать хору украинцев.

По службе каждый год 4 июля Поляков присутствовал на местном празднике — Дне независимости Соединенных Штатов. Праздник напоминал о том, что 4 июля 1776 года была подписана Декларация независимости. В то же время жители 13 британских колоний, которые располагались вдоль восточного побережья сегодняшней территории Соединенных Штатов, вели войну с английским королем и парламентом, поскольку считали, что те обращаются с ними несправедливо. Война началась в 1775 году. В ходе военных действий колонисты поняли, что сражаются не просто за лучшее обращение, а за свободу от английского владычества. Это было четко сформулировано в Декларации независимости, которую подписали руководители колоний. Именно с тех пор в официальном документе колонии стали именоваться Соединенными Штатами Америки.

Особенно ему нравилось созерцать фейерверки на Ист-Ривер. Таких световых эффектов он больше нигде и никогда не видел. Огненные, разноцветные брызги в вечернем небе, лучи лазерных установок, прожектора, музыка, карнавалы...

В одной из бесед с сослуживцем Поляков смело заметил:

«Ну почему наше государство навешало на себя столько функций — контролирует все и вся? Даже всякие там искусства вдохновляет и направляет. Здесь же культура существует без всякой поддержки, за счет того, что крупные бизнесмены — меценаты поддерживают материально артистов, художников, режиссеров и прочее. За это государство просто освобождает спонсоров от налогов. Это обоюдно выгодно. У нас же эту функцию могли взять шефы — красные директора, и получилось бы то же самое».

Как уже говорилось, главной оперативной задачей, поставленной перед молодым майором, кроме чисто чиновничьих функций в ООН, было агентурное обеспечение, то есть — прикрытие операций наших разведчиков, работавших в США с нелегальных позиций. Прямо надо сказать, что эта работа была совсем не простой, но офицер успешно справлялся с ней. Никаких проколов в его поведении и оперативных действиях не отмечалось. Вел себя безукоризненно — военный опыт и еще не разрушенный предательством долг способствовали нормальной работе.

Местное начальство его иногда подхваливало на совещаниях. Он был доволен собой. Слова, как говорится, самый сильный наркотик из всех, которые изобрело человечество. После таких «разборов» он выходил удовлетворенным, зная себе цену, повторяя про себя: значит, я умею и могу работать!

Америка ему все больше и больше нравилась своей мощью, динамизмом, смелостью при принятии решений. Он пришел к выводу, что Соединенные Штаты должны постоянно двигаться, чтобы не стоять на месте. США для него были демиургом — создателем мировых событий. На своей Родине он видел обратную картину, связанную с застойными явлениями и чиновничьим, пьянством и воровством. Он часто задумывался над вопросом, так в чем же наша сила? Одолели ведь и Карла XII, и Наполеона I, и почти Вильгельма I с его планом Шлиффена, если бы не предательство, и бесноватого Адольфа Гитлера. Ответы находил в двух вещах — консолидации российского духа в периоды возникновения опасности для Родины и в великих просторах страны. Это незаметное оружие никогда не подводило россиян.

Разведчику, работающему под «крышей», надо было быстро изучить огромный американский мегаполис с его разветвленной системой улиц, маршруты движения наземного автотранспорта и метро. Для этого требовалась масса времени и соответствующей литературы, а также конспирация, чтобы не раскрыться, особенно в периоды боевой работы, перед контрразведкой страны пребывания. В первые месяцы нахождения в Нью-Йорке его прямо-таки шокировали некоторые местные обычаи в кафе и рестораниках, куда редко, но приходилось с коллегами заходить, в том числе и для изучения оперативной обстановки. Советские граждане отмечали там юбилеи, знакомства, приезды-отъезды и другие знаменательные в их жизни даты.

А откуда мог знать эти местные обычаи уроженец украинской периферии, недавний фронтовик, ставший за короткое время разведчиком и отправленный за границу, да еще в страну, называемую в различных служебных документах «вероятным противником», под личиной дипломата в ООН? Конечно, он должен был знать некоторые нюансы жизни большого города, но ведь всего не вдолбишь на инструктажах и курсах при штабквартире ГРУ в Москве. Практика отличается от теории только тем, что первая быстрее помогает самостоятельно не только встать на ноги, но и идти на них. Такой подход важен в любой работе, но в разведке он важен вдвойне.

На помощь пришла коллега — «секретарша» советской миссии в ООН, бывшая выпускница одного из столичных педагогических институтов. Это была женщина средних лет, в идеально сидящем синем шелковом с белым горошком платье. Оно было украшено большим в голубых кружевных узорах воротником. Ее красивые темные волосы, разделенные на прямой пробор, покоились собранными в модный в те времена пучок на затылке, что придавало ей дополнительный оттенок спокойствия и деловитости.

Она получила задание от своего начальника немного адаптировать новоприбывшего в среду сытого и незнакомого ему Нью-Йорка.

Лариса Павловна, так звали эту симпатичную женщину, вот

уже второй час обрисовывала обычаи и привычки жителей Нью-Йорка:

«...В ресторанчике или кафе лучше всего по телефону заказать столик. Не следует бросаться занимать места за свободным столиком, даже если ресторан совершенно пуст. Надо задержаться у таблички «Wait to be Seated» — «Подождите» и выждать, пока официант не подойдет к вам и не проведет к столику.

Плата за обслуживание не входит, как правило, в стоимость обеда или ужина, а официанты не имеют твердой ставки. При хорошем обслуживании чаевые в размере 15 процентов от суммы счета считаются нормой. Это и есть заработок официанта, только получает он его непосредственно от клиента.

Не принято округлять общую сумму. Нужно сначала оплатить счет, а затем оставить на столе чаевые. В ресторан и кафе, не имеющие лицензии на торговлю алкогольными напитками, можно принести с собой бутылку, допустим, вина, предварительно предупредив официанта.

Если вы не притронулись к какому-либо блюду или его недоели, вам обязательно запакуют остатки в аккуратную пластмассовую коробку — тут так принято.

В китайских ресторанах Чайнатауна заказывать заранее столик не практикуется.

Носильщику принято платить доллар за каждое место багажа, а швейцару — за то, что он остановил для вас такси. Горничной надо оставить чаевые из расчета два доллара в сутки.

Такси вызывать по телефону нельзя — не практикуется. Надо просто поднять руку. При расчете выдается квитанция согласно показаниям счетчика. Обычные чаевые — от 10 до 15 процентов от суммы, указанной в квитанции.

Опасны джипси-такси, у них нет ни лицензии, ни счетчика, ни страховки... Можно нарваться на неприятности — угодить к бандитам...»Таких уроков Лариса Павловна провела с Поляковым несколько, пока он не усвоил то, что преподавала его учительница-наставница. Он ей был благодарен и часто повторял фразу одного мудреца: «Учитель — это человек, который вырашивает две мысли там, где раньше росла одна».

Лариса Павловна, в свою очередь, бросала ему своеобразный ответ:

«Жалок тот ученик, который не превосходит своего учителя. Я думаю, со временем у вас получится познать Америку лучше меня».

После такого комплимента он выпрямлялся и ходил гоголем. Первые два года он часто, когда появлялась «свободная минута», ходил по прямым, как струны, улицам Нью-Йорка, изучая город для «потребности души и службы». В одну из таких приятных прогулок, ему они нравились, Поляков заметил за собой приклеившийся «хвост» — двух молодцеватых парней, по внешности и поведению они, по его мнению, были явно из спецслужбы — теория, вплавленная в опыт, подсказала!

«Секут янки, явно секут, ну-ну, топайте, топайте, я сегодня свободен — без каблучков вас оставлю, до ягодичек сотрете ноги, — издевался советский офицер над демонстративно приставленными двумя чернокожими истуканами. — А что будет, если у меня появится необходимость боевой ходьбы? Попробую оторваться!»

И оторвался, используя весь арсенал знаний, данных ему в инструктажах и на практических занятиях в Москве. Войдя под арку большого дома и выйдя через другую, он оказался вне поля их наблюдения. Остановившись на небольшой возвышенности среди кустарников, он созерцал комическую сцену. Два «топальщика» из наружной разведки, чуть ли не сбивая друг друга с ног, искали того, кого потеряли, активно вертя черноволосыми головами, крепко впрессованными в мощные, казалось, неповорачивающиеся бычьи шеи с шарпеевскими складками. Головы несчастных крутились, как волчки, — искали и не находили своего объекта.

«Оттянет вас начальство за меня, ох и оттянет, — пожалел он нерасторопных «следопытов». — Но кто они: из ФБР или ЦРУ? Какая разница!»

Об этом подозрительном случае Поляков почему-то не доложил непосредственному по основной службе начальству, хотя понимал, что его «пасут» жестко, прессуют почти «внаглу», демонстративно сопровождая по маршрутам его движения в горо-

де. И о таких вещах он просто должен был, обязан был поставить в известность оперативное руководство.

По всей видимости, смалодушничал — побоялся, как говорится, на себя «наводить тень на плетень». Это была жалость к самому себе — самый презренный вид малодушия. Быстро надутый «опыт», а вернее, его отсутствие, сковал правильный ход взаимоотношений с начальством, это привело в дальнейшем к непредсказуемым последствиям. Истина отличается от реальности. Реальность зависит от того, кто ее воспринимает, в то время как истина — это какова реальность на самом деле. Реальность воспринимается, истина распознается. Поляков же все перепутал, считая, что истину он быстро воспринимает, а реальность легко распознает. А отсюда он сделал ошибочный вывод, что можно лгать безболезненно начальству, а в конечном варианте с пользой для себя. Но ложь перед собой, как говорил Леонид Андреев, — это наиболее распространенная и самая низкая форма порабощения человека жизнью. Особенно опасно привыкание к ней в разведке, где верхоглядство дорого стоит, иногда самой головы.

Во второй и третий выход в город повторилось то же самое. Его «брали» под наблюдение знакомые уже парни при выходе из офиса и вели по «уличным клеткам» Нью-Йорка. Он улыбался янки, так как был спокоен — вышел в город по бытовым делам, а поэтому ни за свою судьбу, ни за судьбу подопечного соплеменника-коллеги он может не беспокоиться. Он вольная птица — идет изучать понравившийся ему товар в магазинах и сам город. Его поражали качество и ассортимент инструмента, фотоаппаратуры. Рыболовецких снастей и, конечно же, охотничьего оружия.

Оба последних случая теперь он не утаил, а со всеми мельчайшими подробностями доложил о них руководству.

— Что скажу, ничего хорошего в этом нет, но, я думаю, янки выполняют требования некоего общего плана. Походят за тобой и отстанут, переключившись на другого сотрудника. У них такая «музыка» практикуется, хотя надо быть осторожным при проведении боевых операций. Они знают хорошо свое дело, — заметил коллега-руководитель.

Однако сопровождение советского офицера — ооновского сотрудника наружным наблюдением не прекратилось ни в 1952, ни в 1953 годах. Только теперь он фиксировал несколько видоизмененные движения и действия оперативного «хвоста». Работали сотрудники наружной разведки с дальних дистанций, действовали более чем конспиративно и явно более профессионально, чем первые. В их состав в отличие от прежних бригад наружного наблюдения входили исключительно «белые» — сотрудники с европейской внешностью, никакими особенностями не выделяющиеся. Ходили грамотно и настойчиво, беря его мощно словно в невидимые клещи. В кабинете шефа советского отдела ФБР сидел вальяжно развалившийся в кресле его хозяин. Попыхивая толстенной кубинской сигарой, исторгавшей изо рта клубы едкого сизого дыма, он слушал доклад руководителя службы наружного наблюдения, который отчитывался перед начальником о проделанной работе его подчиненными за месяц.

Доклад был построен на результатах внешнего наблюдения за поведением и действиями советских представителей, работавших в посольстве СССР и ООН. Надо отметить, что в то время маккартистской «охоты на ведьм» и такой же борьбы с «красной чумой» активно брались под наружное наблюдение почти все советские граждане. Особенно плотная слежка проходила за сотрудниками советских учреждений, подозреваемыми в принадлежности к специальным службам — КГБ и ГРУ, — представителями политической и военной разведок СССР.

Докладывавший подчиненный перечислял фамилии, должности советских «оперативных объектов» и их подозрительные моменты в поведении, последние маршруты движения по городу, встречи и беседы с установленными и «потерянными» соотечественниками и прочее.

— Недавно прибывший в Нью-Йорк советский представитель на должность сотрудника советской миссии при Военно-штабном комитете ООН некий Поляков Дмитрий Федорович — весьма загадочная личность. Его часто видят праздно шатающимся в городе, чувствуется, что он профессионально изучает городские объекты. Субъект любит посещать магазины со слесарно-столярными инструментами, радиоаппаратурой, охот-

ничьим и рыболовецким снаряжением. Нередко простаивает у прилавков с ювелирными изделиями...

— Видно, эти предметы его интересуют, и только, — вставил шеф. — Да, не балуют сегодня советских граждан магазины широким ассортиментом товаров даже в Москве. Конечно, Советы пережили такую войну, но негусто было в магазинах и перед войной. Я бывал в советской столице в 1940 году. Всю картину видел. Да, не скоро им оправиться. К тому же много денег Кремлем тратится на помощь собратьям по социалистическому лагерю, африканцам и на исследования в области ядерного оружия и его производство. Они в этой области нас догоняют, но не перегонят Америку... ха-ха-ха, — заржал хозяин кабинета, обнажив кривые желтые зубы, свидетельствующие о курильщике с большим стажем. — Мы сверхдержава есть и ею будем если не вечно, то еще очень долго. Хотя надо признать правоту русских по Бисмарку — русские долго запрягают, но быстро едут. Нам надо помешать их быстрой езде, нагнать страху показом реальности наших достижений. Бесспорно, страх — это иллюзия, но природа этой иллюзии такова, что чем больше мы в нее верим, тем сильнее она становится. В работе по Полякову надо сделать так, чтобы он эту иллюзию чувствовал постоянно.

— Да, сэр, вы правы. Видно, россияне голодные на красоту, которую исковеркали минувшая война и их дурацкая распределительно-плановая система. Мы их направили по «правильному» пути — гонке вооружений. Поэтому не до игрушек сегодня краснопузым... не до жиру, быть бы живу, как у них говорит поговорка, — заискивающе прощепетал докладчик, не отрывая глаз от начальника, которому в целом явно понравилась реакция подчиненного, но все-таки он его несколько подправил.

— Не стоит так категорично говорить о системе распределения в СССР. Я думаю для такой огромной страны, вышедшей из страшной сечи, она наиболее адекватна времени. Продолжайте о Полякове, — перебил подобострастные разглагольствования подчиненного хозяин кабинета.

— Есть, сэр! Итак, исходя из анализа сводок демонстративного наблюдения за Поляковым, можно сделать вывод, что он не случайно «гуляет» по улицам нашего города. Чувствуется, что

объект слежки осведомлен о нашей работе, а я бы сказал, очень хорошо знает приемы и методы подразделений внешней разведки — наружного наблюдения. Он лихо уходил из-под опеки моих парней уже несколько раз. Явно — непростую птичку прислала к нам Москва.

— Что ж, плохо, очень плохо, когда совершенно нового в нашей стране иностранца, человека такого ранга, мы теряем в нашем городе, не зная, что он делал в неконтролируемых паузах или зонах. Необязательно учиться на боли, но боль может быть очень эффективным обучающим устройством, — несколько раздраженно с оттенком угрозы заметил шеф. — Постарайтесь работать с дистанции и более конспиративно. Терять таких объектов нам не к лицу. Вы, надеюсь, понимаете, что я имею в виду?

— Да, сэр!

— Кстати, мы получили дополнительные данные, свидетельствующие о прямой причастности господина Полякова к военной разведке Советов, — заострил внимание докладчика его начальник. — Отсюда работайте осторожно, но цепко, как это вы умеете делать. Спешите медленно... Храброму и вдумчивому — вся земля родина!

— Понял, сэр!

Находясь на службе в Нью-Йорке, майор Поляков ощутил на своем семейном бюджете, что получает несравненно больше. Конечно, если сравнивать с теми деньгами, которые выплачивались ему на Родине при работе в центральном аппарате ГРУ. Но, с другой стороны, и цены здесь «кусались», а потому товары злили многих советских граждан своей недоступностью на фоне диких соблазнов. Со временем он узнал, что его коллеги-иностранцы располагают иной зарплатой — намного выше той, что получают россияне. Выяснилось, что родное государство примерно 80% заработанной валюты просто отторгает в свой заглашник. Это очень не нравилось многим, но майор затаил даже обиду, как он говорил позже, на «вороватые действия властей».

Некоторые азартные товарищи залезали в долги, а потом жили буквально впроголодь, экономя на здоровье, перебиваясь на хлебе, кашах, овощах и дешевом молоке.

Однажды Полякову при очередном его выходе в город в одном из магазинов понравилась многофункциональная дрель с различными насадками. Особенно его поразило приспособление для использования циркулярного диска. Этот небольшой агрегат позволял распиливать доски и фанеру до тридцати миллиметров толщиной.

Он ходил возле нее, как кот подле закрытой банки со сметаной. Смотрел, смотрел, а потом выругался про себя и отошел прочь, раздосадованный широким ассортиментом ярких, но дорогих товаров на таких же красиво оформленных прилавках. Без напряжения для семейного бюджета он не смог бы приобрести этот инструмент. Это был соблазн, о котором напоминали слова любимого им Анатоля Франса о том, что дьявол столь необходим святым, как и бог, ибо без искушений и соблазнов их жизнь была бы лишена всякой заслуги.

Но искушение, как говорится, — это духи, которые вдыхаешь до тех пор, пока не захочешь приобрести целый флакон. Именно над приобретением этого флакона он стал все чаще и чаще задумываться. А ведь двери в подобные магазины всегда были открыты. А как известно, открытая дверь и святого может ввести в соблазн.

Думается, данный факт в поведении советского дипломата и разведчика был четко зафиксирован сотрудниками наружного наблюдения ФБР. Без внимания такой повышенный интерес к инструментам в конкретном случае и в связи с этим возможность соответствующей психологической ломки профессионалы не оставили...

Смерть Сталина не вызвала у Полякова той опустошенности, растерянности и горя, какие обуяли слабые, эмоциональные натуры простолюдинов и крупных чиновников, стоявших у корыта разваливающейся прочной сталинской кухни. Они прекрасно понимали, что с кончиной вождя это начало конца и их благополучию и благосостоянию. Все зависело от того, кто появится на смену неожиданно для всего народа, в том числе и для его детей, почившему вождю и отцу...

Радость светилась только на лицах оставшихся в живых репрессированных, сидевших по лагерям и надеявшихся на амнистии и досрочное освобождение, и ближайшего окружения из числа политических деятелей, «опекавших» в последние дни своего патрона.

В начале марта 1953 года в одном из кабинетов Советской миссии при ООН постоянно вывешивался бюллетень о состоянии здоровья товарища Иосифа Виссарионовича Сталина. А в дни болезни и смерти и в день похорон по указанию местного начальства организовывались траурные митинги и беседы. На собраниях и митингах советские чиновники на американской земле давали волю чувствам: горько плакали женщины, мужики катали вздутые желваки на скулах, слышались вздохи с риторическим вопросом: как же будем жить дальше?

Многие с теплотой отзывались о покойном вожде. Большинство ведь являлись фронтовиками и нередко со словами «За Сталина! За Родину!» бросались в атаки на врага, хотя современники и отрицают этот процесс единения власти и воинства. Но так было — и никуда от этой правды не денешься.

Уход из жизни вождя большинство советских граждан восприняли как личное, тяжелое горе. Ведь каждый день самая большая в мире по территории страна просыпалась с его именем на устах — от утреннего гимна и до репортажей о его мудрых конкретных действиях. А чего стоят «десять сталинских ударов»? Все мы верили в правоту сказанного и написанного. И это было на протяжении многих лет его правления.

Похороны генералиссимуса превратились в кровавое прощание вождя со своим народом — погибло много любопытных и зевак в давке у Колонного зала Дома союзов и прилегающих к нему улицах Москвы.

В мартовские дни 1953 года в аппарате Военно-штабного комитета ООН Полякову попало два послания Патриарха Московского и всея Руси Алексия. Одно было направлено епархиальным архиереям в связи с правительственным сообщением о

болезни И.В. Сталина. Второе он адресовал Совету Министров СССР после кончины вождя.

Поляков стал внимательно читать тексты главного православного пастыря страны. В первой телеграмме говорилось:

«Правительственное сообщение о неожиданной тяжелой болезни, постигшей Иосифа Виссарионовича Сталина, глубокой скорбью отозвалось в сердцах всех русских людей. Наш долг, долг всех верующих прежде всего обратиться с молитвою к Богу об исцелении дорогого для всех нас болящего.

Благословляю во всех храмах всех епархий совершить молебствия о здравии Иосифа Виссарионовича. Церковь наша не может забыть того благожелательного к ней отношения нашего Правительства и лично Иосифа Виссарионовича, которое выразилось в целом ряде мероприятий, клонящихся ко благу и к славе нашей Православной русской церкви, и Ея долг соответственным ей образом, т.е. горячей молитвой, отозваться на постигшее наш народ испытание — болезнь дорогого всем нам Вождя и мудрого строителя народного блага».

Второе послание было написано Патриархом после кончины Иосифа Сталина. В нем были такие слова:

«От лица Русской православной церкви и своего выражаю глубокое и искреннее соболезнование по случаю кончины незабвенного Иосифа Виссарионовича Сталина, великого строителя народного счастья.

Кончина его является тяжким горем для нашего Отечества, для всех народов, населяющих его. Его кончину с глубокой скорбью переживает Русская православная церковь, которая никогда не забудет его благожелательного отношения к нуждам церковным.

Светлая память о нем будет неизгладимо жить в сердцах наших.

С особым чувством не перестающей любви Церковь наша возглашает ему вечную память».

Поляков был по натуре прагматик, и сам факт смерти воспринимал как должный переход отжившего организма в свою конечную и закономерную стадию — в тлен, прах, небытие...

«Природа дала нам способность не думать о смерти, — раз-

мышлял не единожды Дмитрий Федорович, — потому что, если бы о ней думали, мир пребывал бы в неподвижности и оцепенении — просто жизнь бы остановилась! Наверное, и Сталин не думал о своей кончине. А может, думал реально, что, с точки зрения милосердия, смерть хороша тем, что кладет конец немогущей старости. А то, что он в последние месяцы своей жизни жаловался на возраст — общеизвестно. Хотя никто об этом не говорил и не писал. Но на последнем съезде партии было видно, что он стареет».

И в то же время как человек с аналитическим складом ума и имеющий доступ к иностранным источникам информации он имел основания предположить, что смерть вождю ускорили его приближенные, среди которых на первом плане были две колоритные и одиозные фигуры — Лаврентий Берия и Никита Хрущев. Их можно было и переменить местами — истина бы не обиделась. Именно у этих двух властолюбцев были основания для обид на своего сюзерена-хозяина.

Пройдет некоторое время, и историк Николай Добрюха раскроет тайну смерти Сталина. Он доказал, что Хозяин Кремля был отравлен. Анализ крови от 5.3.1953 года дал ошеломляющие результаты. Он показал наличие яда в организме Сталина. Но было уже поздно что-либо предпринять. Вот почему к больному вождю долго не подпускали врачей, а вскрытие его тела было хоть и неполным, но сенсационным. Обнаружились не «воспалительные очаги в легких», о которых писали лечащие врачи, а поражение слизистой оболочки желудка и кишечника — несомненное свидетельство отравления какими-то ядами.

Скорее всего после получения именно этих анализов кто-то сообщил сыну Сталина Василию, что в действительности случилось с отцом. И Василий стал кричать:

— Отца отравили!.. Отравили отца!..

Бывший председатель КГБ СССР Крючков В.А., комментируя это расследование историка, заметил:

«Впервые документы о последней болезни и смерти Сталина настолько значительны, что теперь от них уже никто не может отвернуться. Как человек, проработавший большую часть жизни в компетентных органах, я всегда думал, что в случившемся в ту

первую весеннюю ночь 1953 года много загадочного: и врачей долго не было, и поведение тройки Берия — Маленков — Хрущев странное, и многое другое вызывает вопросы...

Впервые мы имеем дело не с набором воспоминаний, слухов и предположений о смерти Сталина, а с исследованием подлинных документов».

Последнее время вождь находился на ближней даче и был, как писали потом столичные газеты, несколько замкнут, хотя охотно общался со своей охраной — Хрустальевым, Старостиным, Туковым и помощником коменданта Лозгачевым. На даче в то время находилась также кастелянша Бутусова.

В ночь с 28 февраля на 1 марта 1953 года члены Политбюро смотрели в Кремле кинокартину. После просмотра фильма Сталин на дачу в Кунцево приехал в полночь. Вскоре по его «приглашению-приказу» туда прибыла четверка самых в то время приближенных к телу вождя «учеников великого кормчего»: Л. Берия, Н. Булганин, Г. Маленков и Н. Хрущев. Находились они там, как обычно, почти до утра без глубоких обсуждений каких-либо социально-политических вопросов. На фоне чревоугодничества и не расположенного к беседе вождя служебные проблемы вывели за скобки вечеринки. Пили якобы один виноградный сок — так решил хозяин, видно чувствовавший себя неважно. Только в четыре часа утра «соратники» разъехались по домам. После ухода гостей Сталин направился в спальню и лег спать. Больше из своих комнат он не появлялся...

Вместе с тем страна совершенно не чувствовала конца тревожного ожидания — триллера, связанного с проблемами его здоровья. Народ знал, что Сталин вечно живой и работает в Кремле ради светлого будущего граждан его страны. А некоторые просто верили в его бессмертие, считая его почти что небожителем.

В эти дни у Полякова закралась мысль: а не отравили ли его приближенные — Берия, Маленков или Хрущев?

В газете «Правда» он прочитал несколько раз «Заключение консилиума». В нем говорилось:

«5 марта в 12 часов дня.

Состояние больного на утро 5-го марта резко ухудшилось.

Расстройства дыхания усилились и были особенно резко выражены во вторую половину ночи и утром 5.3.

В начале девятого у больного появилась кровавая рвота, не обильная, которая закончилась тяжелым коллапсом, из которого больного с трудом удалось вывести.

В 11 час. 30 мин. после нескольких рвотных движений вновь наступил коллапс с сильным потом, исчезновением пульса на лучевой артерии; из коллапса больной был выведен с трудом после инъекций камфоры, кофеина, кардиозола, строфантина и т.д.

Электрокардиограмма, снятая в 11 час. утра, показала острые нарушения коронарного кровообращения с очаговыми изменениями преимущественно в задней стенке сердца.

Причиной кровавой рвоты консилиум считает сосудистотрофические поражения слизистой оболочки желудка.

21.50. Товарищ И.В. Сталин скончался.

Третьяков, Лукомский, Тареев, Коновалов, Мясников, Филимонов, Глазунов, Ткачев, Иванов».

«В этом змеюшнике кремлевских политических функционеров, а не государственных деятелей, — подумал Дмитрий Федорович, — могут быть всякие неожиданности. Из этой троицы все претендуют на роль нового вождя. Им очень хочется стать Повелителем. Преемника ведь он не назначил. Сталина они могли списать со счетов давно. Улыбались дежурно, а за пазухой носили камень. К тому же они боялись его болезненной подозрительности, а за ней и неотвратимой мстительности с конкретными хорошо известными им акциями. Недаром он на XIX съезде так себя повел. Просил освободить его от обязанностей Генерального секретаря партии и Председателя правительства. Мол, я уже стар, бумаг не читаю, изберите другого секретаря. Явно проверял соратников на вшивость. Помню слова, сказанные Тимошенко: «Товарищ Сталин, народ не поймет этого. Мы все как один избираем вас своим руководителем — Генеральным секретарем ЦК КПСС. Другого решения быть не может». После этих слов Сталин махнул рукой и сел за стол под гул одобрения и горячие аплодисменты».

В XX веке первый раз смута в России началась в 1917 году. Полыхнула она в результате двух революций — Февральской и Октябрьской. Соответственно во главе с Керенским и Лениным.

Сталину и народу досталась страна после Гражданской войны, находящаяся в критическом состоянии. Он, как руководитель, вывел ее из кризиса, используя порой явно жестокие меры лечения, в короткое время за счет ущемления крестьянства сумел создать мощную промышленность. Его армия отбила натиск самой современной в то время в мире германской военной машины и в кратчайший срок разгромила на Дальнем Востоке довольно еще сильную японскую армию. А после войны титаническими усилиями его народ сумел отстоять военную независимость от самой богатой державы мира — США, пытавшейся при помощи атомного оружия навязать всему миру свое понимание морали и свои национальные интересы.

Ко времени смерти Сталина страна находилась на пике своего могущества за всю многовековую историю. Хотя за внешним благополучием скрывались очень серьезные внутренние проблемы, которые так и не были кардинально решены при жизни Сталина.

Потом, после смерти вождя, его «соратники», как пауки в банке, стали методично подсиживать, шельмовать и уничтожать друг друга.

Надо отметить, что сразу же проявила себя вовсе не хрущевская, а бериевско-маленковская «оттепель». По железным дорогам в пассажирских вагонах и товарных теплушках ехали с севера и востока страны люди в серых и грязных телогрейках — это возвращались с лесоповалов, лагерей и тюрем тысячи заключенных, в основном осужденных за всякого рода уголовные преступления.

Политических заключенных власти еще придерживали в казематах за колючей проволокой и сторожевыми вышками. Их время наступит во вторую «оттепель», после хладнокровного убийства Л. Берии и его подручных — свидетелей хрущевских преступлений в сталинскую эпоху. Но об этом особый разговор.

Именно эти два сталинских опричника решили постепенно «отмазываться» от страшного греха — полосы репрессий, в ко-

торых принимали непосредственное участие. Но недолго власть находилась у них в руках.

Простоватый по натуре, суетливый по характеру, напористый по темпераменту их коллега — лукавый царедворец-парт-аппаратчик, такой же подручный Сталина, как и первые два героя, Никита Сергеевич решил их вовремя перехитрить и непременно опередить. Он боялся за свою жизнь. Борьба с новой «оппозицией» с использованием одураченного впоследствии высшего руководства Министерства обороны СССР закончилась практически внесудебной расправой и опять с кровью...

Приход Хрущева к власти Поляков воспринял сразу же с недоверием. Он ему, фронтовому офицеру, почему-то не виделся руководителем страны. По его мнению, на фоне авторитета Сталина у него отсутствовала харизма масштабного политического деятеля такого государства, каким был Советский Союз. Кресло власти было сработано явно не по мерке его головы.

Бритоголовый партиец критически и внезапно оценил кровавую Вандею почившего вождя, Берии и его единомышленников, в которой участвовал и сам. Боясь мести, Хрущев также был враждебно настроен к другим близким соратникам и родственникам ушедшего к праотцам руководителя Советской Красной империи, у которого, может, и был культ личности, но была и личность! Недаром Сталина ценили и хвалили как руководителя страны, попавшей в круговерть войны, и как адекватного государственного деятеля Рузвельт и Черчилль. Это они учтиво вставали при его появлении в залах переговоров. А Мао Цзэдун и Тито могли ждать аудиенции с советским вождем в Кремле часами. Был и такой феномен — во время устраиваемых сатрапом политических процессов жертвы оговаривали себя и, умирая, славили его имя. Было и такое — костоломы обнадеживали несчастных обещанием якобы вождя сохранения жизни в случае «чистосердечных признаний».

«А чем Хрущев отличается от Сталина, от Берии, от Ягоды, от Ежова и других кремлевских, кровавых палачей? — задавал себе вопрос Поляков и тут же сам себе на него отвечал: — У него

самого руки по локоть были в крови, когда он руководил партийными организациями в Москве и на моей родине — Украине!

В России всегда смена власти сопровождалась подковерной борьбой кланов не на жизнь, а на смерть. Сегодня победили случай, природная сметка и нахрапистость болтуна и прожектера. Не додавленная Сталиным оппозиция приходила к власти, а бывшие партийные и советские чиновники, а также сотрудники МГБ и МВД, даже не испачканные сажеей репрессий, профессионалы высокого класса, вышвыривались на улицу. В армии происходит то же самое.

Отделялись, кто как, — кого выгоняли на пенсию, а кого гнали прямо на нары в лагеря и тюрьмы. Одним из таких был бог диверсионной и разведывательной борьбы, дирижер партизанской войны, начальник 4-го Управления НКГБ СССР генерал-лейтенант Павел Судоплатов.

А сколько было организовано им же внесудебных процессов с короткими вердиктами: приговорить к высшей мере наказания — расстрелу. Это тоже Хрущев, затыкавший рот свинцом тем, кто много темного и кровавого мог воскресить из его биографии.

Народ безмолвствует, потому что у людей снизился порог болевого восприятия. Молчали армия и флот, когда их по живому стал кромсать этот властолюбец и выскочка, эта политическая пародия на трезвого отца нации...»

Внутренний монолог, распалывший Полякова, прервал телефонный звонок, — вызывал начальник.

Часто прокручиваемые Поляковым в уме монологи о новом вожде создали вокруг нашего героя некую напускную ауру честного, бескомпромиссного воителя со злом в далекой Родине. Так, во всяком случае, он оценивал сам себя. Своих мыслей он, естественно, доверять в то время никому из соотечественников не мог по вполне понятным причинам. Это потом оперативникам стало много чего известно о его миропонимании и преступной деятельности.

Поляков понимал, что подобно ему рассуждают многие по-

сле ухода Сталина из жизни, с именем которого было сделано много зла, но и не меньше добра. Такие личности в истории останутся навсегда в силу своих масштабности, дел в определенные отрезки непростого и противоречивого времени с обилием тех, кто мешал работе. Да, репрессии были, за которые его следует осуждать, но была и другая сторона медали! Только такая личность, как Сталин, могла реализовать идею сельской общины через коллективизацию, провести в сжатые сроки индустриализацию страны, повергнуть самую сильную армию мира — германский вермахт и Третий рейх, вооружить армию ядерным оружием и, наконец, сделать страну сверхдержавой. Потом некоторые авторы ее будут величественно называть Красной империей.

Не он ли, командир артиллерийской батареи, и миллионы подобных ему еще каких-то пяток лет назад с криком «За Родину! За Сталина!» устремлялись в контратаки на врага. С именем Сталина умирали и в застенках НКВД. Вот уж действительно — право сильнейшего есть сильнейшее бесправие.

А что, при Ленине было мало сделано зла? Очень много...

Порушенная православная вера, разбитые и разграбленные церкви, забытая дорога к Храму, уничтожение казачества, отток интеллигенции на Запад, затопленные пароходы вместе с инакомыслящими в трюмах, миллионы смертей в развязанной им Гражданской войне...

А чего стоят кровавые шабаши расстрельной команды из бронепоезда председателя Реввоенсовета товарища Троцкого! Этот зверь в человеческой плоти, гулявший, как сатана, по фронтам Гражданской войны, без суда и следствия отправил на тот свет не одну тысячу невинных граждан молодой Советской России. Тела расстрелянных его палачами красноармейцев и командиров РККА бросались незахороненными на привокзальных платформах, в полях и лесах на съедение голодным собакам и диким зверям.

Это его уста изрекали и из-под его пера выходили строки:

«Мы достигли такой власти, что если бы завтра декретом приказали всему мужскому населению Петрограда явиться на Марсово поле и получить по двадцать пять ударов розгами, то 75% явилось бы и стало в хвост очереди. А остальные 25% за-

паслись бы медицинскими справками, освобождающими их от телесного наказания!..

Мы должны превратить ее (Россию. — *Прим. авт.*) в пустыню, населенную белыми неграми, которым мы дадим такую тиранию, какая никогда не снилась самым страшным деспотам Востока. Разница лишь в том, что тирания эта будет не справа, а слева и не белая, а красная. В буквальном смысле этого слова красная, ибо мы прольем такие потоки крови, перед которыми содрогнутся и побледнеют все человеческие потери капиталистических войн.

Крупнейшие банкиры из-за океана будут работать в тесном контакте с нами. Если мы выиграем революцию, раздавим Россию, то на погребальных обломках ее укрепим власть сионизма и станем такой силой, перед которой весь мир опустится на колени. Мы покажем, что такое настоящая власть. Путем террора, кровавых бань мы доведем русскую интеллигенцию до полного отупения, до идиотизма, до животного состояния...

А пока наши юноши в кожаных куртках — сыновья часовых дел мастеров из Одессы и Орши, Гомеля и Винницы, — о, как великолепно, как восхитительно умеют они ненавидеть все русское!

С каким наслаждением они физически уничтожают русскую интеллигенцию — офицеров, инженеров, учителей, священников, генералов, агрономов, академиков, писателей!..»

За эту раздавленную Сталиным политическую гниду Поляков уважал Сталина, о чем открыто говорил с сослуживцами, цитируя эти строки.

А красный маршал Тухачевский, применивший газы для умерщвления тысяч восставших крестьян Тамбовщины во главе с Антоновым! А расправа же под его командованием с мятежными матросами в Кронштадте! На нем что, меньше крови?

Вообще вождей разных мастей он считал провокаторами насилия, суггесторами — агрессивными приспособленцами, паразитирующими на народной энергии. По его разумению, нехищные люди у власти не удерживаются. Он часто говорил, что воля и тяга к власти — в основном удел негодяев и мерзавцев, за малым исключением.

В образе нового вождя, человека из той же обоймы Поляков личности не увидел, наоборот, с каждым годом Хрущев терял в его глазах все больше и больше авторитета, которого и так было чуть — как кот наплакал. Сравнивая оценку авторитета ложного и полезного, он рассуждал словами русского публициста и литературного критика Дмитрия Ивановича Писарева, чтением работ которого он когда-то наслаждался: «Если авторитет ложный, тогда сомнение разобьет его, и прекрасно сделает; если же он необходим или полезен, тогда сомнение повертит его в руках, осмотрит со всех сторон и поставит на место».

Хотя, надо признаться, к художественной литературе во время его работы в США душа особенно не лежала. Чтобы сверкнуть начитанностью, он не раз говорил, что книги нужны, чтобы лишний раз напомнить человеку, что его оригинальные мысли не так уже и новы.

Но Поляков авторитет Хрущева не «поставил на свое место», а со всего маха грохнул о пол, да так, что осколки его ранили душу.

И все же при всей его антихрущевской ершистости и оппозиционности к новому вождю Советской России, идея обрести здесь, в США, сумму этак в тридцать сребреников не то что не покидала его ум, она барабаном стучала в его душу. Даже в холодной голове, когда он, спокойный, закрывал глаза от усталости и отдыхал, прокручивая варианты многоходовых действий в операциях по связи со своей агентурой или нашими нелегалами, к нему подлетала эта черная птица предательства. Она то и дело напевала ему приятные песни, в которых он слышал мелодии будущей удачной и сытой жизни с обилием в личной собственности того, что он видел на полках в магазинах. Уже тогда он дал себе обет — не брать денег за проданный секретный «товар», — они опасны, а их должно быть много. Он будет не просить, а требовать то, что ему понравится.

В душе у Полякова начался медленный процесс изменнических протуберанцев и появления темных волокон, опутывающих совесть, честь, долг, присягу и корпоративную верность в разведке. Постепенно он превращался в лицемера, о котором Авра-

ам Линкольн когда-то говорил, что это человек, который убил обоих родителей и просит о снисхождении, ссылаясь на то, что он сирота. Именно в этом направлении его несли ветры будущего предательства.

Будем считать, что следы психологической ломки Полякова каким-то неизвестным образом, через телепатию, что ли, были сразу же уловлены и сотрудниками ФБР. Хотя, прямо скажем, чудес в таких делах не бывает. И все же сигнал от него они перехватили.

К нему начали внимательно присматриваться, — проявлять «заслуженный», «оперативный», «достаточно глубокий» интерес. Не случайно в книге «Цепной пес «холодной войны» Том Мэнголд в главе «Смертельное предательство» пишет, что «в поле зрения американских спецслужб он (Поляков. — *Прим. авт.*) попал в Нью-Йорке, где в 1951—1956 годах служил в аппарате ООН».

Можно предположить, что творилось в душе фронтовика, увидевшего плоды войны во всей «красе» — долго не разбираемые руины страны-победительницы — СССР и быстрое лечение житейского хаоса в поверженной стране — Германии, не говоря о жизни в другом союзнике СССР по войне — Соединенных Штатах Америки.

Поляков прекрасно понимал, что любая война — всегда горький и тяжелый опыт для всякого народа, для всякого государства, участвующего в ней. Но Вторая мировая война, охватившая все пять континентов Земли, явилась страшным разрушительным бедствием для всего человечества — и для победителей, и для побежденных. Только одни США, отгороженные от Европы океаном, понесли наименьшие потери, а где-то даже получили политический и экономический выигрыш. Эти заморские пуритане при минимальных потерях в войсковых операциях на Западном фронте максимально обрели выгоды и преимущества. Действительно, они подняли многое в своей экономике через расширение военных заказов, дополнительное создание рабочих мест, трофейный вывоз на родину высоких немецких технологий и их создавших мозгов. Главные же поверженные и побе-

дители, Германия и Советский Союз, барахтались в хаосе развала и истощения.

Он знал, что американское политическое руководство взяло курс на жесткую и долговременную конфронтацию с его страной — Советским Союзом с целью дальнейшего ослабления и углубления ее «экономической немощи», которая явилась следствием такого военного урагана, каким была Великая Отечественная война. Этот огненный смерч практически уничтожил всю промышленность на его европейской части.

И все же у офицера шла долгая и бурная реакция борьбы мотивов: предложить свои услуги американской стороне или нет? Именно волна борьбы мотивов несла его на рифы азартной игры, которая нередко человека превращает в играющее животное.

И все же его мысль все чаще буксовала:

буксовала на зыбком песке непонятностей существующих разных окладов сотрудникам ООН, делающим практически одну и ту же работу, но получающим, увы, по-разному;

буксовала на повальном бегстве граждан из ГДР в ФРГ — из социалистического рая в капиталистический ад;

буксовала на беспаспортном положении советских крестьян, превращенных, по существу, в рабов колхозных бригад на хуторах, в деревнях и селах;

буксовала на опасности такой игры со страшным противником, каким для него представлялась военная контрразведка органов государственной безопасности.

Наконец, он согласился с мыслью, что ему для полного счастья не хватает славного Отечества. Оно снова исковеркано партийными номенклатурщиками, так далеко отошедшими от запросов простых граждан.

По-разному сотрудники оценивали отношение майора Полякова к людям и к служебным обязанностям.

Одни утверждали, что он был стабильно груб с подчиненными, не стеснялся в выражениях. Другие утверждали, что он на самом деле являлся ярым защитником социалистического пути

развития общества, доказательством чего было его поведение, особенно на партийных собраниях, где он мог любого отчитать по поводу отсутствия правильной государственной оценки того или иного мероприятия партии и правительства, или недостаточности политической бдительности, или неглубокого освоения конкретной темы по марксистско-ленинской подготовке.

Создавалось впечатление, что он искренне верит в идеи построения реального социализма, считая эксперимент с советской властью в России наиболее удачным за всю историю ее существования.

Другие же отмечали его толерантность, терпимость к ошибкам, сделанным подчиненными, умение держать коллектив в работоспособном состоянии, желание в любом деле дойти до сути и никогда не сорить гневными филиппиками по адресу своих коллег.

Одно известно: с возложенными обязанностями как по «крыше», так и в ходе выполнения чисто разведывательных задач, он справлялся на уровне оценки — «хорошо», что давало руководству ГРУ возможность безо всяких сомнений использовать его в этом направлении и в дальнейшем.

Глава 2

Вторая командировка в Нью-Йорк

Итак, спокойно отработав «вахту» за рубежом — в Нью-Йорке на протяжении более пяти лет с 1951 по 1956 год, майор Поляков уезжает в Москву и назначается руководством ГРУ Генштаба СССР на должность оперативного офицера в центральном аппарате Главка.

Прослужив непродолжительное время в столице, его стали неоднократно направлять в течение 1957 — 1958 годов в краткосрочные командировки в Берлин, как писал Том Мэнголд, «для проведения операций с нелегалами».

Здесь он впервые услышал от одного из офицеров недовольную тираду в адрес жертв войны, запавшую глубоко в его душу. Офицер говорил о том, что слова «гитлеризм» и «холокост» заполонили все и вся в ущерб памяти миллионов жертв

других народов, в том числе белорусов, русских, украинцев. Он был полностью согласен с такой оценкой. Для него под черным крылом нацизма проплывали «холокосты» других народов, в том числе славянских, которые гитлеровцы пытались уничтожить и вывести до конца как унтерменшей — недочеловеков.

Теперь его частые приезды в столицу ГДР четко фиксировали сотрудники советского отдела ЦРУ Дик Кович и Джордж Кайзвалтер, что стало известно после развенчания фантома руководителя контрразведки в главном разведывательном органе США по добыванию информации и всяких «мокрых» дел — Джеймса Энглтона.

Вполне понятно, к персоне советского офицера было уже тогда обращено серьезное внимание. Полякова плотно опекали — серьезно «исследовали» его результаты кратковременных заграничных командировок на предмет дальнейшего изучения для возможной вербовки. Он стал, таким образом, «объектом изучения», а для разведки это уже половина дела.

В октябре 1959 года уже в звании полковника руководством ГРУ он вновь направляется Нью-Йорк и назначается на знакомую должность. Поэтому за выполнение главной задачи он не беспокоился — он ее усвоил и притерся к ней еще в первую командировку. Она ему была понятной: проведение разведывательной работы под прикрытием начальника секретариата представительства СССР в Военно-штабном комитете (ВШК) ООН и выполнение других ответственных заданий Центра — опять-таки в операциях по связи с нелегалами из числа советских граждан, внедренных и осевших на территории США под различными предлогами, должностями и постами.

Приезд Полякова в США заставил оживить работу вокруг него внутренней контрразведки. ФБР закрепило за советским гражданином одного из самых опытных сотрудников, которому поставило задачу в течение нескольких месяцев «доизучить, а затем осуществить вербовку военного разведчика из СССР». К этому времени они точно знали его причастность к военному разведывательному ведомству.

И действительно, летом 1960 года представители ФБР попытались установить прямой контакт с Поляковым. Однако на тот

период он еще по-настоящему, как говорится, «не созрел для предательства». Внутри у него вспыхнула очередная борьба мотивов — «за» и «против». Боролись между собой предательство и патриотизм, измена и вера в свой служебный рост без помощи американцев. Он уже не признавал истину, что хороший дипломат всегда должен помнить, что он должен забыть.

С одной стороны, страх сдерживал его смелость в установлении непосредственного контакта с разведкой США, а с другой — у него роились наполеоновские планы служебного роста в системе ГРУ. Себя он ценил высоко, а поэтому жил надеждами на служебное продвижение.

В кругу сослуживцев он нередко откровенничал одним афоризмом: «Странно распределены блага жизни между людьми: нищему ничего, бедному мало, богачу много, а довольно — никому!»

И все же впереди после трех звезд на двухпросветном погоне маячило очередное лампасное звание — генерала, до которого он надеялся быстро взобраться по служебной лестнице. Однако в свою жизнь полковник внес существенные коррективы...

Поляков действовал в интересное международными событиями время.

Это были действительно сложные для Соединенных Штатов годы. Советский Союз усиленно качал мускулы, становясь сверхдержавой. События тех лет тому свидетели: инцидент с самолетом У-2 в пользу СССР, берлинский кризис 1961 года, кубинская проблема годом позже. Серия проигранных Западом войн на Ближнем Востоке, отставание США от СССР в ракетостроении, грандиозные успехи Советской России в строительстве атомного подводного флота. На военно-политическом горизонте — активизация деятельности коммунистических и рабочих партий, усиление Группы Советских войск в Германии и другие «зуботычины» с Красного Востока.

Они заставляли руководство «самой демократической страны в мире» крутиться, а порой и отбиваться от упреков собственных граждан из лагеря оппозиционной партии в неэффективности политических и экономических программ властей придерживающих в Белом доме.

И в то же время это был период, когда две мощные сверхдержавы вцепились друг в друга пока что в мирной схватке, но уже тогда своими внешнеполитическими действиями поставили будущее всей Земли на карту, размахивая ракетно-ядерными дубинками.

Кроме всего прочего, жупел всесильного КГБ витал над США и Западной Европой. Однако наши трезвые политики и представители спецслужб понимали, что такое возвеличивание советских органов госбезопасности нужно в первую очередь противной стороне для искусственной подпитки антисоветизма и выколачивания все новых и новых ассигнований на борьбу с инакомыслием и вражескими акциями, как реальными, так и мнимыми.

Второй приезд Полякова в США еще больше впечатлил советского офицера. Он видел, что ассортимент промышленных и продовольственных товаров расширился, и особенно существенно повысилось их качество в магазинах.

Появилось много того, что он хотел бы приобрести, но денег, как всегда при подобных аппетитах, не хватало. Он завидовал представителям других государств, работающим рядом с ним в Военно-штабном комитете ООН. Оклады у них и теперь почему-то были больше, чем у советских представителей, хотя выполняли они один и тот же объем работы и прошло уже немало восстановительного времени после войны. Такую несправедливость он близко принимал к сердцу и болезненно переживал.

Именно в это время в семье Полякова случилась трагедия — умер их первенец, сын Игорь. Болезнь была излечима, но требовалась срочная хирургическая операция в одной из американских клиник. Для этого нужно было соблюсти одно условие — иметь на руках деньги. Офицер обратился к своему начальству с просьбой о материальной помощи. Но, к его удивлению и сожалению, руководство ГРУ ответило отказом. Местные руководители посчитали, что тратить доллары из оперативной кассы на операцию ребенка в США является нарушением финансовой дисциплины, а если проще и ближе к истине — блажью, то есть пожалело денег, хотя могло это сделать безо всяких осложнений. Всегда можно было оправдаться перед Центром.

Это страшное событие в семье оставило неизгладимый след

в душе полковника Полякова и наряду с другими обстоятельствами подтолкнуло к принятию страшного по своим последствиям решения — измене Родине, и самое главное — корпоративному предательству, что особенно в разведке чревато порой страшными и непоправимыми последствиями.

Давно замечено, что люди обыкновенно не столько наслаждаются тем, что им дано, сколько горюют о том, чего они все еще никак не получили или не могут получить. Вот уж истинно, зависть — это, как правило, яд для сердца, она никогда не знает праздника. Черные будни наступили в разбалансированном мозгу у советского офицера-разведчика.

Великий Мольер по этому поводу недаром однажды воскликнул: «Завистники умирают, но зависть — никогда!» А, как известно, от зависти ладится мосток прямо к жадности и корыстолюбию.

Итак, к этому времени в душевном гнезде Полякова уже лежало четыре яйца: Зависть, Жадность, Корыстолюбие и Обида. Попытаемся их вскрыть по ходу повествования.

Он намагничивал себя искусственно недовольством, мнимой обидой на начальство и страну, в которой почему-то видел то зло, которое ему принесли отечественные чиновники. Но, как говорит пословица, — суди бог того, кто обидел кого. Он решил собой подменить бога и стать судьей. Но нет ничего более негигиеничного, чем жизнь, тем более в такой ипостаси, в которой он видел себя завтра.

И все же, проклиная все прошлое, такие люди не отрекаются от отца и матери, очевидно, оставляют их про запас для будущей, уже крайней сдачи, за которой маячит такое понятие, как месть. Но, как говорит китайская пословица: собрался мстить — выкопай две могилы...

Роковой день наступил — Рубикон был перейден! Мина борьбы мотивов, наконец, взорвалась, нисколько не ранив советского офицера.

16 ноября 1961 года полковник Поляков, находясь под прикрытием начальника секретариата представительства СССР в ВШК ООН, обратился к руководителю американской военной миссии при Военно-штабном комитете генералу О'Нейли с убе-

дительной просьбой — срочно организовать ему встречу с кем-либо из высокопоставленных представителей американской разведки для передачи важной военно-политической информации.

Тем самым он инициативно предложил свои услуги спецслужбам главного противника своей страны — Соединенным Штатам Америки. И надо заметить, что действовал Поляков весьма продуманно, — еще бы, имея такой опыт разведывательной работы и в таком звании!

Американский генерал внимательно выслушал его и пообещал в скором времени связать советского гражданина с теми людьми, в которых он кровно заинтересован, — то есть с представителями специальных служб США.

Готовящийся стать предателем, придя домой бледнолицым и вспотевшим от волнения, стал прокручивать в уме возникшую по его инициативе ситуацию. Болезненной занозой встал вопрос: чем же конкретно он может в первую очередь и в какой форме поделиться с янки?

Мыслей об отступлении у него, естественно, уже не было — он двигался напрямую бульдозером и, по существу, открыл счет дней или лет к своей гибели, которую никак не воспринимал как реальность, потому что в нее не верил, так как одержимость своей идеей слепила разум. А еще он спешил — время не шло, а бежало. По его разумению, время имеет только направление, оно не имеет ни начала, ни конца, а потому хотелось в отмеренный ему срок пребывания в США успеть приобрести многое из того, на что он положил свой завистливый и жадный глаз в магазинах.

Но граница спокойной жизни уже была нарушена взломом — спектакль смерти приоткрыл занавес, но он не хотел смотреть на сцену и играющих на подиуме участников жизненного спектакля. В его чугунной голове от круговерти мыслей неожиданно послышался нестройный звон праздничного бубенца из детства. Этот звук возвратил его в тот далекий и радостный мир, в который войти уже никому не суждено, но мысленно можно было окунуться в эту зыбкую, приятную для многих виртуальность. На мгновение он и сам расслабился. Вспомнил и страшные 1932—1933 годы голода в родных местах, и легкокрылую, здоровую юность, и время учебы.

Однако он быстро отогнал от себя появившуюся минутную слабость и освободился от окутавших его нездоровых, расслабляющих волю к действиям галлюцинаций. В тот момент он исповедовал один жизненный принцип: не бойся последнего дня, но и не призывай его. Он его и не хотел видеть.

«Все будет зависеть от того, как и сколько будут платить, — размышлял, как заправский торговец, полковник Поляков. — Если отнесутся серьезно, серьезно придется и поработать, — риск минимален в здешних условиях. На территории же Москвы и вообще Советского Союза я ни шагу не сделаю по их заданию. Там можно быстро потерять голову. Чекисты из Лубянки моментально засекут мои связи с американцами, даже будь янки самыми опытными разведчиками.

Мои возможности рассчитаны только для условий заграницы. Я могу для них много сделать лишь за рубежом — вдали от дома, вдали от ГРУ и КГБ. Именно здесь сегодня пишется моя новая страница жизни. Ее нельзя готовить наспех — все должно быть продумано до деталей. Мелочи ведут к совершенству, а совершенство не мелочь. В противном случае меня ждет провал со всеми страшными последствиями и с эшафотом на Лубянке. Намерения противника я знаю, не знаю только его возможностей. Поэтому осторожность, прежде всего осторожность — на кон поставлена моя и моей семьи жизнь!»

Замечено, чем ближе человек подходит к жизненно опасному обрыву, каким для Полякова было предательство, тем почему-то чаще у него появляется сильное желание оглянуться на свой пройденный путь, сверить часы, оценить обстановку и еще раз спросить себя: туда ли я иду и стоит ли рисковать?

Поляков же, обуреваемый желанием купить то, что ему хотелось, что нравилось и без чего он не мог, как ему казалось, возвратиться на Родину, шел напролом к своей черной мечте — ничтожной и опасной. Таким образом, обладая всеми признаками рептилии, Поляков стал постепенно менять не только кожу, но и душу. Старая душа снималась чулком, как это делают змеи, новая уже защищала его от своих же упреков совести и чести. Они были выброшены вместе со старой кожей — нравственностью в душе...

Он подставлял себя, кадрового военного разведчика, офицера центрального аппарата ГРУ Генштаба в звании полковника, американским разработчиком из местной разведки, но попал в сети фэбээровских контрразведчиков...

К этому времени руководство ФБР уже окончательно приняло решение осуществить вербовку Полякова, по существу инициативно предложившего свои услуги американской спецслужбе.

Накануне вербовочного подхода глава ФБР Джон Эдгар Гувер, автор глобального плана тайных операций «Коинтелпро» — «Контрразведывательной программы», принял в своем кабинете начальника подразделения, специализирующегося по разработке советских граждан на территории США, Билла Бранигана.

Перед беседой со своим подчиненным Гувер внимательно ознакомился с содержанием досье на советского гражданина, а потом, многозначительно улыбнувшись, заметил, что если это не подстава советских органов госбезопасности, то его ведомство приобретением такого агента может утереть нос выскочкам из ЦРУ.

Он недолюбливал своих соперников по вербовочной работе, считая, что только сотрудники его ведомства способны обеспечить качественную безопасность страны от внедрения советской агентуры на важные объекты США.

Надо отметить, что неприязненные отношения с руководителями ЦРУ у него были на протяжении всего периода службы в ФБР.

Он рассуждал с видом человека, убежденного в божественной непогрешимости своих решений. Карьера Гувера к концу 50-х держалась на монолитном фундаменте. Он был осыпан почестями и не успевал принимать все новые и новые приветствия и награды от президентов, высокопоставленных чиновников и крупных акул бизнеса, понятно почему заигрывавших с ним.

Как писал Энтони Саммерс, знаток жизни и деятельности Гувера в книге «Империя» ФБР: мифы, тайны, интриги», президент Эйзенхауэр наградил его премией за заслуги на государственной службе.

Власти штата Индиана объявили даже День Джона Эдгара

Гувера, и такое же мероприятие планировалось провести в штате Иллинойс. Но самое главное то, что Гувер продолжал находиться рядом с теми, кто руководил государством, — президентами, вице-президентами, госсекретарями, генеральными прокурорами и другими элитарными личностями.

Старый волк и лис контрразведки (так его называли друзья и враги) не только видел свою жертву, он знал, как ее схватить, а затем... не убить, не съесть, а заставить с отдачей работать на Америку.

Гувер так долго был директором ФБР, что для нескольких поколений американцев его имя и название этой организации стали синонимами. А в 1971 году Марта Митчелл даже заметила: «Если вы знакомы с одним директором ФБР, считайте, что вы знакомы с ними всеми».

Холостяк Гувер так и не женился, будучи твердо уверенным в том, что женщина — это основное препятствие для мужчины в его служебной карьере. В 26 лет, когда умер его отец, он принял решение не жениться и жить вместе с матерью до конца жизни. Обет безбрачия он исполнил до конца. Мать пережила отца на 17 лет. Единственным близким другом для Гувера на протяжении последних 44 лет жизни был Клайд Толсон, личный помощник трех подряд министров обороны США до того, как стал работать в ФБР с 1928 года. Время от времени по стране прокатывались слухи о том, что между всемогущим шефом ФБР и его помощником существует гомосексуальная связь.

Автор книги «Империя» ФБР: мифы, тайны, интриги» ирландский писатель Энтони Саммерс в ее «Прологе» писал:

«Октябрь 1971 года.

Овальная кабинет Белого дома.

Президент Соединенных Штатов, его министр юстиции и главные советники борются с неразрешимой проблемой. Она заключается в старом человеке, которого боится глава государства.

Ричард Никсон: По ряду причин он должен уйти в отставку... Ему следует убираться оттуда ко всем чертям... Возможно, впрочем, я в этом сомневаюсь... возможно, мне достаточно будет позвонить ему и уговорить подать в отставку... Думаю, что он останется, пока ему не стукнет сто лет.

Джон Митчелл: Он останется до тех пор, пока его не вынесут вперед ногами. Бессмертие...

Ричард Никсон: Я считаю, что мы должны избежать ситуации, когда он ушел бы со скандалом, хлопнув дверью... Не исключено, что здесь мы имеем дело с человеком, который вместе с собой потащит и остальных, включая и меня... Дело предстоит нелегкое».

Президент догадывался, что о нем знает всесильный Гувер.

Семь месяцев спустя, 2 мая 1972 года, оказалось, что «проблема» президента смертна, как и все прочие люди.

Джон Эдгар Гувер, директор Федерального бюро расследований, умер в возрасте 77 лет, так и не уйдя в отставку. Тело было найдено его экономкой на полу возле кровати в спальне его Вашингтонского дома. Это выглядело как обычный инфаркт, случившийся ночью, и поэтому вскрытие не производилось...

И все же кто-то в Вашингтоне, кто-то очень могущественный, чувствовал, что даже смерть Гувера все еще несет в себе розу. Служащие похоронного бюро, прибывшие в дом покойника за трупом, увидели экстраординарное зрелище. У подножия лестницы, в кресле с прямой спинкой, сидел пожилой человек с отсутствующим взглядом. Это был его помощник и друг Толсон. Вокруг него сновали молодые люди, выполнявшие явно какое-то ответственное задание. Они прибыли сюда через четыре часа после обнаружения трупа и перерыли все вверх дном. Они вытряхивали наружу содержание выдвижных ящиков письменных столов и шкафов, снимали книги с полок и тщательно перелистывали их, обшаривали антресоли, не погнушались порыться и в помойном ведре.

На следующий день тело Эдгара Гувера было с большими почестями доставлено в Капитолий, где его положили в черные похоронные дроги, на которых в свое время лежали Авраам Линкольн и восемь других президентов США...

Когда президент Никсон, находившийся в Овальном кабинете, встретил сообщение о кончине Гувера, он после продолжительного молчания воскликнул:

— О, господи! Этот старый хрен очоурился!

Для общественности же смерть Гувера президент Никсон подал как кончину героя нации...

Гувер после своей смерти завещал Толсону всю свою недвижимость, оцененную в 551 000 долларов, а также флаг, в который на похоронах будет завернут его гроб. Итак, шефа ФБР не стало. На письменном столе его кабинета всегда лежали свежие порнографические журналы, а дома на стенах висели портреты обнаженных знаменитых женщин, включая известный порнографический календарь с изображениями Мэрилин Монро.

Он любил собирать компрометирующие материалы на различных правительственных чиновников и общественно-политических деятелей и подшивал их в папки, которые хранились в его кабинете. В этих папках, например, были материалы о внебрачных любовных связях Франклина Делано Рузвельта и его жены Элеоноры, а также описания некоторых подобных событий из жизни Ричарда Никсона и Джона Кеннеди.

Однажды агенты ФБР совершили налет на квартиру известной негритянской активистки в коммунистическом движении США Анжелы Дэвис. При обыске были найдены фотографии, показывающие Анжелу со своим любовником в разных позах во время сексуального акта. Когда Гувер узнал о существовании этих фотографий, он был в гневе, что о них ему не доложили немедленно. Агент, который задержал эти фотографии у себя, был сурово наказан.

Подобным компроматом он давил и на Мартина Лютера Кинга, передав его на просмотр и прослушивание депутатам Конгресса США и президенту Линдону Джонсону...

Вот ответ на вопрос, кто были и что искали в квартире покойного 2 мая 1972 года. Это были люди Никсона — они, вероятнее всего, искали то, что не должно было стать достоянием гласности, — доказательства грехов президента.

Это несколько штрихов к портрету «вождя» контрразведки США, которого так и не удалось убрать с дороги, хотя как знать, из-за чего остановилось сердце ветерана. Уязвленные политики были недовольны им, и молодые наступали ему на плечи...

Итак, с планом вербовки Полякова, предложенным Биллом Браниганом, Гувер полностью согласился, сделав несколько незначительных замечаний. В конце концов он санкционировал ее проведение на тех условиях и перспективах, о которых ему докладывал подчиненный.

Директор ФБР не ошибся, — он прекрасно понимал, какая рыбка пока только плавает в кольце расставленных им сетей. И хотя она еще не попалась, не запуталась в сетях, он был уверен — никуда ей не деться.

Как опытный контрразведчик, как профессионал со стажем, подставу Комитетом госбезопасности СССР такой важной персоны он полностью исключал. По его убеждению, играть секретносителем подобного калибра ни политическая разведка СССР, ни военная — элементарно не могли. Это было бы вне логики неписаных законов разведки и контрразведки. Для этого он ставил себя на место руководителей советских спецслужб и говорил самому себе: «Не такие глупцы русские, чтобы выставлять для продажи ходячий сейф с важными военно-политическими секретами».

Примерно недели через две на имя военного атташе при посольстве СССР в США и Полякова пришло представительское письмо с приглашением на прием, который устраивался на квартире американского генерала О'Нейли...

Несмотря на достаточно высокую должность американца, вечеринка оказалась довольно скромной как в смысле оформления стола, поднимаемых вопросов, так и краткостью по времени ее проведения.

Поляков чутьем профессионала тут же понял, что этот прием был организован исключительно для него и может закончиться логическим завершением всего того, что задумал и он, и они — теперь его «новые друзья» — предложением себя в их агентурную сеть и принятием этого предложения американцами.

И действительно, по окончании скоротечного приема при выходе из дома на улицу Поляков был приостановлен одним из присутствовавших на вечере американцев. Назвал он себя Джоном и предложил россиянину встретиться через полтора часа в городе на пересечении 6-й авеню и 60-й стрит.

Позже Поляков вспоминал, что это был промозглый ноябрьский вечер. Ветер куражился в ветках почти что голых деревьев и кустарников, трепал оторванный наполовину транспарант с размалеванной грудастой красоткой на стене дома и свежим дыханием охлаждал внезапно возникшее волнение, которое силой воли было сразу же стреножено. И в то же время, хоть он и спешил с оформлением себя в неприглядной роли предателя, считал, что быстрая лошадь скорее станет. Но раздумья разного рода с отступлением он всячески гасил.

Он умел подавлять в себе возникшее волнение чисто профессионально — четко и жестко. В его сознании опять, в который раз, неожиданно для него холодными сквозняками стали проноситься давние, уже забытые, давно не вспоминаемые события. Во вчерашних же явлениях он терялся — не мог вспомнить даже того, что ел на обед или кого первым встретил из сотрудников в офисе.

Как на киноэкране, возникали картины: война, послевоенное время, удачное служебное продвижение с оседанием в столице. Все эти жизненные этапы его вдруг стали раздражать. Он попытался подумать о чем-то другом, но воспоминания невидимой кинолентой пробежали и пробежали в памяти. Поляков считал, что Родине не везет на вождей, что экономика страны, руководимая безропотным чиновничеством, могла дать народу-страдальцу больше, чем он от нее получил.

Вдруг в его голове просветлело, и он попытался пофилософствовать относительно послевоенной судьбы Отчизны: «Погубят Союз недальновидные властолюбцы, корыстолюбивые руководители, как погубили царскую Россию — мощную империю».

И еще он всегда считал, что в России существуют три нестыкуемые вещи — грамотность без культуры, выпивка без закуски и власть без совести! Торговля совестью на родине приняла массовый характер, стала общенациональным бедствием и свидетельствует о катастрофическом масштабе деградации личности. Новый холузяж культу Хрущева становится все заметнее. У людей началась разбалансировка мозга — логика, выверка, опыт

отброшены в сторону. Народ снова верит в глупости нового пастыря без всякой харизмы, но с дешевым авторитетом.

Почему-то вспомнились слова фельдмаршала Миниха, сказанные еще в 1765 году, которые он выучил наизусть, как стихотворение, что «Русское государство имеет то преимущество перед всеми остальными, что оно управляется самим Богом. Иначе невозможно объяснить, как оно существует».

Эти слова пришли к нему как-то быстро и внезапно и так же скоро растворились, разошлись, как сигаретный дым. Разведчику, готовящемуся стать предателем, стало неуютно и зыбко на продуваемом перекрестке двух дорог...

Поляков прекрасно знал, ради чего организованы американцами прием и эта конспиративная встреча. В тот момент он был полностью готов к ней — оперативно и психологически. Теперь он находился в плену философских рассуждений, пришедших ему в голову: никогда не говори «никогда» и лучшее — враг хорошего! Он шел, по его разумению, в сторону «лучшего» для себя и своей семьи, не обращая внимания на реальность бытия с не ощущаемым им духовным голодом, за которым маячили перерожденчество и опасность быть поверженным.

Оперативная сторона встречи заключалась в содержании секретной информации, которую непременно запросят. В его голове было настолько много предательской фактуры, что он мог даже дозировать ее новым хозяевам. Действительно, он много чего знал и узнал за прошедшие десять лет работы в Москве и в Нью-Йорке.

Психологически Поляков тоже определился — потерявший голову о волосах, как говорится, не плачет, а поэтому на свою предательскую службу он призвал спокойствие и выдержку, трезвость и расчет. Он знал, на что шел, на что замахнулся. Считая себя корифеем в делах конспирации, тем более в условиях заграницы, он верил в свою победоносную звезду, верил в успех предпринятого действия, светившегося дополнительным валютным источником.

Поляков убеждал себя: я свободен во времени, хотя и привязан к нему, время для меня — возможность. Наиграюсь, сорву куш и обеспечу свое безбедное существование в Союзе, а потом

можно лечь и на крыло — отказаться от «второй работы», сославшись на состояние здоровья, возраст и прочее. Мало ли чего можно придумать для отказа...

Он считал, что сможет удержать бога за бороду, но все равно, — какая-то неуверенность, в какой-то степени потоки безнадежности и страха, липкого, как клей, холодного, как льдина, намертво охватывали и душу, и тело. Как показалось Полякову, от этого состояния его даже затошнило...

Запланированная конспиративная встреча состоялась точно в назначенное время. Говорили советский военный разведчик и американский контрразведчик в обстановке некоторого психологического напряжения один на один минут тридцать-сорок.

Где-то в середине беседы Джон неожиданно пошел в лобовую атаку: откровенно и жестко заявил своему визави — инициативнику, что его руководители считают последнего «подставной» Комитета госбезопасности, и предложил ему тут же назвать имена всех советских шифровальщиков, работающих под «крышей» представительства СССР при Военно-штабном комитете в ООН.

Полякова такой поворот в беседе несколько задел в силу гипертрофированного ощущения собственной важности. Он знал себе цену в этой игре. И все же сразу покраснел, — видно, дала о себе знать давняя хворь — поднялось давление, и в правом виске предательски застучала жилка.

Он выпучил глаза и тяжело задышал, но потом силой воли подавил волнение, заставил себя быстро успокоиться, хотя испарина холодного пота на лбу еще долго напоминала ему о полученном унижении и возникшем в связи с этим стрессе.

Наверное, слова главного контрразведчика в ЦРУ Джеймса Энглтона — этого «маленького человека, за спиной которого прятался еще более мелкий человек», что «чем серьезнее информация перебежчика, тем большее недоверие он вызывает и тем больше оснований подозревать, что он что-то скрывает», — доходили и до сотрудников ФБР, работавших против советских граждан на территории США.

То было время серьезного беспокойства руководства ФБР в связи с нарастающей мощью разведывательных чекистских акций. Поэтому не случайно Джон высказал сомнение относительно лояльности вербуемого им советского офицера, — он его «заводил» под откровенность, считая, что змея, которая не может сменить кожу, погибает. Так же и дух, которому не дают сменить убеждения. Вопреки специфическим инструктажам сверху Джон поверил, что русский агент уже давно сменил убеждения...

Поляков как бы в подтверждение этого телепатичного послала тут же, не колеблясь, назвал ставшие ему известными установочные данные важных секретноносителей — офицеров разведки двух резидентур — ПГУ КГБ и ГРУ Генштаба, в том числе и фамилии шифровальщиков обоих ведомств.

Таким образом, он входил в то состояние злодейства для своих коллег, за которым маячило объективно негодяйство и для себя. Подлость во все времена человечества оставалась и останется, если будет существовать в будущем, универсальной именно этими двумя звеньями.

Центральный аппарат ФБР.

Гувер только что приехал на службу. На столе уже лежали свежие журналы с обнаженными красотками и несколько цветных фотографий с обнаженными голливудскими красавицами. Он быстро перелистал их, изредка останавливаясь на цветных фотографиях отдельных, хорошо известных ему фотомodelей. В желтом большом конверте, закрытом металлическими лапками, лежали фотографии с «компррой» на некоторых известных людей Америки. Он внимательно просмотрел содержимое конверта и снова вложил их назад.

Через час шефу ФБР позвонил один из его подчиненных с просьбой подойти доложить материалы.

— Заходи, — коротко ответил хозяин кабинета...

Гуверу докладывал все тот же специалист по Советской России Билл Браниган. Он с радостью сообщил своему шефу, что «найденный россиянин потек», и «потек» основательно — в знак согласия со своей новой ипостасью.

— Сэр, советский полковник теперь в наших руках — он инициативно выдал важную секретную информацию. Вся она по сотрудникам двух советских резидентур... Я имею в виду — политической и военной разведок, что свидетельствует о серьезности и честности намерений поработать на Америку. В придачу к основной информации, сэр, он перечислил всех шифровальщиков.

Билл с радостью докладывал — это ведь был его профессиональный успех, который мог быть высоко оценен руководством.

— Что значит в придачу к основной информации? — забурчал Гувер. — В контрразведке не бывает второстепенной. Закрепите вербовку обязательной подпиской о сотрудничестве с нами и не давайте россиянину опомниться. Главное свойство «сейчас» — яркость, «прошлое» и «будущее» всегда окутано туманом и мраком невозврата, с одной стороны, и непредсказуемости — с другой. Его сегодняшние ответы должны быть четко зафиксированы на магнитной ленте. Знайте, в однообразии — смерть! Проведите подряд несколько коротких, но глубоких встреч, набирая на фигуранта все больше и больше компрометирующих материалов за счет «слива» им конфиденциальной информации.

— Да, ясно, сэр!

— Его надо сейчас активнейшим образом «подоить», — устало шамкал бледными губами глава ФБР, однако глаза его азартно горели. — Это наш надежный крючок, с которого ему нельзя дать сорваться. Я встречал людей, которые так долго играли в прятки, что, наконец, дошли до безумия и начали навязывать другим свои мысли так же назойливо, как прежде тщательно скрывали их. Вы, надеюсь, меня поняли?

— Да, сэр! — вновь односложно и подобострастно ответил Браниган.

Докладывающий опять живо представил, как он, наверное, будет высоко оценен руководством ФБР за приобретенного ценного русского агента — источника большого достоинства. Ему рисовалась картина, как ему вручат ведомственную или даже

правительственную награду и он будет хвастаться ею в праздники, перед сослуживцами, друзьями и родственниками.

Мечты, мечты, где ваша сладость! Но шутить с мечтой опасно, разбитая мечта может глубоко ранить человека, а еще, гонясь за мечтой, можно прозевать жизнь или в порыве безумного воодушевления принести ее в жертву. Но Бранигама это не волновало, — живая синица в лице советского агента у него была в собственных руках, а не журавль в небе.

Американские специалисты из ФБР поверили советскому источнику, поэтому во исполнение указания шефа ФБР Гувера 23 и 24 ноября 1961 года состоялись еще две подряд конспиративные встречи Полякова с Джоном.

Американец продолжал тактику «ошкуривания идейного переребечника». Выудив новые данные, он вдруг заставил повторить сообщенную информацию на прежней встрече. Такие возвраты к ранее переданным материалам Поляковым американцам практиковались довольно часто даже с теми людьми, которым всецело доверяли...

«Ах, бестия, перепроверяет. Почти перекрестный допрос учинил. Думает, блефую ему, что ли? Он хочет поймать меня на каких-то нестыковках и противоречиях. Я понимаю, лжец должен обладать хорошей памятью, но я же не врала и ничего не напутал, так чего он прицепился?»

А что касается памяти, то я дам и ему фору, — размышлял с чувством некоторой обиды Поляков. — В таких вещах детскими играми не играют. Я знаю одну истину — фальшивое никогда не бывает прочным, — но я же выдаю то, чем твердо обладаю. Поэтому, наверное, стоит действовать в русле Остапа Бендера: побольше цинизма — людям это нравится. Неужели у них нет других сил, чтобы перепроверить мои данные?»

Третья встреча с россиянином по персональному указанию Гувера состоялась спустя десять дней после последней беседы с Джоном. Она запомнилась Полякову надолго, так как проходила в гостинице под интригующим названием «Отель Троцкий», которого он терпеть не мог. При слове «Троцкий» в нем закипала

кровь. Но этого фэбээровцы не знали. Конспиративная квартира принадлежала ФБР и располагалась в одном из обычных, ничем не примечательных номеров, на втором этаже этого здания.

На этой встрече при участии шефа советского отдела ФБР Билла Бранигана всесторонне обсуждались мотивы сотрудничества Полякова, его гарантии, надежность и вопросы конспирации в работе. В конце беседы произошло практическое закрепление вербовки.

По требованию американцев Поляков надиктовал на магнитофон текст с известными ему сотрудниками советской военной разведки, работающими в Нью-Йорке. Затем дал подписку о согласии на сотрудничество с ФБР, и после такого рода перепроверок он сделался агентом американской контрразведки под кличкой — «Топ-Хэт».

Билл Браниган вспоминал, что Поляков на этой встрече откровенно высказал недовольство уровнем своей заработной платы. Он считал несправедливым, что его денежное содержание частично забирается государством. Из получаемых десяти тысяч долларов в год девять тысяч он обязан был возвращать в кассу советского представительства. Режим Советского государства в период правления Хрущева он называл психиатрическим термином — состоянием политической шизофрении.

Американец в последующем в одном из интервью утверждал, что, по его наблюдениям, Поляков стал работать с ними в первую очередь из материальных соображений. Идеологических обоснований перехода на американскую сторону он от него никогда не слышал, во всяком случае в первые месяцы работы на ФБР. Хотя в последующем он смело высказывался по политическим проблемам с креном в сторону критики советской власти и его руководителя. Поляков называл власть бюрократической машиной. В ней каждый отдельный чиновник думает не о высокой политике, а о своем месте в этой системе.

Думается, есть основания ему верить.

Будучи охотником-любителем со стажем, он настолько увлекся этим видом досуга, что стал писать очерки и статьи в жур-

нал «Охота и охотничье хозяйство». Одно время Поляков даже входил в состав редакции журнала. Поэтому он являлся, по мнению того же самого Бранигана, большим ценителем ружей и несколько раз просил сотрудников ФБР, работавших с ним, подарить ему два дорогих с инкрустированными прикладами и хромированными стволами дробовика, которые он присмотрел в магазинах и собирался увезти в Москву.

Американцам долго и упорно приходилось переубеждать агента. Они предупреждали, что появление у него в багаже такого дорогого оружия может вызвать подозрение у пограничников, таможенников или знакомых, и, самое главное, он просто не сможет объяснить их приобретение. Ведь даже десяти его зарплат не хватит, чтобы купить эти две дорогие гладкостволки.

И все же Поляков настоял на своем, и янки из ФБР, в конце концов, вынуждены были поддаться его уговорам-требованиям и купить ему, теперь уже их агенту, это дорогое охотничье оружие чуть ли не штучного производства.

Пользуясь дипломатическим иммунитетом, Поляков провез ружья в СССР, минуя таможенный контроль. Таким же способом он без боязни быть задержанным перемещал через государственную границу дорогостоящие ювелирные изделия для жены, подарки для нужных ему людей и шпионскую экипировку.

Глава 3

Под личиной «Топ-Хэта» в ФБР

Прежде чем говорить о работе Полякова на ФБР, необходимо хотя бы кратко остановиться на истории, структуре и задачах этого правоохранительного органа США.

Федеральное бюро расследований (ФБР) является подразделением министерства юстиции США и подчиняется непосредственно главе этого ведомства, который одновременно обладает статусом и генерального прокурора США.

Предшественником ФБР было созданное 26 июня 1908 года президентом Теодором Рузвельтом Бюро расследований (БР). Идею возникновения такого органа, вобравшего в себя элементы политического и уголовного сыска, подал тогдашний гене-

ральный прокурор — внук младшего брата Наполеона Бонапарта Жерома и старый знакомый президента Рузвельта. Он выступил с этим прожектом весной 1908 года на Конгрессе США.

А уже 1 июля того же года приказ генерального прокурора утвердил сам президент, еще до одобрения Конгрессом. В первые годы существования «специальные агенты» БР занимались в основном уголовными преступлениями, а также выявлением правонарушений в области экономики.

В годы Первой мировой войны руководство США возложило на Бюро расследований дополнительные задачи — оказывать помощь военным контрразведывательным структурам.

Начиная с 1918 года на сотрудников БР уже возлагается задача борьбы с диверсиями и шпионажем. Однако, не преуспев на поприще ловли немецких шпионов, Бюро расследований сосредоточило свои усилия на борьбе с инакомыслящими согражданами. В самом деле, вряд ли тогдашнее американское политическое руководство всерьез верило в возможность победы Германии над Россией в Первой мировой войне. А вот страх перед экспортом большевистской революции в Соединенные Штаты у руководителей этого контрразведывательного органа, несомненно, присутствовал. Идеи красных вождей о неизбежности пожара мировой революции распространялись по миру, тем более после надвигающегося краха мировой колониальной системы.

Напуганные «красным медведем» янки в срочном порядке 1 августа 1919 года для борьбы с политическим радикализмом в составе Бюро расследований создают специальное подразделение, получившее в следующем году название — Управление общих расследований. Возглавил его энергичный 24-летний Джон Эдгар Гувер.

В декабре 1924 года он уже становится директором контрразведывательного органа США. К августу 1933 года БР переименовывается в Управление расследований. И только с июля 1935 года чехарда «смены вывесок» была, наконец, приостановлена, и этот орган стал называться так, как называется до сих пор, — Федеральное бюро расследований.

Гувер стал его первым директором и находился на этой должности почти полвека — 48 лет, вплоть до 2 мая 1972 года.

С 1939 года ФБР официально становится головным контр-разведывательным органом США.

Директор ФБР назначается президентом США, после чего утверждается сенатом. У него есть 3 заместителя и 11 помощников. Штаб-квартира ФБР расположена в Вашингтоне. На территории США имеется также 56 отделов и около 400 отделений ФБР. По характеру решаемых задач управления ФБР делятся на три группы: группа подразделений расследования, группа вспомогательных подразделений и служба контроля, планирования и оценок.

Первые встречи завербованного агента фэбээровцами проходили на конспиративной квартире (КК) в районе Мэдисон-авеню в периоды обеденных перерывов для агента. Эти условия предложил американцам сам предатель с замашками даровитого бизнесмена.

Поляков понимал, что теперь он работает на трех нанимателей — на МИД, ГРУ и ФБР, а поэтому все эти три дойные коровы, по его разумению, должны были приносить «молоко» в виде денег, подарков и купленных лично вещей.

Но то, что оно, это молоко, было с кровью, потому что за продаваемыми секретами стояли человеческие судьбы, его теперь совершенно не интересовало. О проданных и преданных коллегам он не беспокоился, так как был безразличен к ним, считая этот материал за товар, который надо выгодно продать. Он становился менеджером хлопотного и опасного личного предприятия.

Первая встреча на конспиративной квартире Полякову глубоко врезалась в память, потому что сотрудник ФБР повел себя совсем не так, как это было на предыдущих явках. В тональности задаваемых им вопросов появилось больше «стали» и даже наглости, что, естественно, не понравилось советскому предателю в звании полковника. Американец снова начал с перепроверки и доуточнения некоторых деталей его прошлых сообщений. Такая неадекватность и недоверие покорежили его, он даже готов был взорваться после того, как фэбээровец заметил: «Сами пони-

маете, как говорят у вас, — душой измерь, умом проверь, тогда и верь!»

«Что он из себя корчит, этот пигмей, я могу и пожаловаться, — размышлял про себя Поляков. — Не доверяете, отпустите, я найду других хозяев. Я же просил познакомить меня с разведчиками, а выходит, работаю с людьми, не разбирающимися в работе ГРУ. Создается впечатление — они не могут отличить КГБ от ГРУ».

— Что, вы мне не доверяете? — взорвался Поляков.

— Откуда вы взяли?

— Из ваших дотошных одних и тех же вопросов, задаваемых уже третий раз подряд.

— Я вынужден это делать. Мы с вами готовимся играть по крупному и серьезно. Так и реагировать на наши вопросы попрошу ответственно.

Поляков сдался.

Предательство, как сам процесс, нравится тем, кто на нем делает политику, деньги, состояние, но в душе они ненавидят изменников, считая их способными продаваться любому в зависимости от обстановки и обстоятельств.

Предатели ненавистны всем, потому что, как правило, они шкурники по натуре и по понятию. Ничего святого за душой у них не бывает — бамбуковая пустота.

Полякову не раз приходилось терпеть и катать крутые желваки при неприятных, оскорбительных, как он считал, вопросах, задаваемых ему сотрудниками ФБР. И он сдерживался, потому что это качество обеспечивало получение им так понравившихся дополнительных к зарплате денег, подарков, приобретение желаемых инструментов. Он теперь за свой сданный товар купцу, а скорее ловцу, мог заказывать любой заморский понравившийся ему в магазине товар, который на очередной встрече доставлялся офене.

А еще он цепко держал в памяти слова, сказанные однажды слушателям преподавателем разведывательного факультета Академии имени Фрунзе в далекие послевоенные годы: «Запом-

ните, мои дорогие, эти слова, у разведчика терпение должно быть, как у рыбака. Терпение — это дитя силы, упрямство — плод слабости, а именно слабости ума. Терпение — опора слабости, нетерпение — гибель силы. Все придет к тому, кто умеет ждать».

Поляков, как опытный рыбак и охотник, умел ждать.

Он подавлял в себе реакцию на оскорбление глупостью и подлостью преступления и этим самым возвышал себя сам в своих глазах и заряжался энергией для продолжения дальнейшей работы с американцами.

Ему не терпелось, как и всякому торгашу, быстрее продать товар и поскорее получить деньги, чтобы за них купить понравившуюся вещь. В дальнейшем он стал осторожней относиться к деньгам и просил американцев приобретать самим ему дорогостоящие предметы, в том числе модные ювелирные украшения для жены в магазине «Тиффани» и других подобных торговых точках, где он выглядел то, что будет к лицу жене на представительских приемах.

Янки соглашались со всеми прихотями и условиями, выставляемыми советским полковником-«оборотнем». Поляков понимал, его персоной противник дорожит и на этом можно и нужно активно играть всем, вплоть до капризов. Таким образом, успех в черных делах, вместо того чтобы давать человеку свободу выбора, становился для Полякова в Америке, а потом вплоть до ареста, образом жизни.

Интересная деталь — в период сотрудничества Полякова с ФБР американцы в основном выпытывали у него информацию по структуре, задачам и деятельности советской миссии. Интересовала их и вероятная агентура, известная «кроту» или находящаяся у него на связи. Собака и в собачьей шкуре ищет блох. Янки его призывали к полному откровению, то есть искать блох и в близко лежащей служебной шкуре. Получалось, как в пословице: любви, огня и кашля от людей не спрячешь — лучше откройся.

Но он, как настоящий торговец, не спешил продавать дешево дорогой товар фэбээровцам. В меру осторожничал, согласуя свои поступки с выгодой. Сдавал, как правило, легковесную информацию, лежавшую почти на виду, но он умел заворачивать

ее так красиво, что покупатель был доволен. Другие материалы могли еще полежать в холодильнике оперативной памяти для разделки в дальнейшем. Он их предусмотрительно хранил для черного дня, когда может обнаружиться дефицит материала в силу отсутствия доступа к нему по разным причинам, а поэтому и не открывался полностью.

Однако упорство американцев нарастало с каждой встречей. Иуду стали прессинговать острыми вопросами, и он, наконец, сломался — начал сдавать работающую агентуру, доверенных лиц, кандидатов на вербовку, изучаемых и разрабатываемых, списки офицеров резидентур КГБ и ГРУ, обстановку на службе, тексты шифротелеграмм, указания Центра и прочее и прочее.

Первым в лапы американской контрразведки попал особо ценный агент ГРУ Д. Данлап, проходивший службу в должности штаб-сержанта Агентства национальной безопасности (АНБ). Есть разные версии этого провала, но наиболее вероятная сдача его агентом «Топ-Хэтом», хотя Поляков и пытался открещиваться от первого греха с кровью. Но материалы оперативной разработки, следствия и суда неопровержимо доказали его причастность к сдаче нашего ценного агента.

Почувствовав за собой плотную слежку, Данлап понял, что его предал кто-то, у кого он был на связи. Нигде он проколоться не мог, так как секреты, приобретаемые на службе, были связаны с многими сотрудниками АНБ, и выйти на него было можно только с персональной указки. Он, молодой и сильный, в расцвете лет мужчина, принял единственно правильное, как он считал в той обстановке, решение — покончить жизнь самоубийством, дабы не попасть в руки фэбээровцев. Он покончил счеты с жизнью в тот же день, когда обнаружил за собой скорее не «топальщиков», изучающих маршруты его движения, а группу захвата. В чем-в-чем, а в подобных тонкостях он хорошо разбирался.

Второй жертвой Полякова был тоже активный агент ГРУ — сотрудник министерства авиации Великобритании Ф. Боссард, информация которого докладывалась на самый верх и существенно влияла на некоторые аспекты использования наших ВВС в будущих театрах военных действий. Кроме того, от него были получены сведения о состоянии военно-воздушных сил Велико-

британии, в том числе с тактико-техническими характеристиками новейших самолетов и планировании отдельных операций на случай боевых действий.

За ними последовала сдача Нельсона Драммонда, служившего писарем в секретной части штаба ВМС США, а затем сержанта ВВС Герберта Бокенхаупта, работавшего с режимными материалами и секретной боевой техникой.

Чернокожий писарь военно-морского флота США Драммонд по кличке «Бульдог» был завербован сотрудником советской военной разведки еще в 1957 году в Лондоне. Он в течение пяти лет систематически снабжал Генштаб ВС СССР крайне важной информацией. По оценке американских специалистов, писарь нанес такой материальный ущерб, что США потребовалось затратить несколько сотен миллионов долларов, чтобы восстановить то необходимое состояние боеготовности частей и подразделений ВМС, которое было до этого и отвечало бы соответствующим требованиям командования. Это был неприметный объект для проявления к нему интереса со стороны американской контрразведки, что было по-умному использовано офицером-вербовщиком из ГРУ.

Специалист по связи, сержант военно-воздушных сил США Герберт Бокенхаупт инициативно установил связь с советскими представителями в Рабате в 1965 году и в течение года снабжал военную разведку СССР информацией о шифрах, кодах, криптографических системах Стратегического воздушного командования США. Очень высока цена этих материалов была для Генерального штаба ВС СССР. Так их оценивали многие специалисты-операторы, привлекаемые в качестве экспертов в ходе следственного и судебного разбирательства.

В 1966 году перспективный агент Герберт Бокенхаупт был тоже арестован по наводке Полякова и осужден при вердикте суда — на 30 лет тюрьмы...

За проданный товар офеня поначалу в запале хотел было сорвать приличный куш — взять большие деньги, но их в таком количестве, каком хотел получить предатель, не дали. На одной

из встреч фэбээровец по имени Джон заметил, что большие деньги — демаскирующий признак. Он рекомендовал расплатиться иначе. Поляков составит ему список тех вещей, которые заинтересовали советского офицера в магазинах, и ему этот товар они приобретут и доставят.

— Вполне согласен. Это действительно избавит меня от улик перед женой и сослуживцами. Деньги ведь жгут карманы, и их очень хочется быстрее потратить в надежде, что будут новые, — хитро осклабился Дмитрий Федорович.

— Все правильно. Деньги — зло, особенно в ваших условиях.

— Когда вам составить список?

— Хотя сейчас! — согласился Джон. — Не забудьте указать в нем что-либо приличное для супруги.

— Ладно...

На следующий день Поляков отправился по магазинам составлять реестр товаров, оплачиваемых из оперативной кассы ФБР.

«Пусть немного раскошелятся, они богатенькие, — рассуждал агент. — Моя информация дорогого стоит. Буду заказывать то, что мне понравится».

И вот к исходу своей прогулки по магазинам в его черном кожаном блокноте появился длинный список. В нем были электрические дрели и ручные пилы, лобзики и рубанки, приемники и ружья, спиннинги и мебельные гвозди, клипсы и перстни для жены... Он сначала даже испугался своего аппетита и запросов к новым хозяевам.

Но когда на следующей встрече он передал список Джону, тот прочитал, хмыкнул и, посмотрев прямо в глаза своему агенту, тихо промолвил:

— Господин Поляков, все, что здесь указано, будет нами приобретено, но вручать придется дозированно. Сразу всего вам не унести.

Оба засмеялись.

Со всех последующих встреч «крот» под именем «Топ-Хэт» нес в свою норку-квартиру малогабаритные, но очень дорогие подарки от ФБР — плату за свою предательскую деятельность. Такой режим оплаты иуды будет продолжаться все четверть века

его преступного ремесла. Конечно, когда он просил деньги, ему их давали, оговаривая вопросы их разумной траты.

Теперь, после сдачи четырех агентов, за которых хорошо заплатили американцы, Поляков решил поднять еще выше планку своей преданности ФБР и предательства ГРУ. Он передал фэбзэровцам информацию сразу на двух нелегалов нашей военной разведки — капитана Марию Доброву и Карла Туоми. На следствии и суде он полностью признался в содеянном. Автор этих строк, присутствовавший на заседаниях Военной коллегии Верховного суда СССР, зафиксировал реакцию «крота» при пояснении этого предательства. Поляков съезжился, вобрал голову в плечи, словно ожидая удара кнута. Еще бы — он рассказывал, как не погнушался предать женщину, которую знал по многим документам. Она работала очень продуктивно.

Вот как описал этих двух бойцов невидимого фронта специалист по истории советских специальных органов Д. Прохоров в своей книге «Сколько стоит продать Родину»:

«Доброва, воевавшая в Испании, бывшая переводчиком, вернувшись в Москву, стала работать в ГРУ и после соответствующей подготовки была направлена в США. В Америке она действовала под прикрытием хозяйки косметического салона, который посещали представители высокопоставленных военных, политических и деловых кругов. После того как Поляков выдал Доброву, сотрудники ФБР попытались перевербовать ее на свою сторону, но она предпочла предательству Родины смерть. Мария покончила жизнь самоубийством».

Несколько по-другому описал жизнь и деятельность этой мужественной советской разведчицы известный писатель, сотрудник внешней разведки, задания которой выполнял долгие годы за рубежом, Игорь Дамаскин в главе «Шаг в пустоту» своей книги «Разведчицы и шпионы-2».

...Все произошло стремительно, как в гангстерском боевике. Пока толпа сбегалась к телу упавшей с двенадцатого этажа отеля женщины, из его дверей стремительно выскочило несколько субъектов в штатском, растолкали любопытных и окружили тело. Как раз в это время с громким воем сирены подъехала полицейская машина. Один из штатских сунулся в окошко к сержанту

полицейские, показал какой-то документ, что-то сказал, и полицейские, не дожидаясь приезда кареты «Скорой помощи», положили тело на заднее сиденье. Взыла сирена, машина рванула с места. А за ней другая, стоявшая рядом, на запрещенном для парковки месте, в которую вскочили люди в штатском...

...Мария Дмитриевна Доброва родилась в 1907 году и с юности проявила необычные способности к языкам, легко овладела английским, французским и, получив музыкальное образование, стала выступать на профессиональной сцене. Ей, как талантливой певице, прочили блестящее будущее. Брак с любимым человеком, рождение сына — казалось, ее ждет безоблачная и счастливая жизнь. Но все рухнуло в течение нескольких месяцев: заболевает и умирает муж, а вслед за ним и ребенок. От горя она теряет голос.

Вскоре начинается война в Испании. Мария рвется туда и добывается своего: в 1937—1938 годах она в качестве добровольца участвует в войне. Вернувшись, учится и работает переводчиком.

Но с началом Отечественной войны идет работать простой санитаркой в один из ленинградских госпиталей. Иногда тихонько поет, а вернее, теперь уже рассказывает раненым любимые песни. Знакомый режиссер, услышав об этом, кладет ее историю в основу фильма «Актриса».

Окончилась война. Мария возвратилась к любимому делу — языкам и несколько лет проработала референтом-переводчиком в посольстве СССР в Колумбии.

Вернувшись в Ленинград, защитила диссертацию на степень кандидата филологических наук. Она была уже сорокачетырехлетней, когда ей предложили работать в военной разведке. В пользу этого говорили знание языков, опыт работы за рубежом, умение применяться к любой обстановке, коммуникабельность и, естественно, не квасной патриотизм. Мария сразу же дала согласие. После окончания специальных курсов она получила легенду, новое имя — Глен Марреро Подцески и псевдоним «Мэйси».

Вскоре американка Подцески, сменив несколько паспортов, через Вену добралась до Парижа. Там ей предстояло овладеть новой профессией. Она поступила в институт косметики Пьеторо

и успешно закончила его. Получив диплом, вернулась в Москву, где завершила подготовку к работе в Соединенных Штатах.

В начале 1954 года в Нью-Йорке появилась гражданка США Глен Марреро Подцески, вдова, собирающаяся открыть на небольшие сбережения, оставшиеся после смерти мужа, косметический кабинет.

В июле того же года состоялась встреча с ее новым руководителем, резидентом Френсисом.

— В ближайшие два-три года оперативными делами не занимайтесь, — говорил он. — Ваша основная задача — прочная легализация в Нью-Йорке. Следует по свидетельству о рождении получить настоящий американский заграничный паспорт и американский диплом косметолога, так как французский диплом здесь недействителен, хотя и может служить хорошей рекомендацией для обучения в США. Изучите юридические, финансовые и налоговые условия открытия собственного бизнеса. Центр обеспечит оплату учебы. Ведите обычный светский образ жизни женщины, сохранившей деньги после смерти мужа, — подробно инструктировал ее резидент. — Чаще бывайте в престижных салонах красоты, где заводите знакомства с женами солидных деловых людей и политических деятелей, особенно с теми, кто впоследствии может стать вашими клиентами и представить интерес для нас. Но своим поведением вы не должны вызывать ни малейшего подозрения.

«Мэйси» добросовестно и умело выполнила все указания. В ноябре 1956 года Мария Доброва — Глен Марреро Подцески получила американский диплом и лицензию на открытие косметического салона.

Вскоре в одной из нью-йоркских газет, в трех номерах подряд, появилось рекламное объявление об открытии нового салона. Троекратное повторение означало, что у нее все в порядке и она приступила к оперативной работе.

«Мэйси» сама оказалась талантливым косметологом и не покупилась на то, чтобы нанять двух-трех первоклассных специалистов. Салон, носивший название «Гленс Визитинг Бьюти Сервис», был оснащен дорогостоящим оборудованием и соответствовал самым современным стандартам. Место расположе-

ния, качество обслуживания, высокие цены и желательность рекомендаций для посетительниц сделали его посещение делом престижа и создали нечто вроде «женского клуба» для дам из нью-йоркского истеблишмента и артистической богемы.

Статную, женственную и всегда элегантную миссис Подцески они считали женщиной своего круга, достойной уважения и откровенности. Слушая разговоры клиенток, лично обслуживая какую-нибудь высокопоставленную леди или сидя с ней за чашечкой кофе, «Мэйси» получала интересную, иной раз очень важную разведывательную информацию.

В одном из документов, оценивающих работу «Мэйси», говорилось:

«Источниками были жены политических деятелей, военных, журналистов и бизнесменов. Информация, получаемая «Мэйси» в женских разговорах во время обслуживания клиентов, часто подтверждала, а иногда и утверждала данные, добываемые по другим каналам военной разведки...»

Важной оказалась информация «Мэйси» о подготовке США к первому официальному визиту Н.С. Хрущева в 1959 году. Речь шла, в частности, о пределах уступок, на которые может идти американская сторона в ходе переговоров. А также о тех требованиях, на которых американцы будут стоять до конца, невзирая на возможные конфликты.

Еще более ценной была информация, поступившая осенью 1962 года, в период кубинского кризиса, которая сыграла не последнюю роль в решении советского правительства убрать ракеты с Кубы.

Но еще до этого, в июне 1961 года, от «Мэйси» была получена информация, что ее салоном интересуется налоговая инспекция Нью-Йорка. Это был тревожный сигнал — ведь под видом налоговой инспекции вполне могло выступать ФБР. «Мэйси» просила разрешения срочно выехать на родину.

По указанию Центра Френсис проверил положение разведчицы и установил, что особых оснований для беспокойства нет: «Мэйси» действительно проверялась налоговой инспекцией за то, что по незнанию законов допустила ошибку в уплате налогов за 1960 год.

Разведчицу успокоили и дали указание продолжать работу.

Френсис, закончив срок командировки, вернулся домой. И вот тут-то и случилось непоправимое — «Мэйси» попала в подчинение другой резидентуры, которой руководил шпион и изменник Дмитрий Поляков. Над ней нависла угроза разоблачения и провала. Поляков сдал отважную женщину врагу.

Американская контрразведка буквально «обложила» «Мэйси». Вскоре был задержан и выдворен из страны полковник Маслов, ее оператор, которому при задержании янки показали фотографию его встречи с «Мэйси». После этого «Мэйси» получила приказ немедленно покинуть страну. Это было в 1963 году. Разведчица выполнила приказ незамедлительно, направившись из Нью-Йорка через Чикаго в Канаду.

Но о маршруте ее побега, к сожалению, знал предатель Поляков. В Канаде она так и не появилась. Поиски «Мэйси» продолжались почти четыре года — до 1967 года. Однако они были безуспешными. Преследуя двойную задачу: замаскировать деятельность Полякова и посмертно дезавуировать «Мэйси» как разведчицу и как человека, ФБР пошло на проведение нескольких дезинформационных ходов.

В 1975 году в одной из нью-йоркских газет появилась заметка о советской «шпионке-нелегале», работавшей в США в 50-х — начале 60-х годов. Сообщалось, что американской контрразведке удалось успешно осуществить перевербовку советской гражданки. Имени, естественно, не называли. Она якобы активно стала сотрудничать с ФБР и работала около двух лет, но, не выдержав душевного напряжения из-за двойной игры, покончила с собой.

В 1979 году вышли в свет мемуары Уильяма С. Селливана — бывшего заместителя директора ФБР. Вот что в них, в частности, говорилось:

«Мне памятно одно дело, связанное с агентом-женщиной, действовавшей в Нью-Йорке в начале 60-х годов. Ее прикрытием была работа косметологом. Сотрудники нью-йоркского отделения были убеждены в том, что она работает на русских, однако они не могли разоблачить ее, применяя традиционные методы. Нам удалось получить согласие Гувера, и я приказал сотрудни-

кам в Нью-Йорке похитить ее из квартиры, где она проживала, и привезти на конспиративную виллу, расположенную в пригородном районе.

Сначала она утверждала, что является американской гражданкой и располагает документами, подтверждающими это. Официально заявляла, что намерена обратиться с жалобой в полицию. Однако наши сотрудники не позволили ей покинуть виллу. Они находились при ней день и ночь: задавали вопросы, представляли ей доказательства ее виновности, вынуждали ее сделать признание.

Наконец она убедилась, что сотрудники ФБР действительно располагают против нее серьезными уликами, во всем призналась и рассказала правду.

Она была подполковником ГРУ — советской военной разведки — и дала согласие работать на нас в качестве агента-двойника. Мы разрешили ей вернуться домой, в Бруклин (Нью-Йорк).

В течение многих месяцев мы поддерживали с ней связь ежедневно. Однажды, когда один из наших агентов попытался связаться с ней по телефону, дома никого не оказалось. Ее не было и на работе. Тогда он позвонил мне.

«Единственное, что мы можем сделать, — сказал я, — это проникнуть в ее квартиру».

Я сразу же позвонил Гуверу, чтобы получить согласие на эту операцию. К моему удивлению, он немедленно согласился. Наши сотрудники проникли в квартиру, обнаружили ее там, но она была уже мертва. Она оставила записку для агентов, написанную в простой и вежливой форме, в которой благодарила их за корректное отношение к ней и объяснила, что у нее не было больше сил играть роль агента-двойника; что она занимала высокое положение среди женщин — сотрудниц советской разведки и гордилась этим.

Она знала, что в том случае, если она вернется в Россию, не выдержит допроса, подобного тому, которому мы ее подвергли, и расскажет о своем сотрудничестве с нами.

«У меня нет иного выбора, и я его делаю», — писала она в записке, и почерк ее слабел с каждым словом. Ее записка обор-

валась на полуслове, перо прочертило линию до конца листа бумаги, ручка лежала на полу.

Сотрудники ФБР обыскали ее квартиру и изъяли находившиеся там коды, фальшивые документы, в том числе паспорт, большую сумму в валюте, которая была передана нами министерству финансов.

Затем один из моих сотрудников позвонил в полицию, назвавшись жителем этого дома, который якобы не видел ее уже несколько дней и начал «испытывать беспокойство». Полиция обнаружила ее тело, и так как оно никогда не было востребовано, ее похоронили на кладбище «Поттерс-филд».

В этих сообщениях все ложь, от начала до конца, от факта ее вербовки и до погон подполковника на ее хрупких плечах. Руководством ГРУ ей было присвоено лишь звание капитан. Ложной являлась и трактовка обстоятельств ее смерти.

Только после разоблачения, ареста и признаний Полякова стала известна ее действительная судьба, о чем он давал показания на суде.

...Отъезд «Мэйси» оказался настолько поспешным, что ни о каком солидном легендировании его не могло быть и речи. Единственное, что она успела сделать, — предупредила свою помощницу по салону, что направляется на «длинный уик-энд» в Атлантик-сити. Разведчица намекнула ей, что у нее есть «друг», с которым она намерена провести несколько дней. Кроме того, она попросила, чтобы коллеги не волновались, даже если она немного задержится.

Затем она тщательно просмотрела все оставшиеся дома вещи — нет ли каких-нибудь улик, и сожгла все свои заметки, могущие даже косвенно свидетельствовать о ее принадлежности к советским спецслужбам.

Она вышла из дома, тщательно проверяясь. Все было спокойно. Машину оставила в гараже. На автобусе и метро добралась до вокзала, а оттуда на ночном экспрессе — до Чикаго. Она не знала, что там, на перроне, ее уже ждут сотрудники наружного наблюдения.

На такси поехала в отель «Мэйфлауер» в центре города.

Там, чтобы не «светиться», решила провести весь день в номере, а вечером снова на поезде выехать в Канаду.

В апартаменте отеля было душно: старая гостиница еще не была оборудована кондиционерами. Мария подняла фрамугу окна и выглянула вниз. С высоты двенадцатого этажа людишки казались ничтожными, а машины игрушечными. Внизу кипела жизнь.

Обед она заказала в номер. Его приготовили почему-то подозрительно быстро, так как буквально через несколько минут послышались шаги официанта. Этот момент несколько обеспокоил нашу разведчицу. Затем в дверь громко постучали:

— Вам обед, миссис!

Но из коридора она услышала еще какие-то приглушенные голоса людей, явно стоявших недалеко от двери. На цыпочках она подошла поближе к двери и отчетливо услышала перешептывание.

— Подождите... подождите, я еще не готова, — спокойно ответила Мария, а сама поняла: «Все. Это конец».

О чем думала она в эти последние секунды своей жизни? Наверное, о детстве, семье, ушедших в мир иной муже и сыне, малой родине, друзьях, а может, о чем-то другом. На этот вопрос теперь никто не сможет ответить.

— Откройте немедленно, это ФБР, — раздался зычный мужской голос. — Будем ломать дверь! Быстро открывайте!

Почему они так спешили? Трудно сказать. Может быть, опасались, что она за этот короткий промежуток времени уничтожит какие-то доказательства своей преступной деятельности, которые, как считали фэбээровцы, находились при ней? Или эти провинциальные шерлоки холмсы торопились скорее выполнить приказ своего высокого руководства?

— Немедленно откройте! — уже не орал, а визжал один и тот же человек. Затем тяжелое тело бухнуло в дверь — раз, два, три... Она затрещала и, казалось, несколько подалась...

Мария лихорадочно оглянулась по сторонам. В последний раз обвела взглядом комнату и разбросанные вещи. Окно! Вот оно, решение! Одним прыжком подскочила к нему, быстро влезла на подоконник и, согнувшись, выбралась из-под фрамуги на-

ружу. Встав на металлический козырек отлива, она посмотрела в последний раз на дома, улицу со сновавшими внизу машинами и тротуар с людьми. Ее тело удерживала только правая рука, крепко ухватившаяся за кромку оконной рамы.

И в тот момент, когда дверь, поддавшись очередному мощному удару извне, рухнула, и вслед за ней ворвались люди, Мария, прижав обеими красивыми руками недавно купленную модную юбку к ногам, смело сделала шаг в пустоту...

Это была очередная жертва ненасытного корыстолюбца и предателя Полякова.

Туоми был сыном приехавших в 1933 году в Советский Союз американцев. Это было время фактического признания Соединенными Штатами Советского Союза. Налаживались дипломатические, экономические, в меньшей степени политические отношения. В Германии пришли к власти нацисты, активно готовившиеся к завоеванию европейских стран, в том числе и Советской России. Войну Туоми застал в СССР...

После войны он привлекается Министерством государственной безопасности СССР к сотрудничеству как осведомитель. Сначала иностранец использовался в качестве доверенного лица, а потом, после соответствующей проверки на конкретных поручениях, был завербован в агентурный аппарат органов госбезопасности. С учетом благоприятно складывающейся оперативной обстановки в 1957 году руководство одного из оперативных отделов органов КГБ передало его в ГРУ для использования в качестве нелегала за рубежом. После соответствующей подготовки в новом ведомстве он как бизнесмен из Чикаго в 1958 году с документами на имя Роберта Уайта через Канаду благополучно выехал в США.

В Соединенных Штатах он успешно легализовался и стал активно работать. От него начали поступать материалы, представляющие серьезный оперативный интерес для военной разведки. Центр чувствовал, что агент честен, вышел на интересный информационный пласт...

Но, к сожалению, в 1962 году по наводке Полякова наш

агент был внезапно арестован ФБР, а затем успешно перевербован.

Став двойным агентом, Туоми продолжал поддерживать связь с Центром Главного разведывательного управления Генштаба СССР, но, когда в 1963 году его вызвали в Москву, он категорически отказался возвращаться в Советский Союз.

Военным разведчикам стало ясно, почему он ответил отказом на предложение прибыть в столицу...

Поляков продолжал жировать на крови своих коллег. Основной секретного товара у него были люди. Он был безразличен и равнодушен к их судьбам. Главное для него теперь было носить на явочные и конспиративные квартиры ФБР нужные порции собранной информации и новые списки понравившихся вещей. На одной из встреч фэбээровец припер Полякову электролобзик фирмы «Блэк энд Деккер», значившийся последним в предыдущем списке желаемых товаров. Потом таким же образом он получил электрический рубанок, дрель, новое ружье и очередной спиннинг с инерционной катушкой — бобины отходили в прошлое.

На одной из встреч Джон, получив от «Топ-Хэта» слабенький, почти газетного свойства материал, набычился и заметил:

— Господин Поляков, мы так не договаривались. То, что вы принесли, это я могу прочитать и в наших газетах. Нам нужна информация глубокого залегания. Мы же вам достойно платим.

— Не каждый раз попадают материалы экстра-класса, — с обидой проговорил советский офицер. — Вам кажется, что я должен постоянно купаться в разведывательной информации. Нет, Джон, такого в жизни разведчиков не бывает. Понятно — вы же контрразведчик. Вам только давай, давай...

— Не обижайтесь, Дмитрий Федорович, — впервые Джон обратился к нему таким образом. — Не приносите больше подобной туфты, вы способны на большее и это уже доказали своим профессиональным трудом.

«Туфта, туфта... Если бы ты знал, как добывается уголек, то так бы не говорил со мной, — взорвался в глубине души полков-

ник. — О, эти пылесосы... вам лишь бы качать данные разведки, превращая затем их в пыль».

После этого разговора Поляков старался дозировать информацию. Получая два или три солидных материала, он их разбивал на части и только одну нес на встречу. Одна или две были в запасе для следующего свидания.

Более ощутимый удар по деятельности ГРУ нанес Поляков, когда предал одного из самых перспективных агентов. Он находился близко к руководству вооруженных сил США. Имя его — подполковник Уильям Х. Уален (по другим данным — Вален. — *Прим. авт.*). Американец занимал достаточно высокую должность — советника по вопросам разведки в аппарате советников Объединенного комитета начальников штабов, и в течение нескольких лет — с 1959 по 1961 год — он снабжал Москву совершенно секретной информацией.

За этот период агент передал представителям советской военной разведки несколько солидных документов. В частности, данные о состоянии хранения ядерного оружия в арсеналах США и планы его применения в случае возникновения войны или даже локальных конфликтов для устрашения.

Он сообщил сведения по реальным перемещениям войск, военно-стратегическим планам и оценкам вероятных театров военных действий, по возможностям спутниковых систем, а также о системах управления и связи американской армии.

Его информация докладывалась на самые высокие уровни советского военного и политического руководства. О ценности информации этого негласного источника ГРУ говорит тот факт, что материалы Уадена направлялись напрямую в Генеральный штаб ВС СССР и лично Первому секретарю ЦК КПСС Н.С. Хрущеву. Не этими ли материалами хвастался Хрущев во время визита в США?

Но для ответа на этот вопрос необходимо другое, более детальное исследование специалистами архивов, как ГРУ, так и ФСБ.

Его данные учитывались Кремлем при принятии важнейших

внешнеполитических решений, включая решение о прекращении блокады Западного Берлина в 1961 году. Надо заметить, что Берлинский кризис 1961 года был одним из наиболее напряженных моментов «холодной войны». После того как СССР фактически согласился с передачей своей части Берлина ГДР, западный сектор в нарушение Потсдамских соглашений 1945 года по-прежнему оставался под властью оккупационных войск Великобритании, США и Франции. С точки зрения руководства Советского Союза, эта ситуация ставила под сомнение государственный суверенитет ГДР и тормозила вхождение Восточной Германии в международное правовое поле. В связи с этим СССР потребовал окончания четырехдержавного управления Западного Берлина и превращения его в демилитаризированный свободный город. Однако бывшие союзники не согласились с идеей Москвы. Уровень жизни в Западном Берлине не шел ни в какое сравнение с социалистической частью города. Эмиграция из Восточного Берлина усиливалась. Власти ГДР не могли конкурировать с искусственно созданным процветающим оазисом. В ответ на это восточногерманские власти сначала создали из мобилизованных рядовых членов партии живое оцепление вдоль границы, а потом соорудили бетонную стену и поставили ряд контрольно-пропускных пунктов (КПП).

Советская военная разведка получила данные, что на 28 октября 1961 года американцы запланировали акцию по сносу пограничных заграждений, разделивших Берлин. В день «X» к КПП у Бранденбургских ворот со стороны американцев двинулась колонна дорожной и военной техники: три джипа, бульдозеры и десять танков. С советской стороны к ограждению подошли два батальона мотострелков и до полка танков. Кроме этого, западноберлинский аэродром Темпельхоф был полностью блокирован советскими истребителями. Советские и американские танки всю ночь простояли с наведенными друг на друга орудиями, а наутро бронетехнику развели. Запад признал де-факто границы ГДР.

Именно Уален впервые получил сведения о том, что президент Кеннеди для прорыва блокады готов пустить в ход танковые части. Упреждающая информация агента тут же была доло-

жена военному и политическому руководству страны, в связи с чем советской стороной были срочно приняты соответствующие меры по локализации мероприятий командования США.

И вот в 1966 году Уален был арестован и осужден. Он стал самым высокопоставленным американским офицером, которого когда-либо осудили за шпионаж в пользу Советского Союза. Это тоже дело рук «оборотня» или «крота» в погонах военного разведчика.

Глава 4

На службе ЦРУ под псевдонимом «Бурбон»

Прежде чем говорить о дальнейшем сотрудничестве Полякова теперь уже с Центральным разведывательным управлением (ЦРУ) США, хочется остановить внимание читателя на этом органе.

В отличие от руководителей других американских спецслужб директор ЦРУ непосредственно подчиняется президенту США. Этим подчеркнута важность такой должности в системе государственного устройства.

По своему положению он одновременно является и директором центральной разведки, то есть возглавляет Разведывательное сообщество США, и занимается координацией разведывательной деятельности входящих в него специальных служб.

Предшественницей ЦРУ была созданная в январе 1946 года Центральная разведывательная группа, состоявшая в основном из кадровых военных специалистов. Не случайно военными были и два первых директора ЦРУ: с 1947 по 1950 год — контр-адмирал Роско Г. Хилленкотер и с 1950 по 1953 год — генерал-лейтенант Уолтер Бедел Смит.

Идея же появления ЦРУ была выдвинута в 1943 году генерал-майором Уильямом Дж. Донованом. Он в то время руководил Управлением стратегических служб. Стремясь спасти свою организацию от послевоенного расформирования, генерал предложил создать после окончания Второй мировой войны общенациональную разведывательную организацию, ориентированную на работу в мирное время. Однако руководство США того времени идею «американского гестапо» не поддержало.

Но уже 22 января 1946 года президент Трумэн подписывает директиву о создании Штаба национальной разведки. Исполнительным органом при Штабе являлась созданная Группа центральной разведки (ГЦР). Главой ГЦР был назначен заместитель директора морской разведки контр-адмирал Мидней У. Суэрс.

ЦРУ в том виде, в каком оно практически существует и по сей день, было создано в соответствии с законом о национальной безопасности, подписанным Трумэном 26 июля 1947 года. Формально ЦРУ начало существовать с 18 сентября 1947 года.

Поправкой 1949 года к закону о национальной безопасности ЦРУ были предоставлены дополнительные права: держать в секрете официальные должности и размер зарплаты, бюджет, вести самостоятельную финансовую деятельность, выдавать вид на жительство иностранцам и членам их семей — как правило, переезжикам и иностранным агентам.

Штаб-квартира ЦРУ находится в расположенном недалеко от Вашингтона небольшом городке Лэнгли, штат Виргиния.

На мраморной стене в главном вестибюле штаб-квартиры ЦРУ выгравированы слова из Евангелия: «...И познаете истину, и истина сделает вас свободными».

Те, кто призван следовать заветам Евангелия, в основном джентльмены английской школы, выпускники привилегированных учебных заведений, предпочитавшие костюмы из твида и голландский табак и становившиеся профессиональными разведчиками. По крайней мере, такими они были при создании ЦРУ, пока их не размыла волна новобранцев, взятых из глубинки Америки.

К лицемерию английских правящих классов американская элита добавила свой собственный стиль: непревзойденную бесцеремонность во всем, что касается отношений с другими странами, навязывание своего образа жизни всем, не спрашивая их согласия.

«Евангельское благочестие» разведчиков ЦРУ в наши дни возвращено наизнанку. Как говорится, сняты маски и смыты румяна.

Пройдет некоторое время, и на пике «холодной войны» Соединенных Штатов и Советского Союза президент США Рональд Рейган — автор, мягко говоря, недипломатического оборота в адрес СССР — назовет нашу страну «империей зла». А своих

солдат «плаща и кинжала», сотрудников ЦРУ, неожиданно наре-
чет «героями мрачной борьбы в сумерках».

Не правда ли, образно!

Основу ЦРУ составляют четыре директората: разведыватель-
ный, научно-технический, оперативный и административный.

В 1991 году «холодная война» закончилась победой США. Со-
ветский Союз был уничтожен. Хотя многие пишущие сейчас счи-
тают, что львиная доля заслуг в этом принадлежит американским
спецслужбам, и в первую очередь — ЦРУ, но есть и другое мне-
ние. Для уничтожения великой страны, с которой не справился
Гитлер, к великому сожалению, приложили руку некоторые руко-
водители Советского государства из числа партийной элиты.

Это они предательски опоили народ дурманом рыночного
либерализма. Потом вывернули у опьяневшего от ожидаемой
свободы простого народа-труженика карманы, скупили задарма,
а в отдельных случаях прямо без стыда, бандитски отобрали у
него средства производства: заводы, фабрики, шахты, рудники и
прочее — а затем убили Великую Отчизну, расчленив ее на кро-
воточащие до сих пор куски.

Со временем великий философ современности, не разде-
лявший некоторых коммунистических идей и покинувший пре-
делы СССР, предаваемого верхушкой, Александр Зиновьев скажет:

«То, что стало происходить в России начиная с 1985 года,
есть растянувшаяся во времени гибель России как целостного
социального организма и гибель русского народа...»

А о времени после августовских событий 1991 года напишет:

«Это самая большая потеря русского народа за всю его исто-
рию. Потеря трагическая, катастрофическая. Произошла переоцен-
ка ценностей. Появились многочисленные профессии, для овладе-
ния которыми не нужно никаких особых способностей и никакого
особого образования, а оплачиваются они намного лучше, чем учи-
теля, профессора, медицинские и научные работники...»

По этим «прорабам реформ без реформ» явно тоскует осн-
овный кол истории и, конечно, Божий Суд. За обман, за кровь, за
предательство человек со временем отвечает перед собой, Бо-
гом и Историей.

Еще недавно эти узурпаторы власти убаюкивали обществен-

ность, говоря, что теперь у России нет врага. Но недавний газетно-электронный рык из Вашингтона о том, что теперешняя Россия настолько слаба, что можно по ней безответно бабахнуть ядерными фугасами и наконец-то, именно таким образом, покончить с дикими народами, занимающими шестую часть суши Земли, не говорит ли о многом?

И вот уже в правительстве нового президента США демократа Обамы раздаются голоса, что у Америки сегодня два основных врага — «Кризис» и «Россия».

Однако, как бы иногда мило ни обнимались президенты бывших советских республик с президентами США, как бы Запад ни умачал слух россиян, до тех пор, пока существует Россия, и до тех пор, пока у России есть боеготовая армия и ядерный потенциал, мы имеем право на жизнь. Это последняя наша траншея в обороне. О наступлении пока нечего и говорить — мы слабы, как никогда раньше.

Именно наша страна и сегодня остается для ЦРУ и других спецслужб США противником номер один. Кроме всего прочего, заокеанских партнеров волнует российская кладовая углеводородного сырья, щедро подаренного природой стране, которую она обидела только на комфортный климат...

Но вернемся к событиям вокруг нашего «героя». В 1962 году полковник Поляков был отозван в Москву и назначен на новую должность в центральном аппарате ГРУ Генштаба. Шпион, если он не дурак, а среди них таковых, как правило, не было, должен быть «серой мышкой». Быть как все офицеры, не выделяться из толпы, не только не вести антисоветских разговоров, но и не поддерживать их, быть дисциплинированным и исполнительным, аккуратным и безупречным в поведении, казать начальству мокрую спину трудяги на службе.

Штаб-квартира ЦРУ.

В кабинете его директора Джона А. Маккоуна раздался неожиданный звонок от «деда из ФБР» — Джона Эдгара Гувера, который нечасто жаловал руководителей ЦРУ откровениями по службе и инициативными звонками.

Этот телефонный звонок был настолько важным, что главному американскому служивому «плаща и кинжала» пришлось лично встретиться со звонившим. Он отправился к нему на аудиенцию. В конфиденциальной беседе было принято судьбоносное решение по Полякову, у которого появились новые хозяева из Центрального разведывательного управления.

ФБР передавало своего агента на связь американским разведчиком. Тому, кто все покупает, приходилось все продать. Имя этому всему было — «Топ-Хэт».

Однако прокрутим пленку времени назад. Последняя конспиративная встреча предателя в Нью-Йорке имела свои особенности. Дело в том, что фэбээровцы понимали, — Поляков вряд ли в третий раз приедет в США, а поэтому поставили в известность шефа ЦРУ. И тут руководители ЦРУ подсуетились, попросив как можно скорее передать агента «Топ-Хэта» для дальнейшей работы на связь их сотрудникам. Вот почему на этой прощальной встрече присутствовали два оперативника — один от ФБР, другой от ЦРУ. Агент ФБР «Топ-Хэт» с этого часа становился агентом ЦРУ с псевдонимом «Бурбон».

Представитель ФБР поблагодарил Полякова за проделанную полезную работу, пожелал удачи и крепкого здоровья в дальнейшем.

Сотрудник ЦРУ подробно проинструктировал своего нового агента по вопросам, что и как он должен делать при нахождении в Советском Союзе. Тут же от двух ведомств оборотню вручили коробку с разными сувенирами и подарками «для семьи и друзей».

Ювелирные изделия из золота и серебра, инкрустированные драгоценными камнями, предназначались супруге агента, которая понимала толк в этих вещах. Она болезненно любила украшения. И муж ей никогда не отказывал в дорогих подарках. О, если бы она знала, сколько внутри этих драгоценных камней, золота, платины и серебра невинной человеческой крови! Не по-

тому ли все, что преступным образом пришло в квартиру, было также, только теперь по закону, конфисковано.

Цээррушники предложили сразу же по приезде в Москву «сувениры его роста» отдать тем начальникам в ГРУ, от которых будет зависеть его служебная карьера. Настоятельно рекомендовали принять все меры, чтобы попасть на выборную партийно-политическую должность, стать активным пропагандистом марксистско-ленинской идеологии и желательно осесть в подразделении стратегической агентурной разведки с целью повышения гарантий будущих выездов за границу и получения «живой» информации...

Итак, американский агент «Бурбон» заработал в одном из главных управлений Генштаба ВС СССР — в центральном аппарате Главного разведывательного управления. Он ни в коей мере не считал себя простаком — знал себе цену.

«На такое дело, на какое я решился, — рассуждал Дмитрий Федорович, — способны исключительно сильные натуры. У меня все есть для того, чтобы я спокойно выдержал бой с химерой — совестью».

Блиzkих друзей он растерял с годами «верной» службы Отчизне. Корпоративное единство считал химерой. С начальством не ссорился — его «уважал». Слыл требовательным и преданным делу партии и правительства работником. Хорошо усвоил труды классиков марксизма-ленинизма. Он был бы таким передовиком, маяком, ударником сталинской поры. Но на дворе было другое время, окрашенное новыми вождями.

Как уже говорилось выше, новоиспеченного руководителя Компартии, а значит, и главу всего Советского Союза, он оценивал, мягко говоря, неоднозначно. В семейном кругу и даже среди коллег по службе он слышал много такого, что сопрягалось с недалекновидностью нового вождя, его неспособностью навести в стране порядок. Голая критика Сталина не приносила успеха, она скорее была по экономическим и политическим основам страны. Бездумно-варварское сокращение Советской Армии и ссора с недавним союзником Китаем не могли утихомирить возмущение офицерского состава.

Провал сразу четырех агентов ГРУ в Соединенных Штатах не на шутку встревожил руководство военной разведки, а потом, некоторое время спустя, и военных контрразведчиков, обеспечивающих безопасность ГРУ на каналах вероятного проникновения вражеской агентуры в его подразделения.

Военными чекистами 60-х были пересмотрены и изучены сотни личных дел офицеров, вольнонаемных, членов их семей, десятки раз перепроверялась каждая новая информация по утечке данных на раскрытую агентуру ГРУ. Они активно включились в поиск «крота», явно действующего в ГРУ. Работали энергично и всеохватно. Думается, что плоды глубокой аналитической работы оперативных работников тех лет позволили новому поколению военных контрразведчиков вплотную приблизиться к шпиону и обезвредить опаснейшего «оборотня» в генеральских погонах. Это случится потом, а пока горячее желание, подкрепляемое энтузиазмом и огромной работоспособностью оперативного состава второго отделения 1-го отдела военной контрразведки, отыскать если и не самого шпиона, то хотя бы тонкую ниточку — не сбывалось. Это были трудные будни медленного продвижения при проверке выдвинутых версий, а порой и прямых поражений, с которыми читатель познакомится ниже.

К великому сожалению, по непонятным причинам Поляков сразу же по возвращении из США в список подозреваемых не попал, так как чекисты занимались другими, более колоритными «кандидатами в шпионы».

Он продолжал жить и служить под личиной двуликого Януса, жая своим предательством работоспособное боевое подразделение, в котором проходил службу.

«Бурбон» тем временем начал реализовывать свой коварный план — найти нишу «в десятке мишенной системы», где можно было пожить секретами. Его готовили за рубежом для «большой и перспективной работы».

И в то же время, работая в Москве, никак не проходило у него тревожное чувство ожидания чего-то рокового. Но постепенно он успокаивался, привыкая к условиям службы в столице.

Данный ранее обет себе и американцам не работать в Москве был предан забвению — теперь замаячили хотя и «деревян-

ные» рубли, но на них надо было жить. Агент осмелел под воздействием заверений цэзрушников, что советская контрразведка его никогда не достанет в силу серьезного опыта. Кроме того, Полякова успокаивали слова радетелей его благополучия, что ему одному из первых агентов в Союзе вручена самая передовая шпионская техника, которой еще никто не пользовался. Степень высочайшей надежности гарантировало само ЦРУ.

Займеть такого агента в стране противника — для любой разведки огромный успех. Тем более в годы, когда авторитет нашей страны еще сверкал в лучах недавней победы над фашистской Германией, когда европейские столицы устраивали всякого рода почести своим освободителям и устанавливали обелиски в память павших и приемы в честь живых победителей. Многие восточноевропейские страны были под коммунистическим влиянием и вместе с СССР пытались наладить строительство социализма.

Это было время, когда высокий патриотизм кадров существенно ограничивал возможности вербовочной работы ЦРУ среди офицерского корпуса и когда органы военной контрразведки, хотя и были подточены очередным шельмованием хрущевского образца, работали достаточно продуктивно, используя еще не забытый опыт противодействия гитлеровской разведке.

Глава 5

Рекомендации Спецслужбы США

На последней встрече, детально инструктируя Полякова, сотрудник ЦРУ заметил, что по приезду в Москву он просто обязан «отдышаться» и в течение 30—40 дней не проявлять никакой инициативы. Так и заявил по-русски — «отсебятины».

Он не должен предпринимать инициативных мер с целью связаться с американскими разведчиками, действующими с легальных позиций в советской столице. Они, в свою очередь, тоже будут действовать в режиме временного молчания и не будут его тревожить.

— Вам надо поскорее адаптироваться. Найти себе удобный служебный уголок, чтобы от него уже плясать, — поучал цэ-

эрушник. — Дмитрий Федорович, вы для нас в одинаковой степени нужны как в центральной конторе ГРУ, так и за рубежом. А для того, чтобы у вас была возможность периодически выезжать в загранкомандировки, мы поможем поднятием вашего имиджа за счет «реальных результатов» в ходе работы за рубежом. Я думаю, вы станете, как это у вас говорится, маяком в своем деле. Если хочешь победить неприятеля, победи себя. Вы неприятеля побеждаете. Начальство таких деловых и результативных людей охотно выдвигает. Да поможет вам бог — трудолюбивых людей он любит, оберегает и уважает. Думайте всегда, как победить себя в трудной, запутанной и даже иногда чреватой опасностями обстановке.

Стройте отношения с сослуживцами, особенно с руководством, по принципам труда доктора Карнеги «Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей». Эту книгу я вам сегодня презентую в русском переводе. Больше хвалите тех, кто хоть на процент заслуживает эту похвальбу. Так уж устроен человек, что даже наглое лицемерие внушает уважение людям, привыкшим прислуживать. А человечество все время в процессе прислуживания — богу, сатане, начальству, родителям. Лицемерие — модный порок, а все модные проявления сходят за добродетели...

На последней встрече уже не было представителя ФБР. Поляков слушал цээршника сначала внимательно, а потом ему надоел нравоучительный лепет янки моложе его лет на десять.

Американец конспективно перечислил основные методы жизни по Карнеги, особенно при обращении с людьми. Упомянул о шести правилах, соблюдение которых позволяет понравиться людям.

Затем он в назидательном тоне что-то говорил о двенадцати правилах по склонению собеседников на свою сторону и девяти моментах, соблюдение которых будет способствовать воздействовать на людей, не оскорбляя их и не вызывая у них чувства обиды. Упомянул высказывание Дейла Карнеги: «Вы приобретете больше друзей за два месяца, интересуясь другими людьми, чем приобрели бы их за два года, стараясь заинтересовать других людей собой».

Он продолжал блистать афористическими перлами, однако

Поляков его уже слушал одним ухом — скорее ловил правым и тут же отправлял гулять мысли иностранца через левое. А порой и вовсе не слышал менторских слов занудного инструктажа. Мысли его были заняты совершенно другим, он думал, как ему удастся и удастся ли вообще построить работу в Москве, где так сильна контрразведывательная служба Комитета государственной безопасности. Тень растерянности легла на его усталое лицо, на отвислые мешки вокруг опухших от бессонницы глаз. Он не мог отбиться, как от назойливой осенней мухи, от охватывающего ощущения надвигающейся беды.

Предатель боялся слежки цепкого наружного наблюдения — легендарного 7-го управления КГБ, заслуги которого в разоблачении вражеской агентуры в последнее время были свежи в его памяти и неоспоримы.

А еще он понимал, что московская «наружка» плотно опекает иностранцев, в первую очередь американских разведчиков, работающих в советской столице с легальных позиций — резидентуры посольства США.

Он очнулся только после того, как американец — новый хозяин советского разведчика открыл кейс и стал доставать оттуда шпионскую экипировку.

— Это шифры, а тут коды, — пояснял янки. — Как с ними работать, мы уже говорили с вами...

Агент спокойно воспринимал демонстрацию «шпионских игрушек». Особое внимание обращалось на элементы операций по связи при выемке разведчиками закладок из «поляковских» тайников через американскую газету «Нью-Йорк таймс» в разделе, где печатались объявления.

Определенные текстовые штампы Поляков получил от американцев, изучил их и знал, как ими пользоваться и что они обозначают.

После доводки своему агенту операции по связи через газету, цэзрушник вытащил небольшую коробочку, в которой лежали электронные настольные часы с зеленой «неонкой» — своеобразным индикатором, сигнализирующим об успешно прове-

денных тайниковых выемках. В утробу механизма ничем не примечательного хронометра было вмонтировано устройство, позволяющее принимать сигналы из посольства о проведенных тайниковых и других операциях по связи. Рядом лежал прибор, несколько поменьше часов, размером с зажигалку. Он предназначался для накопления собранных материалов и мгновенного «информационного выстрела» по зданию посольства США в Москве. Оператор в резидентуре принимал сигнал, расшифровывал и в готовом виде передавал на просмотр резиденту или его заместителю. Предполагалось этим прибором «стрелять» собранной текстовой информацией и принимать указания и инструкции от новых хозяев.

На столе появились два миниатюрных фотоаппарата, стопка с «письмами-прикрытиями», средства тайнописи...

По всем техническим средствам, используемым агентом, ему был дан подробный инструктаж.

— Это все я должен взять с собой? — удивился Поляков.

— Конечно. Не вручать же вам этот дорогой и опасный арсенал где-нибудь на Красной площади, — неудачно пошутил американец.

— Понятно...

— Вы же едете по дипломатическому паспорту, никто вас трясти не будет.

— Обнадежили!!!

— Да, чуть не забыл о вашей просьбе — бронзовые гвозди я достал. — Он порылся в своем объемном портфеле и, сложив четыре прозрачные из пластика коробки мебельных и столярных гвоздей, отливающих золотистым оттенком, передал их агенту.

— Спасибо, спасибо... У нас же в дурацком российском климате железные гвозди быстро ржавеют, а эти долго будут сидеть в древесине. К тому же они сосновую «вагонку» явно украсят.

— А это подарок вашей супруге, — улыбнулся янки и выложил на стол дорогие ювелирные украшения: броши в виде золотой ящерицы, несколько пар клипсов, двух видов колье, инкрустированные драгоценными камнями, небольшой кулон на серебряной цепочке, колечки, перстеньки и другие мелкие украшения.

После того как все сувениры, подарки и шпионская экипировка перекочевали в сумку Полякова, американец разразился потоком нудных рекомендаций, в которых было так много наивностей и повторов, что с позиций советского военного разведчика в звании полковника эта забота о личной безопасности агента, мягко говоря, воспринималась неадекватно. Она ему даже надоела. Он и без своего гуру знал, как пользоваться «подарками», чтобы не навредить ни себе, ни цэзрушникам.

— Информацию не «солите», а деньгами не сорите, — успел только выговорить эти рифмованные слова.

Агент его тут же подправил:

— Держать информацию долго и непрактично, и опасно, а что касается — «сорить», у меня лишних денег нет, — а потом про себя подумал:

«Я тертый калач. Что ты мне разжевываешь, салажонок? Неужели я сам себе враг, чтобы сорить деньгами в Москве и тем самым привлекать чужое внимание? Так и до Лубянки можно пойти. Я должен строго и внимательно грести по выбранному курсу. Все легко дают советы, но не многие берут за них ответственность. Проблемы теперь висят на мне. Трудно рассчитывать на победу в моем деле, если позволишь себе расслабиться или поторопиться. Одно дело успевать, другое — спешить. Не надо бояться последнего дня, но и не призывать его».

— Ну, я вообще... вообще... вас предупреждаю... так, для профилактики, как у вас говорят — дабы не засветиться. Истинное мужество — осторожность. Большие способности без осторожности почти неизменно ведут к трагическому концу. Именно на неразумной трате денег попадались многие светлые головы в нашем деле, а с другой стороны, уничтожение — хуже гордыни.

«Ну и мастодонта, лишённого живого слова, не говоря о чувстве юмора, послало мне ЦРУ для последнего инструктажа», — подумал Поляков и, конечно, внешне во всем согласился и поблагодарил американца.

Цэзрушник был доволен, что его внимательно выслушал русский агент в звании полковника и полностью согласился с его доводами. Разговор же фиксировался диктофоном.

Да, толк в деньгах «Бурбон» знал!

Он их очень любил, считая их вездеходом в любом обществе и в любой обстановке. Ради них, любимых, он пошел на сделку с совестью, нарушил воинскую присягу, предал боевых товарищей — коллег в разведке. Ради денег он мог теперь продать даже близкого родственника, сослуживца, выпестованного колоссальным трудом агента, и на этом диком феномене строить свой служебный рост и получать награды от имени тех, кого предавал и продавал.

Он и без инструктажа цэзрушников знал правило: если в кармане много денег, тут же появится соблазн их потратить. Разведчика не должен глотать огонь искушения. Поэтому Поляков не просил денег, но взамен им требовал, зная себе цену, приобретения и передачи тех товаров, которые ему нравились и были нужны.

В каждый отпуск он отправлялся с коробками радио- и фотоаппаратуры, охотничьих и рыболовецких снаряжений, золотых и бриллиантовых украшений и прочего — на таможне никто его не проверял!

И все же деньги брал, но брал ровно столько, чтобы их количество не бросалось в глаза посторонним, когда он их тратил.

Принцип самосохранения, которого он придерживался по рекомендации янки, состоял из правила: общая сумма, получаемая от спецслужб противника, тех «тридцати сребренников» не должна превышать его месячного оклада. Это правило осторожности и позволило так долго продержаться ему неразоблаченным агентом ЦРУ.

Глава 6

Тайники для ЦРУ на Родине

После возвращения из США в Москву Поляков, понимая, что на Родине он будет получать гораздо меньше, чем зарабатывал за границей, и горя желанием быстрее открыть дополнительный источник денежных вливаний в семейный бюджет, включается в агентурную работу. Несмотря на то что он хорошо усвоил слова американского президента Франклина Делано Рузвельта, как-то сказавшего, что деньги, которыми обладаешь, — оружие свобо-

ды, а вот те, за которыми гонишься, — орудие рабства, Поляков все же решился на гонку за «бумажными вездеходами».

«В Союзе при мизерной зарплате по сравнению с заграничным денежным довольствием мне будет труднее обеспечить семью. Хлебным мякишем крысиной норы все равно не сделаешь, а если это так, то нужно рисковать, пусть даже и предстоит, как говорится, облизать мед с лезвия ножа. Совершенство — добродетель мертвых!» — рассуждал он накануне проведения первой операции по связи в условиях столицы.

В теплый, сентябрьский день 1962 года он вышел из дома. Деревья стояли в природной позолоте. Кленовые и тополиные листья у дома выстелили многоцветную дорожку, по которой он прошел от подъезда к тротуару. Оглядевшись по сторонам, внимательно осмотрев обитавших во дворе знакомых старушек и бегавших возле них внуков и не найдя никаких настораживающих признаков (в смысле присутствия посторонних), он быстрой походкой направился к автобусной остановке. Вместо автобуса подошел троллейбус. На этом первом попавшемся транспорте Поляков доехал до станции метро «Парк культуры», лихо спрыгнул на тротуарную плитку и через центральный вход спокойно прошествовал к парку имени Горького.

У него был ответственный, а потому волнительный день: он запланировал заложить в столице для американцев первый тайник под кодовым названием «Гор» — непроявленную пленку в кассете, на которой были сфотографированы некоторые секретные документы, попавшие ему под руку во время работы. Корпус кассеты он загодя облепил пластилином оранжевого цвета, после чего обвалял свое детище в кирпичной крошке — получился окатыш терракотового оттенка, какие тогда очень часто встречались на посыпанных щебнем, галькой и осколками битого кирпича, еще до конца не заасфальтированных дорожках и площадках парка. Перед операцией по связи он сделал заранее рекогносцировку, поэтому знал, какого цвета нужен «камушек».

Ставка Полякова делалась на то, что ни один из посетителей парка не обратит внимания на его камуфляж, лежащий рядом с сородичами порой одного цвета, размера и формы у конкретной

скамейки, указанной американцами в плане операции по связи через тайник...

Итак, с этой «драгоценной ношей» он вошел, как уже упоминалось выше, через входные ворота на территорию заполненного людьми парка и сразу же стал активно проверяться, внимательно всматриваясь в действия отдыхающих и их лица — боялся встретить соседа по дому или знакомого по службе. Затем он прошел мимо длинной скамейки, одиноко стоявшей у края площадки и означенной в плане связи. К его огорчению, на ней сидела влюбленная, щебечущая, наверное, о чем-то вечном парочка.

«Черт принес их не вовремя. Вот не повезло. Придется побродить, пока они нацелуются, наговорятся, — ворчал себе под нос «Бурбон». — Отступать нельзя. Тайник я должен заложить именно сегодня. Второго более удачного захода не должно быть — это уже опасно. Сильному не нужно счастье — ему нужна четкая работа!»

Поляков всегда себя считал сильной личностью. Он понимал и принимал одну непреложную истину, что герой делает то, что можно делать. Другие этого не делают, а потому и остаются с носом.

Он долго выписывал круги вокруг лавочки. Вдруг в его голове неожиданно возникла спасительная мысль — он же сильная личность — согнать влюбленных. Делая вид, что устал, Поляков решительно направился к лавочке. Как только он присел, молодые люди поднялись и нехотя подались в глубь парка, по всей вероятности, чертыхаясь из-за появления внезапного наглого пришельца и ища себе новое гнездышко для любовного токования друг с другом.

Поляков развернул газету «Комсомольская правда» и стал бегло, по диагонали ее просматривать. Боковым зрением он держал бдительность на прицеле — просматривал пространство слева и справа. Потом неожиданно наклонился, как будто поднимая упавший из его рук какой-то предмет, и, изловчившись, положил контейнер с кассетой за задней, левой ножкой скамейки. Все действие произошло вполне правдоподобно и в одно мгновение. На земле под лавкой валялся ничем не привлекательный кирпичный окатыш.

Он еще несколько раз пробежал по страницам газеты, потом посмотрел влево — вправо: никого поблизости не было.

«Ну, кажется, все. Слава богу, свидетелей нет. И все же еще для порядка надо немного «почитать» газету, а только потом уносить ноги, — успокаивал сам себя Поляков. — Делай, что можешь, с тем, что имеешь, там, где ты есть, — и все будет нормально. Я так и сделал!»

Однако спокойствие никак не приходило. Противное напряжение сковало мышцы. Со страха появилось что-то наподобие ступора. Он смотрел в газету, но ни букв в текстах, ни лиц и фонов фоторепортажей не видел. В голове у виска от напряжения звонко застучала горячая жилка. До этого спокойное сердце готово было зайцем выпрыгнуть из рубашки. А он, как опытный охотник, не раз видел старты этих обреченных своих ушастых жертв. Холодная испарина появилась под рубашкой, ноги предательски затряслись. У него такое состояние было впервые.

«А может, это провидение мне подсказывает, что не стоит играть на этом поле, — рассуждал Поляков. — Оно крайне опасно».

Ему казалось, что на него смотрят все отдыхающие, что за ним из-за кустов и ларьков следят чьи-то цепкие, вражьи глаза, что его окружают переодетые в гражданское платье чекисты. А еще ему втемяшилось в голову, что неспроста согнанная им парочка сидела именно на его скамейке...

«Да, одно дело работать за границей, в Нью-Йорке, а другое — здесь, в Москве. Я сделал важное дело, и надо уходить, иначе можно «наследить» и «вляпаться», — скомандовал сам себе обуреваемый смутной тревогой агент «Бурбон», а потом неожиданно добавил: — Говорят, как страшно чувствовать, что течение времени уносит все то, чем ты обладал! А мне радостно, что освободился от улики. Подняли бы вовремя этот камешек янки...»

Он встал и медленно двинулся к выходу, туда, где еще каких-то полтора часа назад входил в такое желанное место отдыха москвичей. Пошел теперь без улики — без того опаснейшего предмета при себе, которым еще недавно обладал.

За входными, теперь они стали для него — выходными, воротами он достал авторучку с фиолетовыми чернилами и на одном из столбов ограждения парка поставил метку-сигнал в виде

полосы из чернильных брызг. Перед операцией он слегка подкрутил поршень авторучки для надежности акции. Со страха он так брызнул, что чуть ли не вылил все чернила. Метка получилась жирная, а значит, как он полагал, легко снимаемая разведчиком.

Это был сигнал для американских теперь его коллег о заложенном им тайнике. Заморские хозяева, работающие в посольстве США в Москве, хорошо были осведомлены, что обозначают эти чернильные брызги.

Обыграл он это действие тоже конспиративно. Вытащив блокнот из бокового кармана пиджака, он попытался что-то записать, но «авторучка не оставляла следа». Тогда он и решил ее «продуть» резким движением в сторону ограды. Получилось все естественно — на бетоне появилась полоса чернильных брызг...

Однако через несколько дней Поляков не нашел в обусловленном месте, очередном номере американской газеты, объявления — сигнала от цэзрушников об изъятии тайниковой закладки. В первый раз за время тайного сотрудничества он так страшно испугался, что не находил себе места. Его буквально тряс озноб, потом затошнило, и неожиданно появилась «медвежья болезнь».

«Неужели на меня плюнули, как плюет солдат на беременную шлюху, чтобы не приставала с любовью? — сверкнула и такая мыслишка. — А может, я уже под «колпаком» ребят с Лубянки?»

Однако голова не могла смириться с мыслью, что он где-то прокололся и все прошло не так хорошо, как было задумано. Через мгновение он себя успокаивал: «Не дрожи, операция будет закончена удачно».

И все же страх за целостность собственной кожи нарастал и раздражал его. Он преследовал его, словно неотрывная тень в солнечный день. Даже голос у него подсел до такой степени, что звучал так, как будто он проглотил низкочастотный динамик, — неожиданно появилась хрипота от волнения.

Пугало Полякова страшное для него известие о разоблачении органами Комитета государственной безопасности СССР агента США и Великобритании, бывшего полковника ГРУ Ген-

штаба Олега Пеньковского, которого он тоже знал по своей «конторе».

Две недели он ходил сам не свой. Переживал настолько болезненно, что даже осунулся в лице. Страшно боялся, что «камуфляж» его обнаружат и передадут в компетентные органы, после чего Лефортова ему не миновать, так как через содержимое кассеты без труда чекисты выйдут на исполнителя закладки.

«Ну, зачем я согласился с янки на такой вариант передачи информации? — корил себя полковник-«оборотень». — Неужели мою закладку нашли гэбэшники? Тогда все — кранты... спекся».

Но вскоре шпион успокоился — в газете «Нью-Йорк таймс» от 20 сентября 1962 года, которая в числе других выписывалась открытой библиотекой ГРУ Генштаба, появилось долгожданное сообщение, свидетельствовавшее о получении американцами закладки из тайника под названием «Гор», — объявление некоего Мооди, адресованное Дональду.

Вот его перевод:

«Муди, Дональду.

Последнее новогоднее послание. Письмо из А. получили. У всех все прекрасно, за исключением кузена Ф., которого не разместили из-за проблем с участком. Возможно, ты сможешь разместить его. Дядя Д. посылает поздравления. Пожалуйста, свяжись с братьями Э. и Д.

Клостер».

Он засиял и, довольный, про себя вскричал — зврика! Это была, как он считал, первая победа над собой — он не побоялся Москвы. Он подавил страх перед советской контрразведкой. Он поверил в свои способности работать так же успешно в советской столице, как он это делал в американской.

Как говорится, аппетит приходит во время еды. Этот способ передачи информации без личного контакта понравился шпиону, и он стал активно использовать тайники в операциях по связи.

«Чего мне гнушаться такой работы? Я же не белоручка, берущий чистоту своих манжет, — успокаивал себя Поляков, а потом, хихикнув, добавил: — Я не намерен портить отношения

ни с небесами, ни с адом — у меня есть друзья и в той, и в другой местности».

В августе 1963 года «Бурбон» проводит вторую операцию по связи. Он закладывает небольшой магнитный контейнер в тайник под названием «Лес» с похищенной секретной информацией в центральном аппарате ГРУ. Заложил тайник он за телефонной будкой по улице Лестева у дома № 12.

Утро того выходного августовского дня выдалось на редкость пасмурным. Низкие тяжелые тучи свинцового цвета лениво проплывали над столицей, засевая город мелким, еще пол-летнему теплым дождем. В связи с этим ему хотелось немного понежиться в постели и даже поспать, но Поляков должен был выполнить указание разведывательного Центра из США — заложить тайник для ЦРУ.

«Надо же такую погоду природа принесла, хотя, как говорится, у природы нет плохой погоды», — проворчал про себя шпион.

Он по-военному быстро вскочил с кровати, побрился, умылся, позавтракал и, объяснив жене, что должен отлучиться по службе, отправился в город. Опять долго проверялся, пересаживаясь с одного вида общественного транспорта на другой, и, наконец, на метро доехал до станции «Октябрьская». Побродив по площади, он впрыгнул в трамвай 47-го маршрута, на котором проехал по Шаболовке до улицы Шухова. После чего сошел и медленно, все время проверяясь, продефилировал по Шаболовке. Через несколько минут ходьбы он свернул налево и оказался на улице Лестева. Подойдя к металлической телефонной будке, стоящей у дома № 12, Поляков как бы споткнулся и был вынужден опереться за ее угол. В этот момент он незаметно ловким движением другой руки прикрепил с тыльной стороны будки магнитный контейнер. В нем находилась очередная порция собранной шпионской информации. Конспиративно, со знанием подлого дела огляделся по сторонам. В ближайшем окружении никого не было видно.

И в это время его, словно молния, обожгла мысль: «Все, я сделался вором-наркоманом, честь и совесть отброшена в сторону, но ради чего? Наверное, все же ради денег! А может, страх меня выпотрошил? Вполне вероятно, но это один из компонен-

тов. Мне уже не остановиться — перед Америкой я должен себя показать, а перед Родиной — спрятаться, ведь слово дано человеку, чтобы скрывать свои мысли».

Зайдя в телефонную будку и проимитировав звонок, Поляков спокойно направился в сторону Даниловского универмага, где смешался с толпой, чтобы в ней осмелеть и заглушить последний крик собственной совести, которой у него уже к этому времени почти не было.

И в этот раз Полякову показалось, что контейнер прикреплен им неудачно, что его закладку в тайник могут обнаружить посторонние лица, и тогда — кранты ему как офицеру советской военной разведки и возможность обращения представителей правоохранительных органов к его собственной персоне — не «товарищ», а «гражданин» — вполне вероятно.

Но операция, к его радости, опять обошлась без осложнений. Американский разведчик, работавший в Москве с легальных позиций, благополучно обработал тайник — изъясил закладку своего агента.

Через некоторое время, просматривая в открытой библиотеке ГРУ зарубежную периодическую печать, Поляков снова в газете «Нью-Йорк таймс» обнаружил зашифрованный под бытовое объявление сигнал — тайник «Лес» обработан.

Перевод публикации:

«Муди, Дональду. Наше дело откроется 28 августа. Тебе следует повидать брата Б. Перед этим обговорить в деталях свою позицию в этом деле. Напиши тете Б. Мы посетим Б. после 28. 08. Все будет хорошо. Наилучшие пожелания Э. и Д.

Кластер.

Он был «на седьмом небе» от счастья. Крылья радости легко понесли его домой — в уютную квартиру, к семье, где его ждали жена и сыновья.

ЦРУ получило «товар» от своего агента — секретные данные по офицерам военной разведки и новым структурным подразделениям, образованным в ГРУ Генштаба.

Нужно заметить, что, согласно плану операций по связи, тайниковые закладки Поляков должен был осуществлять примерно раз в квартал в местах, подобранных американцами в ос-

новном по маршруту его следования на службу и обратно: в парке имени Горького, в районах улиц Большой Ордынки и Большой Полянки, у метро станции «Добрынинская» и на троллейбусной остановке «Площадь Восстания».

С 1962 по 1965 год Поляков провел шесть тайниковых операций. Этот вид контакта в линии агент — разведчик в условиях Москвы советский полковник считал наиболее подходящим.

О выемке тайников, заложенных Поляковым американцам, сигнализировали еще два объявления в газете «Нью-Йорк таймс»:

«Муди, Дональду.

Разочаровал тебя, не видел дядю Ч. Он был в прекрасном здоровье, хотя дело временно закрыто. Мы будем советоваться об открытии снова. Привет братьям.

Кластер».

И второе:

«Муди, Дональду. Очень рад услышать о твоих успехах. Скоро приеду к тебе. Все прекрасно.

Джон».

Именно отсутствие личных контактов с сотрудниками американских спецслужб в советской столице помогло ему избежать неминуемого провала.

Глава 7

Джеймс Энглтон в судьбе Полякова

Джеймс Энглтон — руководитель созданного им в 1954 году в ЦРУ управления внешней контрразведки. На эту должность его назначил сам Ален Даллес, у которого он пользовался большим доверием и считался работягой, преданным делу борьбы с иностранными разведками.

Эти близкие личные отношения с директором ЦРУ давали начальнику внешней контрразведки неограниченный доступ в «главный кабинет», что вызывало зависть и ревность у сослуживцев. Кроме того, американских оперативников советского отдела раздражало, что «умники» Энглтона могут приказать прекратить изучение и разработку любого перспективного источника без объяснения причин. Но Джеймс, которого называли лиде-

ром фундаменталистов от разведки, не обращал внимания на факты проявленного недовольства. Его жизнь была службой, а служба — жизнью. У него отсутствовали амбиции чиновника, мечтающего о служебной карьере, поэтому никто из шефов ЦРУ не видел в нем угрозы своему положению в качестве соперника. Только по этой причине, имея своеобразный «золотой ключ», он мог беспрепятственно выходить без всяких там бюрократических процедур на любого шефа ЦРУ и открывать легко двери их кабинетов. А было за всю его службу пять такого высокого достоинства начальников — директоров ЦРУ: Уолтер Беделлом Смит, Ален Даллес, Джон Маккоун, Уильям Рэйборн и Ричард Холмс.

«Почему мои завистники всегда чем-то огорчены? — не раз задавал себе вопрос главный контрразведчик ЦРУ и тут же на него отвечал: — Потому что их снедают не столько собственные неудачи и проколы в работе, сколько мои успехи и теоретические разработки против деятельности восточного монстра — КГБ. А вообще эта жизненная болячка распространена повсюду. И с этим надо смириться. Только отец не завидует таланту сына. Главное в жизни и службе — *carpe diem* — лови текущий день! Мелочи ведут к совершенству, а совершенство не мелочь. Победы и результаты у меня все еще впереди!»

Но успехи в поисках «зловредного грызуна» в недрах ЦРУ были более чем скромными. В основном они ограничивались призрачными надеждами. У него впереди были не столько розы, сколько шипы. Розами он субъективно считал свои теоретические обоснования обязательного нахождения агентов КГБ в Лэнгли, а шипами объективно — организованная им фактическая «ежовщина» в недрах ЦРУ. Замысловатый орнамент своих версий, который терпеливо годами складывал и проверял Энглтон, со временем терял свою эстетическую и оперативную завершенность. Он стирался, как узоры на майке, нанесенные некачественным красителем, под воздействием воды и солнца. Время и обстоятельства меняли личность. Менялась и обстановка вокруг него.

Он вошел в историю как бескомпромиссный и главный охот-

ник за советскими «кротами» на Западе, как «волк-одиночка, предпочитавший охотиться — работать один».

Энглтон в течение 20 лет, вплоть до увольнения со службы директором ЦРУ Уильямом Колби 20 декабря 1974 года, являлся бессменным воителем с «советской агентурной угрозой» и цепным псом «холодной войны». Так его окрестили на Западе и его друзья, и враги.

Карьеру контрразведчика он начал во время войны в Лондоне на Уэст энд Райдер-стрит, а именно в штаб-квартире объединенного контрразведывательного подразделения американской и британской разведки.

По меткому выражению одного из английских специалистов, контрразведка — это «Дантов ад, в котором девяносто девять кругов». Ее сотрудники — энтузиасты, готовые годами проверять какой-то сигнал, разбираться в человеческом мусоре.

Хороший офицер контрразведки, писал Том Мэнголд, должен обладать чувством подозрительности, любить распутывать сложные вопросы и копаться в деталях, иметь чутье на заговоры, но, с другой стороны, это те качества, которые отрицательно сказываются на естественных способностях человека рационально мыслить и объективно судить о происходящем.

Кошмаром контрразведки является дезинформация — информация, вывернутая наизнанку. Не зря мир секретных служб называют Зазеркальем. Оперативники нередко гоняются за чем-то, не зная, реальность это или отражение. В разведке требуется виртуозность, в контрразведке — методичность.

На столе Энглтона каждый день лежали кипами «активные» дела, но он мог всегда быстро найти и достать требуемый документ — знал, где он лежит. Не случайно опытный контрразведчик утверждал, что беспорядок на столе свидетельствует о порядке в голове.

С тех пор как его ближайший друг английский разведчик Ким Филби, могущий стать главой британской секретной службы, оказался советским шпионом — агентом КГБ, Энглтон никогда и никому уже больше не доверял.

Ветеран английской контрразведки Алекс Макдональд так описал этот парадокс: «Опасность заключается в том, что ты ста-

новишься одержимым чем-то, и оно постоянно крутится у тебя в голове, заслоняя все остальное, и ты уже прислушиваешься только к тому, что происходит в твоей голове. Каждый, кто выступает против, кажется тебе грешником, посягающим на твоего собственного «святого духа».

В 1962 году ЦРУ перебралось в новую штаб-квартиру в Лэнгли. В кабинет начальника внешней контрразведки можно было попасть только через приемную огромных размеров, заставленную диванами, креслами и журнальными столиками.

Кабинет Энглтона был тоже довольно-таки большим. По площади он занимал более 60 квадратных метров. На окнах висели всегда опущенные металлопластиковые жалюзи, которые он считал эффективным средством, естественной препоной от «прослушки». Как только хозяин кабинета покидал помещение, одна из самых преданных ему секретарш немка Берта Дазенберг имела право войти в офис шефа и впустить дневной свет, подняв «мифические» шторы.

Вдоль стен его кабинета стояли большие черные, изготовленные из крепкой стали сейфы. Они были полностью забиты разного рода досье — изучаемых, проверяемых и разрабатываемых лиц. В их числе был десяток своих коллег и до сотни других граждан США, прямо или косвенно соприкасавшихся с сотрудниками ЦРУ. Имелась также «сейфовая» — специальная комната, войти в которую можно было только вместе с Энглтоном или его многолетней верной секретаршей. Берте он многое доверял...

Как писали в газетах репортеры, близко общавшиеся с окружением Энглтона, шеф контрразведки ЦРУ имел страшный аппетит на документы. Он их мог перелопатить за день тонны. Его самая типичная поза — сидеть за огромным деревянным столом в кожаном кресле с высокой спинкой, поставленном впритык к стене, чтобы никто не умудрился «подсмотреть», что он читает, со спины. Он был пожирателем бумажных материалов, был той мышкой, после визитов которой на кухню к блюдцу с семечками остается только шелуха.

Документы громоздились горками на столе, стульях, подоконнике. Казалось, в этом половодье бумаг трудно было найти нужный документ, но он знал, где находится нужный лист или досье, и быстро их находил. Это удивляло многих высокопоставленных посетителей его кабинета.

Империя Энглтона росла и крепла по мере разворачивания боевых действий на фронтах «холодной войны» против Советского Союза и стран — участниц Варшавского Договора.

Для своей профессиональной подпитки он решил досконально изучить историю советских спецслужб. Он надеялся найти в старых делах 20 — 30-х годов под кодовыми названиями «Синдикат», «Трест», «Красная капелла» и других какие-то еще не изученные данные, способные пролить свет на темные дела современного Комитета госбезопасности СССР, творимые в США.

Но тратилось дорогое время на пыльные архивные дела, не имеющие отношения к текущей проблематике, а результатов в разоблачении советских «кротов» в системе ЦРУ все не было и не было.

Многим работникам американской разведки, но только не Энглтому и его близким коллегам, а скорее подручным — Майлеру и Рока, было ясно, что стиль работы, средства и методы оперативного состава КГБ резко изменились по сравнению с тем, как действовали сотрудники ВЧК и ОГПУ.

Энглтон глубоко изучал русский феномен. Он считал, что россияне обожают ругать свою страну, но не терпят, когда это делают иностранцы. С другой стороны, он помнил слова, сказанные Бисмарком: «Никогда ничего не замышляйте против России. На любую вашу хитрость Россия всегда ответит своей непредсказуемой глупостью, в которую трудно поверить».

А еще он знал другое качество советских людей — они несли на себе страшное тавро равнодушия, долготерпения и потерянности, противное не только здравому смыслу, но уже и жизненному инстинкту. Прижгла им эту, ставшую почти что ментальной метку история сталинских репрессий и хрущевского волюнтаризма. Появилось в народе ужасающее безволие — немочь духа, бессилие души и паралич тела перед властью.

После всего этого искать правду советским людям не хоте-

лось, потому что они знали — власть у них неискренна, она постоянно врет и убивает инициативу людей осознанно, злоумно и беспощадно. Во власть стремятся только для того, чтобы можно было легче что-либо достать, а попросту украсть.

Увидел бы, что с этим народом сделала ельцинская власть, — наверное, перевернулся бы в гробу от счастья: КГБ и армия разрушены, народ обманут, производства — заводы и колхозы — разграблены. Чиновники, покупающие власть за деньги, быстро привыкли извлекать из нее прибыль. Наизвлекались до того, что практически разрушили мощнейшее государство, а сегодня бод-ро шествуем в сторону банкротства.

Солидную подпитку идеологии Энглтона о коварных планах Кремля по вербовке «кротов» в ЦРУ и других госучреждениях США дал изменник Родине, майор КГБ Анатолий Голицын, работавший под прикрытием вице-консула советского посольства в Хельсинки.

Он вышел на резидента ЦРУ в Финляндии Фрэнка Фрайберга 15 декабря 1961 года и попросил политическое убежище. Это был вполне заурядный офицер спецслужбы. Большими секретарми не располагал, но кое-какие материалы из посольства он все же прихватил с собой. Знал Голицын, конечно, и установочные данные на сотрудников посольских резидентур КГБ и ГРУ.

Как потом признается сам Фрайберг:

«У него (Голицына. — *Прим. авт.*) был один небольшой пакет с документами, которые он принес, чтобы доказать ЦРУ свою принадлежность к советской разведке. Но ни один из этих документов, правда, не представлял разведывательного интереса. В советском посольстве он не имел доступа к таким документам».

Однако, несмотря на это, как писал Том Менголд, «он буквально перевернул вверх дном американскую контрразведку, хотя в тот момент трудно было предположить, что этот человек, скромно сидевший на краешке дивана, станет катализатором беспрецедентной «охоты на ведьм», разрушит карьеры десятков

сотрудников ЦРУ и опорочит репутацию ряда крупных фигур в западном сообществе».

Все это случилось после того, как Голицын «признался», что русские сумели проникнуть в подразделения центрального аппарата ЦРУ. По его словам, по этому поводу — самую суть материалов — он может доложить самому президенту США Джону Кеннеди. Больше того, он даже настойчиво потребовал встречи с руководителем страны. Кроме того, перебежчик неожиданно стал явно блефовать, запросив 15 миллионов долларов для субсидирования организации, которую он готов создать для свержения советского правительства. Для этого у него есть конкретный, заранее подготовленный план.

Работавший с Голицыным старший офицер службы безопасности ЦРУ Брюс Соли докладывал своему начальству, что у гэбэшного перебежчика отмечались в поведении некоторые странности. Опытный контрразведчик Брюс фиксировал в советском офицере завышенное представление о значимости своей персоны, элементы патологической лживости, неадекватное отношение к проблеме собственной безопасности, попытки преувеличения важности своих материалов и прочее. Он был типичный авантюрист, захотевший свободы. Но свобода — это роскошь, как говорил один мудрец, которую не каждый может себе позволить.

Для Энглтона советский перебежчик был как бы подарком судьбы, подтверждением его взглядов на высокую агрессивность советских органов госбезопасности в плане вербовок американцев. Оценка Голицыным наглости и высокой эффективности советской разведки полностью совпадала с представлениями руководителя внешней контрразведки ЦРУ. Он доказывал, что право сильнейшего есть сильнейшее бесправие, которым «страдает» современный Комитет государственной безопасности — глаза и уши СССР. Его сотрудники вездесущи и крайне настойчивы в своих разведывательных посягательствах. Они подслушивают, они подглядывают, они убивают, они вербуют, они водят нас за нос, — оперировал в разговорах с подчиненными и

руководством ЦРУ одержимый идеей найти советского агента Энглтон.

С этого периода «охота на кротов» превращалась для внутренней контрразведки ЦРУ в «охоту на ведьм». Теперь под удар попадали не только чужие чиновники, но и свои сотрудники разведывательного ведомства США. Многие коллеги разделяли золотые слова, сказанные французским драматургом Пьером Бомарше о том, что если начальство не делает нам зла, то это уже немалое благо. О наделанном Энглтоном зле коллегам расскажу ниже.

Он не доверял перебежчикам из СССР, считая их явными подставами КГБ. Больше того, он настолько поверил голицынского блефу, что стал все чаще подозревать в шпионаже даже некоторых своих близких коллег, с которыми проработал не один десяток лет в системе контрразведки. Высокий чиновник из контрразведки верил в большие способности работников советской спецслужбы глубоко проникать в государственные учреждения его страны и его ведомства, поэтому никак не соглашался с оценкой Черчилля россиян: «...русские не являются человеческими существами. В шкале природы они стоят ниже орангутангов». Но орангутанги, как считал Энглтон, не смогли бы победить нацистских ариев, на которых работали почти вся промышленность, сельское хозяйство и человеческий фактор Европы.

Он жил принципом: я люблю свое отечество, но не своих соотечественников, которые могут быть предателями в основном из корыстных побуждений.

С 1964 по 1970 год в системе контрразведки ЦРУ действовала настоящая программа поиска вражеской агентуры в его центральном аппарате. Операция проходила под кодовым названием «Хоунтол». В качестве криптонима Энглтон выбрал слово «Хоунтол» — измененное сокращение фамилии директора ФБР Гувера и первых трех букв имени Голицына — Толя.

В состав строго засекреченной оперативной группы входили как опытные разработчики, так и высокопоставленные представители ЦРУ и ФБР. В ходе этой операции было проверено около

полусотни сотрудников ЦРУ, на личных делах которых красовалась зловещая буква «Н» — начальная буква слова «Хоунтоп».

Несмотря на отсутствие улик, эти офицеры годами не получали продвижения по службе. Об истинных причинах профессионально-должностной пробуксовки и застоя им, естественно, ничего не сообщалось. Они как бы варились в собственном соку раздумий, но никто им ничего путного не мог объяснить, почему затормозился их служебный рост.

Пройдет время, осядет пыль бушевавших страстей, и бывший директор ЦРУ Джеймс Шлессинджер в 1989 году заметит: «Слушать Энглтону было равносильно тому, что рассматривать картину импрессионистов».

Ущерб, нанесенный взбалмошным рвением Джеймса в борьбе с глобальным агентурным проникновением вездесущего и коварного КГБ, трудно было переоценить. Она к тому времени переросла в новую разведывательную идеологию фундаменталистов во главе с Энглтоном и его советником Голицыным. Шла буквальная расправа над перебежчиками, искренне желающими порвать по каким-то причинам связь с Отечеством — Советским Союзом, и работавшими с ними сотрудниками ЦРУ.

Так был выдан органам КГБ агент ЦРУ, проживавший в ЮАР и вывезенный в Германию майор КГБ Юрий Логинов, которого Энглтон посчитал советским «кротом»-перебежчиком и хитрой подставой КГБ. Офицера в СССР осудили, но не расстреляли из-за того, что он не принимал присяги — это доказала прокуратура, за что и ухватились защитники. Логинова уволили из КГБ и отправили в город Горький. Он там устроился в школе преподавателем английского языка. На следствии Логинов признался, что действительно честно работал на американцев.

Перед этим в ходе параноидальной подозрительности Энглтону попал под пресс внешней контрразведки сотрудник ЦРУ Ричард Кович, работавший с тем же Логиновым.

Жертвами предпринятой Энглтоном по совету Голицына «охоты на кротов» стали опытные работники ЦРУ и разведок других стран — Василий Гмыркин, Поль Гарблер, Хью Гейтскелл, Гарольд Уилсон (США), Джеймс Беннет (Канада), Роджер Холлис, Грэхем Митчелл (Великобритания), Ингеборг Лайгрэн (Нор-

вегия) и многие другие. Ужас попадания под пресс Энглтона ядовитым туманом заполнял кабинеты ЦРУ.

Практически Энглтон сдал противнику инициативника, майора КГБ Игоря Кочнова, завербованного в 1966 году советским отделом ЦРУ под псевдонимом «Китти Хок».

«Несмотря на явно отрицательное отношение Энглтона к агенту «Китти Хоку», — писал Том Мэнголд, — от него тем не менее было получено несколько неожиданных наводок на старших офицеров вооруженных сил США».

Энглтон никогда не информировал советский отдел ЦРУ о появлении «Китти Хока» в стране, поэтому, когда через три месяца агент вернулся в Москву, контакт с ним не был обусловлен.

К стыду и вечному позору ЦРУ, советский отдел так и не узнал, что в течение шести лет этот американский шпион вращался в центре советской номенклатуры, ибо Кочнов был женат на дочери члена Политбюро ЦК КПСС Екатерины Фурцевой.

В 1978 году произошла утечка в прессу сведений об этом предателе. На этот раз ЦРУ действовало молниеносно и сумело найти Кочнова. Разведчики пригласили агента своего в посольство, где его предупредили о предстоящей публикации. «Китти Хок» побледнел, немедленно покинул посольство и больше никогда не попадался на глаза янки. Не в этом ли причина самоубийства Фурцевой?!

Лжеперебежчиком Энглтон считал и предателя Родины, сотрудника 2-го Главного управления КГБ СССР Юрия Ивановича Носенко, исчезнувшего 5 февраля 1964 года в Женеве.

Для справки позволю себе отступление.

10 февраля 1964 года западные средства массовой информации сообщили сенсационную новость:

«Сотрудник КГБ СССР Юрий Носенко, находившийся в Женеве как эксперт советской делегации на совещании Комитета 18 государств по разоружению, попросил у США политического убежища».

В Москве известие о побеге Носенко стало настоящим шокom, так как он был весьма осведомлен о работе контрразведки

по американской линии и знал немало сотрудников ПГУ КГБ — стратегической разведки. К тому же его отец на пике своей карьеры был министром судостроительной промышленности, Героем Социалистического Труда и членом ЦК КПСС.

Через связи отца он попал на учебу в престижный Московский институт международных отношений, в котором стал изучать английский язык и специализироваться по США. Не без помощи «отцовского лифта» и бытовавшего во все времена как в России, так и в Советском Союзе «телефонного права» он в 1953 году был принят на службу в органы КГБ, где вплоть до своего бегства за границу прослужил более одиннадцать лет, сначала в 1-м, а затем 7-м отделах 2-го Главного управления КГБ СССР.

В тот же день американский госдепартамент сообщил посольству СССР, что просьба Носенко о политическом убежище в США удовлетворена.

В июле 1964 года Военной коллегией Верховного суда СССР Носенко был приговорен за измену Родине к высшей мере наказания — расстрелу. Сразу же территориальными органами КГБ на Носенко было заведено оперативно-разыскное дело «Идол».

И уже в 1969 году вашингтонская резидентура КГБ установила место жительства перебежчика. Физически ликвидировать его органы госбезопасности не могли, так как к тому времени уже отсутствовала правовая основа на проведение внесудебных акций возмездия за рубежом. Исполнение смертных приговоров за границей было прекращено с 1959 года.

По версии ЦРУ, Носенко якобы был завербован еще 8 июня 1962 года под псевдонимом «Фокстрот» при первом им посещении Женевы. Затем в списках ЦРУ значился как «Бармен» и «Донор».

Вербовку советского офицера провели второй секретарь посольства США Бэгли, руководитель советской линии в бернской резидентуре Швейцарии, и прилетевший из штаб-квартиры ЦРУ в Лэнгли, хорошо владевший русским языком сотрудник Кисельватер. В ходе вербовочной беседы на вопрос американца о его мотивах бегства Носенко заявил, что «ему опротивело лицемерие советской системы».

Кстати, последний имел отношение к работе с двумя преды-

дущими изменниками Родины, офицерами ГРУ — подполковником Поповым и полковником Пеньковским.

Носенко был тщательно допрошен. Он сообщил представителям ЦРУ, что американское посольство в Москве буквально наштапиговано средствами слухового контроля, установленными еще в 1952 году, во время строительства здания. Он сообщил точные данные о месте расположения 52 микрофонов, вмонтированных в стены за отопительными батареями, и выдал работавшего на КГБ американца Роберта Ли Джонсона, служившего на одном из важных военных объектов США.

Кроме того, он раскрыл советского гражданина Бориса Белицкого, работавшего руководителем одной из англоязычных редакций Московского радио, как агента КГБ, внедренного в агентурную сеть ЦРУ. Американцы ему очень доверяли. Они искренне верили, что завербовали ценного агента, присвоив ему псевдоним «Уайрлесс», не ведая, что советский гражданин работает под «колпаком» советской контрразведки...

Джонсон был арестован и осужден на 25 лет лишения свободы. Он погиб от руки умалишенного сына, ветерана вьетнамской войны, набросившегося на отца с ножом во время очередного свидания.

Причина атаки сына на отца — месть за предательство.

Однако в Лэнгли, в советском отделе ЦРУ, переданные Носенко сведения не без старания Энглтона оценили как установленную дезинформацию, а самого перебежчика посчитали засланным офицером КГБ, направленным для обратной связи с невыявленным «кротом» внутри ЦРУ. Его представили опять же с помощью Энглтона не то что опасным двойником, а продажным и падшим человеком, уподобившимся рыцарю Ганелону. Поэтому дальнейшая судьба Носенко сложилась трагически. Под недремлющей охраной в разных режимах тюремной изоляции он находился более пяти лет. Ему не доверяли, над ним издевались, его морально прессовали.

Прежде всего американцы его долгое время проверяли на полиграфе — «детекторе лжи», проводили перекрестные допросы в тюрьмах и конспиративных квартирах, а также в специально построенной для него бетонной камере — «могиле» на «Фер-

ме» — базе подготовки оперативного состава ЦРУ в Кэмп-Пири, вблизи города Вильямсбурга в штате Вирджиния. В этой клетке было то холодно, то жарко, постоянно горела яркая лампочка, не дававшая уснуть. Окна «в могиле» не было, поэтому узник потерял счет дням и не мог различить время суток — ночь смешалась с днем, а день с ночью в сплошное течение времени в никуда. От этого на душе становилось жутко. Он затыкал уши, когда включался какой-то мотор, вызывавший мучения. Это делалось специально, чтобы «сломить» волю «засланца», а по существу откровенного предателя...

Но к началу 70-х эра Энглтона заканчивалась. Руководитель советского отдела ЦРУ Рудольф Кингсли приказал провести дополнительный и окончательный анализ надежности Носенко. Эту работу он поручил проделать трем сотрудникам, которых прозвали «тремя мудрецами», — Бену Пепперу, Сержу Карповичу и Грэхэму Реннеру.

После сравнительно недлительного разбирательства они вынесли свой вердикт: Носенко «настоящий» перебежчик, он не лгал ЦРУ — все сообщенные им данные нашли свое подтверждение. Один из проверяющих по делу Носенко в отношении действий Энглтона заметил, что «бывают люди, которым знание латыни не мешает все-таки быть ослами».

Энглтон не мог повлиять на заключение своих коллег...

1 марта 1969 года Носенко был принят на работу в ЦРУ консультантом одного из департаментов управления по КГБ с начальным окладом 16, 5 тысячи долларов в год. В 1978 году ему уже платили более 35 тысяч в год. В качестве компенсации за время, проведенное под стражей, он получил еще 87 тысяч 52 доллара. Вскоре он приобрел квартиру, развелся с женой, находившейся в Москве, женился на американке и стал ждать окончания десятилетнего срока для получения местного гражданства. По американским законам бывшие члены Коммунистической партии должны были выдерживать именно такой временной срок...

Сам Носенко не забыл, как к нему применяли физическое воздействие и кто инициировал эту дикую жестокость. Однажды, где-то в середине 70-х, он решил встретиться и поговорить со

своим мучителем. Он позвонил Энглtonу на квартиру и поинтересовался, почему он и его коллеги избегают встреч с ним.

— Я не могу понять, как человек вашего уровня, положения и опыта мог решить судьбу другого человека, ни разу с ним не встретившись? — вопрошал Носенко. — Никакая бумага не может дать вам полного представления о человеке. Вы должны встретиться с ним, увидеть его своими глазами, услышать его.

По словам Носенко, как описал этот эпизод Мэнголд, Энглтон повысил голос и заявил:

— Я придерживаюсь своей прежней позиции. Так я докладывал директору и с тех пор не изменил своей точки зрения. Больше мне вам нечего сказать.

— Мне тоже нечего вам больше сказать, господин Энглтон, — ответил Носенко.

Свою убежденность в том, что Носенко является лжеперебежчиком, Энглтон унес с собой в могилу...

Со временем западная пресса его назвала «тайным узником ЦРУ» по вине Энглтона и Голицына.

Мэнголд признавался, что на долгие годы деятельность всего разведывательного сообщества Запада по советской линии была парализована. В этом контексте такая «охота на кротов» должна заслуживать самых высоких оценок со стороны Советского Союза, а председатель КГБ мог бы на полном основании наградить Энглтона знаком «Почетный сотрудник госбезопасности», заодно реабилитировав и его идейного вдохновителя Голицына.

Как говорится, победители пишут историю войны, всячески искажая правду. У них своя правда — правда победы, а победителей, как известно, не судят. Энглтон за время войны с советскими инициативниками всегда выходил победителем, поэтому за его «правду победы» этого контрразведчика только вышвырнули из ЦРУ, но не судили — пожалели старика.

Думаю, именно в этот период Энглtonу стали известны подробные материалы на Полякова как очередного инициативника, которого он тоже не мог не считать подставой КГБ. Цепной пес «холодной войны» явно не доверял «Бурбону» и делал все от него зависящее, чтобы довести эти сведения до своих шефов, в

разное время являвшихся директорами ЦРУ: Джона А. Маккоуна, Уильяма Ф. Раборна и Ричарда Мак Г. Холмса. С ними у него были достаточно теплые личностные отношения. Они уважали его за ревностное отношение к службе, а он чтил их за то, что эти руководители прислушивались к его доводам и часто соглашались с мнением и оценками по тому или иному проверяемому лицу из числа иностранцев или американцев.

Если бы знал Поляков, что его псевдонимы «Топ-Хэт» и «Бурбон» будут со временем раскрыты теми, кто обязан был по службе их оберегать и хранить в тайне, то, наверное, он бы воздержался предлагать свои услуги американским «коллегам», оказавшимся к тому же не только «ослами», но болтунами.

27 февраля 1978 года в журнале «Нью-Йорк мэгэзин» появилась статья Эдвара Джэй Эпштейна под названием «Легенда», в которой, аннотируя книгу «главного контрразведчика» ЦРУ Энглтона, автор делает намек на «Бурбона».

В самой книге впервые рассказывалось о существовании советского разведчика в системе Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР. Что поразительно, — данная информация неожиданно всплыла в тот период, когда шпион Поляков еще активно работал на ЦРУ. Чем это можно назвать, если не лишним доказательством того, как янки «берегут» секреты, связанные с завербованной ими агентурой. Принцип Тефллера сработал по-американски — выжатый лимон выбрасывается. Это и есть ответ на вопрос, как янки берегут свою отработанную агентуру.

Таких примеров в практике вашего покорного слуги, признаюсь откровенно, было немало. Кстати, это в назидание тем, кто желает поиграть со спецслужбами — огрызок обглоданного яблока выбрасывается. Парни из ЦРУ нередко бесцеремонно обращались и обращаются со своими помощниками...

Так американцы поступили и с разоблаченным военными контрразведчиками и отсидевшим 15 лет в тюрьме своим агентом «Алексом» — бывшим майором ГРУ Генштаба А.Н. Филатовым. На встрече с ним летом 2008 года разоблаченный шпион рассказал автору, как после отбытия срока он зашел в американское посольство и попросил аудиенции с резидентом ЦРУ в Мо-

ске. На встречу с провалившимся агентом вышел неизвестный. Он представился заместителем резидента ЦРУ при посольстве США в Москве. Когда Филатов попросил у янки материальной помощи, сославшись на якобы имевшиеся накопления у него в швейцарском банке, тайный чиновник ответил, что никаких денег у него на счетах нет, что он не гражданин США, а поэтому помочь ему ничем они не могут.

— Как же так, — поинтересовался провалившийся их агент, — ваши коллеги, работавшие со мной, заверяли, что за время сотрудничества с ЦРУ мне будут класть в банк примерно 600 долларов ежемесячно, помимо рабочего финансирования.

— Я ничего не знаю... Америка вам ничего не должна! — был холодный ответ разведчика.

Значит, одно из двух: или ничего и «не капало», или «накапанную» сумму кто-то из руководителей ЦРУ прикарманил, а попросту элементарно похитил. Нечто подобное случалось с разоблаченными советской военной контрразведкой американскими шпионами из числа офицеров ГРУ старшим лейтенантом Ивановым и подполковником Сметаниным, деньги которых испарились не без помощи заокеанских благодетелей.

Роберт Гейтс в своей книге воспоминаний «Из тени» пишет, что, когда в 1973 году директором ЦРУ стал Джеймс Шлесинджер, он задумался, что делать с Энглтоном, который со своими подозрениями сидел у всех в печенках.

Энглтон был человеком прошлого, фигурой из другого мира. Политики нового поколения вели здоровый и светский образ жизни, решали важнейшие вопросы, встречаясь на теннисных кортах и полях для гольфа. Он один сидел анахоретом в своем кабинете в клубах табачного дыма, раскладывая бесконечный причудливый пасьянс. К концу своей карьеры Энглтон, по мнению Гейтса, «превратился в карикатуру на контрразведчика».

Для начала Шлесинджер направил к нему одного из своих помощников с одной целью — составить объективное мнение об «американском Ежове». Гость застал Энглтона в объятom мраком кабинете. На письменном столе лишь тускло горела на-

стольная лампа с зеленым колпаком. Хозяин этого склепа был явно погружен в размышления и постоянно курил. От насыщенного сигаретного дыма вошедшему человеку было трудно дышать. В течение сорока пяти минут, пишет Гейтс, Энглтон рисовал пришедшему картину всеобъемлющего заговора КГБ против ЦРУ, увенчав свое повествование заявлением о том, что Шлесинджер — «один из них».

Помощник вынужден был сказать, что должен доложить об этом шефу.

— В таком случае и вы один из них, — грустно ответил Энглтон.

Шлесинджер проработал директором ЦРУ ровно пять месяцев, а затем стал министром обороны. Отправлять Энглтону в отставку уже пришлось следующему шефу — Уильяму Колби. Он убил немало времени, постоянно выслушивая хитроумные теории Энглтона о метастазах КГБ и ГРУ в ЦРУ. Но, обладая более прямолинейным характером по сравнению со своими предшественниками, свой вывод о подчиненном он сформулировал более четко:

«Пока вы тратите время на то, чтобы застраховаться от плохих агентов, вы рискуете тем, что у вас не останется ни одного хорошего».

Есть смысл добавить сюда слова, сказанные Жаном Полем Сартром: «Если вы одиноки, когда вы один, значит, вы в дурном обществе». Дурное общество — одиночество Энглтона негативно повлияло на его служебную стезю.

Разрушив карьеру не одного офицера ЦРУ и фактически парализовав работу советского отдела, Энглтон наконец-то дождался своего «звездного часа» — его отправили на покой. Охотника на советских «кротов» вынудили написать рапорт об отставке после заслушивания на комиссии Конгресса, где он, легенда, вызывавшая страх у многих сослуживцев, выглядел растерянным и жалким. Мыльный пузырь его затей с антишпионской паранойей, надутый вместе со спекулятивной фантазией предателя Голицына, наконец-то лопнул...

«Скоро ты забудешь обо всем, — рассуждал Энглтон, — и все, в свою очередь, забудут о тебе». Так оно и случилось.

Уйдя на пенсию, он начал еще сильнее злоупотреблять спиртным. Правда, покинувшая его жена неожиданно вернулась и в какой-то мере помогла победить дурную привычку — алкоголизм. Он стал заниматься выращиванием орхидей, шлифовкой драгоценных камней, выделкой кожи и с подлинной страстью — рыбалкой. Нетрудно заметить, что эти занятия требуют методичности и одиночества, усиливая болезненную замкнутость.

С уходом Энглтона новый шеф внешней контрразведки ЦРУ столкнулся с настоящим саботажем со стороны старых кадров. Плавного перехода не вышло, пришлось руководству ЦРУ менять всех и быстро, в том числе и преемника, который, покидая кабинет в Лэнгли, откровенно заявил: *«Священникам и контрразведчикам трудно жить, они слишком много знают о людях»*.

Журналист Джозеф Тренто встретился с Джеймсом Энглтоном у него дома в конце 1985 года. Охотник за «кротами» уже был тяжело болен, но, невзирая на душераздирающий кашель — он почти непрерывно курил, — поделился впечатлениями о прошлом:

— Я всегда был скунсом на вечеринке в розовом саду, — с горечью сказал он визитеру и добавил: — Бог не на стороне больших батальонов, а на стороне лучших стрелков.

Неужели он считал себя лучшим стрелком — контрразведчиком в системе американской разведки?

Джеймс Джизус Энглтон умер в мае 1987 года в возрасте 70 лет от рака легких.

А уже в мае 1991 года в Англии издается книга «Беспощадный воитель», написанная корреспондентом Британской радиовещательной корпорации Томом Мэнголдом, в которой говорилось об агенте ФБР США под псевдонимом «Топ-Хэт», являвшемся советским генерал-майором Дмитрием Федоровичем Поляковым. Но к тому времени агент ЦРУ «Бурбон» был уже обезврежен.

Знал ли автор о его аресте — неизвестно. Если не знал, это еще одно доказательство безразличного отношения американских спецслужб к своей отработанной агентуре.

Вот уж поистине в каждом веке есть свое средневековье, а в каждой разведке — своя ежовщина. Так неужели прав Бертольд Брехт, написавший в «Трехгрошовой опере»:

Чем жив человек?
Тем, что другого жрет из века в век.

Упомянутая книга посвящена главному охотнику за шпионами, начальнику контрразведки ЦРУ Энглтону, по вине которого, как считает автор, произошел провал этого ценного американского источника информации по ГРУ Генштаба ВС СССР.

Глава 8

Служба в Бирме

Мечта попасть за границу ни на минуту не покидала Полякова, считавшего, что наиболее «плодотворные» и безопасные «торговые сделки с секретами» могут осуществляться исключительно за пределами страны в условиях вполне объяснимых служебной логикой контактов с иностранцами, и в частности с американскими дипломатами.

«Скорее бы уехать в длительную командировку. Там безопаснее я себя чувствую. В Союзе мрак, а не жизнь с мизерной зарплатой даже у старших офицеров Генштаба и страхом потерять голову из-за таких грехов перед страной, какими я занимаюсь. За рубежом же можно получать в несколько раз больше: в рублях и сертификатах — от наших, а в долларах и презентях — от американцев».

Нередко подобным образом рассуждал агент «Бурбон», считая себя корифеем разведки, которому командование всецело доверяет и считается с ним как с профессионалом высокого класса. Но, как говорится, любят надуваться от собственной значимости лишь полные нули. Он им становился по мере того, как терялся нюх разведчика, своим горбом ищущего кандидатов на вербовку. Ему кандидатов теперь будут подставлять американские хозяева, и, таким образом, он обречен расти и «надуваться от собственной значимости» не только в своих глазах, но и в оценках своего руководства. Ему не надо будет ломать голову,

где найти кандидата на вербовку, не надо будет изучать его качества — «кукла» будет готова. А «шкурки» (сленг оперативников — информация от агента. — *Прим. авт.*) будут слетать, как с ротапринта. Останется только их «причесать» и отправить в Центр для анализа.

Но откомандирование за границу затягивалось. Он уже начал волноваться. «Если хочешь рассмешить бога, расскажи ему о своих планах», — отвечал он жене на ее приставание о возможности выезда за рубеж.

— Что они тебя мурыжат? Сколько это может продолжаться? Ты ведь не в пример сопливым выпускникам нашей академии — капитанам да майорам — и знаешь больше их, и поопытнее этих молокососов! — однажды от нетерпения взорвалась супруга, тоже горевшая желанием отдохнуть от «совковой» обстановки.

— Не бери хоть ты душу, и так тошно в режиме каждодневного ожидания. Придет время — скажу! — огрызнулся Дмитрий Федорович.

— Действительно, разве можно сравнивать тебя и их? — настойчиво продолжала наступать на большую мозоль мужа хозяйка.

— Да, чтобы сравнивать, нужно многое знать, а в нашей работе видеть, чувствовать и рисковать. Они — выпускники пока голые в смысле опыта, — поддержал Поляков жену.

— Дождемся...

И все же он верил в свою звезду, — как-никак у него на счету была работа с нелегалами и проведено несколько «вербовок» иностранцев. Не каждый разведчик может похвастаться таким богатым профессиональным багажом...

Правда, он не видел время скорых перемен, но чувствовал их принципиальное приближение своей интуицией.

Летом 1965 года с полковником Поляковым провел беседу старший офицер Управления кадров ГРУ. Он прощупал психологическое состояние офицера и для соблюдения профформы вы-

яснил, не будет ли с его стороны каких-то доводов в отказе от поездки в заграникомандировку.

Поставив положительную оценку работе офицера, кадровик доложил непосредственному начальству свои выводы. Через неделю Полякова вызвал начальник Управления кадров и предложил должность военного атташе (ВАТ) в Бирме. Кандидат внешне спокойно согласился, хотя на душе играли фанфары — его планам суждено скоро сбыться!

Потом колесо «сватания» покатило по известной дорожке. Выездная комиссия ГРУ и комиссия инстанции в Административном отделе ЦК КПСС дали «добро» на предлагаемую полковнику Полякову должность руководителя аппарата ВАТ в Бирме.

И вот она, «птица счастья радостного дня», — 3 ноября 1965 года он вылетает в Бирму в качестве военного атташе при посольстве СССР. Одновременно ему вменялась Москвой работа по руководству центром радиоперехвата в Рангуне. Сразу же по прилете новый руководитель быстро принял дела у своего предшественника и стал руководить аппаратом.

Офицеры резидентуры ГРУ уже через несколько дней почувствовали, что в советское представительство прибыл требовательный, даже с несколько жестким стилем руководитель. Говоря о характере Полякова, многие его сослуживцы отмечали элементы грубости, а порой и хамства во взаимоотношениях с подчиненными, в то же время вежливость и толерантность — с вышестоящим начальством, как армейским, так и мидовским. Как известно, двоедушные люди легко меняют свои правила поведения в коллективе.

Так, бывший сослуживец Полякова по нью-йоркской резидентуре в 60-е годы генерал-лейтенант ГРУ в отставке Леонид Гульев рассказывал автору, что в отношениях с подчиненными Дмитрий Федорович не всегда был сдержан, часто срывался на ругань и даже сквернословие в беседах и на совещаниях в заграничном аппарате ГРУ. Мог нагрубить, обругать офицера из-за сущего пустяка, что у многих порождало ненависть к нему. Даже за незначительную ошибку он буквально готов был затоптать в

грязь любого офицера. Слова-паразиты: «коновал», «урод», «недоросль» часто слетали с его уст.

С другой стороны — автор книги «Сколько стоит продать Родину» Д.П. Прохоров, ссылаясь на интервью, данное автору близким генералу человеком на условиях анонимности, писал, что «в отличие от большинства других советских офицеров, завербованных ФБР и ЦРУ, Поляков не курил, почти не пил и не изменял жене».

Опять же по словам близкого к семье Поляковых человека, ее глава «был сдержанным, чутким и добрым семьянином, очень любил жену Нину и сыновей, совершенно не гонялся за деньгами, а в самой семье царил покой. Любил во всем порядок, а хаос называл тоже порядком, который людям непонятен».

Как говорится, сколько людей, столько и мнений.

В доме у Поляковых была большая фонотека, состоящая из пластинок, магнитофонных бобин и аудиокассет. Домашняя библиотека располагала множеством книг разной направленности, фотографий, а сам Поляков перед арестом начал писать что-то вроде мемуаров, касающихся своей многолетней службы. Наверняка он писал только о своих «подвигах» на стезе военного разведчика, другую сторону жизни — предательство, можно было только вспоминать. Но ничто не меняется так часто, как прошлое, — его можно было истолковывать в разных ракурсах.

У каждого человека рано или поздно наступает время работы над ошибками, происходит переоценка ценностей. Однако свои «ошибки — преступления» он, естественно, не мог показать в воспоминаниях, хотя к чужим откровениям, даже своих коллег, относился с критичной завистью, считая, что целью написания военных мемуаров, как правило, является не восстановление истины, а вторичное уничтожение противника и прославление себя. Именно в этом направлении готовил он и свой «исторический опус».

Вот такие диаметрально противоположные оценки личности Полякова, написанные черной и белой красками, мы видим сегодня. Наверное, все же истина где-то посередине. Преображения людей на службе и дома бывают поистине фантастическими —

неучтивость, холодность и хамство в одних условиях перемежаются с деликатностью, вежливостью и нежностью в других.

Мы любовь без боли не понимаем. И все же он был из той категории людей, которые, по меткому выражению Салтыкова-Щедрина, путали два понятия: «Отечество» и «ваше превосходительство». С мимикрией он был на «ты».

Но вернемся в Рангун.

Об обнаружении «Бурбона» американцами в Бирме существует две вполне правдоподобные версии — первая советская и вторая британская.

Версия первая.

Вскоре после прибытия советского офицера к новому месту службы от руководителя посольской резидентуры США в Рангуне в штаб-квартиру американской разведки в Лэнгли полетела зашифрованная телеграмма. Адресована она была начальнику советского отдела ЦРУ Дэвиду Мэрфи и сообщала о том, что прибывший военный атташе СССР полковник Поляков проявляет необычно дружественное расположение к американским сотрудникам, особенно к тем, кто занимается разведывательной деятельностью. Пытается завязать с ними разговоры, что нетипично для советских офицеров такого ранга.

Взглянув на присланную фотографию советского военного атташе, Мэрфи от неожиданности подпрыгнул и чуть было не воскликнул: «Эврика!» Он понял, что нашел наконец-то своего агента после почти годичного молчания. Это действительно дорогая находка для разведчика, потерявшего связь со своим агентом, тем более такой величины и стажа.

«Вот и считай, с судьбою вечного союза не бывает», — обрадовался он. Судьба послала ему того, которого он потерял.

Версия вторая.

В конце 1965 года начальник советского отдела ЦРУ Дэвид Мэрфи, совершавший рутинную поездку по странам Дальнего Востока, сделал короткую остановку в Бирме. От резидента ЦРУ в Рангуне он узнал, что недавно в советской колонии появился старший офицер, который делал какие-то явно «дружеские жесты» в отношении сотрудников его резидентуры. Такое дружелюбие всегда привлекает внимание любой разведки.

Американский резидент пока располагал лишь самыми минимальными анкетными данными на этого советского офицера, но, когда сотрудники добыли его фотографию и показали Мэрфи, представитель центрального аппарата ЦРУ сразу же узнал агента ФБР «Топ-Хэта» и ЦРУ «Бурбона».

Мэрфи тут же отправил шифровку в Лэнгли о появлении в Бирме своего агента и испрашивал разрешения на продолжение оперативных контактов с ним. Следует заметить, что Мэрфи являлся одним из нескольких сотрудников советского отдела ЦРУ, кто знал не только установочные данные агента «Топ-Хэта», работавшего в то время на ФБР, но и в лицо.

Американцы быстро подсуетились с налаживанием плодотворной деятельности с потерянным агентом. Надо было наверстывать упущенное. Для восстановления связи и организации предметной работы с агентом в Рангун вылетели два опытных сотрудника ЦРУ — Джим Флинт и Пол Диллон. Они потирали руки и готовы были продеklamировать: «Хорошо, что в этом месте мы с тобою будем вместе!»

Но и в данной ситуации не обошлось без сопротивления «подозрительного» Энглтона. Против решения Дэвида Мэрфи о восстановлении связи с Поляковым выступил не только начальник внешней контрразведки ЦРУ, но и заместитель самого Мэрфи — Пит Бэгли, разделявший взгляды Энглтона на эту проблему, а потому и сомневавшийся в надежности агента, тем более советского офицера из разведывательной среды. Тем более прибывшего из Москвы — из самого центрального аппарата ГРУ Генштаба.

И все же Мэрфи настоял на своем решении, и в начале 1966 года «Бурбон» был включен в платежную ведомость финансовых расходов ЦРУ. Теперь доллары из оперативной кассы ЦРУ стал вновь отсасывать «Бурбон», что было приятно и для янки — они знали, на кого можно дополнительно списать «зеленые». Цэзрушники прекрасно понимали, что за «товар» такому высокопоставленному и капризному агенту, каким им представлялся советский старший офицер Поляков, придется платить немалые деньги. Возле бобра с расписками и без оных можно погреться и им самим...

По договоренности с американцами Поляков отправляет в ГРУ шифровку, в которой сообщает о появлении в поле зрения американца Флита. Он представил руководству военной разведки вполне логическое обоснование о нем как о «вероятном кандидате на вербовку». Описывал его информационные рамки, черты характера и испрашивал разрешения на его «изучение». Таким образом, он открывал себе возможность почти легальных контактов со своим хозяином, что в последующем активно использовал, не боясь быть заподозренным ни своими коллегами из ВАТ, ни офицером безопасности посольства, назначаемым, как правило, из числа сотрудников внешней контрразведки ПГУ КГБ. Это был его достойный конек, позволяющий логично прикрывать преступные контакты протокольными встречами, просмотрами кинофильмов, изучением обстановки среди иностранных дипломатов, в том числе и военных атташе.

Центр не замедлил с положительным ответом. В шифровке Москва давала «зеленый свет» инициативам советского военного атташе. В документе указывалось, что для более глубокого оперативного изучения Флинта следует задействовать весь арсенал легальных поводов для общения с ним.

Давались и небольшие оговорки, в частности, о соблюдении политической бдительности и оперативной конспирации. Предостерегался Поляков также о возможности подставы со стороны американцев. Надо признать, что последними рекомендациями руководство Центра себя основательно обезопасило.

Но такие указания Центра «Бурбон» счел за чисто профилактически-предупредительные мероприятия, направленные на сохранение и закрепление нормального состояния не столько дела, сколько переписки. Он понимал, что Москва таким образом подстраховывала и себя от возможных негативных неожиданностей с целью легкой расправы над «стрелочником».

Получив «добро» от руководителей ГРУ, советский военный атташе стал теперь частенько после работы заглядывать в американское посольство, навещая друга Джима. Приезжал Поляков обычно к половине девятого вечера, приурочивая время «деловых контактов» к началу просмотра вечерних киносеансов с «мыльными операми» и круто закрученными сериалами. Эти по-

сиделки в кинозале в те времена практиковались американцами с вполне определенными целями — для завязывания контактов с интересными в плане изучения и вербовок иностранцами.

Именно в таком режиме американский разведчик провел с «Бурбоном» 30 встреч!!! Выходило по одной-две встречи в месяц.

Все шло как бы по накатанной колее: Поляков «сливал» американцу информацию, Флинт платил за нее россиянину. Платил, как это делалось и в Америке, — деньгами и бартером: вещами, радиоаппаратурой, удочками, охотничьими принадлежностями, инструментом. Американцы помнили запросы своего клиента еще по службе в Нью-Йорке, его жадность к понравившимся вещам, на которые ему было жалко тратить свои деньги. Поляков понимал: все, что он пожелает, приобретут теперь для него янки.

Однажды американец принес патроны двенадцатого калибра в качестве подарка.

— Дмитрий Федорович, вот нашел в загашнике наши патроны. Не знаю, подойдут ли они вам? — спросил для проформы, зная, что у Полякова «пушка» именно подобного калибра.

— С удовольствием возьму. С меня трофеи!

— Договоримся...

И вот вдруг в 1968 году Флинт был неожиданно отозван в США. Причем так быстро, что не успел даже попрощаться с советским офицером. Не рассеялось всеобщее недоверие! Центр посчитал, что советский руководитель военной разведки не только сможет его завербовать, но и готовит ему вербовочное предложение.

Потеря «кандидата» больно ударила по самолюбию полковника. Он даже несколько обиделся на заокеанских друзей. А потом, подумав, заметил про себя: «Все настоящее — мгновение вечности. Завтра будет новый кандидат. Они меня без работы не оставят. Я же должен быть маяком в своей конторе».

И все равно Поляков, придя домой после работы, выглядел уставшим и был даже взвинченным. Предательская бледность лица выдавала стресс. Этого не могла не заметить супруга.

— Что с тобой? Неприятности на службе, что ли? — поинтересовалась Нина, внимательно глядя ему в глаза.

— Да подчиненные подводят, — солгал Дмитрий Федорович.

Быстро перекусив, он покинул кухню и, плюхнувшись в мягкое кресло, расслабился. Закрыв глаза и мысленно проутюжил всю работу с Флинтом.

«Что случилось? Неужели мне не доверяют? Работал же я явно под контролем и по рекомендациям ЦРУ, местный контроль осуществлялся через американского резидента. Неужели они испугались, что я его могу «завербовать»? Глупости. Теперь могут возникнуть подозрения и в нашем Центре. Подумают — проколосся, американцы стали что-то подозревать, а потому и отозвали. А потом придется искать новых кандидатов на вербовку. Их не так-то быстро вырастишь, хотя друзья помогут...»

Раздумья советского атташе прервал телефонный звонок. Поляков подошел к телефону.

— Да... слушаю...

Звонил подчиненный, докладывавший об успешно проведенной операции в городе.

— Хорошо... хорошо. Завтра лично доложите все подробности, — и положил трубку. Ему не хотелось говорить ни с женой, ни с подчиненными. Он был весь в поисках причин срочного отъезда в США Флинта...

Энглтон и тут «наследил». Американцы, с одной стороны, боялись реальной перевербовки своего коллеги советским офицером, а с другой — все тяжелее стало готовить дезинформационную стряпню для «Бурбона», которой он систематически «поил и кормил» руководство ГРУ Генерального штаба, Министерство обороны СССР и членов Политбюро ЦК КПСС.

Безвластие продолжалось недолго. Вскоре предателя принял на связь прибывший из Штатов новый сотрудник ЦРУ Алвин Капуста, который был засвечен еще по фальсификации материалов (опять же по заданию Энглтона. — *Прим. авт.*) на уже упоминаемого перебежчика из СССР майора КГБ Логинова.

Новый руководитель — разведчик из Лэнгли провел с «Бурбоном» в бирманской столице всего шесть конспиративных

встреч. Как правило, выезжая на машине, он подбирал своего агента в заранее обусловленном месте, почти что в центре Рангуга, и увозил «продавца драгоценного товара с глаз долой».

Припарковав автомашину в удобном с позиции конспирации месте, цэзрушник проводил оперативную беседу, «ошкуривая» своего источника. Задавал уточняющие вопросы и давал дополнительные инструктажи. Иногда расплачивался за купленный «товар» или вручал подарки.

Таких личных контактов с американцами за границей Поляков не боялся — знал их почти абсолютную надежность. Свободное личное общение, конечно, гарантировало его безопасность, и все же он считал, что цена такой свободы должна проходить по кромке вечной бдительности. Поляков был тонким конспиратором.

На последней встрече в автомашине Капуста поблагодарил своего агента «за огромный вклад в дело помощи Соединенным Штатам в ходе борьбы за мир, демократию и отстаивание национальных интересов».

— Америка никогда не забудет того, что вы сделали для ее народа, — с пафосом вещал янки. — Вы своим честным и добросовестным трудом обеспечили себе получение без проблем гражданства США и достойное материальное поощрение в случае пожелания остаться в нашей стране. На ваши любые вопросы мы готовы всегда благородно ответить.

Последняя шпионская сводка с секретными материалами в конверте легла на бедро водителя, а пассажиру в ответ были вручены новые условия по поддержанию конспиративной связи в Москве, шифры, коды, дорогие подарки жене и начальству, безделушки детям, друзьям и знакомым.

В таком режиме предательства — этого морального злодеяния Поляков проработал до того времени, когда в 1969 году приказом начальника ГРУ он был отозван в Москву.

После отъезда «Бурбона» в Советский Союз его негласный патрон Алвин Капуста вскоре тоже покинул страну пребывания. Мавр сделал свое дело, но умирать не собирался.

Глава 9

На банкете в посольстве США

Прибыв в Москву, Поляков, с одной стороны, решил «отдохнуть» от черного, неблагородного бизнеса, с другой — он патологически стал бояться активничать в Москве. Особенно страшили его личные встречи и закладки тайников. После громких процессов над своими коллегами по военной разведке и предательству подполковником Поповым и полковником Пеньковским инстинкт самосохранения сработал четко, заявив о себе жесткой командой — остерегайся и остановись!

Страх за свою шкуру у подобных людей порождает бурные потоки лести и подхалимажа к начальству. Поляков понимал, что тот, кто поддается лести, беззащитен. Поэтому, согласно Карнеги, таких надо ублажать знаками внимания, лицемерием, подарками. Подобный человек, услышав лестный отзыв о себе, будет упиваться своим тщеславием. Такова уж человеческая натура.

В его понимании это был в какой-то степени щит от опасности подозрений. И все же ужас реальной опасности, нависшей над ним, как он считал, в тысячи раз страшней самой опасности ожидания зла, которое могли принести «дальние соседи» — военные контрразведчики.

Перед его глазами часто всплывала история разоблачения Пеньковского — выход на него через посольскую связь и как финал суд, фрагменты которого в то время часто демонстрировались по телевидению в назидание его коллегам и другим последователям.

«Нет, ни в коем случае, ни за какие деньги я не буду работать с американцами в Москве, — успокаивал себя Поляков. — Ведь никогда нельзя жить счастливо, когда все время дрожишь от страха. Работать с янки придется только за границей. А пока надо качать мускулы авторитета перед командованием».

Он раздал подарки в первую очередь своим начальникам, потом друзьям и знакомым. Поляков серьезно относился к тому, чтобы у коллег и руководства ГРУ складывалось о нем мнение как человеке не жадном, думающем и активном работнике. И руководство в силу «объективности» вынуждено было считать его

именно таким — «заслуженным». Ведь он «показал» себя умеющим находить перспективных кандидатов на вербовку среди иностранцев и работать с ними как с агентами, поставляющими нередко заслуживающие оперативного внимания материалы.

В этом ключе его всячески поддерживала американская разведка: предоставляла некоторые не столь важные секретные документы, подставляла под «изучение с последующей вербовкой» отдельных кандидатов, имитировала вместе с агентом бурную деятельность по поиску оперативно-значимой информации для ГРУ. Цэзрушники рекомендовали ему быть адептом советской власти и горячим сторонником марксистско-ленинской идеологии, продвигаться по линии выборных партийных органов. Одним словом, никак не отличаться «от передовиков», «от лучших сынов Отчизны», быть почти что «сталинским ударником». На словах слова «Коммунистическая партия» были для него священны.

Известный знаток российских спецслужб Д.П. Прохоров в книге «Сколько стоит продать Родину» писал о поведении Полякова после его возвращения из Бирмы: «Своим сослуживцам в ГРУ он дарил множество безделушек, как, например, зажигалки и шариковые ручки, составляя о себе впечатление как о приятном человеке и хорошем товарище. Одним из покровителей Полякова был начальник отдела (Управления. — *Прим. авт.*) кадров ГРУ генерал-лейтенант С. Изотов, до этого назначения 15 лет проработавший в аппарате ЦК КПСС.

В деле Полякова фигурировали дорогие подарки, сделанные им Изотову. А за генеральское звание Поляков презентовал Изотову серебряный сервиз, купленный специально для этой цели ЦРУ».

Время шло тягуче, потому что оно было заполнено ожиданием выезда в очередную длительную командировку. Хотелось новых денег и дорогих заказных подарков.

Мысль о новой поездке за границу не покидала его ни на минуту. Он верил в свою звезду, считая, что он обязательно еще работает в загранкомандировках, так как пока не подводит здо-

ровые и возрастная планка позволяет находиться на службе в армии.

В его голове — этом своеобразном биологическом компьютере — то и дело проскакивали одни и те же мысли-строчки:

«Надо сделаться копилкой для собираемой секретной информации, чтобы потом при выезде за границу ее выгодно продать. Валюту просить не буду, а вот сувениры и, особенно, инструменты — с превеликим удовольствием. Большие деньги оставляют за собой мрачные следы».

И все же долго отдыхать американцы ему не дали.

В июне 1972 года Полякова неожиданно вызвал к себе непосредственный начальник Управления ГРУ и вручил ему именное приглашение на прием в американское посольство. Его направляли туда в связи с приездом в Москву высокопоставленного военного чиновника — представителя министерства обороны США, полковника Меррита.

«Идиоты, вы же меня подставили, — ужаснулся он от такого шага американцев, посылая про себя проклятия в адрес безголовых, как он считал тогда, цээрушников. — Наверное, здесь тот случай, когда предателей презирают даже те, кому они сослужили службу. Иначе как можно объяснить такую выходку — без согласия пригласить меня на официальный прием? Они фактически поставили меня под угрозу провала... Как могло такое случиться? Что они натворили?!»

В этих страшных догадках и черных мыслях, затем подтвержденных словами Полякова в ходе следствия, есть большая доля правды — правды того, что американцы в работе со своей потерянной или отработанной агентурой нередко поступали безголовово, бесцеремонно и грубо — отработанный материал не щадили и готовы были его утилизировать. Но здесь же был алмаз в короне ЦРУ!

И все же Поляков из соображений личной безопасности и дешевого кокетства попытался отказаться от визита, однако начальник настоял на необходимости посещения посольства. Пришлось пойти на эту встречу. Довод стандартный, «всепогодный» — интересы службы — прежде всего!

«Что поделаешь, надо согласиться — судьба! Тут случай,

когда господь бог — кукловод, а мы у него марионетки. Не покажусь американцам, что я еще при службе, и могут лопнуть мои планы получить приработок за границей. Лопнут, как радужный мыльный пузырь. Не надо жалеть себя, ибо она, эта жалость, самый презренный вид малодушия. Мы еще повоюем!» — подумал Поляков.

К тому же «Бурбон» уже знал через своих высоких покровителей в руководстве ГРУ, что может скоро уехать на знакомую теперь должность военного атташе. По информации его друзей, близко стоящих к руководству ГРУ, его будут «сватать» в Индию.

На следующий день он отправился в посольство США...

Был яркий безоблачный день. Сочная голубизна неба умиротворяла, а вот солнечные лучи, пробивающиеся сквозь стволы деревьев, ярко ударили в глаза, когда он вышел на улицу из дома. Несмотря на лето, воздух был чист и свеж. Недавно прошедшая поливочная машина прибила пыль. Он медленно проследовал к троллейбусной остановке. По устоявшейся привычке несколько раз проверился, нет ли «хвоста», и резво впрыгнул в едва раскрывшиеся задние створки дверей подошедшего троллейбуса. Свободных мест не было, да если бы и были, он никогда бы не сел, потому что и здесь решил «понаблюдать» за вереницей мчащихся машин через заднее стекло. Поляков занял свободное место на «корме» троллейбуса. Он еще раз успокоил себя...

Прием проходил на фоне заискивания гостей перед залетной птицей из Вашингтона. Поднимали тосты за благополучие народов США и СССР. Пили за здоровье первых лиц государств, за мир во всем мире, за укрепление дружбы и взаимопонимания между армиями двух великих сверхдержав, вместе повергнувших фашизм в победном сорок пятом, и за разрядку международной обстановки.

Полковник Меррит при тостах галантно обходил круг гостей, чокался фужерами. Когда он подошел к Полякову, стоявшему как-то в стороне, последний неожиданно для американца сообщил ему, что в скором времени будет работать в Дели, и зара-

нее, как охотник охотника, пригласил его поразвлечься в меткой стрельбе в Индии.

— Непременно приеду. Слышал, слышал о вас как об опытном рыбаке и удачном охотнике. С такими профессионалами не страшно и на тигра идти, — слукавил американец, понимавший, что такая встреча вряд ли состоится.

— Вы останетесь довольны, уверяю вас. А приехать в такую живописную страну, как Индия, сам бог велел.

— Бог, может, и зажжет зеленый свет в светофоре, да работа не отпустит, — снова как-то витиевато отмежевался от приглашения Меррит.

— Это верно... у нас — то же самое. Военные привязаны к рабочему месту крепчайшим канатом под названием — служба...

— Да, этот канат нас всех крепко держит за письменными столами, — глядя куда-то в сторону, ответил американский гость.

Торжество заканчивалось. Сутолока усилилась — гости стали расходиться. Вдруг неожиданно к Полякову подошел один из сотрудников американского посольства и произнес известный советскому офицеру словесный пароль: «Шестьсот семь. Мэдисон авеню». После чего при рукопожатии незаметно вложил в ладонь небольшой предмет. Советский полковник быстро и незаметно для окружающих спрятал передачу в правый брючный карман.

Возвратившись после банкета домой, когда жена отправилась в спальню, «Бурбон» тщательно рассмотрел переданный ему предмет. В небольшом целлофановом пакете находился неизвестный аппарат величиной в пятикопеечную монету. Как выяснилось, это был оптический прибор для читки микротекстов и микроточек. К нему прилагалась инструкция с подробным описанием правил пользования этим нехитрым приспособлением. В ней давались советы о способах маскировки микроточек и указывался перечень конспиративных адресов за границей, куда агент мог обратиться в случае непредвиденных обстоятельств.

«Опять началась игра со смертью, — мрачно подумал советский полковник. — А куда деться, когда я с ними? Сама жизнь — довольно рискованное занятие. Просто я становлюсь Робин Гу-

дом — вольным стрелком, но не из Шервудского леса, а из российской столицы».

Да, предательство — тяжелый груз для Совести, если, конечно, она есть.

Военные контрразведчики, оперативно обслуживавшие ГРУ, активно работали в это непростое время по выявлению вражеской агентуры в подразделениях центрального аппарата военной разведки.

Поводов было много. Разбирательство работы отдельных офицеров с подставами. Перекрытие выявленных каналов утечки информации. Вскрытие причин провалов агентуры по линии стратегической разведки ГРУ и прочее и прочее.

Проверялись сигналы, велась работа оперативного учета: дела оперативных проверок (ДОП) и дела оперативных разработок (ДОР). Личность Полякова фигурировала в списках, подозреваемых в причастности к утечке секретной информации и работе на вероятного противника, как тогда называли американцев, а не партнера, как сейчас. Правда, от изменения определения суть не изменилась до сих пор. Но, к сожалению, он каждый раз выпадал — находились какие-то алиби, появлялись другие, более интересные фигуранты, отсутствовала реальная информация из Управления «К» ПГУ о подозрительных моментах в его поведении в периоды пребывания в заграничных командировках и так далее.

Единственное, что было застолблено по Полякову в одной из справок, так это то, что о проваленной агентуре ГРУ в 60-е годы косвенно знал и он. По американскому периоду службы проявлялись отдельные признаки его неадекватного поведения, но они смазывались ревностным служением делу.

К сожалению, внешняя контрразведка (бывшее Управление «К» ПГУ КГБ. — *Прим. авт.*), которую одно время возглавлял сбежавший в США генерал, а если проще и точнее — предатель Родины и агент ЦРУ Олег Калугин, не зафиксировала никаких подозрительных моментов в поведении Полякова за две служебные командировки в США.

А, как известно, основной объем предательской работы «Бурбон» провернул за рубежом во время своих длительных командировок.

В то же время от одного из агентов военной контрразведки КГБ поступило настораживающее сообщение о том, что после отъезда Полякова из Бирмы сразу же убыл в США и установленный разведчик ЦРУ Алвин Капуста, специализировавшийся по работе с русскоговорящим контингентом. Это был, конечно, косвенный признак, однако только в совокупности с рядом подобных симптомов он мог представлять серьезный оперативный интерес. Это насторожило оперативников.

В тот период у военных чекистов, обслуживавших ГРУ, в производстве было немало дел оперативного учета. Именно с признаками возможной причастности к работе на иностранные разведки.

Как говорилось, «мелочь» отодвигалась в сторону разбираательства их уровнем ниже, — изучалась она по сигналам или отправлялась вовсе в «накопители», чтобы при необходимости со временем снова возвратиться к ним.

Однако начальство помнило отдельные подозрительные признаки и не раз указывало оперативному составу, обслуживающему подразделения, в которых служил полковник Поляков, на необходимость держать офицера на постоянном контроле. Но одно слово сказать — держать на контроле, а другое — сделать эффективным сам контроль.

Так вот весомых признаков, чтобы обосновать заведение дела оперативного учета в рамках ДОР (дело оперативной разработки. — *Прим. ред.*) на Полякова, у контрразведчиков в то время не было, а значит, и отсутствовали соответствующие механизмы действенного контроля за его поведением как на службе, так и в быту.

Кстати, это ответ писакам «четвертой власти» на облыжное обвинение военных чекистов 70-х — 80-х годов в частых нарушениях социалистической законности. Внутриведомственные приказы были сориентированы на законы, и они четко выполнялись всеми без исключения сотрудниками. Без достаточного основа-

ния нельзя был применить даже «прослушку», не говоря уже об использовании наружного наблюдения или каких-либо других острых оперативно-технических мероприятий.

Глава 10

Первая командировка в Индию

В начале 1973 года Поляков с семьей вылетел в Дели на должность военного атташе при посольстве СССР в Индии. Одновременно он исполнял обязанности оперативного руководителя — резидента ГРУ. За время службы и «работы кротом» в центральном аппарате ГРУ в Москве Поляков собрал приличную «корзину товара», которую предполагал облегчить не сразу. Он решил порциями продавать все то, с чем приехал в новую страну.

Поляков тут же на месте провел разведку боем.

В один из жарких мартовских дней, какие часто бывают в этой южной стране, чуть ли не на первом представительском приеме в разговоре с военным атташе посольства США в Индии полковником Кингом советский военный атташе без стеснения спросил:

— Господин Кинг, скажите, когда представители ЦРУ восстановят со мной оперативную связь?

— Я думаю, что специалисты вас не забудут, а срочную информацию можете передать мне сейчас. Я ее передам по своим закрытым каналам вашим друзьям из ЦРУ, — с улыбкой заметил американец.

— Нет, лучше я подожду специалистов. — Довольный Поляков широко улыбнулся и направился к «шведскому столу» с яствами и за фужерами с градусами.

— Как знать, — проскрипел Кинг. — Кто что ищет, тот обязательно в конце концов найдет.

— Согласен, господин Кинг.

А про себя Поляков подумал: «Дураки помогают усложнять мир».

Ждать долго не пришлось...

В июле 1973 года в Дели прибыл сотрудник ЦРУ на «крыше-

вую» должность — первого секретаря американского посольства, — Пауль Лео Диллон. На очередном банкете произошло так называемое «знакомство на людях».

О новом знакомом американце Поляков умышленно рассказал своим сотрудникам, жене, сообщил в Центр и снова, как это было в Бирме, попросил санкции на изучение «перспективного» кандидата на возможную вербовку. «Смелость» Полякова в работе с янки в Центре была объяснима его «богатым разведывательным опытом», высокой профессиональной подготовкой и железной оперативной дисциплинированностью.

«Добро» из Москвы вскоре поступило с припиской одного из руководителей советской военной разведки:

«Изучение Диллона санкционирую с целью выхода через него на других сотрудников посольства США. Подпись».

В переписке с Центром и разных оперативных отчетах Диллон проходил под псевдонимом «Плед».

Первый рабочий контакт агента с разведчиком прошел на рыбалке, устроенной американской стороной, где «Бурбон» передал часть собранных еще в Москве сведений по новой структуре центрального аппарата ГРУ и организационным изменениям в системе Министерства обороны СССР.

Череду встреч со своим агентом Диллон провел в явочных местах, устроенных в номерах делийских гостиниц «Оберой» и «Ашока». И все же наиболее интенсивно использовались для конспиративных встреч выезды на природу — пикники. Именно там член редколлегии советского журнала «Охота и охотничье хозяйство» Дмитрий Федорович Поляков, военный атташе посольства СССР в Индии и одновременно платный агент ЦРУ США «Бурбон», не только демонстрировал теоретические знания, но и показывал реальные навыки меткой стрельбы.

При этих забавах с шашлыками и ухой он делился увлекательными байками охотничьих и рыболовных историй, не забывая передавать шпионскую информацию и получать за нее деньги и дорогие подарки в виде сувениров и нужных для хозяйства инструментов и других вещей. Он привык уже жить не по средствам, свыкся иметь дополнительный источник материальных благ, а, как известно, привычка — это вторая натура. И все же

идеологическое начало перерождения тоже нельзя исключать, хотя на передний план его выставлять было бы некорректно. Корыстолюбие — вот главный локомотив его поступков, проступков и преступлений.

Пауль Диллон, касаясь объяснения предательства Полякова, со временем очень коротко скажет:

«Я думаю, что мотивация его действий уходит корнями во времена Второй мировой войны. Он сопоставлял ужасы, кровопролитную бойню, дело, за которое воевал, с двуличием и коррупцией, которые, по его мнению, разрастались в Москве».

Но эти слова принадлежат заинтересованному человеку. Корысти в действиях своего агента он, естественно, рассмотреть не мог или не захотел. Понятно, некролог — самая краткая и самая лестная служебная характеристика.

Работавший в одно время с «Бурбоном» в качестве заместителя резидента КГБ в Дели Л. Шебаршин, побывавший и начальником ПГУ КГБ и на сутки хозяином Лубянки в 1991 году, в книге «Рука Москвы» писал об умении Полякова пользоваться психологической мимикрией: «Поляков демонстрировал свое полное расположение к чекистам, но от приятелей из числа военных было известно, что он не упускал ни малейшей возможности настроить их против КГБ и исподтишка преследовал тех, кто дружил с нашими товарищами. Ни один шпион не может избежать просчетов. Но, как это нередко случается в нашем деле, потребовались еще годы, чтобы подозрения подтвердились».

И все же это не признак — играли двуличием с чекистами за границей многие чиновники, понимающие, для чего стражи госбезопасности находятся в советских колониях за рубежом. Это и разведчики, и офицеры безопасности — соединение меча и щита.

Появившаяся у «Бурбона» эта ненависть была, я так думаю, всего-навсего мезью за испытанный им страх быть разоблаченным. А кто на это был способен, — естественно, только чекисты.

Вот уж действительно, когда поддаешься страху перед ужасом, начинаешь ощущать ужас страха, потому что ничего нет страшнее самого страха.

У военных контрразведчиков к тому времени уже появилось тоненькое досье сигнала под кличкой «Дипломат»...

Материалы собирались по крупицам на матерого, хорошо подготовленного шпиона, активно работавшего, как правило, за пределами нашей Родины в длительных командировках. Только те, кто работал по таким делам, знают, какой это трудоемкий процесс получения, накопления и анализа материалов и проверка выдвинутых версий и выдвижение новых.

В 1974 году в целях создания видимости активной разведывательной деятельности и укрепления авторитета агента перед руководством ГРУ американцы подготовили ему очередного «кандидата на вербовку». Им оказался сержант американской армии Роберт Марциновский, прибывший для работы в аппарате ВАТ посольства США в Дели.

Поляков тут же направил в Центр шифровку:

«Познакомился с интересным военным, сотрудником ВАТ США Робертом Марциновским... Способным со временем стать предметом нашего изучения. Есть перспективы для его вербовки. Прошу вашего разрешения на его изучение».

Москва не без удовольствия «проглотила» очередную подслащенную пилюлю, присланную из далекой Индии. После этого авторитет Полякова стал стремительно расти. Изучаемого янки вскоре зарегистрировали в стратегическом управлении ГРУ под агентурной кличкой «Ринос».

Надо заметить, что Роберта как подставу использовали «втемную».

Он, естественно, не знал существа отношений между советским полковником и его коллегами. Со стороны американцев ему была дана установка, чтобы он не отказывался от просьб иностранного дипломата. Только поэтому Марциновский в дальнейшем вполне обоснованно и искренне полагал, что выполняет важную государственную задачу и участвует в хитрой оперативной игре своей разведки, затеянной с «русскими медведями».

«Бурбон» провел с «Риносом» четыре встречи, получив от него незначительную, как считал и сам Поляков, информацию. Но отправленные материалы в Москву неожиданно получили высокую оценку. Центр посчитал «Риноса» перспективным аген-

том и рекомендовал продолжить дальнейшую разработку агента и активизировать работу по получению от него конфиденциальной информации.

Долго, однако, работать с «Риносом» не пришлось. То ли вновь цзэрушников испугала возможность провала своего ценного агента из-за грубо сварганенной подставы, то ли иссякла фантазия лепить и печь каждый раз некачественные «дезинформационные пироги», то ли вообще боялись его перевербовки. Во всяком случае, Марциновского быстренько переправили на родной материк. Сработал страх испачкать мундир.

Этот эпизод тоже не остался без внимания военных контрразведчиков. Сигнал на Полякова вскоре перерос в дело оперативной проверки. Опять под кличкой «Дипломат». Требования конспирации были настолько жесткими, что об объекте оперативной заинтересованности был осведомлен только узкий круг оперативных работников второго отделения 3-го Главного управления КГБ, участвовавших в работе по делу на проверяемого...

Контрразведчики знали о прочных личных связях Полякова в управлении кадров и его высоком авторитете как профессионального разведчика в руководстве ГРУ, поэтому по вполне понятным причинам не спешили информировать командование об имеющихся материалах.

Главными задачами для военных чекистов на этом этапе проверочных мероприятий были: сбор уликовых материалов и недопущение «Дипломата» проникнуть к новым важным стратегическим и конкретным оперативным секретам, связанным с агентурным аппаратом ГРУ.

Однако в силу того, что дело оперативной проверки предусматривало менее острые мероприятия по сравнению с оперативной разработкой, которую невозможно было завести из-за «слабой доказательной базы», как считали некоторые руководители КГБ СССР, нужный комплекс оперативно-технических мероприятий не проводился. На этом я остановлюсь более подробно чуть ниже.

Пока же приходилось ловчить, изворачиваться перед руководством ГРУ, которое могло догадываться, что и кого мы можем искать. Дабы соблюсти статус-кво оперативного взаи-

модействия, уточняющие вопросы в лоб руководству военной разведки о Полякове не ставились. Шла как бы рутинная проверочная работа на каналах вероятной утечки информации о неожиданном провале агентуры ГРУ.

В то же время надежной, проверенной агентуре на службе и в быту ставились конкретные задачи по фиксации подозрительных моментов в поведении Полякова и установлению его новых прочных связей из числа офицеров ГРУ, КГБ и сотрудников МИДа.

Особое внимание чекисты продолжали уделять лицам, наряду с Поляковым, возможно, причастным к предательству нелегальной агентуры в США.

Глава 11

В кузнице кадров

В 1976 году Поляков покинул Индию — закончилась очередная заграникомандировка. Он повез в столицу, как это делал и раньше, разного рода и достоинства сувениры и подарки — друзьям, родственникам, начальству.

Возвратившись из Дели в Москву, Поляков некоторое время ожидал очередного назначения. Волновался из-за затяжки с трудоустройством. На участке живо интересовался судьбой и материалами на своего мнимого агента «Риноса» — боялся как бы брызги этой «подставы» не попали на него. Просочиться информация контакта с сержантом могла где-то в быту или в порыве откровенности какого-то болтуна в прессе там — в Штатах.

Однажды в разговоре с Диллоном он пытливым умом профессионала уловил нотки недовольства Робертом Марциновским из-за его романтичности и излишней болтливости, которые не очень нравились американскому разведчику.

Поляков, естественно, из меркантильных соображений не пожелал «мелким» компроматом делиться с Центром. Однако по прошествии времени воспоминания о конкретных негативных качествах в характере «Риноса», обнародованные Диллоном, его не на шутку если не испугали, то серьезно встревожили. Осадок исторической горечи неприятно ложился на душу. Он прекрасно

понимал, что в разведке мелочей не бывает — на мелочах часто разведчики горят. Он даже пожалел, что «связался» с Марциновским.

Поляков считал, что в такой ситуации, в какую он попал, нужно разумно усложнять свое отношение к событиям, чтобы в результате все стало проще, а не упрощать, чтобы в итоге получилось сложнее.

«Бурбон» терпеливо, как рыбак с удочкой на берегу, выжидал команды, но не из своей головы — суетливой, капризной, торопливой, а приказа сверху. Голова, как он считал, должна быть холодной...

И все же жизнь протекала без особых проблем — Поляков присматривался к переменам в центральном аппарате ГРУ, новым людям — рядовым и руководителям. Его грудь в очередной раз украсила высокая правительственная награда за «заслуги» перед Родиной — орден Красной Звезды.

Руководители считали его «службоголиком», исходя из чеховского постулата о том, что подвижники нужны, как солнце, составляя самый жизнерадостный элемент в коллективе. Они, эти подвижники, возбуждают, утешают и облагораживают коллектив. Их личности — это живые документы, указывающие обществу или коллективу, что есть люди иного порядка, люди подвига, веры и ясно осознанной цели. Полякову верило начальство, но, к сожалению, обманывалось. Цена этого обмана была очень высокая.

Прошло несколько недель нахождения «в распоряжении начальника ГРУ» — тяжелейшего состояния ожидания финала с трудоустройством. Недаром говорится, спокойно ждать приучаемся мы лишь тогда, когда нам уже нечего ждать. Поляков же, зная цену себе, авторитетность, пусть хоть и дутую, надеялся получить серьезную должность в центральном аппарате.

Но, как говорится, человек предполагает, а командование располагает. Случилось так, что его вызвал в один из дней тягостного томления начальник Управления кадров ГРУ. Он объявил, что руководство его высоко ценит как сильного профессионала. В связи с этим ему следует поделиться богатым опытом со слушателями ВДА, а вместе с тем получить в академии очередное

звание — он, мол, широкие лампасы заслужил, а в центральном аппарате все генеральские должности пока заняты.

Такие доводы начальника его вполне удовлетворили, хотя где-то и несколько насторожили. Противное существо под названием страх начало царапать душу. «А может, меня подальше отодвигают от секретов в центральном аппарате? — подумал Поляков. — Вот и придумали выход из положения. Не думаю, что это по науськиванию КГБ. Нет, если бы начальство что-либо получило с Лубянки, оно бы скорее меня уволило, а не награждало. Видно, действительно нет генеральских должностей в «стекляшке».

И в то же время он понимал, пока человек учит или учится, — он не стареет. А значит, может еще послужить — к чему артачиться, сопротивляться? На военной службе командование отказов не любит и отказчиков впоследствии не жалует. Он знал это непреложное армейско-кадровое правило, а отсюда и соответствующее поведение. Предлагают — это считай, что приказывают, поэтому надо взять четко под козырек, что он и сделал.

Поляков согласился с предложенной должностью. Это было также то состояние, когда люди, действующие под влиянием появившейся опасности, даже мнимой, бывают более сговорчивы и предусмотрительны.

Став начальником факультета Военно-дипломатической академии и действительно в скором времени получив звание генерал-майора, Поляков несколько успокоился. И все же ему стало жалко себя — он уходил или его уходили с оперативной работы, какая разница. Он теперь в своеобразном «отстойнике».

«А может, этим назначением меня уходят, отодвигают от секретов? — опять зафонтанировали в голове тревожные мысли, покинувшие его на время после получения брюк с лампасами. — Пронюхали, возможно, что-то чекисты. Но непохоже, — нигде, кажется, не наследил. В противном случае не дали бы генеральского звания, а увезли бы на Лубянку, а оттуда прямой путь в казематы следственного отдела Лефортова — мышеловку с самыми толстыми прутьями».

В его рассуждениях уже было правды и небылиц «фивти-фивти», о которых он, естественно, знать не мог.

Он понимал, что люди, как правило, не удосуживаются глубоко рассуждать, а всегда склонны больше верить другим. «Вот так и я, как всякий другой, более склонен верить, чем рассуждать, хотя моя профессия основана на другом философском постулате: прошлого не вернешь, настоящего не удержишь, будущего не узнаешь», — успокаивал поднявшееся чувство тревоги Поляков.

«Бурбон» знал, что «вторая работа» в Москве будет намного труднее и опаснее заграничной. Годы и профессиональный опыт нисколько не ослабили тревожного чувства за свою судьбу.

Там, за рубежом, он сам себе устанавливал порядок рабочего дня, определял временные «окна», когда можно было лично встретиться с разведчиками США, здесь же придется тщательно планировать любую операцию по связи, ловчить и обманывать родственников и сослуживцев.

Линию поведения, рекомендованную ему спецслужбами США, он неукоснительно претворял в жизнь. Все общественно-политические мероприятия, проводимые в стране, активно поддерживал. На партийных собраниях гневно клеймил американский империализм, нередко отчитывал отдельных офицеров-коммунистов за политическую слепоту и идеологический нигилизм. Открыто защищал миротворческую политику разрядки Генерального секретаря Л.И. Брежнева, заискивающе отзывался о литературных способностях генсека, хотя прекрасно понимал, что книга нашей истории состоит преимущественно из опечаток. У простого человека есть лицо, а политика — имидж, который ему делают окружение и СМИ.

Деловая и общественная активность новоиспеченного генерала скоро была замечена начальником политотдела Главка. Полякову предлагают перейти на партийную работу. Он отказывается, благодарит за доверие, обещает и дальше на службе руководствоваться партийными установками.

«Хватит, в шкуре секретаря парторганизации я уже побы-

вал, — говорил он сам себе. — Для меня путь ясен. Нужна еще одна, последняя командировка за рубеж! Американцы мне могли стать «результативным» разведчиком, а разве забывают московские отцы-командиры «активных вербовщиков»?»

Играя сразу две роли в опасном спектакле, Поляков не заметил, как накопилась в брэнном теле дикая усталость из-за психологических стрессов, замешенных на страхах и переживаниях. В душе он исповедовал истину: мы никогда не меняем своих убеждений, мы меняем только свои заблуждения.

Ее, эту «болезнь грехов», фиксировали родственники, друзья и сослуживцы. Замечали болезненность души и тела по натянутым нервам, быстрой утомляемости и набухшим отечным мешкам под глазами. Землистый цвет кожи на лице выдавал усталого и болезненного человека. Появилась ранее никогда не ощущаемая одышка — иногда барахлило сердце, подсказывая, где оно находится. До этого он не знал места его пребывания.

Освоившись с должностью начальника факультета, он понял, что может до самой пенсии передавать опыт молодежи, делиться дозированными воспоминаниями о былом и таким образом избежать разоблачения и следующего за этим непременно го возмездия за содеянное предательство в разведке.

«Нет, — однажды осенила его опять черная мысль, — надо потряхнуть стариной. У меня же имеется прекрасная возможность показать хозяевам, что «Бурбон» еще чего-то стоит, что он в тонусе и находится в нужном месте. А потом — пора определяться, где жить в дальнейшем. Для Штатов я сделал больше, чем для Союза. Там меня встретят как героя, здесь в случае разоблачения как предателя получу пулю в затылок или петлю на шею. В высших сферах играют по правилам и без правил».

Эти мрачные размышления, в конце концов, подтолкнули его к действию: не хочешь остаться на месте — беги изо всех сил вперед...

Он понимал тщету слов, а поэтому замыслил одну предметно-коварную операцию. Начальник факультета решил переснять на пленку списки слушателей нескольких курсов его учебного

подразделения. В течение недели Поляков выжидал удобное время для фотографирования. И, наконец, этот час наступил.

Закрывшись в кабинете, он медленно, как ламантин, внешне спокойно подошел к столу, положил стопку листов. Потом обратил внимание на окно, — он быстрыми шагами направился к подоконнику и задернул плотную штору, словно прячась от солнца. Предательство в очередной раз вступило в активную фазу — тихо защелкал фотоаппарат...

Таких рабочих циклов было несколько. Судьба будущих военных разведчиков нескольких курсов его факультета отдавалась в руки противника. Она если не ломалась, то существенно сжималась тисками осведомленности американских спецслужб. А они ведь подобной информацией делились со своими союзниками по странам НАТО. Теперь любой выпускник ВДА становился «раздетым» перед противником в любой стране.

После такого циничного воровства он шел на встречу с этими самыми проданными и преданными им слушателями и разглагольствовал о великой роли патриотизма в воспитании будущих «глаз и ушей» Советской Армии, о благородстве, их службе на благо Родины и верности долгу.

В таких беседах он обязательно отбивал поклоны ленинскому ЦК во главе с выдающимся борцом за мир, Главнокомандующим Вооруженными Силами СССР Л.И. Брежневым и его ленинским штабом — Политбюро ЦК КПСС.

Его патетические разглагольствования с патриотическими приправами, его трескучая просоветская риторика тоже доходили до политотдела и других руководителей ГРУ, что бралось на учет в смысле оценок его политической благонадежности и партийной принципиальности.

На одной из лекций перед слушателями первого курса он пытался довести банальности, что разведчиками не рождаются, а становятся. Говорил о том, что разведчику надо много знать в той отрасли, в том направлении, где его будут использовать, изучить несколько рабочих языков, географию стран пребывания и особенности политического режима.

— Вас будут готовить для вербовочной работы, — вещал «крот» в генеральских погонах, используя откровения аса совет-

ской внешней разведки, разведчика-нелегала Дмитрия Александровича Быстролетова, — а поэтому вербовщик должен быть не только образованнее, умнее и хитрее вербуемого, он обязан еще видеть дальше и глубже. Он должен быть одновременно и тонким психологом. Вербовщик — как птица — прилетел, клюнул и снова улетел. Если поймали — погиб, уж такая это специальность. А еще он должен быть актером, но не таким, как в лучших театрах мира, а в тысячу раз более совершенным, более глубоко знающим тот типаж человека, которого он хочет представить своим зрителям.

И это вовсе не преувеличение. Потому что в театре зритель видит артиста на сцене всего час-другой, да и то издалека, и при этом, как правило, замечает неловко наклеенные усы или чуть съехавший набок парик. Впрочем, актеру такая оплошность не страшна, завтра он ее исправит, и все, а вербовщик идет к цели по лезвию остро отточенного ножа, он постоянно живет среди своих зрителей — особенных, таких чутких и внимательных, как контрразведчики. За любой промах можно расплатиться жизнью, потому что первые подозрения вызывают именно мелочи, детали, они влекут за собой проверку и слежку, а если дело дошло до этого, то вербовщик погиб.

Разведчик должен искренне верить в то, что говорит, иначе обязательно сфальшивит. Он должен вживаться в роль, чтобы полностью перевоплотиться, изменить в себе все: привычки, вкусы, образ мыслей, выкорчевать все, кроме одного — преданности Родине! Месяцы мучительного принуждения думать на чужом языке! Ведь у вербовщика много масок, и часто он меняет их по нескольку раз в день. Психологически это тяжело и трудно, нужно очень любить Родину, чтобы не осособачиться от такой жизни! Можно освоить сложную разведывательную технику, можно привыкнуть к постоянной опасности, но сжиться с насильем над собой невозможно. Только во внутреннем горении — спасение и залог победы разведчика над противником. Только огонь преданности и любви сжигает все соблазны, страх и усталость!..

После этого чужого объективного монолога, обрушившегося на цепкие умы будущих военных разведчиков, Поляков наигран-

но прошелся гоголем вдоль трибуны, потирая застывшие руки. Видно, чужие мысли были для него холодными не только по форме, но и по содержанию. Он понимал, что лукавит, говоря о преданности Родине, которую он уже десятки раз спокойно, без зазрения совести предавал.

Но эта лекция тоже не осталась незамеченной — его имидж как опытного вербовщика и истинного патриота Отчизны рос и множился в глазах начальства.

Однажды он получил сигнал, а вернее, элементарный донос, — один из слушателей капитан Н., возвратившись из отпуска, в кругу сокурсников поделился мыслями о плачевном состоянии дорог в его провинциальном «медвежьем углу» районного масштаба Брянской области. Он исповедовался о нищенском прозябании спивающегося населения по разваливающимся «неперспективным» деревням и хиреющим городам. Простачок возмущался тем, что «его аборигены» в основном ходят в резиновых сапогах из-за непролазной грязи, в ветхих серых одеждах — в телогрейках, на лицах, даже у женщин, нет светлой радости, а секретарь райкома и его клерки — «все в коже» — на коже сидят и в коже ходят.

Поляков тут же вызвал «откровенца» к себе в кабинет и устроил ему настоящую идеологическую выволочку. Начальник выяснял отношения со слушателем громко, с запалом, чтобы слышно было за дверью. Он буквально измывался над слушателем в ходе воспитательной работы, называя его законченным отщепенцем, неблагодарным мурлом, паразитом на здоровом теле академии.

— Ты обучаешься за счет денег, отпускаемых щедрым Советским государством, взятых у налогоплательщиков — советских трудящихся, — делано орал Поляков на подчиненного.

Как говорится, пустые и малодушные люди нередко обнаруживают перед своими подчиненными и перед теми, кто не сможет выказать им никакого сопротивления, припадки гнева и страсти и воображают, что выказывали этим свое мужество.

От такой профилактики дисциплинированный слушатель, прекрасно успевавший по всем оперативным и языковым предметам, чуть было не покинул стены академии. Впоследствии он

стал высокопрофессиональным специалистом своего дела и принес пользу Родине на незримом фронте, прослужив и в центральном аппарате военной разведки и отбыв ряд заграничных командировок.

Практики подобных «душещипательных» выволочек он придерживался часто за время пребывания на должности начальника факультета в кузнице кадров ГРУ.

На одном из занятий по специальной дисциплине он процитировал слова шефа германской разведки в Первую мировую войну полковника Вальтера Николаи, взятые, а скорее нарванные, из рукописи «Разведка 1900—1945 гг. Обобщенный опыт»:

«Мысли о разведке сопровождали меня всю жизнь.

— Я остался в мире идей разведслужбы, — часто говорил я сам себе.

По своему опыту знаю, что в разведке, о которой я говорил как об искусстве, точно так же, как и в стратегии, простое и само собой разумеющееся является наиболее трудным, на чем чаще всего и спотыкаются.

Когда я говорю о разведке и контрразведке как об искусстве, то меньше всего хочу представить это «чистым» искусством или чем-то более «таинственным», чем есть на самом деле.

По разведке нет учебника или для всех случаев одной установочной схемы...

Нельзя верить каждому сообщению. Всестороннее сообщение по одному и тому же вопросу предохраняет от заблуждений. Полезно также знать циркулирующие слухи даже при условии, что ты им не веришь...

Лучше не иметь никакой информации, чем ненадежную...

Нет ничего опасней бесконтрольной, неруководимой разведслужбы! Опасность в том, что чужое, если даже не вражеское, влияние вступит на место собственного господства в разведслужбе...

Исходя из этого, я бы потребовал, учитывая недостатки прошлого, следующее.

Разведслужба должна быть самостоятельной и на равных правах с другими инстанциями государственного руководства.

Это такое же министерство, как министерство внешних и внутренних дел...

Разведка — не политика. Ее не должна затрагивать перемена политики, смена системы правления, даже революция.

Истина, которую она выявляет и для выявления которой искала подходящие для ее страны пути и методы, нашла их, организовала и испытала, не меняется в результате внутривнутриполитических событий. Она сохраняет по меньшей мере об окружающем одинаковое значение для каждого властелина...

Опыт показывает, что разведка должна подчиняться главе государства даже в мирное время...»

На задаваемые вопросы слушателями Поляков отвечал четко, считая Вальтера Николаи одним из величайших столпов в системе мировой разведывательной службы. Он был его кумиром.

Часто цитировал высказывания Наполеона Бонапарта. Особенно искрил его такими словесными перлами, как «сердце государственного мужа должно находиться в его голове», «сделать остановку можно во время подъема, но не во время спуска», «искусство управления состоит в том, чтоб не позволять людям состариться в своей должности» и другие.

На одном из занятий по марксистско-ленинской подготовке в своем вступительном слове Поляков поинял, опять чужими словами, капитализм. Генерал напомнил в этой связи слова старого английского экономиста, приведенные Карлом Марксом в первом томе «Капитала»:

«Капитализм боится отсутствия прибыли или слишком маленькой прибыли, как природа боится пустоты. Но раз имеется в наличии достаточная прибыль, капитал становится смелым. Обеспечьте десять процентов, и капитал согласен на всякое применение, при двадцати процентах он становится оживленным, при пятидесяти процентах положительно готов сломать себе голову, при ста процентах он попирает все человеческие законы, при трехстах процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы».

Слушатели внимательно слушали бывалого разведчика и верили его проникновенным словам.

В июне 1978 года «Бурбон» передал американцам очередную информацию через тайник. Камуфляжем служил кирпич, имеющий полую сердцевину, разделенную перегородками.

Он, как заправский специалист, вырубил зубилом несколько перегородок, вложил туда пять катушек экспонированных фотопленок и забрызгал это место прочным цементным раствором, придав кирпичному бруску вид бывшего в строительном употреблении.

Этот контейнер он положил, согласно плану связи, у основания столба под № 81 на одной из магистралей столицы...

Ждать долго не пришлось. Утром, войдя на кухню после тревожной ночи ожидания результата, Поляков увидел горевшую зеленым цветом лампочку сигнализатора на часах и порадовался, что все его действия отработаны чисто. Зеленый свет «светодиода» настолько обрадовал его, что он стал ходить по комнате и напевать мелодию модной в то время песни.

Сам он следов не оставлял, работал без помарок. Опыт военного разведчика пригодился агенту ЦРУ «Бурбону». Да и экипировка соответствовала — вооружен был по последнему слову шпионской техники. В любой даже современной спецслужбе похвастались бы такой технической оснащенности своего агента.

Глава 12

Связь с ЦРУ в Москве

Сотрудники советского отдела ЦРУ дорожили агентом «Бурбон», полагая, что связываться с ним в Москве при помощи личных встреч крайне опасно, поэтому они практиковали бесконтактные способы связи: тайники, «письма-прикрытия», импульсные передатчики и прочее.

И в то же время надо признать, что работа Полякова на американцев отличалась, как отмечал один из исследователей предательств работников советских и российских спецслужб, — «дерзостью и фантастическим везением».

Когда «Бурбон» стал испытывать затруднения с высокочувствительной самозасвечивающейся фотопленкой, он выкрал из оперативного склада ГРУ в Москве ее аналог — «Микрат 93

Щит», которую задействовал для фотографирования секретных документов.

Практикуя использование кирпично-каменных обломков в качестве камуфляжей при закладке тайников и понимая абсурдность дальнейшего их изготовления, он похитил в ГРУ уже имеющиеся заготовки поддельных полых камней. Шпион шпиговал их секретной информацией, оставлял в заранее обговоренных местах, а уже сбором этих «золотых камушков» занимались посольские разведчики.

После того как закладывался тайник, Поляков проезжал на автобусе или троллейбусе мимо американского посольства в Москве, нажимал в кармане брюк, пиджака или пальто на кнопку миниатюрного радиопередатчика. Сигнал за секунду, максимум две, улетал направленно в эфир и тут же ловился дежурным оператором резидентуры ЦРУ. После чего проводилась операция по изъятию закладки.

Делалось это настолько конспиративно, настолько оперативно, что выявить такую манипуляцию передачи информации было практически невозможно, даже если бы военные контрразведчики знали о готовящейся операции по связи.

По мере успешной работы на противника, получавшего очень важную информацию от ценного агента, и стремясь наиболее полно обеспечить личную безопасность Полякову, руководство ЦРУ передало ему, одному из первых своих агентов на территории СССР, этот специально сконструированный портативный импульсный передатчик. Он представлял собой небольшое радиоустройство чуть больше спичечного коробка или зажигалки, позволяющее напечатать нужную информацию, зашифровать ее, а затем передать на приемное устройство в американское посольство путем «радиовыстрела» в течение нескольких секунд.

Таким образом, агентурное сообщение «Бурбона» влетало в посольский пункт радиоприема подобных сигналов. И резидент ЦРУ в Москве мог ознакомиться с расшифрованным его вариантом уже через несколько минут на экране персонального монитора. Чем не прямая передача!

Получив этот аппарат, Поляков настолько уверовал в свою

безопасность, что часто носил его с собой. Он был настолько тщеславен от того доверия, которое, как ему казалось, оказывали американцы, что забывал: тщеславие — это страшная сила, действующая внутри нас и против нас же самих.

Эта ложная скромность, которая сидела в нем за завесой таинственности, являлась самой утонченной уловкой невидимого на первый взгляд другими его тщеславия.

Кстати, если на первых этапах использования этого устройства он «выстреливал» информацию по цели, проезжая на общественном транспорте мимо американского посольства в Москве, то позже Поляков такие манипуляции уже спокойно осуществлял и из других мест. Так, им использовались кафе «Ингури», магазин «Ванда», Краснопресненские бани, Центральный дом туриста, с улицы Чайковского, дом Ростовых, здание бывшего Союза писателей СССР и другие места.

Из своей квартиры работать остерегался — панически боялся пеленгации радиотехнической службы КГБ. Выбор места определялся знанием практической зоны действия импульсного радиопередатчика.

«Выстреливал» он шифровки не только по окнам посольства США, но и по квартирам, где проживали в столице сотрудники резидентуры ЦРУ. Так, например, он на ходу несколько раз «стрелял» в окно квартиры дома № 45 по Ленинскому проспекту. В ней проживал установленный американский разведчик, имевший косвенное отношение к работе агента. Американец только принимал сигнал. Затем он передавал его в «закрытом» виде в посольскую резидентуру ЦРУ. Там его расшифровывали специалисты и передавали по назначению.

Только за период с 1976 по 1979 год он провел 25 сеансов двусторонней радиосвязи, отправив, таким образом, в ЦРУ США до сотни листов с секретными данными, касающимися разведывательной, военной, технической и политической тематики.

Когда ему американские разведчики намекнули о возможности в случае необходимости провести личные встречи в Москве, он категорически отказался, заявив, что такая форма связи в столице равносильна «самоубийству». Американцы согласились с доводами своего агента.

Перечить «Бурбону» в период его «звездного часа» янки уже не могли и относились к своему агенту скорее не как к рядовому информатору, а как к гуру. Они понимали степень своей ответственности в случае провала агента по их вине.

Несмотря на внешне активную работу, которую он делал крайне осторожно, внутри у него кипели страсти. Закрученные тугим узлом безвременные годы прошлого не интересовали его в воспоминаниях — он жил сегодняшним и будущим. Он думал над тем, как и когда закончить «лебединую песню» работы на ЦРУ, ведь очень трудно идти по жизни несколькими путями.

Одно время Поляков мечтал, выехав в последнюю загранкомандировку, пригласить на отдых в страну пребывания сыновей и сбежать. Но потом понял, что в таком шаге таится опасность. К тому же давал о себе знать возраст, поэтому напоминание Пифагора: «Не суди о своем величии по своей тени при заходе солнца», — он принял как должное.

Потом он остановился на мысли, что лучше остаться в Союзе, заявив заморским хозяевам, что после увольнения со службы в ГРУ он предается работе на дачном участке.

Со временем «Бурбон» снова возвратился к навязчивой идее ухода на Запад. Волны рассуждений о лучшей доле себе и семье приливами и отливами будоражили голову, заставляя все время выгадывать, на каком варианте остановиться.

Одно время ему казалось, что за ним следят. Он стал квалифицированно проверяться, но вскоре быстро успокоился — «хвоста» не выявил.

Вера в то, что ему еще раз предложат выехать за границу, ни на минуту не покидала Полякова. Об этом говорило то, что руководство ГРУ, как он ощущал, по-прежнему относилось к нему с уважением и доверием.

Нужно отметить, что в академии он пользовался авторитетом как у слушателей, так и в преподавательском коллективе. Его, как и прежде, приглашали на всякие сборы и совещания. Теперь он напрочь отвергал когда-то в молодости уловленную фразу: «Что наша жизнь? — Одни потемки, и нам уже ничто не

светит». Он считал себя везунчиком и оптимистом, а поэтому надеялся, что ему судьба еще засветит, и ждал, очень ждал вызова в управление кадров...

Время, когда приходится чего-то или кого-то ждать, уже давно замечено, тянется бесконечно. Оно раздражает и беспокоит личность. В ожидании команды выехать в очередную командировку Поляков находился каждый день. И вот наступило то время безысходности, когда надежда начала, казалось бы, таять: руководство молчало, не было никаких намеков и от друзей в Управлении кадров ГРУ.

Почему-то вспомнились слова Ницше о том, что самое верное средство рассердить людей и внушить им злые мысли — заставить их долго ждать. На долгое ожидание он ответил несколькими «радиовыстрелами» по посольству США — снова собранная секретная информация в считанные секунды оказалась на столе у резидента ЦРУ.

Американский босс был доволен работой своего опытного агента...

Жена несколько раз напоминала Полякову, что пора бы заняться ремонтом дачи. Сначала он воспринял слова супруги с сопротивлением — не любил, когда его заставляют что-то делать без его желания. Но со временем мысли, внушаемые женой, стали почему-то все чаще и чаще кружиться над этим проклятым вопросом. И вот он, наконец, созрел.

С присущей ему энергией Поляков начал перестраивать дачу. Мастерить он любил, считал «телесное тружение — богу служение». Так когда-то говорила ему мать о значении и роли физического труда и вообще всякой работы по хозяйству.

Он знал толк в обработке древесины, или, как он называл ее, «деревяшек». По текстуре определял любую породу дерева. Инструмент, в основном подаренный и купленный за деньги ЦРУ, позволял работать качественно, быстро и с наслаждением. Трудился он на даче всегда молча, считая, что, когда слов на мешок, тогда и дел на вершок.

Поляков полагал, что плотницкое, столярное и слесарное де-

ло особенно благотворно влияет на нервную систему и психомоторику человека, поэтому такой работой он всегда наслаждался. Она его успокаивала и радовала своими конкретными результатами.

Однажды он заколачивал с наслаждением подаренные когда-то американцами по его просьбе бронзовые гвозди. Они легко входили в ошкуренные золотисто-соломенного цвета сосновые тесины и украшали их. И вот в процессе этой работы он в который раз подумал: «А что, разве я стар? Если попаду за границу, есть смысл не возвращаться. Заслуги перед США у меня приличные — обязательно дадут гражданство. Проблема только с сыновьями. Как их вытащить? Не хочется чад оставлять на прозябание в нищей стране, ставшей таковой в результате преступлений ее вождей. Ведь все в Руси слишком старо, чтобы быть новым. И вот этот дух традиций давит. Власти просмотрели русский народ, а у кого нет народа, у того нет бога. Кому же верить в этой стране?! Окружение мое — это мир, сотканный из паутины под названием ложь. Россия не имеет ни цели, ни смысла, а попытки приписать ей движение с вектором в коммунизм — ахинея».

Он понимал, что действительно заслуги у него были не в пример тем желторотым неудачникам — капитанам и майорам, которые перебежали на Запад практически с пустыми карманами по воле обстоятельств с мнимо-показушной ненавистью к советскому строю.

Проблема заключалась с вывозом сыновей — согласятся ли они сами приехать? Как вызвать двоих сразу за границу, минуя непременно подозрение органов госбезопасности? И, наконец, самое главное — состоится ли последняя командировка за рубеж и в какую страну?

На этот самый последний вопрос неожиданно и скоро был найден ответ...

В материалах дела оперативной проверки на «Дипломата» появились первые серьезные материалы о подозрительных признаках в его поведении. Они свидетельствовали: Поляков предпринимал меры по выявлению за собой «хвоста». Он стал актив-

но перепроверяться, что не осталось не замеченным сотрудниками наружного наблюдения.

Кроме всего прочего, имеющегося в досье на Полякова и косвенно уличавшего его в предательстве, у чекистов вскоре появился перевод анонимной заметки, опубликованной в американском журнале «Нью-йоркер» в номере от 24 апреля 1978 года. Со временем автор был установлен. Им оказался некий Эпштейн, которого связывала дружба с известным читателю Энглтоном.

Упоминаемая кличка агента американских спецслужб «Топ-Хэта» из числа советских граждан, работавших когда-то в русской миссии при ООН, практически прямоком направила ход расследования в сторону Полякова.

Глава 13

Вторая командировка в Дели

В начале 1979 года Поляков от друзей узнал, что его кандидатура в числе других офицеров рассматривается в качестве военного атташе в Индию. Надо прямо сказать, в его назначение вмешалась и судьба. Ожидался визит Л.И. Брежнева в Индию, поэтому назначать военным атташе в эту большую страну полковника руководство ГРУ не решалось — канитель с присвоением генеральского звания длительная, можно и не успеть к приезду генсека.

Кадровики ГРУ остановились на готовой кандидатуре — генерал-майоре Полякове.

Вскоре действительно начальник управления кадров вызвал его в кабинет и, улыбаясь, поведал о приятной новости, о которой уже многие коллеги знали:

— Дмитрий Федорович, я предложил начальнику ГРУ Ивашутину Петру Ивановичу вашу кандидатуру на должность военного атташе в Дели. Он согласился с моим мнением. Скоро пойдете на комиссию, но это формальность. Вы заслужили эту должность своим долгим и качественным трудом.

«Ишь, как заливает, как поет!- Болеет, оказывается, за меня. А почему? Сколько подарков ты получил! Ни один отпуск, ни од-

на командировка не проходила, чтобы я не занес тебе «сувенирчик» ценою в пару долларов. Ты отнекивался, но брал, брал, брал... Не ты, а я тебя купил, а посему и заказываю музыку, — мысленно бросал Поляков реплики начальнику управления кадров. — А брал потому, что такая практика в нашем ведомстве процветает. И такие, как ты, бывшие работники ЦК повинны в насаждении подобных порочных традиций по всей стране. Вот уж истинно: избегайте льстецов — это переодетые мздоимцы. Им нужны только подношения».

— Коллектив в военном аппарате, скажу прямо и откровенно, плохой. Нетребовательность бывшего руководителя очевидна. Вам придется немало потрудиться, чтобы сколотить дружный, работоспособный коллектив, с помощью которого и должны будете решать многочисленные задачи в Индии. Справитесь? — И, словно уловив на лице Полякова ухмылку, добавил несколько заискивающим тоном: — Вы к моим словам, сударь, отнеситесь серьезно. Только добра вам желаю.

«Твое добро ясно как день божий, — зачищаешь контакты, чтобы снова порадовал сувенирчиком. Не дожدهшься. У меня другие планы, — опять мысленно съязвил Поляков. — Остаток лет проведу в Америке. Я заслужил такой финал».

Не догадывался, какой финал ему уготовила Мойра — богиня судьбы, но должен был знать, — ее трудно обмануть.

Бесконечность и вечность человек обретает на своем месте и в свой час как результат старения или хвори. Но есть и другой путь попасть в воды Леты — погибнуть героем в бою или пасть от предательской пули в затылок от бандита или по приговору суда.

Он об этом не думал, как не рассчитывают и не прогнозируют приход смерти миллионы людей.

Выездной комиссии при начальнике ГРУ он дал принципиальное согласие поработать «на благо великой Родины» в Индии, неприлично польстив при этом руководителям ГРУ за оказанное ему высокое доверие представлять великую державу — СССР дважды в такой большой стране, как Индия.

То же самое он сказал и членам комиссии в Инстанции — административном отделе ЦК КПСС. В таких ситуациях он был непревзойденным златоустом, настоящим ритором, а потому промахов и оплошностей никогда не допускал.

Как поется в песне: «были сборы недолги...»

О задуманном побеге на Запад он не рассказывал пока ни жене, ни детям, понимая: чем сложнее и грандиознее план, тем больше шансов, что он провалится. Реализацию этого действия он намечал на третий, последний год службы за границей. Именно тогда Полякову хотелось снять заволочку с души и раскрыть планы благоверной супруге.

«Надо пожить три года за счет «родного государства», «подойти» его хорошенько, кое-что получить от янки, а там уже переходить на соцобеспечение американских друзей», — так рассуждал «Бурбон», принимая решение о дальнейшем устройстве жизни.

В Индии, не в пример первой командировке в эту страну, американцы его уже ждали с нетерпением, как говорится, с распростертыми объятиями. Еще бы, такую «священную корову» не подоить...

Связь с прибывшим агентом «Бурбоном» быстро установил и постоянно поддерживал кадровый разведчик ЦРУ Вольдемар Скатцко, работавший под дипломатической «крышей».

Конспиративные встречи предатель прикрывал, как и в прежние годы, протокольными посиделками и необходимостью официально поддерживать контакты с представителями других стран, в том числе и США.

В этот период у военных контрразведчиков уже были интересные наработки на Полякова. С целью проведения оперативно-технических мероприятий в Дели руководством КГБ была отправлена оперативная группа. Результат ее работы оказался довольно-таки солидным — чекисты обнаружили неизвестные таблетки в квартире военного атташе генерал-майора Полякова.

Сделали предположение, что они, возможно, применяемы для написания тайнописных текстов. Их срочно доставили в Со-

ветский Союз. Научно-техническая экспертиза ОТУ КГБ СССР подтвердила эту догадку. В авторитетном заключении специалистов говорилось:

«...таблетки зарубежного производства предназначены исключительно для нанесения тайнописных текстов...»

Именно в это время на стол начальнику ГГУ генералу П.И. Ивашутину с санкции председателя КГБ СССР Ю.В. Андропова легла краткая обобщенная справка на Д.Ф. Полякова, подозреваемого в причастности к агентуре ЦРУ.

Ивашутин мужественно выслушал начальника военной контрразведки генерал-лейтенанта Н.А. Душина и пообещал никаких кадровых перемещений, связанных с Поляковым, не производить без согласия чекистов.

В ходе беседы два руководителя пришли к выводу, что вероятного шпиона следует под благовидным предлогом срочно отозвать в Москву.

— Николай Алексеевич, я думаю, есть вариант — пригласить его в столицу на совещание. Никаких подозрений ни в аппарате, ни у него самого это не вызовет. Такие мероприятия мы часто практикуем.

— Я согласен, Петр Иванович, с вашим предложением — оно внятно по реализации, — заметил генерал Душин. — Единственная просьба — этот разговор между нами. Никто не должен знать о наших планах. Прибудет — будем дожимать его здесь в Москве.

— Кстати, как мне докладывали, сыновья собираются к нему вылететь, — настороженно поведдал начальник ГРУ.

— Об этом я вам хотел рассказать, но вы опередили меня. Я дал команду руководителю 1-го отдела нашего Главка через МВД притормозить процесс оформления... Приезд отца в Москву заставит ретивых чад домогаться получить разрешение на выезд.

— А они знают, для чего их вызывает отец? — спросил Ивашутин.

— Естественно, нет. Он им внушил мысль, что это его последняя заграничная командировка и он хочет показать им красивую страну. Я думаю, он тоже еще колеблется, оставаться на Западе или нет — идет нелегкая борьба мотивов...

Но вернемся в Дели.

Американский разведчик провел десять личных встреч со своим агентом. Одиннадцатая не состоялась, так как спустя несколько месяцев после прибытия в Индию — в июне 1980 года Поляков был срочно вызван в Москву под предлогом участия в важном совещании...

После получения шифровки об отзыве его в столицу по делам службы «Бурбон» срочно встретился с Вольдемаром и сообщил ему об этом факте. Американец словно почувствовал, что тут что-то неладное, сразу же предложил Полякову ближайшим самолетным рейсом вылететь в США. Для этого он, мол, сделает все от него зависящее.

Но агент отказался от такого развития событий, уверенный в полной своей безопасности. Поляков действительно в тот момент почему-то твердо верил, что его опыт и профессиональные навыки понадобятся на оперативном форуме в центральном аппарате ГРУ.

Агент вспомнил один из последних разговоров с Полем Диллоном. Американец ему говорил, что надо сохранять веру в себя даже тогда, когда никто в тебя не верит. И в то же время нельзя быть неколебимым в своей уверенности. А еще из его уст выскочило образное сравнение: у справедливости в России медленная скорость, а к законности длинная и ухабистая дорога... твердолобость — это удел глупцов; не надо падать духом и вешать нос.

Отчаяние никогда не приносило победы.

Поляков в тот момент не ощутил опасности. Он даже на миг представил себя стоящим на трибуне и вещающим, как оракул, свои советы молодым сотрудникам военной разведки. Он хорошо владел искусством перевоплощения и умел сказать те слова, которые хотят от оратора услышать начальники, а подчиненные только бы удивлялись его мудрым советам.

Поэтому он так считал, что в счастье не следует быть чрезмерно самоуверенным, а в беде не следует терять уверенность.

Генерал расслабился, наплыли сентиментальные воспоминания о времени, проведенном в 50-е годы в США. Ему было приятно вспомнить те далекие теперь уже картинки спокойного

бытия, когда он окунулся «из эпохи войны в полосу мира и спокойствия».

Именно тогда Поляков почувствовал, что воспоминания — это действительно единственный рай, из которого он не может быть изгнан. Теперь он уезжал, а может, изгонялся из индийского рая, который устраивал его материально и морально.

Но когда он прибыл в Москву, то убедился, что никакого совещания в ГРУ нет, его якобы перенесли, а его неожиданно вызвал в управление кадров не начальник, а рядовой клерк — старший офицер и объявил ему приказ об увольнении со службы. Сослался он на то, что подготовлен новый, более молодой кандидат на его место.

Только теперь он понял, что находился и находится под «колпаком» военной контрразведки. Он надеялся увидеть раду, а попал под дождь. Другого объяснения этим бурным и стремительным, буквально судьбоносным событиям он не находил.

Поляков прокручивал в голове все последние операции с американцами и искал ответ на вопрос, где он мог проколоться. Это было то состояние, когда подозрение жило в его преступной душе, для которой каждый куст казался сыщиком.

Агент «Бурбон» даже несколько растерялся и в порыве разочарования подумал о том, что два раза не живут, а много и таких, которые и один раз прожить не умеют. Захотелось даже застрелиться, но дурман суицида прошел быстро. И хотя тут же он причислил себя к подобным неудачникам, но ненадолго. Скоро появилась уверенность, что все обойдется, как обходилось в прежние времена.

Поляков отбрасывал первую командировку в Индию, так как при каких-то сомнениях в его лояльности режиму, руководству ГРУ и военной контрразведки КГБ не состоялась бы и вторая поездка в эту страну. Значит, основная причина — последние месяцы пребывания за границей.

Но и тут он не находил «торчащих ушей», мучаясь от переживаний на пути прокруток разных догадок. И в то же время Поляков был уверен, что чем меньше о нем командование знает, тем больше подозревает. Освободились от него по испугу из-за

наговора. Если бы было что-то серьезное у чекистов — его бы арестовали не задумываясь и сразу по возвращении.

Жена Полякова Нина прибыла в Москву из Дели самолетом через некоторое время, после сбора пожиток нехитрого скарба командировочной семьи военнослужащего.

Глава 14

Особенности работы «оборотня» на Родине

Следует заметить, что для работы на Родине Поляков был вполне уже подготовлен и профессионально, и идейно. За время пребывания за границей и общения с представителями ФБР и ЦРУ последние все делали для того, чтобы убедить Полякова в правильности выбранного им пути, всячески стремились идеологически его «подковать» и успокоить.

На встречах знакомили с материалами известной речи У. Черчилля в Фултоне, тезисами выступления масона Аллена Даллеса на заседании Совета по международным отношениям, позициями «ястребов холодной войны» Г. Трумэна, Г. Моргенау, Б. Баруха и других.

Вскоре он познакомился с полным текстом выступления Даллеса «Размышления о реализации американской послевоенной доктрины против СССР» и был не столько потрясен агрессивностью намерений американцев в проведении идеологической диверсии против СССР, сколько перепуган. Поляков несколько раз перечитал то, что было для него важным:

«Окончится война, кое-как все утрясется, устроится. И мы бросим все, что имеем, — все золото, всю материальную помощь на оболванивание и одурачивание людей.

Человеческий мозг, сознание людей способны к изменению. Посеяв там хаос, мы незаметно подменим их ценности на фальшивые и заставим их в эти фальшивые ценности верить. Как? Мы найдем своих единомышленников, своих союзников в самой России.

Эпизод за эпизодом будет разыгрываться грандиозная по своему масштабу трагедия гибели самого непокорного народа, окончательного, необратимого угасания его самосознания. Из ли-

тературы и искусства мы, например, постепенно вытравим их социальную сущность, отучим художников, отобьем у них охоту заниматься изображением, исследованием, что ли, тех процессов, которые происходят из глубины народных масс. Литература, театры, кино — все будет изображать и прославлять самые низменные человеческие чувства. Мы будем всячески поддерживать и поднимать так называемых художников, которые станут насаждать и вдалбливать в человеческое сознание культ секса, насилия, садизма, предательства, — словом, всякой безнравственности. В управлении государством мы создадим хаос и неразбериху...

Мы будем незаметно, но активно и постоянно способствовать самодурству чиновников, взяточников, беспринципности. Бюрократизм и волокита будут возводиться в добродетель. Честность и порядочность будут осмеиваться и никому не станут нужны, превратятся в пережиток прошлого. Хамство и наглость, ложь и обман, пьянство и наркоманию, животный страх друг перед другом и беззастенчивость, предательство, национализм и вражду народов, прежде всего вражду и ненависть к русскому народу — все это мы будем ловко и незаметно культивировать, все это расцветет махровым цветом...

И лишь немногие, очень немногие будут догадываться или даже понимать, что происходит. Но таких людей мы поставим в беспомощное положение, превратив в посмешище, найдем способ их оболгать и объявить отбросами общества. Будем выбрасывать духовные корни большевизма, опошлять и уничтожать основы духовной нравственности. Мы будем расшатывать таким образом поколение за поколением...

Будем братья за людей с детских, юношеских лет, главную ставку будем делать на молодежь, станем разлагать, развращать, растлевать ее. Мы сделаем из них циников, пошляков, космополитов. Вот так мы и сделаем».

Поляков поверил в возможности американцев.

Предательство Полякова и его деятельность на ФБР и ЦРУ можно оценивать по-разному, однако есть одна непреложная истина, что работал он настолько осторожно, что в течение многих лет не мог попасть в поле зрения органов госбезопасности СССР.

А свое командование он сумел покорить «достижениями в вербовочной работе» — американцы ему серьезно помогали в имидже опытного вербовщика.

В основном его преступная деятельность протекала в зарубежных условиях, где Поляков предпочитал передавать информацию из рук в руки. При таких условиях возможности советской контрразведки были сужены пределами функционирования офицеров безопасности того или иного нашего посольства или другого учреждения СССР, что позволяло подобной агентуре легко и свободно вступать в контакты с иностранными разведчиками.

За границей «Бурбон» активно использовал официальные возможности для личных встреч с американскими разведчиками: представительские банкеты, охота, рыбалка, экскурсии, просмотр кинофильмов и прочее.

Его коммуникабельность с иностранцами сослуживцы часто принимали за смелость опытного профессионала. Он был контактен, словоохотлив, считался балагуром в незнакомой компании. Быстро сходился с заинтересовавшимися им людьми.

Находясь же в Москве, шпион категорично отвергал такую стратегию в операциях по связи, как личные встречи, а широко применял закладки в тайники, хотя сами тайники никогда не изымал. Он активно практиковал «сброс-выстрел» собранной секретной информации на американское посольство, используя портативный импульсный передатчик.

Именно такие способы поддержания связи с представителями ЦРУ в Москве позволяли ему уходить от прямых с ними контактов, оберегали его от глаз наружной разведки и в какой-то мере успокаивали военных контрразведчиков — объект в длительных паузах не проявлял себя, что позволяло военным контрразведчикам иногда склоняться к мысли, что он не работает на противника.

Во время нахождения Полякова в Москве он часто вспоминал слова, сказанные еще в США одним из сотрудников ЦРУ на конспиративной встрече перед его возвращением в Советский Союз:

— Запомни, Дмитрий, русские обожают ругать свою страну,

свою власть, своих вождей, свои порядки, но не терпят, когда это делают иностранцы. Не будь чистюлей, оставайся, как все, но не переходи границу дозволенного, — чистоплюй, привередливый человек, отстраняющийся от неприглядных сторон жизни, так же подозрителен, как и тот, который настроен к своей стране как критикан.

Однако Поляков с выгодой для себя нередко пользовался этими полюсами, когда нужно было приблизить, расположить какого-то интересного ему человека к себе. Все зависело от обстоятельств и от сущности человека.

Хорошо изучив печальный опыт работы американцев с проваленными практически по их вине агентами ЦРУ подполковником Поповым и полковником Пеньковским, на которых советская контрразведка вышла через их посольские связи, третий «П» — Поляков сделал крен в сторону безличных контактов со своими боссами.

К работе по отбору шпионской информации он тоже подходил избирательно, понимая, что выдать чужой секрет, к которому допущены и другие люди, есть, естественно, предательство. Но оно, это предательство, всегда прикрыто шеренгой стоящих рядом с секретом секретоносителей, которыми в первую очередь заинтересуются органы госбезопасности, а вот выдать свой секрет, к которому допущен лишь ты, — это глупость, граничащая с элементарным провалом.

Он эту аксиому твердо усвоил и придерживался ее на протяжении всей преступной деятельности, что затрудняло прямой выход контрразведки на «оборотня».

Но после провалов нелегальной сети и агентов ГРУ в США военная контрразведка КГБ начала поиск возможного предателя.

Однако тогда Поляков в список подозреваемых не попал. Оказался он в поле зрения несколько позже по признакам возможного причастия к утечке секретных данных — «чужого секрета». Факт самого предательства был очевидным, но и здесь подозреваемый выпал через редкое сито военной контрразведки, которой он показался незначительной, мелкой случайностью в списке более колоритных фигур в оперативном плане.

И все же военная контрразведка постоянно шла у него по пя-

там, понимая, что пули предательских сливов информации противнику страшнее пуль свинцовых, тем более в разведке. Такая объективная оценка опасности «оборотня» в системе ГРУ заставляла оперативников шевелиться.

В ходе проведения оперативно-технических мероприятий чекистами было зафиксировано, что генерал-предатель чувствовал их дыхание где-то рядом и замирал, прекращая всякие телодвижения: сидел больше дома или занимался перестройками на даче.

Ему часто сопутствовала удача, но, к сожалению, были в деятельности оперативников субъективные и объективные моменты, в результате которых ему долго удавалось оставаться неразоблаченным.

Глава 15

Беседа с соглядатаем Андропова

Начальника 1-го отдела 3-го Главного управления КГБ с материалами ДОР на «Дипломата» — Полякова вызвал на доклад первый заместитель председателя Комитета госбезопасности генерал армии Георгий Карпович Цинев — небольшого росточка человек с крупными ушами на бритой круглой голове, как-то вяло держащейся на его узких плечах.

Бывший профессиональный партийный чиновник был говорлив, достаточно образован, однако ему явно не хватало личного профессионального чекистского опыта по работе в линии «шпионажа», нарабатывавшегося с годами на поле брани с просками спецслужб противника.

Разработчик четко и кратко доложил суть материалов, а потом перешел к конкретным плановым позициям агентурно-оперативных мероприятий. Через какое-то мгновение суетливый Цинев прервал докладчика и писклявым голосом, перешедшим почти в детский дискант, произнес:

— Вот что я вам скажу, товарищ полковник. Если мы начнем арестовывать генералов, кто будет воевать? Генерал-разведчик не может быть предателем... Вы подумали об авторитете разведки Генерального штаба, кстати, и военной контрразведки тоже?

У вас в материалах дела нет никаких серьезных вещественных доказательств.

— Они есть, товарищ генерал, и еще будут. Мы на пути к открытию истины. Результаты аналитической работы, проведенной оперативниками второго отделения, не только говорят о том, что перед нами матерый шпион, но и позволяют определить места вероятного хранения уликовых материалов, — смело парировал замечание высокого генерала начальник 1-го отдела полковник — опытный разработчик и профессионал-агентурист, не один год прослуживший в подразделении, обслуживавшем ГРУ Генштаба.

— Существо вашего анализа следователям не нужно, дайте им вещественные доказательства — и дело закрутится, — проворчал явно недовольный куратор военной контрразведки.

— Они будут, потому что есть. Разрешите только действовать согласно плану оперативных мероприятий. Мы его разработали с учетом всех тонкостей дела.

— Ну что же, действуйте, только без третьего и четвертого пунктов плана.

— Но ведь это же основные пункты, — еле успел проговорить оперативник.

— Вы свободны. Кстати, а то, что Поляков тесно общался с военными атташе США в Бирме и Индии, ни о чем еще не говорит... Это его работа, служба, между прочим.

Начальник отдела возвращался в свой кабинет, разочарованный приемом у чекиста-чиновника, не вникшего в существо очень сложного дела оперативной разработки на явного шпиона. Ему было не по себе от философии вчерашнего бывшего партияца — все правильно, за исключением «только»...

Войдя в кабинет, он спокойно попытался оценить, как ему нужно будет изворачиваться, усложняя выполнение плановых позиций, чтобы без двух основных пунктов получить необходимый результат.

«Вот где вступают в противоречие форма и содержание, — рассуждал полковник. — Видимая часть — он считается замом

Андропова, на плечах у него погоны генерала армии, который курирует военную контрразведку. Он вызывает меня для доклада по важной разработке, а на деле сплошная профанация. Хотя бы не показывал ту невидимую сторону своего незнания чекистского ремесла. А может, боится рисковать. Но в таком деле оправданный риск просто необходим — на кон положены жизни наших разведчиков».

Прошло несколько лет после этой встречи. Все уликовые материалы на шпиона Полякова, нужные для следствия, добыли военные контрразведчики, но какой ценой?! А ведь все это можно было сразу сделать аккуратно и не ждать потери драгоценного времени.

Оперативники — шахтеры чекистского ремесла или искусства, как кто оценивает этот труд, понимали, для чего Цинев, промчавшись сквозняком по должностям, был поставлен Брежневым первым заместителем председателя КГБ.

Набирал обороты авторитет Андропова, а потому престарелому генсеку нужен был шептун, соглядатай на таком ответственном посту, какой длительное время занимал молчаливый и скромный Юрий Владимирович.

Эту роль достаточно долго (с 1970 года — один из замов, а с 1982 года — один из первых замов) исполнял именно маленький, шустрый, говорливый бывший соратник Брежнева в качестве секретаря Днепропетровского горкома партии Георгий Карпович Цинев.

Накопать и накапать на Андропова его первый заместитель не мог, потому что он с ним был несравним.

Андропов в оценке людей был человеком принципиальным. Он оценивал работников по деловым качествам и всегда руководствовался интересами государства. Эмоции в отношении принимаемых им решений отсутствовали, так как председатель КГБ исходил из справедливости и здравого смысла — любимцев у него не было и не могло в принципе быть.

Он имел высокую нравственную планку. Но справедливости ради надо сказать, что Юрий Владимирович мечтал о власти.

Сознавая неспособность тогдашних престарелых советских вождей вывести страну из состояния стагнации и застоя, он мечтал взять бразды правления страной в свои руки.

Он намеревался стать не столько партийным функционером, политиком, сколько государственным лидером, осуществить перестройку (только не по горбачевским лекалам) и сохранить Советский Союз, включив Державе маршевые двигатели к благополучному полету в новое тысячелетие.

И надо прямо сказать, он не был жертвой иллюзий — он являлся чистейшим прагматиком, потому что любое поражение превращал в победу, извлекал из ошибок уроки, а поэтому был режиссером своей жизни. Не случайно он так долго руководил чекистской империей. Помешали планам болезнь и недоброжелатели, а может, даже враги. Но об этом пусть скажут история и ее жрецы — только добросовестные историки.

«Знающих» исторические вехи Красной Империи мы уже наслушались и насмотрелись. Они просто были недоброжелателями прошлого, которого изменить было нельзя, а вот опозлать можно. Украшать его тоже не надо — оно должно быть нанесено на скрижали таким, как было.

Историю нельзя переписать!

Однако вернемся к Полякову.

Самое удивительное произошло после разоблачения шпиона «Бурбона». Тот же самый первый заместитель председателя КГБ обрушился с испепеляющей критикой в адрес военных контрразведчиков, допустивших возможность длительное время действовать агенту ЦРУ в Генеральном штабе ВС СССР.

Именно в то время среди военных чекистов, работавших по делу оперативной разработки на «Дипломата» и попавших в опалу, родилось четкое и емкое аллитерационное понятие — «цинневский цинизм», о котором скоро забыли, как и забыли «маленького генерала армии без армии».

Чекистского «полководца», Героя Социалистического Труда (1977), генерала армии (1978) в 1985 году проводили на пенсию, определив его в Группу генеральных инспекторов Министерства обороны СССР.

Автору этих строк и его коллеге и другу по 1-му отделу 3-го Главного управления КГБ В.Ф. Евсееву пришлось встретиться с Циневым, находившимся уже на пенсии.

Дело в том, что офицеры прибыли в Третий дом МО СССР, чтобы взять интервью у прославленного летчика-истребителя минувшей войны, трижды Героя Советского Союза, маршала авиации Ивана Никитовича Кожедуба. Он являлся земляком автора, которого знал давно. Он и решил пригласить его на встречу с коллективом Главка.

В коридоре этого дома случайно встретился генерал армии в отставке Цинев. Он пригласил офицеров в крохотный кабинет для четырех отставных генералов и открыто заявил:

— При мне военная контрразведка гремела, потому что я постоянно чувствовал руку поддержки своего земляка, уважаемого Леонида Ильича. Как только его не стало, недоброжелатели сделали объектом критики Третий главк. Тяжело смотреть на то, что недооценивается...

Конечно, правда в словах генерала была, но не вся.

— Какая операция по масштабности разоблаченного из шпионов военными контрразведчиками вам больше всех запомнилась? — спросил автор его в надежде, что он должен будет назвать «Бурбона».

— Конечно, по Полякову... Мы выдернули тогда глубоко и долго сидевшую занозу из тела ГРУ. Но это нисколько не умаляет заслуг военных разведчиков, которым он мог принести еще много, очень много бед, — ответил голый, как бронзовый бог, генерал, ничего не сказав о том, как ковалась победа над этим каином в красных лампах.

Комментарии излишни...

Глава 16

Каждый крючок ловит свой кусок

Каждый человек — кузнец своего счастья или создатель своей беды. Все зависит от того, с каким материалом работает «хомо сапиенс», что он ищет и к чему хочет прийти.

Поляков искал счастье, а обрел беду, на которую сам себя и

вывел. В охоте за деньгами его крючок поймал, наконец, тот кусок, которого он проглотить не смог. Все было у человека: здоровая семья, любящая жена, милые дети, хорошая квартира, приличная зарплата, но это добро его не устраивало — хотелось еще большего. Наверное, не понимал он, что самое сильное ранение можно получить от осколков гипертрофированного собственного счастья. Когда много чего-то, людям со временем кажется, что еще мало, и в погоне за чем-то большим они попадают в капкан обстоятельств.

Как говорится, всякое добро, посещающее тебя, человек, приходит от бога, а всякое зло приходит от себя самого.

Замышляя подлое дело предательства, Поляков не уразумел, что оно сопряжено с большими трудностями не столько в смысле исполнения этой самой пакости, сколько ее цены.

Он также до конца не осознал, сколько потребуется физической, психологической и нравственной нагрузки на тело и душу.

Да, он питал тело, но разрушал душу, которая несла его в полете, пораженная флаттером саморазрушения. Поляков надеялся на благополучное жизненное приземление, но увлекся, а скорее отвлекся, и свое внимание сконцентрировал на ненужном и опасном объекте, особенно в разведке, — корысти.

Торговля совестью в последние годы существования СССР приняла массовый характер, стала общенациональным бедствием и свидетельствовала о катастрофических масштабах деградации личности, приведшей к равнодушию общества при разрушении в последующем и самого государства.

Скольких таких искателей легкого счастья проглотила выгребная яма истории! Результат, как известно, — катастрофа.

Другого финала у этой омерзительной натуры не могло и быть. На следствии чекисты Ю. Колесников и А. Духанин задали Полякову вопрос:

— Дмитрий Федорович, а вам не было жалко тех преданных вами людей, наших нелегалов, которых вы сами же и готовили к этой сложной работе за рубежом? Сколько отдано сил, времени! И главное, их судьбы. Ведь их после этого ждало только «одно», и вы прекрасно понимали, что значит для них это «одно». Это же были легендарные люди, которые ради своей Родины шли на

высочайшее дело. Никто и никогда им не завидовал. Перед ними склоняли головы. Они вызывали чувство высочайшего уважения и гордости. Вы же все это понимали, выдавая их?

Поляков внимательно выслушал вопрос.

— Это была моя работа, — со свойственным ему цинизмом ответил, как робот, монотонно и лязгающим тоном Поляков. — Можно мне чашечку кофе?

У него был только один товар — человеческие жизни, которые он предавал и продавал. За гибель людей и слитые противнику секреты ему платили. Замечено, что богатство, нажитое преступным путем, не делает тех людей, кто им владеет, ни гостеприимнее, ни вообще добрее. Предательство — это прежде всего тяжкий груз для совести, если, конечно, она есть.

У Полякова она была в дефиците. Совесть как носитель добра он выбросил из души на обочину своего преступного пути. Он не слышал плача — этого звенящего вопля скорби жен и детей, загубленных им мужей и отцов, мужчин, но особенно женщин, не говоря уже об абстрактном для него понятии Родины.

Самое страшное, что происходило с ним, — это обезчеловечивание в нем человека, его обезличивание, превращение в винтик мистифицированной системы, выстроенной им самим при солидной помощи ЦРУ.

Весь трагичный опыт подобного показывает, что получается, когда из обилия достойных жизненных дорог выбирается узкая и петлистая тропинка предательства, особенно людьми в погонах. Ведь в жизни все конечно, кроме процесса самой жизни, которой нет ни конца, ни начала... А еще никто из смертных не может быть умен всегда, он обязательно делает глупости, за которые надо расплачиваться.

Итак, вот, оказывается, какой кусок агент ЦРУ насаживал на свой крючок, чтобы поймать в мутной воде предательства подарки в виде безделушек для коллег, дорогих вещиц для начальства или драгоценностей для благоверной.

Не забывал он, конечно, и себя. Сначала, как пылесос, засасывал деньги, потом, по прагматичному совету американцев, предпочитал отовариваться инструментами, оружием, рыболовными снастями, радиоаппаратурой, прекрасно понимая, что

лишняя наличность неизбежно привлечет внимание коллег, близких людей и контрразведчиков, которых он остерегался всю свою предательскую жизнь.

После возвращения в Союз из первой командировки в Индию и став начальником факультета Военно-дипломатической академии ГРУ, Поляков понял, в какую кладовую с секретами, выходящими за рамки его прямых обязанностей, он попал волею случая.

Опять он забросил свой крючок и выудил такой кусок информации, который заинтересовал даже американского президента. Речь шла о перечне военных технологий, которые закупались или добывались разведками ГРУ и КГБ за рубежом. Поляков сообщил в ЦРУ о существовании более пяти тысяч советских программ, использовавших западные высокие технологии для наращивания военного потенциала СССР.

Нужно отметить, что в тот период именно не нашим «железным занавесом», а шлагбаумами западных носителей духа мародерства была окружена Красная Империя, которой запрещалось общаться с компаниями и фирмами, могущими продать нам новые технологии для науки, промышленности, сельского хозяйства и других народно-хозяйственных отраслей.

Все связывалось с опасностью применения зарубежных «ноу-хау» военным ведомством СССР.

Борьба на уничтожение Советского Союза велась в тесном союзе североамериканского государства и его западноевропейских подручных. Представители этих стран понимали, что войной, предназначение которой четко определил конгрессмен Н. Додд, — «Если желательно изменить жизнь целого народа, то существует ли средство более действенное, нежели война», — Советскую Россию не одолеть.

Она может дать такой сдачи, что мало не покажется. Поэтому ставка делалась на взрыв мины замедленного действия — широкомасштабное предательство правящей элиты изнутри. Мы для Запада всегда были, есть и будем людьми Востока, какую бы форму политического правления ни избрала Россия. Американ-

ский историк Т. Бейли по этому поводу высказался определенно: «Нам нужны не столько атомные и водородные, сколько бомбы идеологические».

Правда нашей жизни, да и прежних жизней, есть только одна — она в мощи, в кулаке, в силе страны.

Сегодня россияне, перед силой которых еще недавно западники с фальшивыми улыбками и выпученными глазами трепетали в страхе, уже не те силой — страну сдали, раскромсали на кровоточащие куски предатели. А потому теперь любой шавке можно поиздеваться над теми, кого ты вчера боялся. И над русскими, и над сербами, и над иракцами, и над другими народами, которые пытались идти своим путем, не в русле «мирового порядка», навязанного Западом.

Плохо, когда сила живет без ума, но не хорошо, когда и ум без силы. Такая уж у человечества планида...

Великий Достоевский писал по этому поводу: «Кто крепок и силен духом, тот над людьми и властелин. Кто много посмеет, тот у них и прав. Кто на большее может плюнуть, тот у них и законодатель, а кто больше всех может посметь, тот и всех правее. Так доселе велось и так всегда и будет».

Недаром говорится, что быть сильным и заявлять — это есть право. Быть сильным и не давить других есть обязанность. Быть сильным и пренебрегать своей силой — это грех смертный, а одного смертного греха, как говорят священники, достаточно, чтобы лишиться вечного блаженства.

Вернемся же к материалам, доложенным в ЦРУ Поляковым о пяти тысячах советских программ по использованию западных высоких технологий.

Эта информация была доведена помощником министра обороны США Ричардом Перлом до президента Рональда Рейгана, который тут же распорядился ужесточить контроль над продажей военной техники представителям «империи зла». Он объявил россиян «неконкурентоспособным населением», нерентабельными и некачественными людьми, недостойными потреблять по дешевке природные ресурсы — нефть, газ, уголь и прочее.

С его и ему подобных точек зрения, лучше захватить под контроль как можно больше природных ресурсов, а «лишнее» население планеты от этих ресурсов отрезать. Но регулировать ресурсы невозможно. Следовательно, надо регулировать человеческую массу. Вот для каких целей велась тогда и ведется сегодня незримая борьба с моей Родиной, в том числе силами предателей.

Все равны, все имеют равные права, жизнь — высшая ценность! — говорят западники, призывая к скотской сытости и чувственности за счет притеснения и эксплуатации других народов, расчленения непокорных государств.

Мало что изменилось и сегодня...

Глава 17

Следствие по делу Полякова

Пять лет прошло в тяжелой тяжбе оперативников с начальством разных степеней, пока военные контрразведчики наконец-то убедили все инстанции — от председателя КГБ и до Главного военного прокурора — в наличии оснований для задержания Полякова, проходившего по делу оперативной разработки — «Дипломат».

За это время оперативный состав второго отделения основательно проработал материалы своих предшественников: поднимались архивные дела по расследованию фактов утечек секретных данных, проводился их дополнительный анализ, оценивались вновь поступившие данные, выдвигались и перепроверялись очередные версии по вновь открытым обстоятельствам. Год за годом, месяц за месяцем сужался круг подозреваемых в возможной причастности офицеров ГРУ Генштаба к агентуре противника. А круг был велик — более 60 человек! Через год осталось 31, на следующий — 25, потом — 10 и, наконец, пятеро фигурантов...

Колесо возмездия теперь покатило быстрее по направлению к той истине, которая прорисовывалась в материалах у военных чекистов.

Последний год был самым активным, самым нервным. Наконец-то вычислили кандидата на задержание и проведение с ним соответствующей работы. Им был генерал-майор в отставке Поляков Дмитрий Федорович, чья причастность к вражеской агентуре была оперативно доказана.

Санкция на конспиративное задержание Полякова, наконец, была получена, обставленная со стороны начальства немалым количеством письменных предупреждений страховочного плана, в том числе о наступлении тяжелых административно-правовых последствий в случае провала операции.

Риск, конечно, был, но, как говорится, больше всех рискует тот, кто не рискует. Когда человек думает, что может произойти что-то плохое, он притягивает несчастье. Оперативники понимали, что никогда опасность не преодолевается без риска, а то, что Поляков для военной разведки представлял, несомненно, страшную опасность, было очевидным.

Чекисты предполагали, что шпионскую экипировку предатель мог уничтожить в любое время, но сохранялась вероятность в надежде, выстроенной на солидной практике работников второго отделения, что уликовые материалы никуда не делась и не денутся.

Это подтверждалось в ходе проведения оперативных мероприятий — «Дипломат» по его поведению и разговорам явно пытается сохранить шпионский арсенал для возобновления преступной деятельности.

Такую уверенность могут испытывать только профессионалы высокого класса. Серия проведенных оперативно-технических мероприятий на квартире и даче предателя, а также в доме его матери подтвердила правильность разработки в направлении такой легализации уликовых материалов.

Они заранее были обнаружены оперативным путем, и за их сохранностью велось теперь круглосуточное негласное наблюдение.

Таким образом, у военных контрразведчиков были все основания заявить: перед нами — шпион с уликами.

7 июля 1986 года, на следующий день после празднования Поляковым юбилея — 65-летия, он был конспиративно задержан, когда ехал на встречу с ветеранами военной разведки. Задержали его сначала якобы за хранение незарегистрированного огнестрельного оружия. Это был, конечно, повод, но не главный, ради чего затевался его арест. Он тут же был препровожден в Лефортово — в следственный изолятор КГБ. Попав в камеру, Поляков понял, — за хранение оружия генералов в Лефортово не везут.

Шпиона ошеломила внезапность событий жизненного пути, пребывание на котором теперь придется отсчитывать отрезками времени — «до» и «после». Куда девалась с его лица всегда слащавая ухмылка. Лицо генерала посерело. Округлившись, мутно отяжелевшие небольшие глаза, не мигая, оторопело смотрели на чекистов. Они словно сверлили участников его ареста. Испарины холодного пота покрыли узкий лоб задержанного. Только теперь он понял, что это тот самый конец его двойной игре, которого он всегда так боялся, — конец череде предательств, а может, и конец того самого карантина у входа в рай, который называется жизнь.

Он уяснил одну истину: когда далеко уйдешь по жизненному пути, то замечаешь, что попал не на ту дорогу. Подлая дорога предательства у него теперь уперлась в тупик, и он согласился со словами, что жизнь состоит в том, что она внезапно исчезает.

И все же, до конца не осознавая всей совокупности обстоятельств его задержания, лихорадочно ища и не находя алиби, он четко уловил лишь одно: отговориться не удастся, легенды в свою защиту опрокинуты и шпионаж скрыть уже он не сможет. Но, как ни вертел он факты и события, как ни копался в своей автобиографии, зацепок для спасения практически не оставалось. Опыт советского разведчика и американского шпиона ему подсказал, что оперативники могли вести себя с ним так смело только в случае обнаружения серьезных улик. А они были и хранились у матери.

«Видно, все нашли в тайниках... И зачем я до сих пор «солил» этот компрометирующий материал?! — обожгла его по-мутневшее от страха сознание мысль. — Это конец всему! Конец

семье, авторитету среди соседей и коллег, конец дачному сопровождению, конец рыбалке, охоте и столярным поделкам и, наконец, поломанная судьба сыновей. И, наверное, позорный конец самой жизни. Контрразведчики из меня выпотрошат пусть не все, но многое, за что придется ответить головой. Всего я им все равно не расскажу...»

Как и ожидалось, на поставленные вопросы военных контрразведчиков он дал сразу же соответствующие пояснения.

— Я давно... я давно хотел вам все рассказать, но времени свободного не было, хотя ждал, всегда ждал, что этот черный день для меня наступит, — проговорил заарканенный перевертыш. Он тут же добровольно стал перечислять сохранившиеся аксессуары шпионской экипировки и указывать места ее хранения.

Не надо забывать, что «Бурбон» был американским агентом с великим опытом. Он прекрасно понимал, что после его задержания начнутся обыски и непременно будут обнаружены улики, а поэтому шпион решил сыграть на вероятном получении смягчающих обстоятельств, — дескать, «чистосердечное» признание зачтется на следствии.

«Найдут ведь, все равно найдут, а может, уже знают, где эти «игрушки» находятся, и водят меня за нос, — рассуждал Поляков. — Но надо четко заявить, что работал на ЦРУ только за границей, и то из-за неприятия реформ Хрущева. Действовал как социал-демократ, чьи идеи мне всегда были ближе, чем коммунистические. Тем более Горбачев, по-моему, заигрывает с социал-демократией. Это важно на будущем следствии и судебном процессе».

Выстроенную тактику поведения в этом ключе он и пытался навязать следователям, которых больше всего интересовала истина, а не его жизненные идеи и партийно-политическая идеология.

Следствие неоспоримо доказало сотрудничество Полякова с американскими спецслужбами и представило тому вещественные доказательства.

Среди них фигурировали:

инструкция агенту «Бурбону» по связи с американскими раз-

ведцентрами как на территории США, так и в западных странах, закамуфлированная в подложку брелка для ключей;

двадцать листов тайнописной копирки, замаскированной в книге американского издания и в конвертах для грампластинок;

два кадра микропленки с текстом инструкции по радиосвязи и схемой постановки графического сигнала в районе Воробьевского шоссе, находившиеся внутри дюралевого трубки;

специальное устройство для подзарядки аккумуляторов быстросдействующего приемопередатчика, вмонтированного в бытовую радиотехнику;

четыре контейнера для хранения и транспортировки шпионской экипировки, оборудованные в обложках книг и футляре для рыболовных принадлежностей;

шифроблокноты, закамуфлированные в обложку дорожного несесера;

две приставки к малогабаритному фотоаппарату «Тесина» для вертикальной и горизонтальной съемки;

несколько катушек фотопленки «Кодак», рассчитанной на специальное проявление;

шариковая ручка, головка зажима которой предназначалась для нанесения тайнописных текстов;

транзисторный приемник иностранного производства, предназначенный для приема односторонних радиопередач, и ряд других предметов.

Находясь в камере следственного изолятора, Поляков часто обращался к прошлому — этому ведру праха, которое он считал виртуальным, потому что его уже не было рядом. Но ведь и будущее для него в той ситуации, в которой он оказался, тоже было призрачно, потому что его еще нет и, возможно, никогда не будет. Сокамернику он говорил:

— О многом, что я делал, чекистам почему-то известно, словно из первых уст. Наверно, американцы меня заложили ради спасения более важной и молодой птицы. Где же верность долгу? Я же на них проработал столько лет, и вот такое свинское отношение. Никто из-за океана не поднял голос в мою защиту!

Сволочи они все! Сколько из них на моей информации выросло, легко, без риска, в тиши кабинетов сделав себе карьеру?!

Здесь с «Бурбоном» можно лишь частично согласиться. Карьеру янки и ему делали, основательно лепили ее за предательство интересов противостоящей разведки. На дрожжах этой искусственной карьеры он рос и вырос до генерал-майора, получая высокие должности и такие же правительственные награды за «героизм, проявленный на полях сражений незримого фронта».

Не здесь ли лежит ответ на вопрос: почему само бытие без нравственного бытия есть проклятие? Чем значительнее такое преступное бытие, тем значительнее и его проклятие обществом — это парадигма причинно-следственного порядка.

Стержень нравственности предатели вырывают из души, становясь бездуховными отщепенцами, после чего наступает кара за содеянное ими зло при нарушении закона в ходе преступного бытия.

Сразу после своего ареста Поляков заявил:

«Я практически с самого начала сотрудничества с ЦРУ понимал, что совершил роковую ошибку, тягчайшее преступление. Бесконечные терзания души, продолжавшиеся весь этот период, так изматывали меня, что я неоднократно сам был готов явиться с повинной. И только мысль о том, что будет с женой, детьми, внуками, да и страх позора, останавливали меня, и я продолжал преступную связь или молчание, чтобы хоть как-нибудь отсрочить час расплаты».

Как все округло, как все безобидно сказано, — виновен не так он, как сама неменяемая жизнь, загнавшая его в тупик.

Когда мною читались эти слова «признания» Полякова, сразу после его ареста, в душе включались катализаторы возмущения. Слишком много знал я об этом человеке обратного — грязного, подлого, не подтверждающего защитные обоснования шпиона.

Я думаю, тут сработала генетическая память страха за содеянные преступления, и надо было как-то отскребаться. Синдром искусственного идиотизма не подействовал на следователей.

Они действовали в одном направлении — добиться того, чтобы подследственный неторопливо развертывал картину ми-

нующих событий, воссоздавая фактическую основу совершенного им зла, объективно, без эмоциональной окраски событий. Он двигался в другом русле — ему хотелось выставить себя путем ухода от истины жертвой политических обстоятельств, толкнувших его на борьбу с тоталитарным режимом.

Следователи своего добились, он — нет, и не потому, что таким клиентам не доверяют, — ложь ему постоянно подставляла подножки.

Глава 18

Суд над шпионом и приговор

Давно, еще в начале XIII столетия, итальянский писатель Николо Уго Фосколо изрек один примечательный афоризм: «Когда исчезает суд совести, обществу остается суд, в котором председательствуют тюремщик и палач».

О суде совести не могло быть и речи, потому что эта самая совесть у подсудимого отсутствовала, он ее выбросил за ненадобностью, поэтому общество прибегло к праведному суду.

На скамье Позора сидел согбенный, постаревший сразу лет на десять и осунувшийся до неузнаваемости в серой арестантской униформе человечиска. Это был вор секретов — «крот» или «оборотень» Отчизны, ее предатель — бывший сотрудник центрального аппарата Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-майор в отставке Поляков Дмитрий Федорович.

Судила шпиона Военная коллегия Верховного суда СССР — судила за измену Родине в форме шпионажа в пользу США.

На судебном процессе он сразу включился в борьбу за жизнь, смысл которой по мере осознания содеянного плавился, как воск на солнце. Трудно было узнать в нем недавнего энергичного, подвижного, как ртуть, генерала, словоохотливого на охотничьи и рыбацкие побасенки говоруна.

На вопрос государственного обвинителя — военного прокурора, что его, офицера-фронтовика, толкнуло на предательство, Поляков, позабыв об откровениях на следствии и в беседах с со-

камерниками, заученно ответил: неприязнь к существовавшему строю и социал-демократическая ориентация моей личности.

Зная, что в это время генсек Горбачев уже заявлял о своей приверженности социал-демократическим принципам словами и делами, шпион рассчитывал на снисхождение, направив процесс в сторону политического русла, — дескать, смотрите, граждане судьи, я рассуждаю так же, как и Генеральный секретарь правящей в стране партии коммунистов.

Но материалы следственного дела высветили совершенно иную картину: Поляков пошел на предательство в основном из-за материальных, корыстных соображений. Принимая сначала деньги, а потом дорогостоящие подарки, он как разведчик прекрасно понимал, что это плата за преданных коллег и проданные секреты страны, сделавшей его разведчиком и направившей на боевое задание за рубеж.

«Бурбон» же передал заокеанским хозяевам все, что знал и что мог узнать, используя свое высокое служебное положение. Вот лишь незначительная часть шпионского товара, полученного ЦРУ от своего агента:

- данные об организационной структуре Генштаба, ГРУ и других управлений ВС СССР;

- о личном составе разведывательных аппаратов ГРУ в США, в Бирме, в Индии;

- о наших разведчиках-нелегалах в США, методах их подготовки и способах поддержания с ними связи;

- о составе агентурных сетей разведаппаратов ГРУ в странах его пребывания;

- материалы оперативной переписки за период его нахождения в Бирме и Индии;

- учебники «Стратегическая разведка», «Оперативная разведка» с грифом «Совершенно секретно особой важности» и многое другое.

Кроме того, он передал ЦРУ перечень интересов советской научно-технической разведки и данные о советско-китайских отношениях, сведения о новых противотанковых ракетах, поступивших на вооружение частей Советской Армии.

Именно выданная информация через несколько лет помогла

американцам успешно бороться с этим оружием, когда оно было использовано Ираком во время военной операции «Янки в Персидском заливе «Буря в пустыне» в 1991 году.

На суде было также установлено, что подсудимый передал США более 100 выпусков секретного периодического журнала «Военная мысль», издаваемого Генеральным штабом ВС СССР.

Поляков выдал 19 нелегалов, более 150 агентов из числа иностранных граждан, раскрыл принадлежность к советской военной и внешней разведке 1500 офицеров...

Не случайно бывший шеф ЦРУ Д. Вулси так отозвался о разоблаченном генерале: «Из всех секретных агентов США, завербованных в ходе «холодной войны», Поляков был драгоценным камнем в короне».

Другой директор ЦРУ, Р. Гейс, при президенте Буше-старшем отмечал, что переданные агентом «Бурбоном» документы внесли ясность в вопрос использования вооруженных сил в случае войны. Они помогли сделать однозначный вывод о том, что представители советского военного командования не считают возможной победу в ядерной сшибке, а поэтому политическое руководство СССР все делает для того, чтобы избежать войны.

Спустя некоторое время ЦРУ признает факт сотрудничества с Поляковым, заявив, что он намного превосходил по своему значению всех остальных предателей из ГРУ ГШ ВС СССР — Попова, Пеньковского, Сметанина, Филатова, Васильева, Иванова и других «оборотней» в разведке.

Переданная им информация и фотокопии секретных документов составляют 25 ящиков в досье штаб-квартиры ЦРУ. Эту точку зрения поддержал и другой «колоритный» предатель ГРУ, Чернов, заявивший как-то, уже после того, как его выпустил из тюрьмы «гарант Конституции» Ельцин: «Поляков — это звезда. А Пеньковский так себе...»

А что же сам Поляков рассказывал о себе на суде? Автор этих строк, присутствовавший на процессе и знавший все перипетии дела «Дипломата» — «Бурбона», совсем не был поражен вихлянием в показаниях и словесной эквилибристикой разоблаченного шпиона. Сидящий со мной коллега вдруг продекламировал:

Каждый выбирает для себя
Женщину, работу и молитву,
И друзей по детству среди ребят,
И свою с несправедностью битву...

Его «с несправедностью битва» была построена на крови, слезах, корысти и предательстве.

И вот что я подумал: ведь эти поэтические строки были больше чем актуальными в тот момент поиска истины на процессе.

Поляков признавался в своем политическом перерождении, во враждебном отношении к выпестовавшей его стране и в то же время не скрывал и личной корысти при установлении преступной связи с ФБР и ЦРУ.

О мотивах своего предательства он сказал на суде:

«Моя вера в демократизм и справедливость социалистического общества пошатнулась. Я понимаю, что это стало возможным в результате определенного влияния буржуазной пропаганды...

Мне противны были хрущевские бредни, его выходки, его бескультурие... Я решил принять личное участие в противодействии предпринимаемым советским руководством акциям на международной арене и, как следствие, решил обратиться к американцам с предложением своих услуг...

Я при этом отчетливо понимал, что мое сотрудничество с американцами нанесет... ущерб государственной безопасности и обороноспособности страны в целом...»

Однако на следствии он был более пафосным и героичным в оценке своего поведения и роли как разведчика. Там были другие пояснения:

«В основе моего предательства лежало как мое стремление где-нибудь открыто высказывать свои взгляды и сомнения, так и качества моего характера — постоянное стремление к работе за гранью риска. И чем больше становилась опасность, тем интереснее становилась моя жизнь... Я привык ходить по острию ножа и не мыслил себе другой жизни».

Не правда ли, красиво, мужественно, что-то даже в стиле Джеймса Бонда? Но то, как тянулся он за тридцатью сребрениками, как кланчил подарки, как боялся работать в Москве — страх

перед чекистами его буквально сковывал, — как отправлял на эшафот своих коллег, как сливал из меркантильных соображений секреты противнику, никак не вязалось ни с его политической ориентацией, ни с достоинствами агента «007».

Здесь видно не прикрытое шапочкой с прорезьями для глаз мурло привычного офени с мешком наворованной режимной информации, которую нужно было подороже продать — только и всего.

Подсудимого все время заносило в область политики — это были его стратегия и тактика поведения на процессе. Но суд постепенно, факт за фактом распутывал клубок противоречий в показаниях, идя по пути объективного освещения содеянного преступником...

Накануне объявления приговора он в камере болтает с сокамерником о жизни, пролетевшей как один миг. Уставившись в зарешеченное окошко, он ощутил вдруг прилив воспоминаний, ярких и четких, подобных сновидениям. Такие чувства, смешанные со сгустками галлюцинаций, появляются у человека, как читал он когда-то в одном из американских журналов, перед уходом из жизни.

Сокамерник ему сказал такую фразу:

«Знаете, Дмитрий Федорович, когда человек несчастлив, он становится нравственным».

Поляков вздрогнул...

В красочном калейдоскопе прошедших событий вдруг возникли поразительно четкие, живые картинки. В голографическом, объемном измерении проплывали суровые реалии фронтового ада, послевоенной службы, а затем годы учебы. Промелькнули счастливые будни заграничной сытой жизни, растянувшейся на целых 15 лет.

И вот судьей Военной коллегии Верховного суда зачитывается приговор... Именем Союза Советских Социалистических Республик Поляков Дмитрий Федорович приговаривается (идет перечисление его злодеяний) к высшей мере наказания — расстрелу.

Запоздалое возмездие наступило...

Но мне захотелось остановиться на реакции Полякова по поводу молчания его недавних хозяев, пока он находился под арестом. Он был, как вы помните (описывалось выше), естественно, недоволен и даже возмущен поведением американцев. И все же о нем вспомнили, но не правительственные, тем более не цз-зрушные чиновники. Для них он был уже отработанным, утильным материалом, пеплом. О Полякове вспомнил почему-то член Европейского парламента консерватор лорд Беттелл, который неоднократно, но безуспешно поднимал вопрос, думаю, по научению ЦРУ, об агенте ФБР «Топ-Хэте» в Комитете по правам человека этой международной организации.

Наконец 13 сентября 1990 года лорд получил сообщение от советского посла в Европейском сообществе Владимира Шемла-тенкова, в котором лаконично говорилось:

«Я хотел бы проинформировать Вас о том, что, согласно официальному ответу из Верховного суда СССР, Поляков был приговорен к высшей мере наказания по обвинению в шпионаже и нарушении таможенного законодательства.

4 марта 1988 года его просьба о помиловании была отклонена Президиумом Верховного Совета СССР.

Приговор приведен в исполнение 15 марта 1988 года».

Следует заметить, что после суда возникла одна интрига. Военные контрразведчики считали, что Поляков выложил не всю информацию оперативникам, следователям и судьям и может еще многое «вспомнить». Именно нераскрытое уберезет в дальнейшем от провалов некоторых агентов военной разведки и даст возможность с учетом показаний разоблаченного предателя организовать более продуктивную работу на каналах вероятного проникновения вражеской агентуры в подразделения Генштаба.

Для этой цели чекистами была подготовлена мотивированная записка на имя Генерального секретаря ЦК КПСС с одной просьбой — не лишать Полякова жизни. Горбачев долго не думал об этой удивительной просьбе — он отказал в ходатайстве оперативникам.

Подобным образом поступил и Хрущев в отношении шпиона

Пеньковского. Два сапога — пара, бесцеремонно потоптавших страну и ставших в последующем разрушителями Отечества.

Вот так закончился процесс века над «коронованным» американцами шпионом и презренным предателем своего Отечества.

Глава 19

Судьба выжатого лимона

Как известно, паучья борьба в цээршной банке была жесткой, если не говорить, жестокой. Равнодушие к перебежчикам из социалистического лагеря, особенно из СССР, чем-то напоминало безразличие к судьбам отработанной своей агентуры. Это в почерке богатой американской спецслужбы есть, и никуда от этого не деться. Наплевательское отношение к своим бывшим «друзьям» являлось некой доминантой — важнейшей составляющей в работе разведки США.

После прибытия в Соединенные Штаты Голицына и дискредитации Носенко Энглтон, как писал Мэнголд, практически получил право вето в сфере работы с перебежчиками. Без его одобрения никакие материалы, полученные от перебежчиков, всерьез не принимались.

В чисто человеческом плане заблуждения начальника контрразведки ЦРУ в отношении Полякова оказались фатальными.

«Этот агент ЦРУ был бы до сих пор жив, — писал Мэнголд, — если бы не допущенные Энглтоном ошибки во время работы ЦРУ с этим источником, и особенно после того, как Энглтон ушел в отставку».

Вернее было бы сказать — после того, как был практически изгнан с контрразведывательной службы в ЦРУ.

К 1978 году Энглтон, глубоко уязвленный тем, как бесцеремонно его уволили, уже три года был не у дел. Он все чаще стал заглядывать в бутылку, постепенно спиваясь. Главный контрразведчик разведки нередко жаловался друзьям, которых у него, как и у каждого человека, было так немного при таких оборотах жизни. Он продолжал считать, что был прав в оценке коварного дезинформационного плана КГБ, который осуществляли проникшие в ЦРУ и ФБР агенты Кремля. Надо сказать, что годы нис-

сколько не изгладили в нем тревоги за безопасность американской разведки. Многие коллеги отвернулись от него.

В обстановке изоляции и вполне понятной озлобленности он стал все чаще встречаться с писателями и журналистами. Он хотел, чтобы его слушали и могли донести его аргументы и взгляды на эту проблему до других людей и вообще до широкой американской аудитории.

Всех перебежчиков после Носенко, в том числе и инициативника Полякова, он продолжал считать подставой КГБ — то есть врагами Америки.

Именно в этот момент сведения о Полякове, который еще действовал как американский агент в советском Генштабе, просочились в печать. Фамилия, конечно, названа не была, но по косвенным признакам можно было вычислить его.

Первый намек на Полякова появился 27 февраля 1978 года в журнале «Нью-Йоркер» в статье Эдвара Эпштейна. Он в ней не упоминал никакой конкретики, но назвал имя Федоры, которого он, как и его друг Энглтон, считал агентом-дезинформатором. В статье он упомянул о существовании еще двух советских агентов, работавших на ФБР и ЦРУ.

24 апреля 1978 года опять в журнале «Нью-Йоркер» публикуется анонимная заметка о бегстве к американцам высокопоставленного советского чиновника ООН Аркадия Шевченко, через которого автор вправе ожидать ответа на вопросы, действительно ли Федора, Носенко и еще один тайный агент ФБР в русской миссии при ООН «Топ-Хэт» — подставы КГБ.

Упоминание об агенте с псевдонимом «Топ-Хэт» создало реальную угрозу Полякову.

Как пишет Мэнголд: «Единственной причиной подобного сознательного предательства действующего агента ЦРУ стало фанатичное стремление фундаменталистов укрепить свои пошатнувшиеся позиции относительно фальшивости всех советских перебежчиков. Однако публичная огласка этого профессионального спора означала, что жизнь Полякова превратилась в главную ставку в этой русской рулетке.

Если фундаменталисты окажутся правы в утверждениях, что Поляков и другие советские перебежчики были липовыми, то не

будет преувеличением сказать, что КГБ годами водил ЦРУ и ФБР за нос.

Эпштейна, как журналиста, нельзя винить за то, что он использовал сообщенную ему информацию для того, чтобы привлечь внимание общественности к этому исключительно важному вопросу.

Тем не менее Эпштейн, как патриот, многим рисковал, — если его публикация была ошибочной, это означало, что его источники послали американского агента на верную смерть. Дело обстояло именно так».

Как уже отмечалось выше, после такого журнального откровения работа по Полякову пошла веселее. Совершенно под другим углом зрения оперативниками стали рассматриваться некоторые сомнительные в оценках его поступки и действия. Стали постепенно развязываться туго затянутые узлы недоказанности. Находились ответы на вопросы о его «официальных» контактах с американскими дипломатами и установленными разведчиками, прикрытыми «крышевыми» должностями.

Вот как об этом говорит Мэнголд: «Теперь мы знаем, что, как только появилась эта публикация, КГБ немедленно начал расследование с целью установления личности агента, скрывавшегося за псевдонимом «Топ-Хэт». Теперь нам известны и результаты этой работы. Советы раскрыли их только через 12 лет. 14 января 1990 года в газете «Правда» появилась статья под заголовком:

«БЫВШИЙ ДИПЛОМАТ БЫЛ ШПИОНОМ США.

ПРИГОВОР — РАССТРЕЛ.

КРУПНЫЙ АМЕРИКАНСКИЙ АГЕНТ ПРЕДСТАЛ ПЕРЕД СУДОМ.

ОРГАНЫ КГБ ОБЕЗВРЕДИЛИ ОПАСНОГО ШПИОНА».

И далее автор книги «Цепной пес «холодной войны» Том Мэнголд спрашивает: так кто же выдал Полякова Эпштейну и, естественно, журналу «Нью-йоркер» в 1978 году и почему?

Подозрение опять же падает на Энглтона и его единомышленников, считавших Полякова подосланным перебежчиком. Но

западная пресса вину бывшего шефа внешней контрразведки ЦРУ делит с заместителем директора ФБР в отставке и другом Энглтона Уильямом Селливаном. Дело в том, что последний возненавидел своего шефа Гувера за то, что тот не назначил его своим преемником. Эта ссора завершилась в 1971 году увольнением Селливана и отправкой на пенсию. Он этого шага не ожидал. Находясь в отставке, он охотно критиковал политику своего шефа, смело общался с журналистами и встречался с Эпштейном, которому тоже рассказывал некоторые подробности об агенте из числа советских сотрудников в ООН под кличкой «Топ-Хэт».

Спросить у Селливана, кто санкционировал утечку информации о русском агенте, уже нельзя. В ноябре 1977 года, за четыре месяца до выхода книги Эпштейна, заместитель Гувера Селливан погиб на охоте при загадочных обстоятельствах. Ходили слухи, что его «случайно» застрелил один из охотников.

Какая разница, если такое случилось, значит, это кому-то было выгодно и надо, несмотря на неписанные правила в разведке и контрразведке — агентов надо беречь. Здесь мы увидели обратное — с выжатым лимоном не церемонятся. С такими фруктами автору приходилось встречаться нередко в ходе ознакомления с методами работы ЦРУ, но о них — в других повествованиях.

Послесловие

Итак, определилась судьба шпиона, вернее, он сам распорядился своими авторитетом, положением семьи и личной жизнью. Предательство во все времена оценивалось любым обществом как самое гнусное преступление.

Написанное о шпионе Полякове — результат личного участия в разработке «Бурбона», наблюдений за его преступной деятельностью и обработка собранных материалов из открытых источников информации, написанных книг, статей в газетах и журналах.

Цель обращения к этой теме одна — показать, что в любом подлом деле «сколько веревочке ни виться, а концу быть». Как

Полякова оберегали спецслужбы США, какую супертехнику ему всучивали. Но пришел конец его наслаждениям и страхам. Он был разоблачен и изобличен. Жалко только, что эта многолетняя заноза была вытащена слишком поздно. Главное — вытащена! Автор гордится своими коллегами, которые совершили этот акт запоздалого возмездия.

Высокий профессионализм, выдержку, законность в деле разработки матерого шпиона проявили оперативники — шахтеры чекистского ремесла: Алексей Бганцов, Сергей Безрученков, Николай Кожуханцев, Николай Михайлюков, Алексей Моляков, Сергей Цветков, Иван Хорьков и ряд других, ставших сегодня заслуженными ветеранами органов госбезопасности страны, которую мы потеряли.

В народе говорится, что есть два способа скользить по жизни легко: либо верить во все, либо во всем сомневаться.

Мои коллеги жили долгом честной службы Отечеству, честью были венчаны, горели вдумчивой работой, не скользя по жизни.

Думается, на скрижалях побед будут выбиты новые имена нынешних участников борьбы со шпионажем — оперативников департамента военной контрразведки ФСБ РФ.

Верю в счастливую будущность Великой России!

Анатолий Терещенко

НАСЛЕДНИКИ СМЕРША

Охота на американских «кротов» в ГРУ

Редактор *С. Чертопруд*
Художественный редактор *П. Волков*
Технический редактор *В. Кулагина*
Компьютерная верстка *Г. Ключкова*
Корректор *Е. Самолегова*

ООО «Издательство «Яуза»
109507, Москва, Самаркандский б-р, д. 15

Для корреспонденции: 127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5
Тел.: (495) 745-58-23

ООО «Издательство «Эксмо»
127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.
Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать с готовых диапозитивов 10.11.2009.
Формат 84x108 ¹/₃₂. Гарнитура «Гелиос». Печать офсетная.
Бумага тип. Усл. печ. л. 26,88.
Тираж 4000 экз. Заказ № 9205.

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК
«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

ISBN 978-5-699-35551-8

9 785699 355518 >

«СМЕРТЬ ШПИОНАМ!»

История легендарного СМЕРШа, по праву считающегося лучшей военной контрразведкой в мире, не закончилась в 1946 году, когда ГУКР «Смерть шпионам!» было официально расформировано, — ветераны этого грозного ведомства и их молодые коллеги, сотрудники Третьего управления и Особых отделов КГБ, продолжили тайную войну против нового противника — спецслужб США. В последующие годы нашим военным чекистам удалось нейтрализовать и обезвредить фактически всех американских «кротов» в ГРУ.

Автор этой книги, ветеран военной контрразведки, лично участвовал в операциях по разоблачению кадровых сотрудников ГРУ, вставших на путь предательства, и в своем уникальном исследовании подробно и точно, в мельчайших деталях, рассказал об этой сложнейшей работе, многие нюансы которой рассекречены лишь теперь. Здесь впервые раскрыты подробности охоты на главного американского «крота» — агента «Бурбона», генерал-майора ГРУ Д.М. Полякова, который сотрудничал с ЦРУ более четверти века, но в конце концов был разоблачен нашей контрразведкой, задержан, осужден и расстрелян.

Наследники СМЕРШа

Охота на американских «кротов» в ГРУ

ISBN 978-5-699-35551-8

9 785699 355518 >